В. Бартольдъ.

ИСТОРІЯ ИЗУЧЕНІЯ ВОСТОКА ВЪ ЕВРОПѢ И ВЪ РОССІИ.

ЛЕКЦІИ,
читанныя въ Имп. С.-Петербургскомъ Университетѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 л., 28.
1911.

4214

Напечатано по опредѣленію Факультета Восточныхъ языковъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Деканъ *В. Жуковскій.*

17 декабря 1910 г.

Въ настоящей книгѣ воспроизведено содержаніе годичнаго университетскаго курса, читаемаго мною для студентовъ факультета восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета съ 1905 г. Для лицъ, незнакомыхъ съ исторіей преподаванія на факультетѣ, позволяю себѣ привести здѣсь нѣкоторыя данныя о происхожденіи и задачахъ этого курса.

До университетскаго устава 1863 г. среди каѳедръ факультета (учрежденнаго въ 1854 г.) не было каѳедры исторіи Востока [1]). Въ 1856 г. факультетомъ даже было высказано мнѣніе, что для учрежденія такой каѳедры еще не наступило время, такъ какъ „изслѣдованіе Востока представляетъ еще фактовъ слишкомъ мало для того, чтобы они могли наполнить собою цѣлую отдѣльную науку“ [2]). Мнѣніе факультета скоро измѣнилось; при обсужденіи проекта новаго университетскаго устава самъ факультетъ указывалъ на необходимость учредить каѳедру исторіи Востока и этимъ расширить историческое преподаваніе на факультетѣ, такъ какъ „основательное знакомство съ какимъ-либо азіатскимъ языкомъ невозможно безъ изученія исторіи той расы, къ которой принадлежитъ племя, говорящее этимъ языкомъ“ [3]). Изъ этого довода видно, что и въ то время въ изученіи исторіи

---

[1]) На историко-филологическомъ факультетѣ, насколько мнѣ извѣстно, до настоящаго времени, за немногими исключеніями (такъ покойный В. Г. Васильевскій въ концѣ 80-хъ годовъ знакомилъ своихъ слушателей съ исторіей ислама), читались лекціи только по исторіи древняго Востока. Еще въ 1865 г. въ Харьковѣ былъ изданъ курсъ проф. А. Рославскаго-Петровскаго, посвященный этому предмету.

[2]) Матеріалы для исторіи фак. Вост. яз., I, 387.

[3]) Ibid., I, 381.

Востока видѣли только средство къ болѣе основательному изученію языковъ. Такому взгляду соотвѣтствовала и та организація преподаванія новаго предмета, которая въ полномъ согласіи съ факультетскимъ проектомъ была намѣчена уставомъ: предполагалось распредѣлить преподаваніе между тремя лицами, соотвѣтственно тремъ главнымъ „историческимъ расамъ“ Азіи: семитической, монгольской и арійской. Такое же дѣленіе исторіи Востока было принято въ 1864 г., когда были выработаны программы испытанія на степень магистра.

Факультету не удалось полностью осуществить свои предположенія; „исторія арійскихъ народовъ“ преподавалась только короткое время (1868—1873), исторія семитическихъ народовъ не преподавалась вовсе, хотя были попытки подготовить молодыхъ ученыхъ для преподаванія этого предмета. Представителями каѳедры съ 1863 г. до настоящаго времени всегда были спеціалисты по исторіи средней (или, по терминологіи устава и магистерскихъ программъ, сѣверо-восточной) Азіи, которымъ, помимо преподаванія своей спеціальности, приходилось брать на себя и болѣе трудную задачу чтенія „общаго курса“ или „общаго введенія“.

Первымъ представителемъ каѳедры, проф. Григорьевымъ, была выработана въ 1864 г. слѣдующая схема „общаго введенія“: 1) географія Азіи, какъ „сцена, на которой разыгрывалась драма азіатскаго человѣчества“; 2) типическія особенности „актеровъ этой драмы“—народовъ и племенъ Востока; 3) судьба тѣхъ же народовъ и племенъ въ доисторическія времена; 4) „скелетъ политической исторіи Востока“ — изложеніе исторіи восточныхъ государствъ, съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, „въ самомъ краткомъ очеркѣ“; 5) религіи Востока, отъ шаманизма, какъ „общей религіи первобытныхъ народовъ“, до ислама, „которимъ закончилась религіозная производительность азіатскаго духа“ [1]).

Программа „общаго введенія“ также не была осуществлена полностью. Въ печатныхъ обозрѣніяхъ преподаванія, начиная

[1]) Н. И. Веселовскій, В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ, Спб. 1887, стр. 234 и слѣд.

съ 1869 г., мы уже не находимъ ни „скелета политической исторіи Востока“, ни обзора возникшихъ въ Азіи религій; нѣтъ даже указаній на то, чтобы проф. Григорьевымъ когда-либо была сдѣлана попытка осуществить на дѣлѣ эти пункты своей программы. Въ остальномъ порядокъ изложенія оставался тотъ же, который былъ намѣченъ въ 1864 г.; преподаватель послѣдовательно знакомилъ своихъ слушателей съ данными по географіи, этнографіи и до-исторической археологіи Азіи (въ связи съ древними народными преданіями); только изложенію географіи предшествовало „разъясненіе задачъ исторіи“, какъ науки. Въ нѣкоторыхъ программахъ упоминается еще (передъ „орографическимъ и гидрографическимъ обозрѣніемъ Азійскаго материка“) „историческое обозрѣніе постепеннаго ознакомленія европейцевъ съ географіею и этнографіею Азіи“. Въ большей части программъ семидесятыхъ годовъ [1]) географія отдѣльно отъ этнографіи не упоминается; за „разъясненіемъ задачъ исторіи“ слѣдуетъ „этнографическій очеркъ Азіи, предшествуемый обозрѣніемъ задачъ и успѣховъ этнологіи въ Европѣ“.

Насколько мнѣ извѣстно, во всѣхъ этихъ случаяхъ измѣнялись только названія отдѣловъ курса; содержаніе „общаго введенія“ оставалось неизмѣннымъ. Введеніе читалось въ теченіе одного учебнаго года (для студентовъ 1-го курса), по одной лекціи въ недѣлю. Большая часть этого времени посвящалась исторіи ознакомленія европейцевъ съ Азіей, главнымъ образомъ обзору путешествій въ азіатскія страны съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго; этотъ же обзоръ, при которомъ естественно приходилось касаться географическихъ и этнографическихъ особенностей каждой страны, замѣнялъ собою связное изложеніе географіи и этнографіи Азіи [2]). Въ русской печати еще раньше

[1]) Такія программы мы находимъ въ обозрѣніяхъ преподаванія за учебные годы 1871—72, 1872—73, 1875—76, 1876—77 и 1877—78 (послѣдній годъ преподавательской дѣятельности проф. Григорьева).

[2]) Какъ мнѣ сообщилъ Н. И. Веселовскій, проф. Григорьевъ и въ тѣ годы, когда въ программѣ его чтеній „орографическое и гидрографическое обозрѣніе Азійскаго материка“ упоминается отдѣльно отъ исторіи „постепеннаго ознакомленія европейцевъ“ съ Азіею, фактически сообщалъ студентамъ свѣдѣнія по физической географіи Азіи только въ связи съ обзоромъ путешествій.

появлялись попытки такихъ обзоровъ европейскихъ и русскихъ путешествій въ Азію. Сюда относятся статьи: д-ра Кемтца „Объ успѣхахъ землевѣдѣнія съ первой половины XVIII столѣтія“ (Карм. книжка для любителей землевѣдѣнія, издав. отъ Русск. Геогр. Общ., Спб. 1848, стр. 5—157), П. С. Савельева „Средняя Азія, I. Обозрѣніе географическихъ открытій и путешествій, совершенныхъ въ средней части Азіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ“ (ibid., стр. 239—278), „Азія“ въ Библ. для чтенія, т. CXXVII, отд. III и IV, стр. 153 и слѣд., И. Жуковскаго тамъ же, т. CXXVIII, отд. III и IV, стр. 225—306.

Съ 1878 г. чтеніе этого курса перешло къ преемнику проф. Григорьева, проф. Н. И. Веселовскому. Въ обозрѣніяхъ преподаванія 1878—84 гг. этотъ курсъ названъ „географическимъ и этнографическимъ обозрѣніемъ Азіи“; впослѣдствіи это названіе было замѣнено другимъ: „обзоръ путешествій въ Азію“. И въ этомъ случаѣ измѣненіе названія не обозначало собою измѣненія содержанія курса. Свѣдѣнія по географіи и этнографіи Азіи (вслѣдъ за краткимъ вступленіемъ о задачахъ исторіи вообще и исторіи Востока въ частности) сообщались съ самаго начала въ связи съ исторіей постепеннаго расширенія географическаго кругозора европейцевъ благодаря ознакомленію съ новыми странами. Проф. Веселовскій находилъ, что чтеніе связныхъ курсовъ по географіи, этнографіи или исторіи Востока для студентовъ, еще незнакомыхъ ни съ восточными языками, ни съ памятниками восточныхъ литературъ, едва ли было бы цѣлесообразно. Если оставалось время, сообщались краткія свѣдѣнія о дѣленіи азіатскихъ народовъ по расамъ, племенамъ и языкамъ. Первоначально въ этотъ курсъ входило также изложеніе свѣдѣній по до-исторической археологіи Азіи, но отъ этой части выработанной проф. Григорьевымъ программы проф. Веселовскій скоро отказался. Въ тотъ годъ (1887—8), когда слушателемъ этого курса былъ пишущій эти строки, изложеніе свѣдѣній о лингвистической группировкѣ азіатскихъ народовъ предшествовало обзору путешествій. Министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1886 г. былъ возбужденъ вопросъ о замѣнѣ курса проф. Веселовскаго, который „ближе подходитъ къ свѣдѣніямъ изъ исторической

географіи“, другимъ, гдѣ излагалась бы „исторія восточныхъ народовъ въ общей связи“, причемъ изложенію „исторіи каждаго отдѣльнаго народа удѣлялось бы лишь столько мѣста, сколько необходимо для уразумѣнія общаго хода событій и степени участія въ нихъ отдѣльныхъ народовъ“ [1]). Факультетъ призналъ это предложеніе министерства невыполнимымъ.

Съ 1905 г. чтеніе большей части обязательныхъ лекцій для студентовъ 1-го курса перешло ко мнѣ. Тотъ типъ общаго введенія, который былъ выработанъ моими предшественниками, кажется и мнѣ единственно цѣлесообразнымъ. Исторія Востока, какъ наука, по всей вѣроятности, еще не скоро достигнетъ той степени развитія, при которой было бы возможно сообщать свѣдѣнія объ „общемъ ходѣ событій и степени участія въ нихъ отдѣльныхъ народовъ“ безъ изученія отдѣльныхъ вопросовъ по первоисточникамъ. При современномъ состояніи науки не только исторія Востока въ цѣломъ, но и исторія одного только мусульманскаго міра (чтенія такого курса требовало министерство въ 1893 и 1895 гг.) не можетъ преподаваться однимъ человѣкомъ безъ нарушенія основныхъ требованій, предъявляемыхъ къ университетскому преподаванію.

Принявъ на себя чтеніе общаго курса исторіи Востока, я ограничился увеличеніемъ числа лекцій, посвященныхъ этому курсу (двѣ лекціи вмѣсто одной), и нѣкоторымъ расширеніемъ программы, чтобы для студентовъ яснѣе была связь между расширеніемъ географическихъ познаній европейцевъ, посредствомъ ознакомленія съ отдѣльными странами, и успѣхами востоковѣдѣнія, какъ науки; въ то же время я старался выяснить своимъ слушателямъ, какъ и по какимъ причинамъ измѣнялись взгляды европейцевъ на Востокъ вообще и на настоящее и прошлое отдѣльныхъ восточныхъ народовъ, въ какой степени на успѣхахъ отдѣльныхъ отраслей востоковѣдѣнія отражались общіе успѣхи европейской научной мысли и установленіе требованій, предъявляемыхъ теперь ко всякимъ научнымъ работамъ, безъ различія спеціальности. Какой бы отраслью востоковѣдѣнія или какой бы

---

[1]) Матеріалы для исторіи факультета, II, 149.

страной Востока ни интересовался студентъ, для него едва ли безполезно въ теченіе перваго года своего пребыванія въ университетѣ получить нѣкоторыя свѣдѣнія объ исторіи изученія Востока вообще и о томъ, какое мѣсто въ этой общей научной работѣ занимаютъ успѣхи, достигнутые изслѣдователями данной части азіатскаго материка. Успѣхи, достигнутые одной отраслью востоковѣдѣнія, могутъ быть поучительны и для другихъ; работы, имѣвшія цѣлью изученіе какой-нибудь одной страны, могутъ иногда служить образцомъ для изслѣдованій, производимыхъ въ другихъ частяхъ Азіи.

Нельзя отрицать, что и на такомъ „общемъ введеніи" до нѣкоторой степени должны отражаться недостатки всѣхъ тѣхъ университетскихъ курсовъ, гдѣ преподаватель вынужденъ касаться вопросовъ, не составляющихъ предмета его спеціальнаго изученія. По мѣрѣ развитія спеціализаціи въ области востоковѣдѣнія вообще и исторіи Востока въ частности, по мѣрѣ успѣховъ изученія исторіи отдѣльныхъ странъ и народовъ чтеніе такого курса, предназначеннаго для студентовъ факультета безъ различія спеціальности, можетъ быть, будетъ признано излишнимъ; уже теперь онъ исключенъ (съ 1906 г.) изъ программы двухъ разрядовъ факультета, разряда еврейско-арабско-сирійскаго и разряда армяно-грузинской филологіи. Чѣмъ болѣе будетъ развиваться изученіе отдѣльныхъ отраслей исторіи Востока, какъ въ смыслѣ приведенія въ извѣстность фактическаго матеріала, такъ въ особенности въ смыслѣ примѣненія требованій исторической методологіи, тѣмъ менѣе будетъ необходимо знакомить студентовъ, посвятившихъ себя изученію одной отрасли, съ успѣхами, достигнутыми при изученіи другой. Каѳедра исторіи Востока не утратитъ своего значенія, но преподаваніе будетъ организовано на иныхъ началахъ, для чего, конечно, необходимо, чтобы эта каѳедра, подобно каѳедрѣ всеобщей исторіи на историко-филологическомъ факультетѣ, имѣла нѣсколькихъ равноправныхъ представителей. Едва ли это время наступитъ въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ.

Вопросъ объ изданіи въ свѣтъ печатныхъ общихъ курсовъ представляется еще болѣе спорнымъ, чѣмъ вопросъ о чтеніи

такихъ курсовъ съ каѳедры. Съ развитіемъ науки назначеніе лекцій постепенно сводится къ тому, чтобы научить студентовъ пользоваться существующими пособіями, а не замѣнять имъ учебникъ. Бѣдность русской научной литературы не только въ области востоковѣдѣнія еще заставляетъ прибѣгать къ изданію такъ называемыхъ „пособій къ лекціямъ", причемъ для этой цѣли часто служатъ студенческія записки, за которыя преподаватель, давая разрѣшеніе на изданіе ихъ въ литографированномъ или печатномъ видѣ, конечно, не принимаетъ на себя полной отвѣтственности.

Съ первыхъ лѣтъ своей преподавательской дѣятельности я рѣшилъ издавать свои курсы только въ видѣ печатныхъ книгъ, поступающихъ въ продажу на общемъ основаніи и доступныхъ критикѣ. Каковы бы ни были недостатки такого курса, онъ полезенъ уже тѣмъ, что вноситъ въ университетское преподаваніе начало гласности и даетъ возможность какъ товарищамъ профессора, такъ и другимъ компетентнымъ ученымъ судить о характерѣ его лекцій [1]). Если настоящая книга сколько-нибудь удовлетворяетъ своей педагогической цѣли—быть руководствомъ для студентовъ, она, вѣроятно, окажется не совсѣмъ безполезной и для остальныхъ русскихъ читателей, интересующихся Востокомъ, особенно для тѣхъ, которымъ, вдали отъ научныхъ центровъ, трудно другимъ путемъ получить свѣдѣнія о литературѣ предмета.

Какъ видно уже изъ приведенныхъ выше данныхъ, общій планъ изложенія, принятый въ настоящей книгѣ, принадлежитъ не мнѣ, а моимъ предшественникамъ по каѳедрѣ. При чтеніи курса я могъ рекомендовать студентамъ, въ качествѣ пособія, только студенческое изданіе (1901 г., на правахъ рукописи) лекцій проф. Веселовскаго; для удобства слушателей я сохранялъ, съ незначительными измѣненіями, тотъ же порядокъ изложенія,

---

¹) Само собою разумѣется, что книга передаетъ, съ нѣкоторыми дополненіями и поправками, только *содержаніе* лекцій, но не форму изложенія. При чтеніи лекцій я имѣлъ передъ собой только краткій конспектъ; текстъ курса въ томъ видѣ, въ какомъ онъ теперь предлагается вниманію *читателей*, былъ всецѣло установленъ во время приготовленія книги къ печати, совершенно независимо отъ той формы, въ которой тѣ же свѣдѣнія первоначально были сообщены *слушателямъ*.

съ тѣмъ же дѣленіемъ на главы. Какъ курсъ вообще, такъ въ особенности приложенныя къ каждой главѣ библіографическія свѣдѣнія имѣютъ цѣлью только дать студенту нѣкоторое понятіе о состояніи отраслей востоковѣдѣнія, не составляющихъ предмета его спеціальныхъ занятій; отнюдь не имѣлось въ виду ознакомить его съ литературой предмета въ той степени, въ какой это можетъ быть сдѣлано только спеціалистомъ. Считаю долгомъ выразить свою искреннюю признательность тѣмъ спеціалистамъ, указаніями которыхъ я могъ воспользоваться. Кромѣ товарищей по каѳедрѣ, Н. И. Веселовскаго и А. Е. Любимова, я считаю себя особенно обязаннымъ С. Ѳ. Ольденбургу, любезно согласившемуся прочитать въ корректурныхъ листахъ главу X книги, въ особенности ту часть ея, гдѣ говорится объ изученіи Индіи и которая для цѣлей курса имѣетъ особенное значеніе: для изученія Индіи сдѣлано до настоящаго времени несравненно больше, чѣмъ для изученія другихъ странъ Востока, и успѣхи этой отрасли востоковѣдѣнія могутъ быть особенно поучительны для спеціалистовъ по другимъ отраслямъ. Указанія С. Ѳ. Ольденбурга дали мнѣ возможность внести въ текстъ этой главы существенныя дополненія и поправки. Полезными указаніями по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ я обязанъ А. И. Иванову, Б. Л. Модзалевскому и Ф. А. Розенбергу.

В. Бартольдъ.

Мартъ 1911 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

ГЛАВА I.

Исторія есть наука о прошломъ человѣка. Въ учебникахъ по методологіи исторіи обыкновенно дается болѣе пространное опредѣленіе исторіи, какъ науки; но въ этомъ едва ли есть необходимость, такъ какъ понятіемъ о „наукѣ" вообще вполнѣ опредѣляются и тѣ требованія, которымъ должно удовлетворять научное изученіе человѣческаго прошлаго.

Требованія, которымъ должна удовлетворять каждая отрасль знанія, чтобы быть признана наукой, слѣдующія: 1) признаніе закона причинности и установленіе причинной связи между отдѣльными фактами; 2) систематическое расположеніе фактовъ, въ зависимости отъ выяснившейся причинной связи между ними; 3) установленіе объективныхъ признаковъ достовѣрности фактовъ, вошедшихъ въ эту систему. Подчиненіе всѣхъ фактовъ закону причинности—аксіома, на которой основано всякое логическое мышленіе; расположеніе фактовъ въ систематическомъ порядкѣ, на основаніи нѣсколькихъ руководящихъ принциповъ — необходимое условіе всякаго отчетливаго знанія [1]); установленіе объективныхъ признаковъ достовѣрности факта необходимо для того, чтобы дать наукѣ ту основу, безъ которой выводы ученаго

[1]) Шопенгауеръ видѣлъ въ этомъ отношеніи различіе между исторіей и другими науками; историкъ, по его мнѣнію, можетъ распредѣлять факты только по времени ихъ совершенія, а не по ихъ содержанію. Группировка историческихъ фактовъ по инымъ признакамъ, съ тѣмъ, чтобы этими признаками опредѣлялись всѣ частные факты, вошедшіе въ какую-нибудь группу, казалась Шопенгауеру невозможной. Исходя изъ такого взгляда, онъ былъ вполнѣ послѣдователенъ, когда отказывался признать исторію наукой.

остаются только его личными мнѣніями, не имѣющими никакой обязательной силы для другихъ. Подобно представителямъ другихъ спеціальностей, историкъ изъ общей массы фактовъ, находящихся въ его распоряженіи, выдѣляетъ тѣ, которые кажутся ему необходимыми для объясненія и систематическаго изложенія фактовъ въ ихъ совокупности, и достовѣрность которыхъ можетъ быть точно установлена. Принципіальнаго различія между исторіей и естественными науками въ этомъ отношеніи нѣтъ; ботаникъ и зоологъ также оставляютъ въ сторонѣ факты изъ жизни отдѣльныхъ особей, не имѣющіе отношенія къ жизни рода или вида; подобный пріемъ во всѣхъ отрасляхъ знанія составляетъ необходимое условіе отчетливаго, систематическаго изложенія. Если признавать исторію *наукой* о прошломъ человѣка, то нѣтъ необходимости прибавлять, что исторія разсматриваетъ факты этого прошлаго въ ихъ причинной связи и останавливается только на фактахъ, имѣвшихъ значеніе для жизни общественныхъ группъ.

Нерѣдко высказывалось мнѣніе, что предметъ исторіи составляютъ только тѣ факты, которые относятся къ жизни человѣка, какъ разумнаго, сознательнаго существа, а не къ его анатомическимъ и физіологическимъ свойствамъ. Такое ограниченіе не выдерживаетъ критики; историки всегда бывали вынуждены удѣлять свое вниманіе такимъ вопросамъ, какъ вопросы о происхожденіи человѣческихъ расъ, о результатахъ ихъ скрещиванія, о признакахъ вырожденія и т. п. Провести въ этомъ отношеніи границу между областью историка и областью естествоиспытателя едва ли возможно.

Указываютъ еще на другое различіе между исторіей и естествознаніемъ; предметъ естествознанія—жизнь рода или вида въ совокупности; предметъ исторіи—жизнь отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ. Но конечная цѣль исторической науки—выяснить ходъ всемірной исторіи, т.-е. прошлое всего человѣческаго рода; между конечными цѣлями естествоиспытателя и историка, такимъ образомъ, нѣтъ принципіальнаго различія, хотя исключительныя свойства человѣческой жизни заставляютъ историка итти къ своей цѣли особыми путями, отличными отъ путей естествоиспытателя. Только въ человѣческомъ мірѣ условія жизни отдѣльныхъ обществъ представляютъ картину постепеннаго развитія, доступнаго изученію; только ходъ жизни человѣческаго рода опредѣляется постепеннымъ сближеніемъ между собой все бо́льшаго числа отдѣльныхъ обществъ. Если бы человѣческія общества въ этомъ отношеніи не отличались отъ обществъ животныхъ, историку столь же мало приходилось бы останавливать свое вниманіе на жизни каждаго общества въ отдѣльности, какъ зоологу—на жизни отдѣльныхъ ульевъ и муравейниковъ.

Человѣчество ни на какой ступени своего развитія не могло быть равнодушно къ своему прошлому, какъ не могло быть равнодушно къ явленіямъ окружающей его природы. Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ о томъ, какъ слагались среди первобытнаго человѣчества разсказы о прошломъ и какое мѣсто занимали эти разсказы среди произведеній творчества первобытныхъ народовъ; достаточно сказать, что уже на очень раннихъ ступеняхъ развитія мы, рядомъ со случайными разсказчиками, видимъ классъ разсказчиковъ по призванію, отовсюду собирающихъ преданія о прошломъ; какъ знатоки преданій, они получаютъ извѣстность въ народѣ и приглашаются въ торжественныхъ случаяхъ, особенно при устройствѣ пировъ, для сообщенія своихъ разсказовъ многочисленной толпѣ слушателей. Обрабатываемыя разсказчиками для этой цѣли преданія получаютъ болѣе опредѣленный видъ и въ такомъ видѣ, безъ существенныхъ измѣненій, передаются слѣдующими разсказчиками. Чтобы усилить впечатлѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить усвоеніе всего разсказа, или только наиболѣе характерной части, разсказчикъ нерѣдко прибѣгаетъ къ формѣ мѣрной рѣчи (стиховъ) или къ такимъ пріемамъ, какъ созвучіе, аллитерація и т. п. Такіе разсказы для которыхъ въ наукѣ установился греческій терминъ „эпосъ“, до начала письменности являются единственными произведеніями исторической литературы. На этой ступени развитія для человѣка еще нѣтъ разницы между правдоподобнымъ и достовѣрнымъ, между свободнымъ творчествомъ художника и точными изслѣдованіями ученаго. Нѣтъ также науки, въ смыслѣ изученія фактовъ въ ихъ естественной причинной связи. Въ явленіяхъ природы человѣкъ видитъ проявленія дѣйствія стоящей внѣ міра силы, дружественной или враждебной человѣку; событія человѣческой жизни излагаются имъ сверхъ того съ точки зрѣнія свободы человѣческой воли и вытекающей отсюда отвѣтственности человѣка за свои поступки; та же сила, проявляющаяся въ природѣ, награждаетъ добрыхъ, караетъ злыхъ и надменныхъ. Стремленіе установить извѣстную послѣдовательность и закономѣрность фактовъ человѣческаго прошлаго проявляется только въ характерной чертѣ, свойственной эпическимъ преданіямъ едва ли не всѣхъ народовъ: картина прошлаго представляется разсказчику въ видѣ постепеннаго перехода отъ лучшаго къ худшему, постепеннаго упадка физическихъ и духовныхъ силъ человѣка.

Представленіе Гесіода о золотомъ, серебряномъ, мѣдномъ и желѣзномъ вѣкѣ повторяется, въ томъ или другомъ видѣ, въ самыхъ различныхъ странахъ. Эта черта вполнѣ объясняется тѣмъ, что носителями преданій вездѣ являлись представители старшихъ поколѣній, всегда находившіе, что въ старину люди были лучше, чѣмъ ихъ современники; кромѣ того человѣку бѣдствія и пороки его времени, конечно, болѣе близки и понятны, чѣмъ отрицательныя стороны жизни предковъ. Тѣ же причины продолжали оказывать вліяніе на представленіе историковъ о прошломъ еще долго послѣ окончанія эпическаго періода.

Слѣдующая стадія развитія исторической литературы тѣсно связана съ изобрѣтеніемъ и распространеніемъ письменности, постепенно измѣняющей всѣ условія жизни общества. Представители власти, прежде не имѣвшіе никакихъ формальныхъ полномочій и опиравшіеся только на свои личныя качества, признанныя общественнымъ мнѣніемъ, теперь основываютъ свои права на унаслѣдованіи отъ предковъ и на писаномъ законѣ; первоначальныя, смутныя представленія народныхъ массъ о сверхъестественныхъ силахъ и о средствахъ къ ихъ умилостивленію смѣняются стройной системой, вырабатываемой и передаваемой изъ поколѣнія въ поколѣніе особымъ классомъ людей. Представители государственнаго и религіознаго авторитета болѣе всего должны были дорожить традиціями и возможностью замѣнить ихъ устную передачу письменной. По приказанію государей дѣлались записи о событіяхъ ихъ царствованія; въ храмахъ духовенствомъ велись записи о событіяхъ данной эпохи, продолжавшіяся представителями слѣдующихъ поколѣній. Для представителей государственной власти сохраненіе преданій о прошломъ имѣло несравненно большее значеніе, чѣмъ для представителей духовенства, авторитетъ которыхъ опирался не столько на событія дѣйствительной жизни и недавняго прошлаго, сколько на представленія о другомъ мірѣ и о тѣхъ отдаленныхъ временахъ, когда получила свое начало религія. Страны съ наиболѣе выработанной и прочной государственной организаціей, именно въ древности Египетъ и съ III в. до Р. Х. Китай, были единственными странами съ непрерывнымъ письменнымъ преданіемъ; Индія, гдѣ менѣе всего получили развитіе основы государственной жизни, одна изъ всѣхъ культурныхъ странъ не имѣла почти никакой письменной исторіи и довольствовалась эпическими сказаніями.

Историческія надписи и лѣтописи, являющіяся древнѣйшей формой письменной исторіи, имѣютъ передъ эпическими сказаніями несомнѣнное преимущество; записанныя очевидцами или современниками и уже въ записанномъ видѣ передающіяся слѣдующимъ поколѣніямъ, событія въ гораздо меньшей степени подвергаются искаженіямъ и добавленіямъ, чѣмъ при устной передачѣ. Точнѣе, обыкновенно по годамъ царствованій, опредѣляется время совершенія событій, и благодаря этому оказывается возможнымъ соблюдать, въ разсказахъ о нихъ, точный хронологическій порядокъ. Но эти разсказы уже не являются, подобно эпическимъ сказаніямъ, достояніемъ всего народа, распространяются только среди немногочисленнаго въ эту эпоху класса грамотныхъ людей и остаются неизвѣстны остальной массѣ населенія. Въ лучшемъ случаѣ народъ по-прежнему довольствуется эпическими сказаніями; чаще онъ, порабощенный свѣтскою властью и духовенствомъ, вслѣдствіе измѣнившихся условій жизни забываетъ свои прежнія сказанія, не слагаетъ новыхъ и живетъ почти безъ всякаго представленія о своемъ собственномъ прошломъ.

Историческія надписи и лѣтописи были, повидимому, у всѣхъ народовъ, имѣвшихъ письменность; но только немногіе изъ нихъ воспользовались письменностью для созданія другого рода исторической литературы — такъ называемой „повѣствовательной исторіи“. Въ этомъ отношеніи замѣчательна аналогія между представителями трехъ самостоятельно возникшихъ культуръ Стараго Свѣта, египетской, вавилонской и китайской, остановившихся на одной и той же стадіи развитія. Ни одинъ изъ этихъ народовъ не совершилъ до конца (замѣтны только отдѣльные шаги въ этомъ направленіи) перехода отъ іероглифовъ и идеограммъ къ буквенному письму, открывающему доступъ къ письменности болѣе широкимъ слоямъ народа, отъ употребленія слитковъ золота и серебра, въ качествѣ мѣрила цѣнностей, къ употребленію чеканенной монеты изъ тѣхъ же металловъ, существенно облегчающему торговыя сношенія, отъ оффиціальныхъ записей объ отдѣльныхъ фактахъ прошлаго къ связнымъ разсказамъ, объединеннымъ общей идеей и независимымъ отъ интересовъ власть имѣющихъ.

Произведенія повѣствовательной исторической литературы впервые, насколько извѣстно, появились въ Сиріи, гдѣ развитіе культуры происходило подъ вліяніемъ не только Вавилона, но и Египта. Временемъ наибольшаго культурнаго и экономическаго развитія Сиріи былъ періодъ между XI и IX вв. до Р. Х., когда временный упадокъ могущества какъ Ассиріи, такъ и Египта доставилъ странѣ періодъ сравнительной безопасности отъ внѣшнихъ нашествій. Этотъ періодъ былъ временемъ наибольшаго

развитія морской торговли финикійскихъ городовъ; въ Финикіи или въ одномъ изъ другихъ торговыхъ пунктовъ Сиріи было изобрѣтено буквенное письмо, которое финикійскими мореплавателями приблизительно въ одно и то же время (X—IX вв. до Р. Х.) было принесено на западъ въ Грецію [1]) и на юго-востокъ въ Индію. Въ эти же вѣка въ Палестинѣ возникло царство Давида и Соломона, распавшееся потомъ на царства израильское и іудейское. Труды неизвѣстныхъ авторовъ, посвященные жизни этихъ царствъ въ связи съ предшествующей жизнью еврейскаго народа, были первой извѣстной намъ попыткой письменнаго изложенія преданій о прошломъ въ связномъ, послѣдовательномъ разсказѣ, объединенномъ общей идеей. Вопросъ о томъ, насколько повѣствовательной исторіи у евреевъ и впослѣдствіи у грековъ предшествовало развитіе лѣтописной литературы, остается спорнымъ. Нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы тѣ „словеса дней", на которыя ссылаются дошедшія до насъ историческія книги евреевъ, дѣйствительно были оффиціальными лѣтописями, въ которыхъ событія излагались хотя бы по годамъ царствованій, а не произведеніями свободнаго творчества, мало отличавшимися по формѣ отъ эпоса и не дававшими никакихъ точныхъ датъ. Такимъ же образомъ нѣтъ указаній на то, чтобы у грековъ до Геродота были лѣтописные своды, съ изложеніемъ событій по годамъ царствованій (напр., въ Спартѣ) или по именамъ ежегодно смѣнявшихся должностныхъ лицъ, напр., аѳинскихъ архонтовъ. Хронологія событій греческой исторіи была установлена, главнымъ образомъ, позднѣйшими греческими историками, особенно александрійскими учеными; между тѣмъ безъ установленія хронологіи, конечно, не могло быть лѣтописи. И впослѣдствіи у арабовъ важнѣйшіе лѣтописные своды были составлены въ такую эпоху, когда на томъ же языкѣ было уже нѣсколько произведеній повѣствовательной исторической литературы.

Столь же мало выясненъ вопросъ, были ли греки въ исторіографіи, какъ во многихъ другихъ отрасляхъ науки и литературы, учениками народовъ древняго Востока. Первые греческіе историки, какъ и первые греческіе философы, появляются въ Малой Азіи, въ Милетѣ, что̀ уже само по себѣ указываетъ на

[1]) Мы не касаемся вопросовъ, связанныхъ съ существованіемъ, въ очень ранній періодъ, письма на островѣ Критѣ, развившагося, повидимому, подъ вліяніемъ египетской іероглифической письменности. Семитическія названія греческихъ буквъ во всякомъ случаѣ заимствованы отъ финикійцевъ, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ о вліяніи финикійской письменности на греческую.

вліяніе Востока. Этотъ процессъ, вѣроятно, былъ бы для насъ яснѣе, если бы до насъ дошли какіе-нибудь остатки древней литературы финикійцевъ, оказавшихъ наибольшее вліяніе на греческую культуру. Греческій терминъ — lógos (рѣчь, разсказъ), которымъ обозначались историческіе разсказы, вполнѣ соотвѣтствуетъ библейскому слову dabar, которое могло употребляться также финикійцами; но доказательствъ этого мы не имѣемъ, такъ какъ до насъ не дошли никакія произведенія древней литературы ни финикійцевъ, ни другихъ сирійскихъ народностей, кромѣ евреевъ.

Произведенія первыхъ греческихъ „составителей разсказовъ" (logopoioí—терминъ, употребляемый Геродотомъ) дошли до насъ только въ незначительныхъ отрывкахъ. Первымъ обширнымъ историческимъ трудомъ, дошедшимъ до насъ, былъ знаменитый трудъ Геродота (V в. до Р. Х.), также происходившаго изъ Малой Азіи и писавшаго на малоазіатскомъ іоническомъ нарѣчіи. Геродота нерѣдко, еще со времени Цицерона, называли „отцомъ исторіи". Несомнѣнно, что его трудъ по широтѣ замысла и по художественности изложенія былъ значительнымъ шагомъ впередъ по сравненію съ трудами его предшественниковъ; въ самомъ трудѣ, однако, нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы авторъ его принципіально расходился со своими предшественниками во взглядахъ на задачи историка и на форму изложенія исторіи. По отношенію къ отдѣльнымъ разсказамъ своей книги Геродотъ (напр., V, 36) употребляетъ тотъ же терминъ „lógos", какой употреблялся его предшественниками. Все произведеніе, какъ одно цѣлое, названо „исторіей", причемъ нѣтъ указаній на то, чтобы Геродотомъ этотъ терминъ былъ употребленъ впервые. Позднѣйшіе греческіе ученые, употреблявшіе слово „исторія" также въ смыслѣ отдѣльнаго историческаго разсказа, назвали трудъ Геродота „исторіями"; но у самого Геродота, какъ и у другихъ греческихъ авторовъ до эпохи Александра Македонскаго, слово „исторія" встрѣчается только въ единственномъ числѣ. Этимологическое значеніе этого слова—„вѣдѣніе, ознакомленіе", такъ что „исторіей", по первоначальному значенію этого термина, могла бы быть названа каждая отрасль знанія. Этимъ объясняется существованіе такого термина, какъ „естественная исторія", — термина также греческаго происхожденія, въ русскомъ языкѣ теперь вытѣсненнаго терминами „естествознаніе" и „естествовѣдѣніе".

Въ отношеніи Геродота къ своимъ источникамъ, письменнымъ и устнымъ, еще не видно никакихъ признаковъ научнаго

изслѣдованія; Геродотъ еще не имѣлъ представленія ни о закономѣрности историческаго процесса, ни о естественной причинной связи между событіями человѣческой жизни. Подобно своимъ предшественникамъ, онъ допускаетъ возможность измѣненія хода событій вслѣдствіе непосредственнаго вмѣшательства стоящихъ внѣ міра, сверхъестественныхъ силъ.

Первымъ научнымъ историческимъ трудомъ должна быть признана исторія Пелопоннесской войны Өукидида—трудъ, прерванный смертью автора въ послѣдніе годы V или въ самомъ началѣ IV в. до Р. Хр. Въ противоположность Геродоту, Өукидидъ (I, 21—22) вполнѣ опредѣленно противополагаетъ свой трудъ трудамъ предшествующихъ ему „логографовъ“ (отъ словъ lógos = „рѣчь, разсказъ“ и gráfein = „писать“), къ числу которыхъ онъ несомнѣнно причислялъ и Геродота, хотя нигдѣ не называетъ его по имени. Өукидидъ признаетъ, что отсутствіе въ его разсказѣ фантастическаго, сказочнаго элемента дѣлаетъ его менѣе занимательнымъ для слушателей (и читателей), чѣмъ разсказы логографовъ, но надѣется, что его книгой воспользуются тѣ, кто пожелаетъ получить ясное понятіе о происшедшемъ и о томъ, что, по человѣческимъ разсчетамъ, должно, при соотвѣтствующихъ условіяхъ, произойти въ будущемъ. Уже въ этомъ сопоставленіи прошедшаго съ будущимъ видно признаніе закона причинности, по которому одинаковыя причины, при одинаковыхъ условіяхъ, имѣютъ одинаковыя послѣдствія.

Мысль описать ходъ борьбы между Аөинами и Спартой явилась у Өукидида тотчасъ послѣ первыхъ военныхъ событій, такъ какъ онъ предвидѣлъ, что война по своимъ размѣрамъ и своему значенію далеко оставитъ за собой всѣ прежнія событія греческой исторіи. Такое различіе между Пелопоннесскй войной и прежними греческими войнами Өукидидъ, однако, объясняетъ не волей боговъ и не личными качествами дѣятелей той и другой эпохи, а тѣми общими условіями, которыми жизнь современной ему эпохи отличалась отъ жизни Греціи прежнихъ временъ. Для выясненія этого различія, онъ посвящаетъ первыя главы своего труда изложенію постепеннаго развитія государственной жизни въ Греціи, начиная съ той эпохи, когда все населеніе носило оружіе, когда въ дѣйствіяхъ морскихъ разбойниковъ не видѣли ничего постыднаго и когда между отдѣльными греческими городами и областями не было почти никакихъ общихъ интересовъ, до возвышенія Спарты и Аөинъ и распаденія почти всего греческаго міра на два союза, образованные этими державами. Изъ этихъ главъ, въ которыхъ Өукидидъ

нѣсколько разъ сравниваетъ жизнь древней Греціи съ жизнью современныхъ ему „варваровъ“ и отсталыхъ греческихъ племенъ, ясно видно, что Өукидидъ въ постепенномъ измѣненіи условій человѣческой жизни видѣлъ результатъ медленнаго процесса, происходящаго по извѣстнымъ законамъ, одинаковымъ для всѣхъ странъ, хотя попытки болѣе точнаго опредѣленія этихъ законовъ мы у него не находимъ.

Өукидидъ былъ современникомъ событій, разсказанныхъ въ его трудѣ, и могъ писать о нихъ частью по своимъ личнымъ воспоминаніямъ, частью по разсказамъ очевидцевъ; но и въ этихъ разсказахъ встрѣчались противорѣчія, которыя могли быть устранены только путемъ сложнаго изслѣдованія (zētēsis). По словамъ Өукидида, разсказчикамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣняла память, въ другихъ они давали событіямъ одностороннее освѣщеніе, подъ вліяніемъ симпатіи къ той или другой сторонѣ. Въ главахъ, посвященныхъ событіямъ прежнихъ временъ, Өукидидъ, наряду съ письменными извѣстіями и устными преданіями, пользуется также археологическимъ матеріаломъ; доказывая, что островъ Делосъ въ древности былъ населенъ карійцами, онъ ссылается на способъ погребенія въ древнихъ могилахъ, разрытыхъ при очищеніи острова отъ могилъ аөинянами въ 426 г. (I, 8). Такимъ образомъ, уже Өукидидомъ примѣнялись на дѣлѣ основныя требованія такъ называемой „исторической критики“: сопоставленіе свидѣтельскихъ показаній, опредѣленіе степени освѣдомленности и степени безпристрастія каждаго свидѣтеля и привлеченіе, наряду со свидѣтельскими показаніями, также вещественныхъ слѣдовъ событій. Но требованія „исторической критики“, подобно требованіямъ „историческаго построенія“, не были отчетливо формулированы Өукидидомъ и примѣнялись имъ далеко не во всѣхъ случаяхъ. Современныя ему событія онъ сознательно старается излагать такъ, какъ они произошли въ дѣйствительности, а не такъ, какъ казалось бы ему правдоподобнымъ; разсказывая о событіяхъ прежнихъ временъ, онъ не идетъ дальше такъ называемаго „раціоналистическаго толкованія“ миөовъ и сказаній, т.-е. болѣе или менѣе правдоподобныхъ, но совершенно бездоказательныхъ предположеній о томъ, какъ могли происходить въ дѣйствительности событія, подавшія поводъ къ сочиненію легендарныхъ разсказовъ и явно преувеличенныхъ описаній.

Принципы научнаго изложенія исторіи были установлены съ большею опредѣленностью Поливіемъ (II в. до Р. Хр.), авторомъ исторіи событій 264—144 гг. до Р. Хр. Поливію

ни однимъ греческимъ историкомъ римскаго періода хотя бы въ той степени, какъ Өукидидомъ и Поливіемъ. Можно было ожидать, что развитіе мирныхъ сношеній между народами, входившими въ составъ римскаго государства, въ эпоху имперіи приведетъ къ установленію болѣе широкихъ и менѣе односторонних взглядовъ на ходъ всемірной исторіи и на степень участія каждаго народа и государства въ этомъ процессѣ; но этого не случилось. Современникъ Августа Діодоръ задался цѣлью „разсказать событія (исторіи) всего міра, какъ бы одного города“; но, въ противоположность этому намѣренію, его обширный трудъ является только сводомъ данныхъ объ исторіи различныхъ народовъ древности, безъ установленія связи между исторіей одного народа и исторіей другого и безъ критической провѣрки извѣстій объ исторіи каждаго народа въ отдѣльности. Для выясненія дѣйствительнаго хода исторической жизни различныхъ народовъ греки и римляне, не говоря уже объ отсутствіи научно установленныхъ методовъ исторической критики, не располагали достаточнымъ запасомъ фактическихъ данныхъ о жизни человѣческихъ обществъ въ прошломъ и настоящемъ. Въ сочиненіяхъ греческихъ философовъ и историковъ мы находимъ отдѣльныя замѣчанія о смѣнѣ формъ государственнаго устройства, о развитіи дѣленія труда, объ отношеніи общества въ различные періоды и у различныхъ народовъ къ воинской доблести и мирному труду, о значеніи крупнаго и мелкаго землевладѣнія, объ образованіи денежной аристократіи и т. п., но безъ попытки объединить эти наблюденія въ стройную систему. Несмотря на сознательное стремленіе Өукидида и Поливія сдѣлать исторію предметомъ научнаго изученія, исторія до конца существованія греко-римской культуры оставалась болѣе искусствомъ, чѣмъ наукой.

Общій упадокъ культуры въ Европѣ, вызванный такъ называемымъ „великимъ переселеніемъ народовъ“, отразился на всѣхъ сторонахъ народной жизни: вмѣсто самоуправляющихся городскихъ общинъ мы снова видимъ господство земельной аристократіи, вмѣсто денежнаго хозяйства—натуральное. Таковы же должны были быть послѣдствія этого переворота для всѣхъ отраслей науки и искусства, въ томъ числѣ и для исторіи. Въ средневѣковой Европѣ происходитъ возвращеніе къ пережитымъ формамъ лѣтописи и повѣствовательной исторіи; вновь получаетъ исключительное господство религіозное міросозерцаніе.

Послѣднее явленіе, вслѣдствіе распространенія новыхъ ре-

лигій—христіанства и ислама, наблюдается и въ тѣхъ странахъ, гдѣ въ теченіе этого періода поддерживались, отчасти даже подвергались дальнѣйшему развитію традиціи античной культуры, именно въ Византіи и въ мусульманскомъ мірѣ. Въ Византіи традиціи античной исторіографіи, хотя преимущественно риторической, отражались на внѣшней формѣ историческихъ произведеній; кромѣ того учеными собирателями фактическаго матеріала, изъ которыхъ наиболѣе извѣстенъ патріархъ Фотій (IX в.), дѣлались обширныя выписки изъ сочиненій античныхъ авторовъ; но господство въ наукѣ богословскаго направленія не допускало выясненія событій въ ихъ естественной причинной связи. Мусульманское богословіе нашло способъ примирить догматы о всемогуществѣ Божіемъ и о предопредѣленіи съ закономъ причинности, признавъ, что все происходитъ по волѣ всемогущаго Бога, но что Богъ имѣетъ обыкновеніе дѣлать все на основаніи извѣстныхъ причинъ, хотя это обыкновеніе тоже является результатомъ Его свободной воли и можетъ быть Имъ оставлено, когда Онъ признаетъ необходимымъ; но опытъ прошлаго показываетъ, что обыкновенія Божьи, согласно слову Корана (сура 48, ст. 23), не измѣняются. Такая теорія открывала полный просторъ дѣятельности какъ натуралистовъ, такъ и историковъ; тѣмъ не менѣе мусульмане въ исторической наукѣ не достигли тѣхъ успѣховъ, какъ во многихъ другихъ отрасляхъ знанія, что объясняется особыми условіями развитія исторіографіи въ мусульманскомъ мірѣ.

Въ области математики, астрономіи, географіи, естествознанія, медицины и философіи мусульмане были прямыми учениками грековъ; ознакомившись, черезъ посредство сирійскихъ переводчиковъ, съ трудами греческихъ ученыхъ, мусульманскіе ученые, писавшіе на арабскомъ языкѣ, существенно обогатили каждую изъ этихъ наукъ новыми наблюденіями и выводами, хотя ни въ одной отрасли знанія не сдѣлали попытки замѣнить систему, унаслѣдованную отъ грековъ (съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ данныхъ, заимствованныхъ изъ другихъ источниковъ, особенно изъ Индіи), новой, выработанной на иныхъ началахъ. Съ другой стороны, мы не знаемъ въ арабскомъ переводѣ ни одного произведенія греческихъ или римскихъ историковъ, какъ и ни одного произведенія греческой или римской поэзіи. Мы находимъ въ арабскихъ историческихъ сочиненіяхъ данныя объ исторіи греко-римскаго міра со времени Филиппа македонскаго, заимствованныя изъ хронологическаго руководства Птоломея (II в. по Р. Хр.), у византійцевъ и сирійцевъ; изученіе греческихъ

философовъ ознакомило арабовъ съ греческими теоріями о формахъ государственнаго устройства; возможно, что традиціи античной исторіографіи, черезъ посредство византійцевъ и сирійцевъ (изъ послѣднихъ нѣкоторые издавали свои труды также на арабскомъ языкѣ), оказали нѣкоторое вліяніе на форму арабскихъ историческихъ трудовъ. Но вообще мусульманская исторіографія развивалась не подъ вліяніемъ античныхъ образцовъ, а подъ вліяніемъ традицій, унаслѣдованныхъ отъ до-мусульманской культуры арабовъ и персовъ. Несмотря на высокую степень культуры, достигнутую персами въ эпоху Сасанидовъ, персидскія преданія о прошломъ, переведенныя на арабскій языкъ, еще сохраняли, подобно арабскимъ, характеръ произведеній эпическаго творчества. Уже въ эпоху ислама арабы и персы перешли къ формамъ лѣтописи и повѣствовательной исторіи; въ концѣ XIV в. арабскій историкъ Ибнъ-Халдунъ сдѣлалъ первую и единственную въ мусульманскомъ мірѣ попытку перейти отъ повѣствовательной исторіи къ прагматической и установить тѣ принципы, которые бы давали возможность объяснить ходъ событій всемірной исторіи въ ихъ естественной причинной связи.

Система Ибнъ-Халдуна, изложенная въ знаменитомъ введеніи къ его всемірной исторіи, безусловно независима отъ взглядовъ греческихъ историковъ, передъ которыми она имѣетъ несомнѣнныя преимущества, такъ какъ Ибнъ-Халдунъ располагалъ гораздо болѣе обширнымъ и разнообразнымъ историческимъ матеріаломъ. Въ основу этой системы, вмѣсто измѣненія формъ государственнаго устройства, былъ положенъ болѣе общій признакъ: развитіе и ослабленіе чувства солидарности среди членовъ человѣческаго общества. Съ этой точки зрѣнія устанавливаются различныя эпохи въ жизни народовъ и опредѣляется значеніе такихъ фактовъ, какъ переходъ отъ кочевого быта къ земледѣльческому, отъ сельской жизни къ городской, распространеніе наукъ и искусствъ, появленіе новыхъ кочевыхъ завоевателей и покореніе ими культурныхъ странъ. Ходъ всемірной исторіи представляется Ибнъ-Халдуну въ видѣ картины постепеннаго развитія и упадка политическихъ группъ, объединенныхъ національнымъ самосознаніемъ или общей религіей; развитіе и упадокъ совершаются по непреложнымъ законамъ, которымъ подчинены всѣ народы. Вопреки основнымъ догматамъ ислама Ибнъ-Халдунъ въ этомъ отношеніи не дѣлаетъ исключенія для мусульманской державы, которую онъ, несмотря на ея фактическое распаденіе на рядъ отдѣльныхъ государствъ, разсматриваетъ какъ одно цѣлое, и отмѣчаетъ признаки упадка этой державы сравнительно съ ея прежнимъ блескомъ. Требованій исторической критики Ибнъ-Халдунъ не касается совсѣмъ; выработанныя имъ теоретическія положенія о ходѣ исторической жизни представлялись ему настолько обоснованными, что степень достовѣрности фактовъ вполнѣ опредѣлялась въ его глазахъ степенью ихъ соотвѣтствія требованіямъ этихъ теорій.

Ибнъ-Халдунъ былъ убѣжденъ въ томъ, что своей системой историческаго построенія онъ создаетъ „новую науку“. Въ дѣйствительности имъ только былъ указанъ путь, который могъ бы привести къ созданію такой науки, но этимъ путемъ не воспользовались ни послѣдующіе мусульманскіе историки, ни даже самъ Ибнъ-Халдунъ. Въ его сочиненіи наблюдается такое же несоотвѣтствіе между главной частью труда и введеніемъ, какъ въ сочиненіи Діодора. Ни по стройности расположенія матеріала, ни по степени критическаго отношенія къ источникамъ собственный трудъ „создателя новой науки“ не отличается отъ обычнаго типа мусульманскихъ историческихъ компиляцій.

Одновременно съ упадкомъ мусульманской культуры происходило возрожденіе наукъ и искусствъ въ западной Европѣ. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ знанія, особенно въ медицинѣ, европейцы были непосредственными учениками арабовъ; но вообще первые дѣятели эпохи возрожденія ставили себѣ почти исключительной цѣлью возстановленіе культуры грековъ и римлянъ, уничтоженной эпохой средневѣкового варварства. Въ противоположность арабамъ, европейцы старались собрать и изучить все, что сохранилось отъ этой культуры. Первое время произведенія античныхъ поэтовъ, философовъ и т. п. считались неподражаемымъ образцомъ и непререкаемымъ авторитетомъ; постепенно стала выясняться возможность дальнѣйшихъ успѣховъ художественнаго творчества и научной мысли; въ различныхъ отрасляхъ знанія греческія системы стали замѣняться новыми, представлявшими шагъ впередъ въ наукѣ. Въ настоящее время только въ двухъ научныхъ дисциплинахъ, логикѣ и геометріи, сохраняютъ свое значеніе системы, выработанныя греческими учеными (Аристотелемъ и Евклидомъ), хотя были попытки построить и эти науки на новыхъ началахъ.

Сравнивая успѣхи исторіи съ успѣхами естествознанія, мы въ западной Европѣ наблюдаемъ то же явленіе, какъ прежде въ греко-римскомъ и въ мусульманскомъ мірѣ. Въ древней Греціи попытки научно объяснить происхожденіе мірозданія начинаются уже съ Ѳалеса (начало VI в. до Р. Хр.), попытки научнаго

изложенія исторіи—только съ Ѳукидида (конецъ V в.); у арабовъ только въ концѣ XIV в., черезъ 300 лѣтъ послѣ эпохи расцвѣта естествознанія, философіи и точныхъ наукъ, появляется попытка дать научное объясненіе историческому процессу; такимъ же образомъ въ западной Европѣ въ области естествознанія уже система Коперника (ок. 1530 г.) представляла полный разрывъ съ античными традиціями, и только „Римская исторія“ Нибура (1811 г.) и труды Ранке (съ 1824 г.) выяснили необходимость выработать иные методы изученія и изложенія исторіи, чѣмъ методы древнихъ. Получаютъ дальнѣйшее развитіе основы историческаго построенія, только въ общихъ чертахъ намѣченныя греками; впервые вырабатываются основы исторической критики.

Успѣхи историческаго построенія тѣсно связаны съ выясненіемъ законовъ историческаго процесса. Попытка Ибнъ-Халдуна, не нашедшаго продолжателей въ мусульманскомъ мірѣ, была возобновлена на европейской почвѣ итальянскимъ мыслителемъ Вико (1726 г.). Подобно Ибнъ-Халдуну, Вико хотѣлъ опредѣлить тѣ стадіи постепеннаго развитія и упадка, черезъ которыя проходятъ всѣ народы; это общее содержаніе исторіи всѣхъ народовъ должно было составлять главный предметъ той исторической науки, которую онъ хотѣлъ создать и которую онъ, подобно Ибнъ-Халдуну, называлъ „новой наукой“. Вико, о которомъ въ XIX в. возникла цѣлая литература, подобно Ибнъ-Халдуну не былъ оцѣненъ своими современниками, хотя и въ XVIII в. онъ не былъ такъ одинокъ, какъ иногда утверждаютъ. Итальянскіе юристы ставили его выше Монтескье; Гете, ознакомившійся съ его идеями въ 1787 г., также ставилъ ихъ чрезвычайно высоко.

Въ XIX в. попытка создать новую науку о законахъ развитія человѣческихъ обществъ была сдѣлана Огюстомъ Контомъ. Контъ оказался счастливѣе своихъ предшественниковъ; его труды получили широкое распространеніе и вызвали цѣлый рядъ другихъ изслѣдованій; названіе, данное Контомъ наукѣ о человѣческихъ обществахъ—„соціологія“—было принято послѣдующими учеными и получило права гражданства, несмотря на то, что оно представляло едва ли не первый примѣръ соединенія, вопреки законамъ филологіи, латинскаго слова съ греческимъ (впослѣдствіи такимъ же способомъ были образованы слова терминологія, бальнеологія и друг.). Если бы задача, поставленная на очередь Контомъ, была разрѣшена имъ самимъ или его преемниками, то этимъ самымъ были бы установлены основы историческаго построенія; историкамъ оставалось бы только примѣнять къ конкретнымъ фактамъ теоретическія положенія, выработанныя со-

ціологами. Въ дѣйствительности ни одна изъ многочисленныхъ соціологическихъ системъ, предложенныхъ послѣ Конта, не получила общаго признанія. Несмотря на обиліе достовѣрнаго фактическаго матеріала, которымъ располагаютъ современные европейскіе изслѣдователи по сравненію съ греками и арабами, этотъ матеріалъ остается безусловно недостаточнымъ для опредѣленія законовъ, которымъ бы всегда и всюду подчинялась жизнь человѣческихъ обществъ. Выводы соціологовъ основаны почти исключительно на фактахъ исторіи Европы, между тѣмъ даже если принимать во вниманіе только народы, входящіе или входившіе въ кругъ всемірно-историческаго общенія, то и среди этихъ народовъ народы Европы составляютъ только незначительное меньшинство. При современномъ состояніи исторической науки вполнѣ естественно, что выводы соціологовъ постоянно опровергаются или открытіемъ новыхъ фактовъ, не принятыхъ ими во вниманіе, или болѣе тщательнымъ критическимъ изслѣдованіемъ извѣстій о фактахъ, на которыхъ были основаны предложенныя обобщенія.

Разсматривая законы, которымъ подчинена жизнь человѣческихъ обществъ, и порядокъ, въ которомъ совершаются измѣненія условій этой жизни, соціологія старается опредѣлить характеръ историческаго процесса, не касаясь вопроса о его смыслѣ и конечныхъ цѣляхъ. Рѣшеніе этого вопроса составляетъ задачу такъ называемой „философіи исторіи“. Стремленіе получить отвѣтъ на вопросъ о конечныхъ результатахъ исторіи человѣчества замѣчается еще въ періодъ эпическаго творчества; наряду со взглядомъ на историческій процессъ, какъ на непрерывный переходъ отъ лучшаго къ худшему, выражается надежда, обыкновенно связанная съ именемъ какого-нибудь бога или героя, что въ концѣ дней, когда мѣра зла исполнится, произойдетъ возстановленіе царства правды и счастія. Въ ученіи многихъ религій эта надежда приняла болѣе опредѣленную форму мессіанизма. Съ развитіемъ научнаго мышленія дѣлаются попытки создать, на основаніи фактовъ прошлаго, научно-обоснованныя теоріи о будущихъ судьбахъ человѣчества, о конечныхъ цѣляхъ такъ называемаго „прогресса“ и о культурной работѣ отдѣльныхъ народовъ и эпохъ, какъ части общей работы человѣчества для созданія своего будущаго счастія. Европейская наука XVIII и XIX вв. представляетъ нѣсколько попытокъ въ этомъ направленіи, изъ которыхъ наибольшее вліяніе оказали взгляды Гердера и Гегеля; тѣмъ не менѣе вопросы о будущности человѣческаго рода и въ особенности о конечныхъ цѣляхъ его существованія всегда, пови-

димому, будутъ составлять только предметъ вѣры и личнаго міросозерцанія. Попытки создать „теорію прогресса" также едва ли когда-нибудь увѣнчаются успѣхомъ, и самое понятіе о „прогрессѣ" едва ли поддается точному научному опредѣленію. Если изъ области философіи исторіи исключить вопросъ о прогрессѣ и его конечныхъ цѣляхъ, то философія исторіи становится тожественной съ соціологіей; и дѣйствительно, термины „философія исторіи" и „соціологія" разсматриваются нѣкоторыми изслѣдователями, какъ различныя названія одной и той же науки.

Во многихъ руководствахъ по исторической методологіи „прагматической" исторіи грековъ противополагается „генетическая" исторія, созданная западно-европейскими историками XIX в. и основанная на признаніи закона „эволюціи", т.-е. постепеннаго и послѣдовательнаго измѣненія всѣхъ условій жизни человѣческихъ обществъ. Историческія событія не разсматриваются какъ результатъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, направленныхъ къ той или иной цѣли; напротивъ, какъ появленіе такъ называемыхъ историческихъ дѣятелей, такъ и степень ихъ успѣха объясняются всей предшествующей жизнью тѣхъ обществъ, среди которыхъ они выступаютъ. Однако, вопреки часто высказывавшемуся мнѣнію, въ этомъ отношеніи нѣтъ принципіальнаго различія между трудами новѣйшихъ историковъ и трудами Ѳукидида и Поливія. Приведенныя выше мнѣнія Ѳукидида о причинахъ, объясняющихъ значеніе Пелопоннесской войны по сравненію съ прежними событіями греческой исторіи, и мнѣніе Поливія о причинахъ исхода борьбы между Римомъ и Карѳагеномъ наглядно показываютъ, что создатели „прагматической" исторіи также смотрѣли на ходъ историческихъ событій, какъ на результатъ послѣдовательнаго и закономѣрнаго процесса, и столь же мало искали ключа къ объясненію хода исторіи въ области индивидуальной психологіи. Принципъ эволюціи, такимъ образомъ, примѣнялся на практикѣ и античными историками, хотя въ ихъ теоретическихъ положеніяхъ онъ не былъ выраженъ съ такой отчетливостью и полнотой, какъ учеными XIX вѣка.

Основное различіе между современной исторической наукой и наукой грековъ заключается не въ пріемахъ историческаго построенія, но въ пріемахъ исторической критики. Греческіе историки, какъ вообще греческіе ученые, заботились исключительно о логической стройности системы, о полнотѣ и ясности общей картины; вопросъ о степени достовѣрности отдѣльныхъ фактовъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ писалъ не о событіяхъ своего времени, рѣшался только на основаніи общихъ соображеній о томъ, что правдоподобно и неправдоподобно, и въ зависимости отъ вопроса, насколько данный фактъ соотвѣтствуетъ предшествующимъ, которыми онъ долженъ былъ быть вызванъ, и послѣдующимъ, на которые онъ въ свою очередь долженъ былъ оказать вліяніе. Тѣ же пріемы употребляются и современными учеными; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ области исторіи, какъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ научной мысли, предъявляются иныя требованія къ опредѣленію степени достовѣрности каждаго отдѣльнаго факта, независимо отъ стройности и послѣдовательности системы, обнимающей всю совокупность фактовъ. Въ области точныхъ наукъ ради этой цѣли выработаны несравненно болѣе сложные пріемы наблюденія и опыта, чѣмъ пріемы, извѣстные въ древности; факты прошлаго, недоступные ни непосредственному наблюденію, ни воспроизведенію путемъ опыта, могутъ быть изучены только на основаніи свидѣтельскихъ показаній и вещественныхъ доказательствъ, т.-е. вещественныхъ слѣдовъ, оставленныхъ событіями. Къ этимъ двумъ категоріямъ могутъ быть отнесены всѣ историческіе „источники", причемъ тѣ источники, изъ которыхъ мы извлекаемъ свидѣтельскія показанія о фактахъ, въ то же время могутъ быть разсматриваемы какъ вещественные слѣды культурнаго состоянія, мыслей и стремленій той эпохи, когда они возникли. Когда разсказъ о событіяхъ принадлежитъ ихъ современнику, цѣнность такого разсказа, какъ вещественнаго памятника событій, рѣдко находится въ соотвѣтствіи съ его цѣнностью, какъ свидѣтельскаго показанія. Чѣмъ объективнѣе и безпристрастнѣе разсказъ, тѣмъ больше довѣрія возбуждаютъ сообщенные въ немъ факты, но за то тѣмъ меньше въ немъ отражаются цѣли и стремленія, опредѣлившія ходъ событій. Съ другой стороны, разсказъ, всецѣло проникнутый взглядами опредѣленнаго круга или опредѣленной партіи, можетъ представлять для изслѣдователя большой интересъ, какъ памятникъ данной эпохи, но какъ свидѣтельское показаніе, конечно, не имѣетъ большого значенія.

Изъ всѣхъ пріемовъ исторической критики къ наиболѣе достовѣрнымъ выводамъ приводитъ сопоставленіе двухъ или нѣсколькихъ свидѣтельскихъ показаній, независимыхъ одно отъ другого. Изслѣдователь при этомъ исходитъ изъ слѣдующихъ аксіомъ, установленныхъ опытомъ: послѣдовательность воспріятія впечатлѣній и способы ихъ словеснаго выраженія до такой степени разнообразны, что изложеніе событія въ двухъ разсказахъ въ одномъ и томъ же порядкѣ подробностей или съ употребленіемъ однихъ и тѣхъ же выраженій неопровержимо доказываетъ зависимость одного разсказа отъ другого или зависимость обоихъ

отъ общаго источника; съ другой стороны, столь же разнообразны способы искаженія факта, такъ что согласное показаніе двухъ источниковъ, завѣдомо независимыхъ одинъ отъ другого и не восходящихъ къ общему источнику, неопровержимо доказываетъ правдивость даннаго извѣстія. При опредѣленіи степени зависимости одного источника отъ другого изслѣдователь выясняетъ различіе между „первоисточниками", восходящими непосредственно къ событію, и „компиляціями", передающими чужіе письменные разсказы о событіи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда первоисточникъ утраченъ, изслѣдователь посредствомъ сличенія двухъ или трехъ компиляцій, въ которыхъ использованъ одинъ и тотъ же первоисточникъ, часто имѣетъ возможность возстановить содержаніе, иногда и текстъ послѣдняго.

Выводы, основанные на согласномъ показаніи двухъ или нѣсколькихъ независимыхъ одинъ отъ другого первоисточниковъ, обладаютъ такой доказательной силой, что съ ними принуждены считаться и представители естественныхъ наукъ наравнѣ съ выводами, полученными посредствомъ примѣненія методовъ естествознанія. Къ сожалѣнію, историкъ только въ рѣдкихъ случаяхъ располагаетъ матеріаломъ для такихъ выводовъ; часто ему приходится довольствоваться какимъ-нибудь однимъ разсказомъ о событіи, безъ возможности отдѣлить черты дѣйствительнаго происшествія отъ подробностей, внесенныхъ въ разсказъ личными взглядами или симпатіями автора. Отчасти, но въ гораздо меньшей степени, эта цѣль достигается посредствомъ сопоставленія такого разсказа какъ съ вещественными памятниками соотвѣтствующей эпохи, такъ и со слѣдами, оставленными даннымъ событіемъ въ дальнѣйшей жизни народа. Вещественнымъ памятникамъ нерѣдко придается большое значеніе, какъ единственнымъ вполнѣ достовѣрнымъ источникамъ, свободнымъ отъ всякаго субъективнаго элемента, неизбѣжно вносимаго въ разсказъ о событіи каждымъ разсказчикомъ. Но субъективный элементъ, котораго въ этомъ случаѣ нѣтъ въ самомъ источникѣ, неизбѣжно вносится изслѣдователемъ при пользованіи этимъ источникомъ, притомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ при пользованіи письменными извѣстіями. Выводы такъ-называемой до-исторической археологіи, вообще сужденія о народахъ и эпохахъ, оставившихъ намъ только вещественные памятники, большею частью остаются до настоящаго времени личными мнѣніями ученыхъ и не получили общаго признанія. Даже выводы, основанные на кажущемся согласіи вещественныхъ памятниковъ съ письменными извѣстіями, нерѣдко оказывались несостоятельными, когда сопоставленіе этихъ письменныхъ извѣстій съ другими заставляло измѣнить мнѣніе о достовѣрности первыхъ, а ближайшее изслѣдованіе вещественныхъ памятниковъ заставляло отнести ихъ къ другой эпохѣ, чѣмъ эпоха, къ которой относились письменныя извѣстія. Тѣмъ не менѣе успѣхи исторической критики тѣсно связаны съ успѣхами вспомогательныхъ наукъ, посвященныхъ изученію вещественныхъ памятниковъ: археологіи, нумизматики, палеографіи и друг. Когда всѣ свидѣтельскія показанія, находящіяся въ распоряженіи изслѣдователя, принадлежатъ одному лицу или одной сторонѣ, только изученіе слѣдовъ событій, въ томъ числѣ вещественныхъ памятниковъ, позволяетъ изслѣдователю внести необходимыя дополненія и поправки въ то одностороннее освѣщеніе событій, которое онъ находитъ въ своихъ письменныхъ источникахъ.

Современные курсы по методологіи исторіи обыкновенно раздѣляются на три главныхъ отдѣла: источниковѣдѣніе, методы исторической критики и методы историческаго построенія. Такой порядокъ изложенія опредѣляется тремя главными стадіями работы историка въ ихъ логической послѣдовательности: 1) историкъ старается собрать, въ качествѣ необходимаго матеріала для своей работы, возможно большее число источниковъ и привести ихъ въ систему, въ зависимости отъ степени ихъ достовѣрности и отъ вліянія одного источника на другой; 2) среди этого матеріала имъ выдѣляются отдѣльныя извѣстія и отдѣльные предметы, относящіеся къ однимъ и тѣмъ же фактамъ, съ цѣлью перейти отъ свидѣтельскихъ показаній о фактахъ и слѣдовъ, оставленныхъ фактами, къ самымъ фактамъ; 3) имѣя въ своемъ распоряженіи рядъ критически провѣренныхъ фактовъ, историкъ располагаетъ ихъ въ порядкѣ хронологической и логической послѣдовательности, съ цѣлью выясненія хода событій въ ихъ причинной связи. Въ дѣйствительности такой порядокъ работы соблюдается только при установленіи окончательныхъ выводовъ, причемъ и въ этомъ случаѣ вопросы исторической критики и историческаго построенія нерѣдко рѣшаются одновременно; причинная связь даннаго факта съ предыдущими и послѣдующими является однимъ изъ доводовъ въ пользу его достовѣрности. Первоначальная работа историка обыкновенно совершается въ обратномъ порядкѣ: еще до начала своихъ самостоятельныхъ работъ историкъ на основаніи трудовъ своихъ предшественниковъ составляетъ себѣ мнѣніе о послѣдовательномъ ходѣ фактовъ, чѣмъ обыкновенно опредѣляется выборъ темы изслѣдованія; приступивъ къ своему труду и изучая тѣ же вопросы по первоисточникамъ, историкъ обращаетъ вниманіе на сомнительную достовѣрность нѣкоторыхъ

фактовъ и вслѣдствіе этого подвергаетъ критическому изслѣдованію весь матеріалъ; чтобы такое изслѣдованіе могло привести къ достаточно обоснованнымъ и прочнымъ выводамъ, необходимо привлеченіе возможно бо̀льшаго числа источниковъ. Въ такомъ же порядкѣ первоначально были выработаны методы исторической науки: попытки выяснить основы историческаго построенія предшествовали установленію требованій исторической критики; еще позже было признано значеніе археологіи и другихъ вспомогательныхъ наукъ, связанныхъ съ источниковѣдѣніемъ.

E. Bernheim, Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie, 3-e und 4-e Auflage, Lpz. 1903.—P. Barth, Die Philosophie der Geschichte als Sociologie, Teil I, Lpz. 1907. — Ланглуа и Сеньобосъ, Введеніе въ изученіе исторіи, перев. съ франц. А. Серебряковой, Спб. 1899. Объ эпосѣ А. Н. Веселовскій, Исторія эпоса, Спб. 1884—86 (литогр.) и замѣчанія В. В. Радлова въ предисловіи къ „Образцамъ народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ", ч. V (Спб. 1885). О еврейской исторической литературѣ H. Gunkel въ книгѣ „Die orientalischen Literaturen", Berl. und Lpz. 1906, S. 73 f. (Die Kultur der Gegenwart, herausg. v. P. Hinneberg, Teil I, Abt. 7). О финикійской литературѣ Б. Тураевъ, Остатки финикійской литературы, Спб. 1903. О древней культурѣ на островахъ и берегахъ Эгейскаго моря R. Dussaud, Les civilisations phéhelleniques dans le bassin de la mer Egée Paris 1910. Объ античной исторіографіи A. Schaefer, Abriss der Quellenkunde der griechischen und römischen Geschichte, 1. Abt. 4-te Auflage Lpz. 1889, 2. Abt. 2-te Auflage Lpz. 1885. C. Wachsmuth, Einleitung in das Studium der alten Geschichte, Lpz. 1895. C. Wachsmuth, Ueber Ziele und Methoden der griechischen Geschichtsschreibung, Lpz. 1897. Французскій переводъ предисловія къ труду Ибнъ-Халдуна въ Notices et Extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale, tt. 19, 20, 21. Мнѣніе Гете о Вико въ Italiänische Reise, I, 236 (изд. 1856 г.; письмо изъ Неаполя 5 марта 1787 г.).

ГЛАВА II.

Принципы историческаго построенія и методы исторической критики были выработаны изслѣдователями, изучавшими исторію античнаго міра (Нибуръ и друг.) или исторію средневѣковой Европы (Ранке и друг.), преимущественно вторыми; до настоящаго времени въ курсахъ по методологіи исторіи теоретическія положенія почти всегда объясняются примѣрами, заимствованными изъ исторіи среднихъ вѣковъ. Западно-европейскіе историки не могли не сознавать преемственной связи современной имъ жизни съ прошлымъ тѣхъ же народовъ и съ античной

культурой, подъ вліяніемъ которой развилась западно-европейская; труднѣе было установить связь между исторіей Европы и исторіей народовъ другихъ частей свѣта. Долгое время подъ „всемірной" исторіей понимали только исторію европейскихъ народовъ; на этомъ основано дѣленіе „всемірной" исторіи на древнюю, среднюю и новую, предложенное въ XVII в. и сохраняющее значеніе до сихъ поръ, хотя противъ него и были сдѣланы существенныя возраженія. Еще въ XIX в. высказывалось мнѣніе, что народы Востока не имѣютъ и никогда не имѣли исторіи въ европейскомъ смыслѣ этого слова и что поэтому методы изученія исторіи, выработанные европейскими историками, къ исторіи Востока непримѣнимы.

Этотъ послѣдній взглядъ выраженъ съ наибольшей полнотой и послѣдовательностью во введеніи къ „Исторіи XVIII вѣка" Фр. Шлоссера. Шлоссеръ видѣлъ коренное различіе между исторіей Востока и исторіей Европы въ томъ, что въ государствахъ Востока, съ ихъ деспотическимъ и іерархическимъ устройствомъ, „религія, обряды, литература, свѣтское государственное устройство, даже искусства основаны на томъ, чтобы все существующее оставалось неизмѣннымъ, чтобы не допускалось ни дальнѣйшее развитіе собственной культуры, ни вліяніе культуры иноземцевъ". По мнѣнію Шлоссера, достаточно сказать, какой державѣ принадлежало господство въ опредѣленную эпоху, чтобы установить всѣ черты быта страны въ это время; какъ бы долго ни продолжалось господство одной державы, описаніе страны въ любой моментъ этого періода даетъ понятіе о томъ, что̀ происходило въ ней въ теченіе всего періода; для характеристики такого періода, поэтому, нѣтъ необходимости разсматривать послѣдовательный ходъ исторіи страны; достаточно дать понятіе о возникновеніи могущества державы, о величайшемъ расцвѣтѣ этого могущества и о его паденіи.

Пониманіе исторіи Востока, кромѣ скудости фактическихъ свѣдѣній, долгое время затруднялось для европейскихъ ученыхъ предвзятымъ отношеніемъ къ предмету изслѣдованія. Съ XVII в., подъ вліяніемъ опредѣлившагося въ то время превосходства европейской культуры, начинается пренебрежительное отношеніе европейцевъ къ отсталымъ народамъ Востока; реакціей противъ такого отношенія было, въ новѣйшее время, чрезмѣрное увлеченіе вновь открытыми памятниками древней восточной культуры и преувеличенная оцѣнка культурнаго уровня народовъ древняго Востока по сравненію съ бытомъ современныхъ народовъ западной и восточной Азіи.

До второй половины XVIII вѣка европейцы, кромѣ книгъ Ветхаго Завѣта, не знали никакихъ литературныхъ памятниковъ древне-восточной культуры. Въ 1771 г. Анкетиль дю-Перронъ ознакомилъ европейцевъ во французскомъ переводѣ съ Авестой, т.-е. со священными книгами древнихъ персовъ, вывезенными имъ изъ Индіи и представляющими одинъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ религіознаго творчества, хотя вопросъ о времени и мѣстѣ возникновенія этой религіи до настоящаго времени остается нерѣшеннымъ. Приблизительно въ то же время утвержденіе англійскаго владычества въ Индіи привело къ болѣе основательному изученію санскритскаго языка и литературы. Родство между санскритскимъ языкомъ и языками Европы, на которое еще въ XVI в. обратилъ вниманіе итальянецъ Сассетти, теперь было окончательно доказано, преимущественно трудами Джонса (1783—1794). Къ первымъ годамъ XIX в. относится чрезмѣрное увлеченіе языками и культурой древней Индіи, болѣе всего связанное съ именемъ Фридриха Шлегеля, трудъ котораго вышелъ въ 1808 г. Въ санскритскомъ языкѣ видѣли прямого родоначальника языковъ греческаго, латинскаго, германскаго, персидскаго и другихъ индо-европейскихъ; священные гимны на санскритскомъ языкѣ, такъ называемыя *Веды*, относились къ той эпохѣ, когда общіе предки индійцевъ и европейцевъ, будто бы сложившіе эти гимны, еще кочевали въ Средней Азіи; въ философіи индійскіе мудрецы признавались учителями грековъ, въ астрономіи—даже учителями халдеевъ. Въ настоящее время всѣ эти мнѣнія давно опровергнуты. Доказано, что санскритскій языкъ не является предкомъ другихъ индо-европейскихъ языковъ, но только восходитъ къ общему съ ними источнику; что гимны Ведъ являются произведеніемъ индійскаго, а не индо-европейскаго творчества, хотя и относятся къ глубокой древности, когда индійцы еще не имѣли ни городовъ, ни письменности; наконецъ, доказано семитическое происхожденіе санскритскаго алфавита, вслѣдствіе чего индійцы, наравнѣ съ греками, должны быть признаны не учителями, но учениками культурныхъ народовъ Передней Азіи; въ астрономіи они были даже учениками грековъ.

При изученіи Авесты и санскритской литературы европейцы пользовались содѣйствіемъ туземныхъ ученыхъ: въ обоихъ случаяхъ знаніе мертваго языка, на которомъ были написаны священные тексты, передавалось въ средѣ ученыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ знаніе латинскаго языка въ Европѣ. Въ Египтѣ и Передней Азіи европейскіе ученые должны были самостоятельно искать ключъ къ объясненію памятниковъ древней

культуры, не изучавшихся никѣмъ изъ мѣстныхъ ученыхъ въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ до начала европейскихъ изслѣдованій.

Увлеченіе Египтомъ смѣнило въ XIX в. увлеченіе Индіей. Изъ разсказовъ греческихъ авторовъ, особенно Геродота и Діодора, и европейскихъ путешественниковъ ученымъ еще раньше было извѣстно, что древній Египетъ былъ высоко культурной страной, оставившей міру единственные въ своемъ родѣ памятники. Благодаря исключительнымъ климатическимъ условіямъ въ Египтѣ могли сохраниться до нашихъ дней не только древнѣйшіе памятники строительнаго искусства, скульптуры и живописи, но и набальзамированныя тѣла дѣятелей отдаленнѣйшихъ эпохъ; изслѣдователь видитъ передъ собой, безъ посредства писателей и художниковъ, черты лица древнихъ царей, управлявшихъ страной въ эпоху высшаго развитія ея культуры и политическаго могущества. Походъ Наполеона (1798 г.) далъ французскимъ ученымъ возможность ближе ознакомиться съ памятниками египетской культуры; однимъ изъ научныхъ результатовъ похода было открытіе ключа къ чтенію памятниковъ древне-египетской письменности; изученіе этихъ памятниковъ положило начало новой наукѣ — египтологіи.

Основатели этой науки имѣли передъ собой задачу, которую европейскимъ ученымъ, приблизительно въ то же время, приходилось разрѣшать въ Передней Азіи, впослѣдствіи также въ другихъ странахъ: разобрать надписи, составленныя на неизвѣстномъ языкѣ неизвѣстными письменами. Для разрѣшенія этой задачи во всѣхъ случаяхъ примѣнялся приблизительно одинъ и тотъ же методъ: опредѣлялось число различныхъ знаковъ; если письмо оказывалось буквеннымъ, то выдѣлялись знаки, встрѣчавшіеся между двумя тождественными знаками, т.-е., какъ можно было предполагать, служившіе для обозначенія гласныхъ звуковъ; разсматривался вопросъ, какія собственныя имена, извѣстныя изслѣдователю, должны были упоминаться въ надписи и какія группы знаковъ, по количеству послѣднихъ и по положенію въ нихъ гласныхъ буквъ, могли обозначать эти собственныя имена. Если изслѣдователю удавалось прочитать нѣсколько именъ, онъ этимъ самымъ опредѣлялъ значеніе нѣсколькихъ знаковъ и могъ пользоваться этимъ результатомъ для разбора другихъ, нарицательныхъ словъ; послѣдняя работа значительно облегчалась, если удавалось установить родство неизвѣстнаго языка съ какимъ-нибудь изъ извѣстныхъ изслѣдователю. Главная часть всей работы — установить, какія собственныя имена встрѣчаются въ надписи и опредѣлить ихъ мѣсто—иногда представляетъ почти непреодоли-

мыя трудности; самый благодарный матеріалъ доставляютъ изслѣдователю тѣ памятники, гдѣ рядомъ съ надписью, подлежащей разбору, помѣщенъ ея переводъ на какой-нибудь извѣстный ему языкъ. Такой матеріалъ имѣли въ своемъ распоряженіи египтологи, благодаря открытію въ 1799 г. въ Розеттѣ французскимъ инженеромъ Бушаромъ камня съ текстомъ постановленія жрецовъ въ честь царя Птоломея V Эпифана въ 196 или 195 г. до Р. Хр.; рядомъ съ двумя египетскими текстами (одинъ написанъ письмомъ іероглифическимъ, т.-е. употреблявшимся жрецами, другой — демотическимъ, т.-е. распространеннымъ въ болѣе широкихъ кругахъ народа) помѣщенъ переводъ постановленія на греческій языкъ. Задача изслѣдователя еще облегчалась тѣмъ, что имена царей въ іероглифическомъ текстѣ обведены картушемъ. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе сложности египетскаго письма, только въ 1822 г. могъ появиться трудъ Шамполліона младшаго, въ которомъ былъ данъ ключъ къ чтенію надписи; языкъ оказался сходнымъ съ языкомъ коптовъ, современныхъ потомковъ древнихъ египтянъ. Попытку чтенія демотическаго текста, хотя и не вполнѣ удачную, сдѣлалъ еще въ 1802 г. Акербладъ.

Благодаря труду Шамполліона европейскіе ученые получили доступъ къ богатой древне-египетской литературѣ; кромѣ надписей, было найдено значительное число рукописныхъ произведеній по различнымъ отраслямъ знанія (письменный матеріалъ, папирусъ, приготовлялся изъ растенія Papyrus antiquorum). Какъ и слѣдовало ожидать, преданія, разсказанныя Геродоту въ V в. до Р. Хр., были опровергнуты письменными памятниками болѣе раннихъ вѣковъ; съ полной достовѣрностью могли быть установлены, хотя и безъ точныхъ хронологическихъ датъ, періоды постепеннаго развитія, упадка и временнаго возрожденія египетской культуры.

Долгое время эта культура признавалась древнѣйшей изъ существовавшихъ на земномъ шарѣ; только въ новѣйшее время, послѣ открытія въ Передней Азіи болѣе древнихъ письменныхъ памятниковъ, чѣмъ можно было предполагать по извѣстіямъ греческихъ писателей, по наблюденіямъ путешественниковъ и по первымъ открытіямъ ученыхъ, этотъ вопросъ признанъ спорнымъ. Въ Передней Азіи на поверхности земли не сохранилось такихъ древнихъ памятниковъ строительнаго искусства, какъ египетскіе пирамиды и храмы; наиболѣе грандіознымъ памятникомъ, привлекавшимъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей, были развалины дворца въ Персеполѣ, столицѣ персидскихъ царей, построенной въ VI в. до Р. Хр. На стѣнахъ дворца и на скалахъ и кам-

няхъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ сохранились, рядомъ съ барельефами, надписи, представляющія три системы неизвѣстныхъ письменъ; эти письмена по своему внѣшнему виду получили отъ европейцевъ названіе клинообразныхъ. Для разбора надписей изслѣдователи не располагали, какъ въ Египтѣ, греческимъ переводомъ, и задача представлялась болѣе сложной; послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ вопросъ былъ рѣшенъ геніальной догадкой Гротефенда (1802 г.). Гротефендъ исходилъ изъ соображенія, что надписи сдѣланы по распоряженію персидскихъ царей и что, слѣдовательно, въ нихъ должны встрѣчаться имена царей вмѣстѣ съ ихъ титуломъ. Поэтому имъ были выдѣлены двѣ краткихъ надписи, въ которыхъ нѣсколько разъ повторялась одна и та же группа знаковъ; эту группу еще раньше опредѣлили какъ идеограмму, служившую для обозначенія царскаго достоинства. Идеограмма повторялась при двухъ различныхъ словахъ, *x* и *y*, поставленныхъ рядомъ; отсюда онъ вывелъ заключеніе, что *x* и *y*—имена двухъ царей и что *x* былъ сыномъ *y*. Въ другой надписи послѣ того же слова *y* стояло другое слово, *z*, безъ идеограммы для обозначенія царскаго достоинства; отсюда слѣдовало, что *z*, отецъ *y*, не былъ царемъ, т.-е. что *y* былъ основателемъ династіи. Такъ какъ надписи принадлежали персидскимъ царямъ, то рѣчь могла итти только о Кирѣ или Даріи; по числу буквъ второе было признано болѣе вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что второй знакъ слова *y* было пятымъ знакомъ слова *z*, что вполнѣ соотвѣтствовало чтенію Дарій и Гистаспъ. Такимъ образомъ Гротефендомъ были прочитаны имена Ксеркса, Дарія и Гистаспа. Точное произношеніе этихъ именъ на языкѣ древнихъ персовъ было ему неизвѣстно, и его догадки впослѣдствіи не вполнѣ подтвердились, но все-таки изъ тринадцати знаковъ, опредѣленныхъ имъ въ связи съ чтеніемъ трехъ именъ, девять были опредѣлены правильно.

Не смотря на блестящую догадку Гротефенда, ни самъ онъ, ни современные ему ученые не воспользовались этой догадкой въ полной мѣрѣ. Разборъ клинообразныхъ надписей первой системы былъ закончен только въ 40-хъ годахъ XIX в. Ролинсономъ, который ознакомился съ открытіемъ Гротефенда уже послѣ того, какъ самостоятельно пришелъ къ такимъ же результатамъ. Ролинсономъ была открыта и издана (1846—1851 гг.) самая длинная изъ клинообразныхъ надписей, историческая надпись Дарія на горѣ Бисутунъ (собств. Бахистанъ, древне-перс. Bagistana, т.-е. мѣсто божества). Языкъ надписей, какъ и слѣдовало ожидать, оказался иранскимъ діалектомъ.

Разобравъ древне-персидскій текстъ, ученые имѣли въ рукахъ ключъ къ чтенію двухъ параллельныхъ текстовъ, т.-е. надписей второй и третьей системъ. Языкъ надписей третьей системы оказался семитическимъ нарѣчіемъ, очевидно, языкомъ покоренной персами Вавилоніи; языкъ надписей второй системы не поддавался сближенію съ существующими лингвистическими группами; по историческимъ соображеніямъ, въ немъ были склонны видѣть то языкъ древнихъ скиѳовъ, то языкъ мидійцевъ. Въ настоящее время доказано, что тѣ и другіе были арійцами и что народъ, языкъ котораго сохранился въ надписяхъ второй системы, принадлежалъ къ другому племени, жившему въ юго-западной части нынѣшней Персіи и задолго до персидскаго завоеванія достигшему, подъ вліяніемъ Вавилона, значительной культуры. Между надписями второй системы и надписями прежнихъ царей Сузіаны (т.-е. нынѣшняго Хузистана) существуетъ только діалектическое различіе.

Благодаря разбору надписей третьей системы ученые ознакомились и съ языкомъ и письменами Вавилоніи и воспользовались этимъ, когда началось изслѣдованіе, путемъ раскопокъ, древнихъ столицъ ассирійскихъ и вавилонскихъ царей. Начало работамъ въ этомъ направленіи положили изысканія французскаго консула Ботты (1842—45 гг.) на мѣстѣ Ниневіи; за наукой, посвященной изученію древней месопотамской культуры, сохранилось до настоящаго времени названіе ассиріологіи, хотя южная часть Месопотаміи, Вавилонія, давно уже привлекаетъ къ себѣ вниманіе представителей этой науки въ гораздо большей степени, чѣмъ сѣверная, Ассирія. Даже изъ открытій, сдѣланныхъ въ Ниневіи, важнѣйшія относятся къ области памятниковъ вавилонской литературы, увезенныхъ ассирійскими завоевателями въ свою столицу. Наиболѣе плодотворными были изысканія Джорджа Смита (1866—76 гг.), открывшаго библіотеку царя Ассурбанипала (668—626 гг. до Р. Хр.), остающуюся до настоящаго времени единственной извѣстной намъ библіотекой древности, составленной по опредѣленному плану. Библіотека состояла изъ небольшихъ квадратныхъ кирпичей съ клинообразными письменами, перенумерованныхъ и положенныхъ одинъ на другой. Кромѣ историческихъ хроникъ и сочиненій по нѣкоторымъ наукамъ, напримѣръ по математикѣ, библіотека заключала въ себѣ словари, давшіе возможность изучить языкъ истинныхъ основателей вавилонской культуры, населявшихъ Месопотамію до завоеванія ея семитами.

Мнѣнія ученыхъ объ этомъ языкѣ, въ которомъ теперь

различаются два діалекта, сумерійскій (южный) и аккадійскій (сѣверный), еще не вполнѣ согласны. Нѣкоторые (Халеви) отрицаютъ самое существованіе такого языка и утверждаютъ, что мнимыя сумерійскія и аккадійскія слова представляютъ только условную транскрипцію семитическихъ словъ, другіе (Хоммель) доказываютъ родство языка сумерійцевъ и аккадійцевъ съ такъ называемой урало-алтайской семьей языковъ, обнимающей языки финновъ, самоѣдовъ, турковъ, монголовъ и тунгузовъ. Нѣкоторые (Юсти) сближаютъ сумеро-аккадійскій языкъ съ языкомъ Сузіаны и ахеменидскихъ надписей второй системы; но всѣ эти предположенія остаются недоказанными.

Большинство ассиріологовъ въ настоящее время считаетъ сумерійцевъ и аккадійцевъ народомъ не-семитическаго происхожденія, положившимъ начало культурѣ, принятой семитическими завоевателями, вслѣдствіе чего этотъ языкъ еще много вѣковъ послѣ того, какъ на немъ перестали говорить, остался языкомъ культуры, подобно латинскому языку въ Европѣ. Вопросъ о томъ, къ какому времени можно отнести начало вавилонской культуры и къ какому — завоеваніе страны семитами, еще не вполнѣ рѣшенъ. Исходнымъ пунктомъ хронологическихъ опредѣленій служатъ слова вавилонскаго царя Набунида (VI в. до Р. Хр.), что царь Нарамсинъ, сынъ Саргона, царствовалъ за 3200 лѣтъ до него. До насъ дошли надписи какъ Нарамсина, такъ и его отца Саргона, принадлежавшихъ уже къ числу семитическихъ владѣтелей; ихъ царствованіе такимъ образомъ должно бы быть отнесено къ первой половинѣ четвертаго тысячелѣтія до Р. Хр.; но многіе ученые, въ томъ числѣ проф. Винклеръ, главный представитель новѣйшей школы ассиріологовъ, доказываютъ, что въ такомъ случаѣ въ хронологіи вавилонскихъ царей получается незаполненный промежутокъ приблизительно въ 1000 лѣтъ; вслѣдствіе этого Винклеръ, предполагая ошибку въ словахъ Набунида, относитъ царствованіе Саргона, отца Нарамсина, приблизительно къ 2800 г. до Р. Хр. Начало вавилонской культуры относится Винклеромъ и его послѣдователями къ гораздо болѣе раннему періоду, главнымъ образомъ на основаніи астрономическихъ данныхъ. Первоначальная система вавилонской астрологіи предполагаетъ положеніе солнца, во время весенняго равноденствія, въ созвѣздіи близнецовъ; этотъ астрономическій періодъ (для передвиженія солнца изъ одного знака зодіака въ другой требуется періодъ приблизительно въ 2000 лѣтъ) начался около 5000 г. до Р. Хр.; слѣдовательно, къ этому періоду (по мнѣнію Винклера, скорѣе къ началу, чѣмъ къ концу

его) приходится отнести возникновеніе вавилонской культуры. Однако, до сихъ поръ не найдено никакихъ текстовъ, которые бы указывали на существованіе въ Вавилонѣ научныхъ астрономическихъ вычисленій ранѣе VI в. до Р. Хр.; для предшествующихъ эпохъ сохранились только астрологическіе тексты.

Кромѣ Месопотаміи, за много вѣковъ до Р. Хр. были культурныя государства также въ другихъ областяхъ Передней Азіи: въ Сиріи, Малой Азіи, отчасти въ Аравіи. Изслѣдователи Востока почти до послѣдняго времени разсматривали развитіе культуры каждой народности какъ самостоятельный процессъ, опредѣлявшійся исключительно расовымъ происхожденіемъ, политической жизнью и религіей даннаго народа; возможность иностраннаго вліянія принималась въ разсчетъ только въ случаяхъ покоренія одного народа другимъ, преимущественно въ связи съ образованіемъ обширныхъ монархій ассирійцевъ, вавилонцевъ и персовъ. Такъ развитіе еврейскаго монотеизма, не смотря на ясныя указанія самой библіи на вліяніе Египта и Вавилона, разсматривалось только какъ самостоятельный переходъ народа отъ кочевой жизни и общесемитскихъ вѣрованій къ болѣе высокимъ формамъ быта и религіи.

Опроверженіе этого взгляда составляетъ, можетъ быть, главную заслугу школы Винклера, доказавшей, что культурные успѣхи отдѣльныхъ народовъ Передней Азіи были, главнымъ образомъ, результатомъ сближенія этихъ народовъ съ Вавилономъ. Блестящимъ подтвержденіемъ новой теоріи было открытіе въ 1887 г. въ Египтѣ, въ мѣстѣ Тель-эль-Амарна, серіи дипломатическихъ документовъ XV в. до Р. Х. изъ разныхъ городовъ и областей Сиріи, Месопотаміи и острова Кипра, написанныхъ на вавилонскомъ языкѣ клинообразными письменами. Такимъ образомъ былъ установленъ фактъ, что вавилонскій языкъ былъ въ Передней Азіи языкомъ дипломатическихъ сношеній, какъ латинскій въ средневѣковой и французскій въ современной Европѣ, и что этимъ языкомъ продолжали пользоваться и тѣ мѣстности, которыя въ то время въ политическомъ отношеніи подчинялись Египту; даже самъ египетскій царь пользовался при этихъ сношеніяхъ не египетскимъ, а вавилонскимъ языкомъ и письмомъ. Послѣ такого открытія уже не могло подлежать сомнѣнію, что ходъ исторіи древняго Востока въ такой же степени, какъ ходъ исторіи Европы, опредѣлялся вліяніемъ одного народа на другой и распространеніемъ культуры одного или нѣсколькихъ передовыхъ народовъ на все болѣе обширный географическій районъ.

Но школа Винклера пытается использовать свое открытіе еще въ другомъ направленіи, едва ли плодотворномъ для науки. Опровергнувъ мнѣніе о самостоятельномъ развитіи отдѣльныхъ народовъ и установивъ господствующее вліяніе Вавилона, Винклеръ и его послѣдователи не сдѣлали отсюда вывода, что и сама вавилонская культура должна была видоизмѣняться подъ вліяніемъ сближенія какъ съ Египтомъ, такъ и съ другими, хотя бы и болѣе отсталыми народами. Напротивъ, всѣ черты вавилонской культуры разсматриваются ими, какъ развитіе одной идеи, положенной въ основу такъ называемаго „древне-восточнаго міровоззрѣнія" (altorientalische Weltanschaung). Это міровоззрѣніе, сложившееся въ Вавилонѣ и принятое всѣмъ древнимъ Востокомъ, будто бы заключается въ вѣрованіи, что происходящее на землѣ есть только отраженіе происходящаго въ небесахъ и что жизнь человѣческихъ обществъ должна быть устроена на подобіе движенія небесныхъ свѣтилъ (на этой идеѣ основана вся система астрологическихъ предсказаній, изобрѣтенная въ Вавилонѣ и въ теченіе многихъ вѣковъ пользовавшаяся успѣхомъ даже въ Европѣ). Съ такимъ міровоззрѣніемъ связано, по той же теоріи, основное различіе между психологіей европейцевъ, со времени грековъ, и психологіей восточныхъ народовъ. Индуктивный методъ, являющійся характернымъ признакомъ европейской науки, будто бы совершенно чуждъ Востоку; на Востокѣ общія положенія создаются не въ зависимости отъ наблюденій надъ частными фактами; напротивъ, восточный человѣкъ находитъ въ общей идеѣ, которой проникнуто все его міровоззрѣніе, ключъ къ объясненію каждаго явленія, и ею опредѣляются всѣ его мысли и дѣйствія. Объясняя всю жизнь и все творчество народовъ древняго Востока одной идеей, вышедшей изъ Вавилона, та же школа вполнѣ послѣдовательно считаетъ до-историческую эпоху, когда сложилась эта идея, эпохой высшаго расцвѣта древне-восточной культуры, не признаетъ никакихъ культурныхъ заслугъ за другими восточными народами, кромѣ вавилонцевъ, и въ исторіи самого Вавилона, насколько она доступна нашему изученію, видятъ только картину постепеннаго упадка, а не постепеннаго развитія. Современные восточные народы признаются только выродившимися потомками древнихъ.

Взглядъ новѣйшей школы ассиріологовъ на исторію Востока, такимъ образомъ, по существу не отличается отъ взгляда Шлоссера и историковъ его направленія: исторія Востока разсматривается, какъ результатъ одной причины, опредѣляющей всю дальнѣйшую жизнь народовъ и объясняющей изслѣдователю всѣ черты

ихъ быта въ любую эпоху, т.-е. освобождающей его отъ необходимости путемъ подробнаго изученія самихъ фактовъ выяснять ходъ исторической эволюціи. Если бы міровоззрѣніе восточныхъ народовъ дѣйствительно отличалось такой простотой и цѣльностью, то изученіе исторіи Востока было бы несравненно легче, чѣмъ изученіе исторіи Европы. Между тѣмъ оріенталисты, изучающіе болѣе новые періоды жизни Востока и располагающіе бо́льшимъ количествомъ источниковъ, все болѣе приходятъ къ убѣжденію, что люди съ безусловно цѣльнымъ и послѣдовательнымъ міровоззрѣніемъ встрѣчаются на Востокѣ такъ же рѣдко, какъ въ Европѣ, что религія и на Востокѣ чаще должна была примѣняться къ окружающимъ условіямъ, чѣмъ наоборотъ, что подъ знаменемъ религіозной идеи и на Востокѣ, какъ въ Европѣ, нерѣдко происходили движенія, въ дѣйствительности вызванныя сословными, экономическими и политическими интересами. Данныя для изученія исторіи древняго Востока пока еще болѣе скудны, но въ послѣднее время и въ этой области появились изслѣдованія, цѣль которыхъ, путемъ сопоставленія относящихся къ разнымъ эпохамъ данныхъ, выяснить постепенное измѣненіе бытовыхъ чертъ народа. Производство такихъ изслѣдованій было значительно облегчено открытіемъ, въ декабрѣ 1901 и въ январѣ 1902 г., свода законовъ вавилонскаго царя Хаммураби (XXIII в. до Р. Х.); сопоставляя положенія этого свода съ документами болѣе позднихъ эпохъ, изслѣдователи получили возможность выяснить постепенное измѣненіе правовыхъ взглядовъ народа. Эти работы несомнѣнно плодотворнѣе попытокъ Винклера и его послѣдователей, путемъ бездоказательныхъ предположеній или произвольнаго толкованія текстовъ, прослѣдить во всѣхъ чертахъ жизни и литературы древняго Востока вліяніе „древне-восточнаго", т.-е. вавилонскаго міровоззрѣнія и установить, что все, считавшееся до сихъ поръ культурной заслугой другихъ передне-азіатскихъ народовъ, въ дѣйствительности было сдѣлано вавилонцами.

И въ другихъ отрасляхъ исторіи Востока еще не вполнѣ устранены предвзятые взгляды, затрудняющіе выясненіе дѣйствительныхъ причинъ исторической эволюціи. Религіи, исповѣдуемыя главными народами Востока—исламъ, буддизмъ, брахманизмъ и ученіе Конфуція—казались долгое время единственными источниками ихъ міровоззрѣнія, ихъ государственнаго и соціальнаго строя; съ этой точки зрѣнія обсуждалось прошлое, настоящее и будущее различныхъ народовъ; ею же опредѣлялся отвѣтъ на вопросъ о причинахъ упадка культуры въ странахъ, гдѣ жили древнѣйшіе культурные народы.

При опредѣленіи размѣровъ этого упадка часто руководились преувеличенной оцѣнкой культуры древняго Востока по сравненію съ бытомъ современнаго населенія тѣхъ же странъ. До изученія письменныхъ памятниковъ восточныхъ народовъ европейцы располагали только однимъ источникомъ для опредѣленія ихъ культурнаго уровня—вещественными памятниками, преимущественно памятниками строительнаго искусства. Въ этомъ отношеніи легко было доказать, что мусульманскій Востокъ не создалъ ничего, что могло бы сравниться съ египетскими пирамидами и храмами, съ дворцами ассирійскихъ, вавилонскихъ и древне-персидскихъ царей и что мусульманскія постройки первыхъ вѣковъ хиджры, особенно по качеству строительнаго матеріала, стоятъ значительно выше послѣдующихъ. Но упадокъ строительной техники еще не является доказательствомъ общаго упадка культуры. И въ Европѣ постройки послѣднихъ вѣковъ, за рѣдкими исключеніями, по качеству матеріала и прочности значительно уступаютъ остаткамъ древнихъ и средневѣковыхъ зданій; въ современныхъ городахъ зданія XVIII и начала XIX вв. построены лучше и прочнѣе, чѣмъ болѣе новыя. Вслѣдствіе этого возможно, что и на Востокѣ упадокъ строительной техники, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, долженъ быть объясненъ не упадкомъ культуры, но, какъ въ Европѣ, измѣненіемъ потребностей, увеличеніемъ числа населенія и построекъ и уменьшеніемъ средствъ, находившихся въ распоряженіи отдѣльныхъ лицъ или правительствъ.

Въ настоящее время мы, однако, располагаемъ болѣе вѣскими доказательствами (свѣдѣніями о доходности отдѣльныхъ областей), что нѣкоторыя области Передней Азіи, какъ Месопотамія и юго-западныя провинціи Персіи, въ эпоху ислама никогда не достигали того уровня экономическаго благосостоянія, на которомъ ихъ застали арабскіе завоеватели, хотя нѣкоторыя другія области, какъ сѣверо-западная и сѣверо-восточная части Персіи, только при исламѣ достигаютъ значительнаго культурнаго развитія. Упадокъ культуры часто объясняли религіозными догматами ислама, особенно пресловутымъ мусульманскимъ фатализмомъ, будто бы убившимъ въ мусульманскихъ народахъ всѣ порывы къ самостоятельной дѣятельности, направленной къ увеличенію собственнаго благосостоянія. Исторія и современная жизнь мусульманскихъ народовъ показываютъ, однако, что фатализмъ (впрочемъ, нигдѣ не выраженный въ Коранѣ съ большей опредѣленностью, чѣмъ въ посланіи апостола Павла къ Римлянамъ, гл. 9) никогда не препятствовалъ ни мусульманскимъ полковод-

цамъ, министрамъ, торговцамъ и друг. принимать мѣры къ достиженію своихъ цѣлей, ни даже мусульманскимъ историкамъ опредѣлять причинную связь событій. Подобно многимъ христіанамъ мусульманинъ ищетъ и находитъ въ фатализмѣ только опору при неотвратимыхъ опасностяхъ и бѣдствіяхъ. Какова бы ни была сила религіи, она только въ небольшомъ числѣ людей, а не въ цѣломъ народѣ можетъ уничтожить всѣ порывы, связанные съ инстинктомъ самосохраненія; каково бы ни было мѣсто религіи среди другихъ сторонъ жизни народа, она не въ состояніи уничтожить во всѣхъ отрасляхъ жизни все, чѣмъ жилъ народъ до принятія новой вѣры. Исторія показываетъ, что исламъ даже въ области религіозныхъ вѣрованій долженъ былъ считаться съ до-мусульманскими традиціями и посторонними вліяніями; въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ въ Восточномъ Туркестанѣ, мы имѣемъ возможность документально доказать, что мѣста, бывшія предметомъ религіознаго культа въ домусульманскую эпоху, сохраняли свое значеніе и послѣ распространенія ислама; ради этой цѣли создавались легенды о мусульманскихъ святыхъ, какъ въ западной Европѣ — легенды о христіанскихъ мученикахъ. Если даже въ области религіозныхъ вѣрованій мусульманскихъ народовъ не все объясняется вліяніемъ ислама, то еще меньше успѣха могла бы имѣть попытка найти въ догматахъ ислама ключъ къ объясненію хода политической и культурной исторіи этихъ народовъ, ихъ прежнихъ культурныхъ заслугъ и современной отсталости. Какъ при изученіи исторіи Европы, такъ и при изученіи исторіи мусульманскихъ странъ нѣтъ другого пути къ выясненію причинной связи событій, какъ путь критическаго изученія, безъ предвзятыхъ идей, самихъ фактовъ.

Въ настоящее время пройдена только небольшая часть этого пути, и значительная часть первоисточниковъ остается никѣмъ не изслѣдованной; при такомъ состояніи науки еще не могутъ считаться выясненными, въ ихъ причинной связи, даже главные моменты исторіи Передней Азіи. Изъ причинъ, независимыхъ отъ религіи, вліявшихъ задерживающимъ образомъ на развитіе культуры, наиболѣе замѣтны, даже при поверхностномъ изслѣдованіи, частые перерывы культурной работы вслѣдствіе нашествія варварскихъ народовъ, которому Передняя Азія, по своему географическому положенію, подвергалась несравненно чаще, чѣмъ западная Европа. Такія событія, какъ переселеніе народовъ въ Европѣ, происходили въ жизни Передней Азіи нѣсколько разъ, хотя ни одно изъ нихъ, не исключая монгольскаго завоеванія, не вызвало такого продолжительнаго и полнаго упадка культуры, съ возвращеніемъ отъ денежнаго хозяйства къ натуральному, отъ развитія городскихъ общинъ къ господству землевладѣльческой аристократіи.

Еще въ меньшей степени можетъ считаться изслѣдованной, согласно требованіямъ исторической науки, исторія не-мусульманскихъ странъ Востока, въ томъ числѣ, несмотря на обиліе и полноту источниковъ, даже исторія Китая; но и въ исторіи этихъ странъ постепенно выясняется, рядомъ съ вліяніемъ религіозныхъ ученій, вліяніе другихъ причинъ. Если буддизмъ остановилъ политическое и экономическое развитіе Тибета и Монголіи, то это было достигнуто не столько догматами религіи, сколько связаннымъ съ религіей соціальнымъ явленіемъ — развитіемъ монастырской жизни, которому китайское правительство, изъ политическихъ разсчетовъ, оказало поддержку, въ то же время остановивъ его успѣхи въ самомъ Китаѣ. Пресловутый китайскій консерватизмъ объясняется не столько ученіемъ Конфуція, сколько изолированнымъ положеніемъ культурнаго народа среди варварскихъ сосѣдей и постоянной опасностью отъ внѣшнихъ враговъ. Такой же характеръ, по тѣмъ же причинамъ, имѣла въ средніе вѣка исторія Византіи.

Вообще по мѣрѣ успѣховъ востоковѣдѣнія все болѣе выясняется, что исторія Востока можетъ быть объяснена только путемъ примѣненія тѣхъ же научныхъ методовъ, какъ исторія Европы, что въ исторіи Востока, какъ въ исторіи Европы, развитіе и упадокъ культуры объясняются, главнымъ образомъ, сближеніемъ съ другими культурными народами или отчужденіемъ отъ нихъ, что въ этой цѣпи культурнаго взаимодѣйствія нѣтъ промежутка между „Востокомъ“ и „Западомъ“. Этимъ опредѣляется необходимость изученія исторіи Востока для пониманія „всемірной“ исторіи, подъ которою уже нельзя понимать только исторію Европы, и для созданія науки „соціологіи“, положенія которой не могутъ считаться установленными, пока они опираются только на факты исторіи европейскихъ народовъ. Въ новѣйшихъ трудахъ по всемірной исторіи и по соціологіи уже замѣчается стремленіе пользоваться фактами исторіи Востока; если эти попытки рѣдко приводятъ къ правильнымъ выводамъ, то это объясняется состояніемъ науки исторіи Востока, еще далеко не вполнѣ удовлетворяющей требованіямъ источниковѣдѣнія и исторической критики, выработаннымъ европейскими историками XIX в.

Ф. К. Шлоссеръ, Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго до паденія французской имперіи, перев. съ 4-го испр. изд., изд. 2-е, т. I, стр. 1—2. О Сассети Th. Benfey, Geschichte der Sprachwissenschaft, München 1869, S. 222; о Джонсѣ и дальнѣйшихъ работахъ ibid. S. 346 f.—Fr. Schlegel, Ueber die Sprache und Weisheit der Inder, Heidelb. 1808. — Изложеніе прежнихъ взглядовъ на индійскую культуру на русскомъ языкѣ: С. С. Уваровъ, Рѣчь президента Имп. Акад. Наукъ, попеч. Спб. учебн. округа, въ торж. собр. Главн. Педагогич. Института 22 марта 1818, Спб. 1818. О происхожденіи индійскаго алфавита G. Bühler, Indische Paläographie, Strassb. 1896 (Grundriss der Indo-Arischen Philologie, Bd. I, Heft 2); въ томъ же „Grundriss“ (Bd. III, Heft 9) работа G. Thibaut (Strassb. 1899) объ индійской астрономіи (стр. 43 и слѣд. о вліяніи грековъ). Кромѣ того краткія свѣдѣнія по исторіи изученія Индіи у R. Pischel въ изданіи Die Kultur der Gegenwart, herausg. v. P. Kinneberg, Teil I, Abt. VII, Die orientalischen Literaturen, Berl. u Lpz. 1906. S. 211 f. О дешифровкѣ іероглифовъ и о первыхъ работахъ по египтологіи J. Dümichen въ серіи Онкена (Allg. Gesch. in Einzeldarstellungen): Geographie des alten Aegyptens, Schrift und Sprache seiner Bewohner (введеніе къ Ed. Meyer, Geschichte des alten Aegyptens, Berl. 1887), S. 267—322. Исторія изученія Авесты и древне-персидскихъ надписей: Grundriss der iranischen Philologie, Bd. II, Strassb. 1896—1904, S. 40 f., 64 f. Исторія ассиріологіи: Fr. Hommel, Geschichte Babyloniens und Assyriens, Berl. 1885 (въ серіи Онкена), S. 58—134. На русскомъ языкѣ: З. А. Рагозина, Древнѣйшая исторія Востока. I. Исторія Халдеи. 2-ое изд. Спб. 1903. Мнѣніе о родствѣ шумерійскаго языка съ языкомъ Сузіаны—F. Justi, Geschichte der oriental. Völker im Altertum, Berl. 1884, S. 137. Хронологическій обзоръ исторіи Вавилона, Ассиріи и другихъ странъ: H. Winckler, Auszug aus der vorderasiatischen Geschichte, Lpz. 1905. Астрономическія вычисленія VI в.: Fr. X. Kugler, Sterndienst u. Sternkunde in Babel, I. Buch, Münster in Westfalen 1907, S. 61 f. О Тель-эль-Амарна: H. Winckler, Die Thontafeln von Tell-el-Amarna, Berlin 1896. The Tell Amarna Tablets, transl. by C. X. Conder, Lond. 1903. О „древне-восточномъ міровоззрѣніи“: H. Winckler, Die Weltanschauung des Alten Orients (Ex oriente lux, Bd. I, Heft 1, Lpz. 1905) и его же Altorientalische Geschichts-Auffassung (ibid. Bd. II, Heft 2, Lpz. 1906). О законахъ Хаммураби: V. Scheil, La loi de Hammourabi, 2-me éd., Paris 1904. Примѣръ изслѣдованія объ эволюціи правовыхъ взглядовъ у народовъ древняго Востока: E. Revillout, La femme dans l'antiquité (Journ. Asiat. 10, VII, 1906). Сопоставленіе буддійскихъ и мусульманскихъ святынь Восточнаго Туркестана: M. A. Stein, Ancient Khotan, Oxford 1907, I, 122; также его же Preliminary Report on a journey of archeological and topographical exploration in Chinese Turkestan, Lond. 1901, и рецензія С. Ѳ. Ольденбурга въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XIV, 0140. Сопоставленіе Китая съ Византіей: Th. Lindner, Weltgeschichte seit der Völkerwanderung, Bd. I, Stuttg. u. Berl. 1901, S. 123.

ГЛАВА III.

Первымъ европейскимъ народомъ, который, по своему географическому положенію, долженъ былъ ознакомиться съ Востокомъ, были греки. Вопросъ о вліяніи культурныхъ народовъ Востока на созданіе греческой образованности еще не вполнѣ выясненъ. Съ культурой Египта греки могли знакомиться непосредственно, и слѣды этого знакомства можно указать какъ въ археологическихъ памятникахъ, такъ и въ произведеніяхъ греческаго эпоса; культура Вавилона, насколько извѣстно до сихъ поръ, оказывала вліяніе на Грецію только черезъ посредство народовъ, жившихъ на берегу Средиземнаго моря, главнымъ образомъ финикійцевъ. Отсутствіе источниковъ для изученія финикійской культуры болѣе всего затрудняетъ выясненіе вопроса о культурномъ воздѣйствіи Востока на Грецію; до настоящаго времени на мѣстѣ древнихъ финикійскихъ городовъ не найдено ни надписей, ни другихъ памятниковъ болѣе ранняго періода, чѣмъ эпоха персидскаго владычества; по отношенію къ исторіи Финикіи европейскіе ученые находятся и до сихъ поръ въ такомъ же положеніи, въ какомъ находились по отношенію къ исторіи Египта и Вавилоніи до открытія іероглифическихъ и клинообразныхъ надписей.

На вліяніе культуры Востока указываетъ уже тотъ фактъ, что греческая наука получила начало въ той части греческаго міра, которая по своему географическому положенію болѣе всего должна была подвергаться вліянію восточныхъ народовъ, именно въ Малой Азіи.

Начало греческому естествознанію и греческой географіи было положено въ малоазіатскомъ городѣ Милетѣ въ VI в. до Р. Х. Какъ извѣстно, основатель греческаго естествознанія, Ѳалесъ, называлъ хаотическую массу, изъ которой образовалась вселенная, „водой“, что вполнѣ соотвѣтствуетъ терминологіи какъ библейскихъ, такъ и египетскихъ и вавилонскихъ космогоническихъ сказаній.

Столь же вѣроятно восточное происхожденіе перваго географическаго обобщенія греческой науки—раздѣленія земли на двѣ части свѣта, Азію (собств. Асію) и Европу, къ которымъ впослѣдствіи была присоединена третья, Ливія (у римлянъ Африка). Происхожденіе этихъ названій было давно забыто уже въ эпоху Геродота, который сообщаетъ объ этомъ только миѳическія сказанія. Европейскіе ученые старались объяснить слова „Асія“ и

„Европа" изъ греческаго (такому толкованію поддается только второе слово) или изъ семитическихъ языковъ (предполагая вліяніе финикійцевъ или, черезъ посредство Лидіи, ассирійцевъ). Отсутствіе греческой этимологіи слова „Асія" и миѳическія объясненія, придуманныя греками, могутъ считаться признаками не-греческаго происхожденія этихъ терминовъ, хотя въ извѣстныхъ до сихъ поръ восточныхъ надписяхъ и въ памятникахъ восточныхъ литературъ, независимыхъ отъ греческаго вліянія, мы подобныхъ терминовъ не находимъ. Оба термина употреблялись греками, конечно, не въ томъ значеніи, которое было имъ присвоено впослѣдствіи. „Европа" упоминается уже въ гомеровскомъ гимнѣ Пиѳійскому Аполлону, гдѣ такъ названа часть Греціи къ сѣверу отъ Пелопоннеса, въ отличіе какъ отъ этого полуострова, такъ и отъ острововъ. Представители возникшей въ Милетѣ „іонической" географической школы (уже ученику Ѳалеса, Анаксимандру, приписываютъ составленіе первой географической карты) обозначали словами „Асія" и „Европа" части материка, раздѣленныя Средиземнымъ и Чернымъ морями. Острова не причислялись къ Европѣ и Геродотомъ (IV, 45). Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, нѣкоторые географы признавали границей между Азіей и Европой рѣку Фасисъ (Ріонъ), другіе—рѣку Танаисъ (Донъ); о странахъ къ востоку отъ бассейна Чернаго и Азовскаго морей греки знали слишкомъ мало, чтобы опредѣлить здѣсь границы частей свѣта. Еще Поливій (III, 37, 7) представлялъ себѣ Европу, какъ часть свѣта, расположенную къ сѣверу отъ Азіи и Африки по всей длинѣ обѣихъ, отъ востока къ западу.

Сочиненія іоническихъ географовъ не дошли до насъ; свѣдѣніями о ихъ трудахъ мы обязаны главнымъ образомъ Геродоту. Между прочимъ у Геродота (V, 49) сохранился разсказъ о мѣдной доскѣ, на которой были изображены „окружность всей земли, все море и всѣ рѣки"; по этой доскѣ Аристагоръ милетскій зимой 500—499 г. показывалъ спартанскому царю Клеомену, у котораго просилъ помощи противъ персовъ, пути въ столицу персидскаго царя. Геродотъ пользовался также сочиненіемъ Аристея проконнесскаго (VII в. до Р. Хр.) о скиѳахъ и жившихъ къ сѣверу отъ нихъ племенахъ. Колоніи, основанныя Милетомъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря, должны были сблизить грековъ съ кочевниками черноморскихъ степей, отъ которыхъ они могли получить свѣдѣнія о другихъ кочевыхъ народахъ. По представленію Аристея, часть Европы къ сѣверу отъ Чернаго моря была занята нѣсколькими народами, причемъ, по направленію съ сѣвера на югъ, происходили постоянныя нападенія одного народа на другой, иногда вызывавшія передвиженіе народовъ; только на самомъ сѣверѣ, на берегу океана, жилъ мирный народъ—гиперборейцы, не принимавшіе участія въ этихъ нападеніяхъ и передвиженіяхъ. Такимъ же движеніемъ племенъ, причемъ каждое вытѣсняло своихъ южныхъ сосѣдей, Аристей объясняетъ происшедшее въ его время нашествіе народа киммерійцевъ, о которомъ упоминаютъ также ассирійскія надписи, на Месопотамію и Малую Азію. Очевидно, уже при Аристеѣ было замѣтно то передвиженіе народовъ, которымъ опредѣляется вся дальнѣйшая исторія кочевниковъ Средней Азіи и восточной Европы и которое имѣло значительное вліяніе на судьбу прилегавшихъ къ степямъ культурныхъ земель; но это движеніе въ дѣйствительности происходило въ направленіи съ востока на западъ, а не съ сѣвера на югъ. Если предположить ошибку со стороны Аристея и исправить его сообщеніе въ томъ смыслѣ, что перечисленные имъ народы жили въ порядкѣ съ запада на востокъ, то въ легендѣ о гиперборейцахъ можно будетъ признать древнѣйшее смутное извѣстіе о китайцахъ, проникшее въ западную Азію. Во всякомъ случаѣ эта легенда рано приняла у грековъ настолько фантастическій характеръ, что уже Геродотъ сомнѣвался въ существованіи гиперборейцевъ; въ виду этого мы едва ли имѣемъ право сдѣлать какой-нибудь выводъ изъ разсказа Геродота о перевязанной стеблями пшеницы святынѣ, будто бы отправлявшейся изъ страны гиперборейцевъ и доходившей до Адріатическаго моря, причемъ на этомъ пути каждый народъ передавалъ ее своимъ сосѣдямъ; еще меньше изъ разсказа его же о пребываніи гиперборейцевъ на островѣ Делосѣ.

Геродотъ (происходившій изъ города Галикарнасса въ Малой Азіи) въ своемъ сочиненіи, о которомъ мы уже упоминали, собралъ обильный матеріалъ не только историческій, но и географическій, частью извлеченный изъ трудовъ его предшественниковъ, частью собранный имъ самимъ путемъ личныхъ наблюденій и разспросовъ. Какія именно страны были посѣщены имъ лично, не вполнѣ ясно; во всякомъ случаѣ онъ былъ въ Египтѣ и во многихъ областяхъ по берегу Средиземнаго и Чернаго морей, въ томъ числѣ и въ греческихъ городахъ южной Россіи. Изъ мѣстностей внутренней Азіи онъ былъ въ Вавилонѣ; дорога въ Сузы ему, повидимому, была извѣстна только по разсказамъ. Изъ восточныхъ языковъ ему или тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ онъ получилъ свои свѣдѣнія, былъ хорошо извѣстенъ языкъ южно-русскихъ скиѳовъ; съ египтянами, семитами и персами онъ могъ объясняться только черезъ посредство переводчиковъ, иногда вводившихъ его въ заблужденіе. Страны и народы, вхо-

дившіе въ составъ персидской монархіи, извѣстны ему больше по названію. О географическомъ положеніи областей, расположенныхъ къ востоку отъ Вавилона и Сузъ, онъ имѣлъ только смутное представленіе; изъ данныхъ о бытѣ населенія онъ могъ сообщить только свѣдѣнія объ одеждѣ и вооруженіи народностей, участвовавшихъ въ походѣ Ксеркса. Насколько приведенный имъ списокъ персидскихъ провинцій и взимавшихся съ нихъ податей соотвѣтствовалъ дѣйствительному административному и финансовому устройству Персіи, трудно сказать; едва ли онъ, хотя бы черезъ переводчика, пользовался оффиціальнымъ документомъ. Самая восточная изъ провинцій Персіи, Индія, была также восточнымъ предѣломъ разспросныхъ свѣдѣній Геродота. Геродотъ зналъ, что индійцы превосходятъ своею многочисленностью всѣ прочіе народы, хотя подъ Индіей понималъ только бассейнъ Инда; песчаныя степи, расположенныя къ востоку отъ этого бассейна, были, по его представленію, предѣломъ населенной части свѣта. Его свѣдѣнія объ Индійскомъ океанѣ, съ Персидскимъ заливомъ и Краснымъ моремъ, крайне неточны; но за то ему по плаванію финикійцевъ, совершенному по распоряженію египетскаго царя Нехо (610—594 до Р. Хр.), было извѣстно, что Африка со всѣхъ сторонъ окружена моремъ, тогда какъ впослѣдствіи представители греческой географической науки предполагали, что южная Африка связана пространствомъ суши съ восточной Азіей. На сѣверо-востокѣ предѣломъ точныхъ свѣдѣній Геродота было Каспійское море. Ему было извѣстно, что къ востоку отъ этого моря простирается необозримая равнина, гдѣ живетъ народъ массагетовъ; но въ то же время онъ заставляетъ Кира во время похода на массагетовъ, переходить черезъ Араксъ, который, по его же разсказу, впадалъ въ море съ запада. Несмотря на это, свѣдѣнія Геродота о Каспійскомъ морѣ также отличаются большей точностью, чѣмъ свѣдѣнія послѣдующихъ географовъ. Геродотъ зналъ, что Каспійское море со всѣхъ сторонъ окружено сушей, тогда какъ впослѣдствіи, съ III в. до Р. Хр. до II в. по Р. Хр., его считали заливомъ Сѣвернаго океана; онъ же замѣчаетъ, что Каспійское море занимаетъ въ длину (очевидно, съ сѣвера на югъ) пространство въ 15 дней плаванія, въ ширину пространство въ 7 дней; въ послѣднемъ случаѣ, очевидно, имѣется въ виду разстояніе отъ одного изъ пунктовъ юго-восточнаго прибрежья (единственной населенной части восточнаго берега) до одного изъ пунктовъ сѣверо-западнаго; такъ и арабскій географъ Истахри считалъ недѣлю плаванія по „ширинѣ“ Каспійскаго моря отъ берега Мазандерана до Дербента. По представленію болѣе позднихъ

греческихъ географовъ Каспійское море занимало съ востока на западъ болѣе значительное пространство, чѣмъ съ юга на сѣверъ; даже въ западно-европейской наукѣ эта ошибка была исправлена только въ XVIII в.

Слѣдующій греческій авторъ, писавшій о Востокѣ, Ктесій (въ концѣ V и началѣ IV в. до Р. Хр.), находился въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ Геродотъ. Ктесій жилъ на Востокѣ, зналъ персидскій языкъ и былъ хорошо знакомъ съ условіями жизни восточныхъ народовъ; по своему оффиціальному положенію (онъ былъ придворнымъ врачомъ царя Артаксеркса II Мнемона) онъ могъ имѣть доступъ ко всѣмъ источникамъ. Тѣмъ не менѣе его труды, отъ которыхъ до насъ дошли только отрывки, далеко не имѣютъ того значенія, какъ трудъ Геродота. Въ разсказахъ Геродота можно установить только невольныя ошибки; Ктесій нерѣдко умышленно вводитъ въ заблужденіе своихъ читателей. Произвольно передѣлывая разсказы Геродота или сочиняя разсказы о событіяхъ древности по образцу современныхъ ему событій, онъ увѣряетъ, что пользовался книгами библіотеки персидскаго царя. Географическій кругозоръ Ктесія былъ обширнѣе кругозора Геродота; Индія была ему хорошо извѣстна; но и о ней онъ сообщаетъ только баснословныя свѣдѣнія. Разсказы Ктесія объ исторіи ассирійцевъ, мидянъ и персовъ, не имѣя никакого историческаго значенія, представляютъ нѣкоторый легендарный интересъ; помимо вымысловъ и передѣлокъ самого Ктесія, въ нихъ могъ сохраниться нѣкоторый отголосокъ легендъ восточнаго происхожденія; эти легенды, повидимому, слагались главнымъ образомъ въ сѣверо-восточной части персидской монархіи, на что указываетъ явная тенденція всѣхъ разсказовъ въ пользу средне-азіатскихъ народовъ—бактрійцевъ и скиѳовъ. Труды Ктесія оказали большое вліяніе какъ на греческую исторіографію, такъ и на географическія представленія грековъ, въ томъ числѣ и на географическіе взгляды главнаго представителя греческой науки—Аристотеля. Отрывки изъ сочиненій Ктесія сохранились въ сочиненіяхъ Діодора и Николая Дамаскина и въ „Библіотекѣ“ византійскаго патріарха Фотія.

Современникъ Ктесія, Ксенофонтъ, былъ предводителемъ грековъ во время знаменитаго отступленія отряда 10000 греческихъ наемниковъ, пришедшаго въ Вавилонію изъ Малой Азіи съ Киромъ Младшимъ, возставшимъ противъ своего брата Артаксеркса (401 г. до Р. Хр.); послѣ пораженія и смерти Кира греки отступили къ берегу Чернаго моря, проложивъ себѣ оружіемъ путь черезъ области персидскихъ сатраповъ и независимыхъ горныхъ

народовъ. Въ сочиненіи Ксенофонта (Anabasis) приводится маршрутъ пути изъ Малой Азіи въ Вавилонію и изъ Вавилоніи черезъ Курдистанъ и Арменію въ Трапезунтъ, сообщаются свѣдѣнія объ областяхъ, городахъ и бытѣ населенія.

Походы Александра Македонскаго (334—326 гг. до Р. Хр.) значительно расширили географическій кругозоръ грековъ; представители греческой науки получили возможность изучить страны Востока, казалось бы, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Ученикъ величайшаго ученаго древности, Аристотеля, Александръ вполнѣ понималъ значеніе науки; рядомъ со штатомъ историковъ, которые должны были описывать маршрутъ завоевателя и его подвиги, въ его войскѣ былъ штатъ ученыхъ для собиранія новыхъ матеріаловъ по географіи и естественнымъ наукамъ. Послѣ распаденія имперіи Александра греки оставались господствующимъ народомъ въ Египтѣ и Передней Азіи; власть династіи Селевкидовъ, господствовавшей въ Сиріи и Месопотаміи, простиралась нѣкоторое время до Сыръ-Дарьи и Инда; даже послѣ вытѣсненія Селевкидовъ изъ Ирана парѳянами на крайнемъ востокѣ прежней персидской монархіи продолжало существовать греко-бактрійское царство, занимавшее нѣкоторое время обширное пространство; впослѣдствіи утверждали, что бактрійскіе цари покорили большее число народовъ, чѣмъ Александръ. Сами парѳяне, несмотря на свои войны съ Селевкидами, не были враждебны грекамъ; ихъ монеты имѣютъ греческія надписи; среди ихъ титуловъ встрѣчается титулъ Philellen (другъ эллиновъ).

Для науки завоеванія Александра Македонскаго и господство грековъ въ Азіи имѣли, однако, менѣе значительныя послѣдствія, чѣмъ можно было ожидать. Несмотря на сопровождавшій Александра штатъ историковъ, мы не имѣемъ достовѣрной исторіи его походовъ; несмотря на штатъ ученыхъ, мы не находимъ въ греческой литературѣ описанія пройденныхъ имъ областей, которое могло бы сравниться хотя бы съ описаніями Геродота и Ксенофонта. Историки Александра больше заботились о прославленіи своего героя, чѣмъ о достовѣрности своихъ сообщеній; даже разсказы наиболѣе достовѣрныхъ лѣтописцевъ, Птолемея и Аристобула, которыми впослѣдствіи (во II в. по Р. Хр.) воспользовался Арріанъ, часто вызываютъ сомнѣніе. Сами греки отмѣчаютъ стремленіе спутниковъ Александра найти во всѣхъ мѣстностяхъ, посѣщенныхъ Александромъ, и во всѣхъ его дѣйствіяхъ черты сходства съ миѳами о богахъ и герояхъ. Повидимому, этому стремленію не противодѣйствовалъ и самъ Александръ; нѣкоторыя его дѣйствія, какъ походъ къ оракулу Аммона въ Ливійской пу-

стынѣ и къ Сыръ-Дарьѣ, которую смѣшивали съ Танаисомъ (Дономъ), объясняются, повидимому, сознательнымъ подражаніемъ героямъ Ктесія. Еще меньше свѣдѣній мы имѣемъ объ исторіи грековъ въ Азіи послѣ Александра. Несмотря на столѣтнее существованіе греко-бактрійскаго царства, греческіе источники не даютъ намъ ни сколько-нибудь подробныхъ свѣдѣній о его исторіи, ни описанія города Бактръ (нынѣшняго Балха), ни описанія входившихъ въ составъ царства областей съ ихъ городами.

Ученыя предпріятія, связанныя съ походами Александра, иногда имѣли цѣлью рѣшеніе вопросовъ, которые могли считаться рѣшенными уже въ эпоху Геродота, какъ вопросъ о морскомъ пути изъ Индіи въ Переднюю Азію и о соединеніи Каспійскаго моря съ океаномъ. Для рѣшенія перваго вопроса еще самъ Александръ отправилъ изъ Индіи флотъ, подъ начальствомъ Неарха, къ устью Евфрата; описаніе этого плаванія, составленное Неархомъ, дошло до насъ благодаря труду Арріана объ Индіи и было источникомъ всѣхъ позднѣйшихъ описаній береговъ Индійскаго океана и Персидскаго залива въ греческой литературѣ. Намѣренія изслѣдовать Каспійское море Александръ не успѣлъ осуществить; Селевкъ I Никаторъ поручилъ эту задачу Патроклу, плаваніе котораго относится къ 285—282 гг. до Р. Хр. Патроклъ, посѣтившій, очевидно, только южную часть моря, пришелъ къ убѣжденію, что оно соединяется съ океаномъ на сѣверѣ, и такой взглядъ продолжалъ господствовать въ греческой наукѣ до римской эпохи. Ко времени того же Селевка относится путешествіе Мегасѳена, отправленнаго посломъ къ индійскому царю Сандрокотту (Чандрагупта), правившему въ долинѣ Ганга. Описаніе этого посольства, дошедшее до насъ благодаря тому же труду Арріана, заключаетъ въ себѣ самыя подробныя свѣдѣнія объ Индіи въ греческой литературѣ.

Еще въ меньшей степени походы Александра повліяли на распространеніе свѣдѣній о языкахъ, литературахъ и исторіи Востока. Несмотря на тѣсное сближеніе съ Востокомъ, греки не создали востоковѣдѣнія; до насъ не дошло ни одно сочиненіе греческаго автора, который бы пользовался восточными источниками. О существованіи такого труда мы имѣемъ только одно извѣстіе, именно слова Плинія о Гермиппѣ, современникѣ Птолемея III Эвергета (247—222 гг. до Р. Хр.), будто бы изучившемъ въ подлинникѣ персидскія религіозныя книги и изложившемъ содержаніе двухъ милліоновъ стиховъ. Изъ персидскаго эпоса въ греческой литературѣ сохранился одинъ отрывокъ—любопытный разсказъ Хареса митиленскаго, камергера Александра маке-

донскаго; въ немъ мы имѣемъ древнѣйшую версію одного изъ эпизодовъ персидскаго эпоса, собранныхъ въ XI в. по Р. Хр. въ поэмѣ Фирдауси „Шахнамэ". Туземные источники по исторіи Востока были обработаны для грековъ двумя представителями восточной науки, вавилонскимъ жрецомъ Беросомъ для Антіоха I Сотера (280—263 до Р. Хр.) и египетскимъ жрецомъ Манеѳономъ для Птолемея II Филадельфа (284—247 до Р. Хр.). Оба сочиненія извѣстны намъ только по позднѣйшимъ цитатамъ и ссылкамъ. Историческія преданія сохранялись въ Египтѣ лучше, чѣмъ въ Вавилонѣ; Беросъ располагалъ свѣдѣніями только съ VIII в. до Р. Хр., Манеѳонъ могъ перечислить всѣ династіи, правившія въ Египтѣ съ древнѣйшихъ временъ. Труды обоихъ авторовъ высоко цѣнятся современной европейской наукой, и открытіе клинообразныхъ и іероглифическихъ надписей вполнѣ подтвердило ихъ сообщенія; до настоящаго времени египтологи руководятся перечнемъ династій, приведеннымъ у Манеѳона. Но на античную науку Беросъ и Манеѳонъ не оказали почти никакого вліянія; авторы римскаго періода, какъ Діодоръ, несмотря на существованіе труда Бероса, продолжали излагать исторію Ассиріи и Вавилоніи по Ктесію.

Средоточіемъ греческой науки послѣ Александра, гдѣ, между прочимъ, приводился въ систему добытый, благодаря его походамъ, географическій и естественно-историческій матеріалъ, былъ городъ Александрія въ Египтѣ. Изъ географическихъ системъ александрійскихъ ученыхъ извѣстны системы Дикеарха, ученика Аристотеля, и Эратосѳена, жившаго въ III в. до Р. Хр. Дикеарху принадлежитъ гипотеза, которой придерживались еще арабскіе ученые, о непрерывномъ рядѣ горныхъ цѣпей, раздѣляющемъ материкъ Азіи на двѣ части по всей его длинѣ отъ запада къ востоку.

Теоріи александрійскихъ ученыхъ извѣстны намъ главнымъ образомъ по компиляціямъ, составленнымъ уже въ эпоху римскаго владычества, именно по „Географіи" Страбона (писалъ въ началѣ I в. по Р. Хр), „Естественной исторіи" Плинія старшаго († 79 г. по Р. Хр.) и „Географіи" Птолемея (II в. по Р. Хр.) Астрономическая и географическая система Птолемея была, въ этихъ отрасляхъ знанія, послѣднимъ словомъ античной науки; еще въ XVII в. представителями европейской университетской науки осуждалась каждая попытка отступить отъ авторитета Птолемея при описаніи какой-нибудь страны и при изображеніи ея на картѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда составитель описанія и карты могъ ссылаться на свои личныя наблюденія.

Въ исторіи отношенія европейцевъ къ Востоку римская эпоха имѣетъ важное значеніе. Объединеніе областей греческой культуры подъ властью Рима и распространеніе греко-римской культуры на западную Европу создало понятіе о „Востокѣ", какъ особомъ мірѣ, противоположномъ греко-римскому и вообще европейскому. Въ этомъ смыслѣ слова „восточный" и „Востокъ" впервые встрѣчаются у римскихъ авторовъ (ср. res orientales у Трога Помпея, Oriens у Тацита, Germania 37). Но фактическій матеріалъ о Востокѣ, находившійся въ распоряженіи римлянъ, мало отличался отъ матеріала грековъ. Изъ войнъ римлянъ на Востокѣ только походъ Помпея въ области между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ до Кавказскаго хребта доставилъ новый матеріалъ для географіи; но и этотъ походъ не установилъ въ наукѣ болѣе правильныхъ понятій о Каспійскомъ морѣ и расположенныхъ за нимъ странахъ. Еще Страбонъ и Плиній представляли себѣ Каспійское море заливомъ Сѣвернаго океана; эта ошибка была исправлена Птолемеемъ, очевидно, на основаніи имѣвшихся въ его распоряженіи свѣдѣній о торговомъ пути по сѣверную сторону моря (у Птолемея впервые упоминается Волга подъ ея финскимъ названіемъ — Ра); но и Птолемей раздѣлялъ заблужденіе прежнихъ авторовъ о впаденіи въ Каспійское море Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи и о сплошномъ водномъ пути къ Каспійскому морю изъ Индіи. О мѣстоположеніи Бактріаны, о расположенной къ сѣверу отъ нея Согдіанѣ и о городахъ обѣихъ областей представленіе Птолемея было еще менѣе точнымъ, чѣмъ представленіе Страбона.

Населеніе восточныхъ областей Римской имперіи оставалось греческимъ по языку и культурѣ; Римъ могъ наложить на населеніе этихъ областей свое имя, но не могъ подчинить его, какъ населеніе западной Европы и сѣверной Африки, вліянію латинскаго языка. Первоначальное названіе грековъ на Востокѣ, „іоняне", постепенно было вытѣснено названіемъ „румейцевъ"; это названіе было принято самими греками и сохранилось въ народѣ до сихъ поръ, не смотря на употребленіе въ византійской литературѣ названія „эллины" и на оффиціальное возстановленіе этого названія послѣ освобожденія Греціи отъ турецкаго владычества. Но языкомъ „румейцевъ" оставался греческій. На греческую литературу и науку, въ томъ числѣ и на географію, Римъ, вслѣдствіе превосходства греческой культуры, не могъ оказать почти никакого вліянія; единственная географическая компиляція на латинскомъ языкѣ (сочиненіе Плинія) составлена по греческимъ матеріаламъ и по точности изложенія фактовъ значи-

тельно уступаетъ компиляціямъ Страбона и Птолемея. На работы по географіи могли, однако, оказать вліяніе потребности римскаго правительства; такъ во время войнъ съ пареянами для правительства было важно получить свѣдѣнія о военныхъ и торговыхъ путяхъ, проходившихъ черезъ пареянское государство. До насъ дошелъ подобный маршрутъ, составленный Исидоромъ харакскимъ (около времени Р. Хр.) и доведенный отъ берега Евфрата до Александріи въ Арахосіи, т.-е. до нынѣшняго Кандагара. Другой памятникъ этой литературы—географическая карта II в. по Р. Хр., извѣстная подъ названіемъ tabula Peutingeriana, открытая въ XVI в. ученымъ Цельзіусомъ, но получившая названіе отъ ученаго Пейтингера, которому она была передана.

Дорожники Исидора харакскаго и tabula Peutingeriana — единственные дошедшіе до насъ первоисточники (впрочемъ, даже tabula Peutingeriana отчасти имѣетъ компилятивный характеръ и воспроизводитъ свѣдѣнія, относящіяся къ различнымъ эпохамъ); остальныя свѣдѣнія о путяхъ торговли на сушѣ дошли до насъ только въ обработкѣ Птолемея. Греки изъ западной Азіи въ то время, повидимому, рѣдко проникали въ пареянское государство; торговые пути изъ Средней Азіи оставались въ рукахъ пареянъ; когда въ концѣ II в. до Р. Хр., послѣ появленія въ Средней Азіи китайскихъ посольствъ и военныхъ отрядовъ, начались непосредственныя сношенія между Средней Азіей и Китаемъ, пареяне сдѣлались посредниками при торговыхъ сношеніяхъ между Дальнимъ Востокомъ и Римской имперіей.

Главнымъ товаромъ Дальняго Востока, вывозившимся на западъ, былъ въ то время шелкъ, извѣстный въ Римѣ подъ названіемъ *sericum*; народъ, выдѣлывавшій шелкъ, назывался Seres. Китайское слово для обозначенія шелка, по современному пекинскому произношенію,—*сы*; о древнемъ произношеніи мы можемъ только догадываться по названіямъ шелка у восточныхъ народовъ, заимствовавшихъ этотъ товаръ изъ Китая (у корейцевъ *сир*, у монголовъ *сиркек*, у маньчжуровъ *сирге*). Присутствіе гортаннаго звука въ словахъ монгольскомъ и маньчжурскомъ, какъ и въ славянскомъ шелкъ (это слово считаютъ заимствованнымъ съ Востока непосредственно, помимо грековъ), приводитъ лингвистовъ къ мнѣнію, что слово sericum не было произведено отъ Seres, а образовано изъ какого нибудь восточнаго слова, служившаго для обозначенія шелка; только впослѣдствіи окончаніе этого слова сблизили съ греческимъ и латинскимъ суффиксомъ для образованія прилагательныхъ и произвели отъ него названіе народа „серовъ".

Имя „серовъ" встрѣчается уже въ литературѣ эпохи Августа, но представленія авторовъ этой эпохи о серахъ и о производимомъ ими товарѣ были крайне темны и неточны. Діонисій Періегетъ (въ началѣ II в. по Р. Хр.) полагалъ, что серы занимаются исключительно выдѣлкою шелковыхъ тканей и что эти ткани приготовляются изъ древесныхъ листьевъ. Павсаній (въ концѣ II в. по Р. Хр.) уже имѣлъ правильное представленіе о разведеніи шелковичныхъ червей.

По географической системѣ Птолемея серы были послѣднимъ народомъ въ сѣверо-восточной Азіи, жившимъ на берегу восточнаго океана. Пареяне сохраняли за собой выгодную роль посредниковъ сухопутной торговли и, по свѣдѣніямъ китайцевъ, всячески старались препятствовать непосредственнымъ торговымъ сношеніямъ между Китаемъ и Римской имперіей. Несмотря на это, все-таки были случаи такихъ сношеній. Птолемей приводитъ описаніе торговаго пути изъ Бактръ въ столицу серовъ, причемъ съ этимъ путемъ соединялся, вѣроятно въ нынѣшней Ферганской области, путь согдійскихъ купцовъ; описаніе заимствовано у другого географа, Марина тирскаго; послѣднему доставилъ эти свѣдѣнія македонскій купецъ Maes Titianus, приказчики котораго совершали это путешествіе нѣсколько разъ. Путь въ столицу серовъ по Птолемею вызвалъ со стороны европейскихъ ученыхъ цѣлый рядъ изслѣдованій, но еще не можетъ считаться вполнѣ выясненнымъ. Изслѣдователямъ не всегда была ясна трудность толкованія собственныхъ именъ, несомнѣнно искаженныхъ какъ приказчиками македонскаго купца, такъ и авторами, пользовавшимися ихъ разсказомъ; кромѣ того успѣху изслѣдованій препятствовалъ неправильный методъ, еще до сихъ поръ не вполнѣ устраненный въ ученой литературѣ: географическія названія классическихъ авторовъ сближались не съ названіями древнѣйшихъ восточныхъ источниковъ, а съ современными названіями, безъ разсмотрѣнія вопроса, могли ли послѣднія употребляться въ классическую эпоху. Такъ упоминаемый у Птолемея городъ Auzakia отождествляется всѣми изслѣдователями, по сходству звуковъ, съ городомъ Аксу (по-турецки „бѣлая вода") въ Восточномъ Туркестанѣ, несмотря на отсутствіе доказательствъ, что населеніе этой страны уже тогда говорило по-турецки, и несмотря на фактъ, что въ восточной географической литературѣ названіе Аксу не встрѣчается раньше XIV в.

Обогащенію географическихъ свѣдѣній, кромѣ сухопутной торговли, содѣйствовала и морская. До Птолемея мы имѣемъ на греческомъ языкѣ два описанія береговъ Азіи: „Периплъ моря

Эвксинскаго“ (Чернаго) и „Periплъ моря Эриөрейскаго“ (Краснаго, т. е. Индiйскаго океана); оба приписывались Аррiану; на самомъ дѣлѣ второе сочиненiе, какъ теперь полагаютъ, написано болѣе раннимъ авторомъ между 70 и 75 г. по Р. Хр. Средоточiемъ морскихъ сношенiй имперiи съ Индiей былъ Египетъ. Еще при Александрѣ Македонскомъ были собраны нѣкоторыя свѣдѣнiя о берегахъ Индiи и объ островѣ *Тапробанѣ*, въ которомъ нѣкоторые изъ европейскихъ изслѣдователей видятъ Цейлонъ, другiе—Суматру. При Птолемеяхъ, въ началѣ I в. до Р. Хр., начались прямыя сношенiя Египта съ Индiей. Эта торговля оказала нѣкоторое влiянiе на развитiе гражданственности и культуры въ Iеменѣ (т.-е. въ юго-западной Аравiи). Въ гораздо болѣе раннюю эпоху сюда, благодаря морской торговлѣ между Передней Азiей и Индiей, былъ принесенъ семитическiй алфавитъ; теперь мы видимъ здѣсь чеканку монетъ, сначала, какъ у аөинянъ, съ изображенiемъ совы и надписью AΘE (сокращенное обозначенiе города Аөинъ, Athenai), потомъ съ изображенiемъ римскихъ императоровъ. Благодаря той же морской торговлѣ могли быть получены греками, путемъ разспросовъ въ Индiи или путемъ непосредственныхъ сношенiй, свѣдѣнiя о морскомъ пути въ Китай.

Уже въ I в. по Р. Хр. былъ извѣстенъ народъ „сины“ (у автора „Перипла“ Thinai, у Птолемея Sinai), страна котораго была крайнимъ пунктомъ плаванiя по Эриөрейскому морю, т.-е. по Индiйскому океану. Слова „Чина“ и „Махачина“ (великая Чина) употреблялись для обозначенiя Китая въ Индiи, откуда, по всей вѣроятности, были заимствованы египетскими мореплавателями; слово „Чина“ производятъ отъ названiя китайской династiи Цинь (255—206 до Р. Хр.), что указываетъ на время начала морскихъ сношенiй между Индiей и Китаемъ. Замѣчательно, что китайцы, по всей вѣроятности, также на основанiи (неправильно понятыхъ) словъ индiйцевъ, отнесли названiе Махачина къ Римской имперiи (у китайцевъ Да-цинь). О непосредственныхъ сношенiяхъ между Египтомъ и страною синовъ мы у классическихъ авторовъ не находимъ свѣдѣнiй; китайскiе источники сообщаютъ о „посольствѣ“ императора Ань-дунъ’я, прибывшемъ въ 166 г. по Р. Хр. въ Китай изъ Аннама, куда оно, очевидно, проникло морскимъ путемъ. Въ Римѣ правила въ то время династiя Антониновъ; „посольство“ относится къ царствованiю Марка Аврелiя (163—180 гг.); слово „Ань-дунь“ представляетъ, повидимому, транскрипцiю слова Антонинъ. Едва ли можно полагать, что римскiе императоры дѣйствительно хотѣли вступить въ дипломатическiя сношенiя съ китайскими; на Востокѣ, особенно въ Китаѣ, прибытiе купеческихъ каравановъ или торговыхъ судовъ часто разсматривалось какъ посольство, тѣмъ болѣе, что и сами купцы, чтобы не платить таможенныхъ сборовъ, нерѣдко выдавали себя за пословъ своего государя.

Свѣдѣнiя о берегахъ Индiйскаго океана, вошедшiя въ систему Птолемея, были еще болѣе сбивчивы, чѣмъ свѣдѣнiя о пути къ серамъ. Птолемей зналъ, что разсказы моряковъ о пройденныхъ ими разстоянiяхъ часто бываютъ преувеличены, но не располагалъ никакими данными для провѣрки отдѣльныхъ разсказовъ; поэтому онъ придерживался общаго правила — сокращать разстоянiя, указанныя моряками, до $^2/_3$. Очертанiя береговъ, особенно начиная отъ Бенгальскаго залива къ востоку, отмѣчены крайне неточно; весь материкъ получилъ съ запада на востокъ значительно большее протяженiе, чѣмъ имѣлъ въ дѣйствительности, и эта ошибка была исправлена только въ XVIII в., на основанiи астрономическихъ опредѣленiй iезуитовъ. Дальше Аннама моряки не проникали, и потому не было опровергнуто неправильное представленiе о соединенiи южной Африки съ Азiей. Кромѣ того Птолемей считалъ синовъ, къ которымъ можно было проѣхать моремъ, и серовъ, отъ которыхъ привозился сухимъ путемъ шелкъ, двумя различными народами и помѣщалъ страну первыхъ къ югу отъ страны вторыхъ. Подъ влiянiемъ различныхъ названiй Китая, проникавшихъ въ Европу изъ Средней Азiи и Индiи, подобныя ошибки повторялись въ европейской наукѣ нѣсколько разъ до XVII в.

Съ образованiемъ въ III в. по Р. Хр. персидской монархiи Сасанидовъ была связана нацiональная реакцiя противъ влiянiя греческой культуры. Уже въ IV в. было вытѣснено римское влiянiе изъ нѣкоторыхъ восточныхъ областей, чѣмъ были остановлены успѣхи греческой географiи; въ слѣдующiе вѣка исключительное преобладанiе богословской науки въ первое время послѣ распространенiя христiанства и напряженная борьба съ варварами вызвали ослабленiе научныхъ интересовъ даже въ тѣхъ областяхъ имперiи, которымъ удалось избѣжать завоеванiя варварскими народами. Вслѣдствiе этого географическая наука въ Византiи мало воспользовалась даже тѣми благопрiятными случаями, которые все же представлялись ей и въ эпоху Сасанидовъ. Персидскiе цари, воюя съ Византiей, въ то же время давали у себя убѣжище греческимъ философамъ и ученымъ; при взятiи городовъ Сирiи они увозили въ плѣнъ часть жителей для насажденiя въ Персiи промышленности и техники; сирiйскiе христiане, несмотря на нѣкоторыя религiозныя гоненiя, распространяли свое ученiе въ Персiи, Индiи, Средней Азiи и

Китаѣ. Греческій переводчикъ Сергій въ VI в. даже получилъ доступъ къ книгамъ царской библіотеки, изъ которыхъ извлекъ нѣкоторыя свѣдѣнія для своего друга, историка Агаѳія. Все это могло бы содѣйствовать распространенію въ Византіи тѣхъ географическихъ свѣдѣній, которыя имѣлись въ Персіи.

Торговля Персіи съ другими странами во всѣ эпохи ея исторіи была главнымъ образомъ сухопутной. Равнодушіе къ морю во всѣ времена составляло одну изъ характерныхъ чертъ персидскаго народа; мѣры къ созданію персидскаго флота на Индійскомъ океанѣ и на Каспійскомъ морѣ принимались только нѣкоторыми выдающимися государями и прекращались тотчасъ послѣ ихъ смерти. Въ эпоху Сасанидовъ такимъ государемъ былъ Хосрой I Ануширванъ (531 — 578 гг.), при которомъ мы, единственный разъ во всей исторіи Персіи, видимъ такія обширныя морскія предпріятія, какъ завоеваніе Цейлона и южной Аравіи. Слѣды успѣховъ морской торговли Персіи мы находимъ и въ византійской литературѣ, именно въ „Христіанской топографіи“ Козьмы Индоплавателя (VI в.). По изслѣдованію проф. Патканова, настоящее имя этого египетскаго мореплавателя было Константинъ антіохійскій (такъ названъ авторъ „Христіанской топографіи“ въ армянской географіи, приписанной Моисею Хоренскому); прозваніе Козьмы было дано ему за описаніе міра (kosmos), прозваніе индоплавателя за плаваніе въ Индію. Въ Индіи онъ получилъ свѣдѣнія о Китаѣ, который упоминается у него подъ названіемъ Tzinitza—очевидно, транскрипція персидскаго слова *Чинистанъ* (страна чиновъ, т.-е. китайцевъ).

Въ томъ же VI в. византійцы вступили въ непосредственныя сношенія съ однимъ изъ среднеазіатскихъ народовъ, именно съ турками, образовавшими въ то время обширное государство отъ границъ Китая до границъ Персіи и Византіи. Поводомъ къ отправленію турецкаго посольства былъ вопросъ о сбытѣ шелка, приготовлявшагося въ то время въ Средней Азіи, въ Согдѣ (область съ городомъ Самаркандомъ). Неудачная попытка согдійцевъ найти сбытъ для своего товара въ Персіи вызвала разрывъ между турками и персами и попытку турокъ сблизиться, ради торговыхъ цѣлей, съ Византіей. Императоръ Юстинъ II отправилъ въ 568 г. отвѣтное посольство къ туркамъ, во главѣ котораго стоялъ Земархъ; посольство было принято турецкимъ ханомъ въ ставкѣ у горы *Эктагъ*, которую теперь считаютъ одной изъ цѣпей Тянь-шаня, къ сѣверу отъ города Кучи. Отчетъ о посольствѣ Земарха сохранился въ сочиненіи историка

Менандра Протектора „О посольствахъ“. Обмѣнъ посольствами между греками и турками, по вопросу о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ общаго врага — персовъ — продолжался еще нѣкоторое время, но не оказалъ существеннаго вліянія ни на ходъ историческихъ событій, ни на распространеніе географическихъ свѣдѣній. Послы не оставили подробнаго описанія пройденныхъ ими областей и не внесли никакихъ поправокъ въ систему Птолемея. Въ странѣ турокъ до византійцевъ дошли темныя извѣстія о китайцахъ, которые упоминаются у автора VII в. Ѳеофилакта Симокатты подъ названіемъ *Taugast* (искаженіе турецкаго слова *Табгачъ*, какъ называются китайцы въ турецкихъ надписяхъ VIII в., открытыхъ въ новѣйшее время въ Монголіи). Какъ и въ эпоху Птолемея, не было попытки сблизить это извѣстіе съ тѣми извѣстіями о китайцахъ, которыя доходили до Византіи морскимъ путемъ; не сознавали также тожества „тавгастовъ“ съ серами Птолемея.

Послѣ VI в. мы уже не видимъ никакихъ географическихъ открытій европейцевъ на Востокѣ до XIII в. Сочиненія классическихъ географовъ были переведены сирійскими авторами, которые сдѣлали къ нимъ нѣкоторыя дополненія; отъ сирійцевъ произведенія географической науки перешли къ арабамъ, обогатившимъ эту науку гораздо болѣе обширнымъ матеріаломъ.

A. Forbiger, Handbuch der alten Geographie, 2-te Ausgabe, Hamburg 1877 (3 тома; сводъ фактическаго матеріала).—H. Berger, Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen, Lpz. 1887—93. — H. F. Tozer, A history of ancient geography, Cambridge 1897 (Cambridge Geographical Series). — Объ Аристеѣ проконнесскомъ и гиперборейцахъ W. Tomaschek, Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden (Sitzungsb. der Kais. Akad. der Wiss. in Wien, phil-histor. Classe, Bd. CXVI, S. 730 f., 769 f.). О вліяніи Ктесія на Аристотеля и о географическихъ взглядахъ послѣдняго P. Bolchert, Aristoteles Erkunde von Asien und Libyen, Berlin 1908 (Quellen und Forschungen zur alten Gechichte und Geographie, herausg. von W. Sieglin, Heft 15). О другихъ писателяхъ см. статьи въ новомъ изданіи Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. О Патроклѣ K. J. Neumann, Die Fahrt des Patrokles auf dem Kaspischen Meer und der alte Lauf des Oxus (Hermes 1884, S. 165—185). Объ эпохѣ Селевкидовъ еще E. B. Bevan, The House of Seleucus, Lond. 1902. Объ извѣстіяхъ, связанныхъ съ походомъ Помпея, K. J. Neumann, Strabons Landeskunde von Kaukasien, Lpz. 1883 (Jahrbücher für classische Philologie, Suppementband XIII, S. 321—354). Исидоръ Харакскій: Isidori Characeni Stathmos Parthicos recens. B. Fabricius, Dresdae 1849. О томъ же маршрутѣ и о tabula Peutingeriana W. Tomaschek, Zur historischen Topographie von Persien (Sitzungsb. der Kais. Akad. d. Wiss. in Wien, phil.-hist. Cl. CII, 145—231). О словѣ sericum O. Schrader, Reallexicon der Indogermanischen Altertumskunde, Strassburg 1901, S. 758. О пути къ серамъ по Птолемею В. В. Григорьевъ, Восточный или Китайскій Туркестанъ, вып. II, Спб. 1873,

стр. 61—76; W. Tomaschek въ Sitzungsber. etc., CXVI, 736—748 (тамъ же ссылки на другія работы). О іеменскихъ монетахъ G. Schlumberger, Le trésor de San'â (monnaies himyaritiques), Paris 1880. О сношеніяхъ между Китаемъ и Римской имперіей F. Hirth, China and the Roman Orient, Lpz. 1885. H. Yule, Cathay and the way thither, Lond. 1866, vol. I. M. Хвостовъ, Исторія восточной торговли греко-римскаго Египта, Казань 1907. О трудѣ переводчика Сергія слова Агаѳія въ Historici Graeci minores, ed. L. Dindorfius, vol. II, Lipsiae 1871, p. 344. Объ авторѣ „Христіанской топографіи" К. Паткановъ, Армянская географія VII в. по Р. Хр. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому), Спб. 1877, стр. XI—XII, 10—11. О путешествіи Земарха и другихъ византійскихъ извѣстіяхъ Ed. Chavannes, Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux, St.-P. 1903 (Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи, VI), стр. 233—253.

ГЛАВА IV.

Возникновеніе арабской культуры связано съ появленіемъ новой міровой религіи—ислама и новой міровой державы—арабскаго халифата; въ составъ послѣдняго вошли, кромѣ всего государства Сасанидовъ, ближайшія къ Ирану области Средней Азіи и Индіи, арабскій полуостровъ, почти всѣ азіатскія провинціи Византійской имперіи, Египетъ, сѣверная Африка и Испанія. Въ противоположность прежнимъ восточнымъ государствамъ, между различными областями халифата, кромѣ внѣшнихъ признаковъ государственнаго объединенія, установилась, на почвѣ общей религіи, тѣсная внутренняя связь, не утратившая значенія и послѣ распаденія государства. Области Средней Азіи, еще въ древности (при Ахеменидахъ, Александрѣ Македонскомъ и Селевкидахъ) входившія въ составъ передне-азіатскихъ міровыхъ державъ, только при исламѣ были вполнѣ пріобщены къ передне-азіатскому культурному міру. Создатели государства и новой религіи, арабы, въ эпоху завоеванія стояли въ культурномъ отношеніи несравненно ниже покоренныхъ ими грековъ, семитовъ и персовъ; вполнѣ естественно, что культурная работа, на почвѣ сближенія различныхъ культурныхъ элементовъ въ бывшихъ византійскихъ и бывшихъ персидскихъ владѣніяхъ, большею частью совершалась лицами не-арабскаго происхожденія; тѣмъ не менѣе арабскій языкъ, какъ языкъ общей вѣры, сдѣлался также языкомъ общей культуры.

Начало этому культурному обмѣну во всѣхъ отрасляхъ научной мысли, въ томъ числѣ и въ области географіи и тѣсно связанной съ нею астрономіи, было положено при халифѣ Мансурѣ

(754—775 г), когда одновременно были переведены на арабскій языкъ произведенія грековъ, черезъ посредство сирійцевъ, и произведенія индійцевъ, черезъ посредство персовъ. Научныя системы грековъ (индійская астрономія, какъ теперь полагаютъ, получила развитіе также подъ вліяніемъ грековъ, послѣ Александра Македонскаго) были положены въ основу арабской науки и даже впослѣдствіи не были замѣнены, какъ въ западной Европѣ, новыми теоріями; такъ арабы сохранили греческое дѣленіе населенной части земли на семь климатовъ (поясовъ), въ порядкѣ отъ юга къ сѣверу, и теорію о горной цѣпи, пересѣкавшей материкъ съ запада на востокъ. Но по обширности и точности собраннаго ею географическаго матеріала арабская наука значительно превзошла греческую. Составленныя арабами описанія областей и городовъ халифата заключаютъ въ себѣ подробныя и точныя свѣдѣнія не только о физико-географическихъ и климатическихъ условіяхъ, но и о бытѣ населенія, о различныхъ отрасляхъ промышленности, о степени культурнаго развитія. Географическія познанія арабовъ не ограничивались предѣлами халифата; благодаря торговымъ сношеніямъ, имъ былъ хорошо извѣстенъ морской путь въ Индію, къ Зондскимъ островамъ и въ Китай; берега послѣдняго были ими изслѣдованы до Корейскаго полуострова (о Японіи до арабовъ доходили только темные слухи). На сушѣ, кромѣ торговаго пути въ Китай, подробно описаннаго въ мусульманской литературѣ, были извѣстны путь въ Тибетъ и пути къ ставкамъ хановъ средне-азіатскихъ кочевниковъ на берегу Чу въ Семирѣчьѣ, на берегахъ Иртыша и верхняго Енисея въ Сибири.

Эпохой расцвѣта арабской географической литературы были IX и X вв. по Р. Хр.; большая часть памятниковъ этой литературы вошла въ составъ серіи, изданной покойнымъ голландскимъ оріенталистомъ де-Гуе подъ заглавіемъ „Bibliotheca Geographorum Arabicorum." Изъ сочиненій IX в. наибольшее значеніе имѣетъ трудъ Ибнъ-Хордадбеха; изъ сочиненій X в.—трудъ, судьба котораго представляетъ наиболѣе яркое доказательство оживленнаго культурнаго обмѣна между различными областями халифата даже послѣ его распаденія. Описаніе мусульманскихъ областей, составленное въ Средней Азіи географомъ ал-Балхи, уроженцемъ Балха, было обработано и дополнено географомъ изъ Фарса, ал-Истахри, который въ свою очередь передалъ свой трудъ, для дальнѣйшихъ поправокъ и дополненій, Ибнъ-Хаукалю, происходившему изъ Багдада и жившему преимущественно въ сѣверной Африкѣ. Свѣдѣнія объ областяхъ, не входившихъ въ составъ халифата, излагаются въ дошедшихъ до насъ арабскихъ

сочиненіяхъ менѣе подробно, главнымъ образомъ потому, что до сихъ поръ не удалось найти ни полнаго экземпляра труда Ибнъ-Хордадбеха, ни экземпляра труда Джейхани, который въ X в. обработалъ и дополнилъ изложенныя у Ибнъ-Хордадбеха данныя. Въ дошедшихъ до насъ извлеченіяхъ изъ обоихъ трудовъ мы находимъ подробное описаніе морского пути до Кореи, но только краткія свѣдѣнія о пути въ Китай черезъ Среднюю Азію; между прочимъ описывается путешествіе переводчика Селлама къ Китайской стѣнѣ, предпринятое по порученію халифа Васика (842—847 гг. по Р. Хр.), видѣвшаго во снѣ, что стѣна, построенная, по Корану (XVIII, 93 и слѣд.), Александромъ Македонскимъ противъ библейскихъ народовъ Гогъ и Магогъ (у арабовъ Яджуджъ и Маджуджъ), подверглась разрушенію. Болѣе подробныя извлеченія изъ трудовъ Ибнъ-Хордадбеха и Джейхани, относящіяся къ средне-азіатскимъ торговымъ путямъ, сохранились въ персидской литературѣ, особенно у неизвѣстнаго географа X в., сочиненіе котораго, подъ заглавіемъ „Границы міра“ (*Худуд-ал-алемъ*), было открыто въ Бухарѣ въ 1892 г., и у автора XI в. Гардизи.

Морской путь арабовъ въ Индію и Китай извѣстенъ намъ, кромѣ общихъ географическихъ сочиненій, изъ сочиненія (X в.) Абу-Зейда сирафскаго (Сирафъ—гавань въ Фарсѣ), который воспользовался трудомъ купца Сулеймана (IX в.) и дополнилъ его по устнымъ сообщеніямъ Ибнъ-Вахба и другихъ путешественниковъ. Главными гаванями Китая были, по словамъ арабовъ, города *Ханфу* (нынѣ, какъ полагаютъ, Кантонъ) и *Зайтунъ* (нынѣ Цюань-чжоу-фу); въ обѣихъ были значительныя мусульманскія колоніи. Арабамъ были извѣстны пути отъ гаваней Китая внутрь страны; въ противоположность грекамъ и впослѣдствіи западнымъ европейцамъ, арабы знали, что пути съ суши и съ моря ведутъ въ одну и ту же страну *Синъ* (отъ перс. *Чинъ*, см. выше стр. 50). Повидимому, арабы нашли о морскомъ пути въ Китай въ персидской литературѣ болѣе подробныя свѣдѣнія, чѣмъ въ греческой; столица Китая (теперь городъ Си-ань-фу) сохранила у арабовъ свое персидское названіе *Хумданъ* (то же самое названіе, которое сближаютъ съ китайскимъ Гунъ-дянь „столица“, было извѣстно византійцамъ, вѣроятно, также заимствовавшимъ его у персовъ); сохранялось также древне-персидское названіе китайскаго императора—*фагфуръ* (букв. „сынъ божества“) — не совсѣмъ точный переводъ китайскихъ словъ *Тянь-цзы* („сынъ Неба“).

Вслѣдствіе расширенія географическихъ познаній всемірно-историческій кругозоръ арабовъ былъ гораздо обширнѣе кругозора грековъ; уже въ IX в. были арабскіе историки, старавшіеся собрать

преданія о прошломъ всѣхъ культурныхъ народовъ, въ томъ числѣ китайцевъ и индійцевъ. Средствъ для опредѣленія достовѣрности преданій въ то время, конечно, не было; кромѣ того количество матеріала, находившагося въ распоряженіи историковъ, далеко не было достаточно для всесторонней оцѣнки чужой культуры и для выдѣленія тѣхъ чертъ быта, которыя оказали наибольшее вліяніе на судьбу народа. Значеніе религіи для мусульманскаго общества побуждало историковъ придавать и въ жизни чужихъ народовъ первенствующее значеніе религіознымъ вѣрованіямъ; такъ замкнутость Китая объяснялась завѣтомъ вѣроучителя, будто бы опасавшагося, что вліяніе иноземцевъ ослабитъ вѣру въ его ученіе. Этимъ же объясняется, что мусульманскіе авторы въ своихъ изслѣдованіяхъ удѣляли выясненію религіи чужихъ народовъ гораздо больше вниманія, чѣмъ выясненію другихъ сторонъ ихъ жизни; оставленные ими очерки вѣрованій христіанскихъ сектъ, персовъ и индійцевъ написаны съ замѣчательной полнотой и безпристрастіемъ. Авторы такихъ изслѣдованій не останавливались передъ трудностями изученія чужого языка; такъ ученый XI в. Бируни, уроженецъ Хорезма (нынѣшняго Хивинскаго ханства), оставилъ замѣчательный трудъ объ Индіи, обнаруживающій въ авторѣ основательное знакомство съ санскритскимъ языкомъ и литературой.

Кромѣ собственно-географическихъ описаній, арабскіе ученые составляли, по сочиненіямъ географовъ и путешественниковъ, астрономическія таблицы (*зиджъ*) — списки населенныхъ мѣстъ съ обозначеніемъ долготъ и широтъ. Изъ таблицъ болѣе ранняго времени до насъ дошли между прочимъ таблицы автора XI в. Ибнъ-Юнуса „Зидж-ал-Хакими“ (составлены для фатимидскаго халифа Хакима, 996—1021 по Р. Хр.). Большею извѣстностью пользовались въ Европѣ таблицы болѣе поздняго происхожденія, именно сочиненіе Насир-ад-дина Туси „Зидж-и Ильхани“ (составлено въ Персіи, въ обсерваторіи города Мераги, для монгольскаго хана Абаки, 1265—1282 по Р. Хр.) и „Зидж-и Гургани“, составленное въ Самаркандѣ по порученію правителя Улугбека († 1449). Долгота и широта мѣстъ, расположенныхъ въ мусульманскихъ владѣніяхъ, были опредѣлены со значительною степенью точности; но внѣ предѣловъ халифата мусульманскіе ученые, насколько извѣстно, не производили астрономическихъ наблюденій; астрономическое положеніе такихъ пунктовъ опредѣлялось, повидимому, гадательно, на основаніи разстояній, указанныхъ путешественниками. Вслѣдствіе этого у арабовъ астрономическія опредѣленія не привели, какъ впослѣдствіи въ Европѣ, къ исправленію карты Птолемея.

X в. — классическая эпоха въ исторіи арабской географіи. Труды послѣдующихъ географовъ представляютъ почти исключительно сводъ матеріала, собраннаго въ IX и X вв.; изъ такихъ компиляцій наиболѣе извѣстны: трудъ Идриси, написанный въ XII в. въ Сициліи, географическій словарь Якута (XIII в.) и трудъ Абу-л-Фиды, написанный въ XIV в. въ Сиріи. Пользуясь этими трудами, надо имѣть въ виду, что приводимыя въ нихъ свѣдѣнія относятся главнымъ образомъ къ IX и X вв., а не къ тому времени, когда жили сами компиляторы; это часто забывалось, чѣмъ объясняются многія ошибки европейскихъ изслѣдователей.

Сочиненія IX и X вв. остались главнымъ источникомъ мусульманскихъ ученыхъ и послѣ образованія монгольской имперіи, не смотря на расширеніе географическаго и историческаго кругозора, вызванное этимъ событіемъ, впервые объединившимъ подъ властью одного народа страны Дальняго Востока и страны передне-азіатской культуры. Все-таки мусульмане воспользовались этимъ сближеніемъ въ большей степени, чѣмъ китайцы, несмотря на то, что въ Китаѣ еще задолго до ислама были собраны географическія свѣдѣнія о большомъ числѣ странъ.

Вопросъ о томъ, имѣлъ ли Китай еще въ древности свѣдѣнія о западныхъ народахъ, какъ и всѣ вопросы, относящіеся къ древней исторіи Китая, остается темнымъ. Во всякомъ случаѣ эти свѣдѣнія были настолько забыты, что посольство въ Среднюю Азію Чжанъ-цяня, отправившагося изъ Китая въ 138 г. и вернувшагося на родину въ 126 г. до Р. Хр., было въ глазахъ китайцевъ „открытіемъ западнаго края“. Чжанъ-цянь привезъ въ Китай первыя точныя свѣдѣнія о странахъ Средней Азіи до бассейна Аральскаго моря; при послѣдующихъ императорахъ той же Ханьской династіи (206 до Р. Хр.—220 по Р. Хр.), при которой было отправлено посольство, эти свѣдѣнія были еще расширены; уже въ I в. до Р. Хр. китайцы знали о существованіи Римской державы и о путяхъ туда по морю и по сушѣ. Какъ мы видѣли, посредниками при сухопутныхъ сношеніяхъ между Китаемъ и Римской имперіей были пареяне, которымъ было выгодно не допускать непосредственныхъ сношеній между обѣими имперіями; этимъ объясняется, что въ китайскихъ источникахъ приводятся точныя свѣдѣнія только о путяхъ до границы пареянскаго государства; о странахъ дальше къ западу имѣлись только самыя смутныя свѣдѣнія. Замѣчательно, что городъ Александрія въ Арахосіи (нынѣ Кандагаръ), конечный восточный пунктъ маршрута Исидора Харакскаго, былъ въ то же время конечнымъ западнымъ пунктомъ

подробныхъ китайскихъ маршрутовъ (у китайцевъ У-гэ-шань-ли, т.-е. Александрія). Сопоставляя греческія извѣстія съ китайскими, мы получаемъ возможность прослѣдить направленіе торговыхъ путей, въ эпоху около Р. Хр., на всемъ протяженіи материка Азіи, отъ Средиземнаго моря до Великаго океана.

Римская имперія упоминается въ китайскихъ источникахъ подъ названіемъ *Да-цинь*; китайцы знали только азіатскую часть имперіи и считали главнымъ городомъ ея Антіохію (у китайцевъ *Ань-ду*). Въ VII в., когда сначала при династіи Суй (581—618 гг.), потомъ при династіи Танъ (618—907 гг.) произошло значительное развитіе дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Китая со средней и западной Азіей, появляется для обозначенія Римской (тогда Византійской) имперіи новый терминъ — *Фо-линь*, въ которомъ обыкновенно видятъ греческое слово polis (городъ, въ частности столица). Столицей въ глазахъ китайцевъ оставалась Антіохія; царемъ считался антіохійскій патріархъ (у китайцевъ *Бо-до-ли*, у арабовъ *Батрикъ*).

Въ исторіи Танской династіи сохранились болѣе подробныя географическія свѣдѣнія о западныхъ странахъ, чѣмъ въ предшествующихъ трудахъ. Однимъ изъ источниковъ такихъ свѣдѣній были путешествія буддійскихъ паломниковъ изъ Китая въ Индію, начавшіяся значительно раньше, но получившія особенное развитіе въ эту эпоху. Цѣлью паломничествъ было поклоненіе буддійскимъ святынямъ и полученіе рукописей священныхъ книгъ. Паломники не задавались цѣлью, подобно арабскимъ путешественникамъ IX—X вв., составить подробное описаніе видѣнныхъ ими странъ; ихъ труды, наглядно опровергающіе обычное мнѣніе о равнодушіи китайцевъ къ религіознымъ вопросамъ, всецѣло проникнуты религіозной идеей, выраженной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ рѣдкимъ воодушевленіемъ. Кромѣ краткихъ географическихъ свѣдѣній, эти труды даютъ только описаніе святынь, легенды о нихъ, свѣдѣнія о числѣ буддійскихъ монастырей и монаховъ въ разныхъ областяхъ и т. п. До насъ дошли и переведены на европейскіе языки описанія путешествій Фа-сяня (около 400 г. его сочиненіе носило названіе *Фо-го-дзы* — „описаніе буддійскихъ государствъ“), Хой-саня и Сунъ-юна (вмѣстѣ совершившихъ путешествіе въ VI в.), Сюань-цзана (VII в. — наиболѣе подробное и важное изъ всѣхъ), У-куна (въ концѣ VIII в.) и друг. Всѣ эти паломники достигли Индіи сухимъ путемъ; морской путь избралъ паломникъ И-цзинъ (VII в.), оставившій самыя подробныя свѣдѣнія о буддизмѣ и буддійскихъ святыняхъ въ Индіи.

Свѣдѣнія о западныхъ странахъ, изложенныя въ исторіи

Танской династіи, относятся главнымъ образомъ къ VII и къ первой половинѣ VIII в. Пораженіе китайцевъ въ битвѣ съ арабами (751 г.), уничтожившее политическое вліяніе Китая въ западной части Средней Азіи, не могло не отразиться на количествѣ свѣдѣній объ этихъ странахъ; завоеваніе сѣверной части Китая инородцами китаями (у китайцевъ Ки-дань) въ X в. почти совершенно прекратило сухопутныя сношенія Китая съ западомъ. Отъ имени этого народа произошло новое названіе страны, которое уже съ XI в. встрѣчается въ мусульманскихъ источникахъ въ формахъ *Хитай* и *Хатай*, въ послѣдней формѣ сдѣлалось извѣстнымъ съ XIII в. въ Европѣ (Catay, Cataia) и сохранилось до настоящаго времени въ Россіи. Въ южной части Китая продолжала господствовать до XIII в. національная династія Сунъ; изъ посольствъ этой династіи въ Среднюю Азію извѣстно посольство Ванъ-Янь-дэ (X в.). Морскія сношенія могли продолжаться безпрепятственно, но эта торговля всецѣло находилась въ рукахъ мусульманъ, и послѣ начала IX в. китайцы, насколько можно судить по памятникамъ ихъ литературы, не пользовались ею даже для полученія свѣдѣній о политическомъ состояніи халифата, о которомъ до тѣхъ поръ располагали довольно подробными свѣдѣніями. О поддержаніи сношеній съ Византіей не могло быть и рѣчи. Въ 1081 г. упоминается посольство изъ Фо-линя отъ царя Мѣ-ли-и-линъ, но въ этомъ случаѣ имѣется въ виду не, какъ полагали прежде, императоръ Михаилъ VIII, низложенный въ 1078 г., а турецкій владѣтель Рума (по-персидски Мелик-и Румъ), т.-е. Малой Азіи.

Въ эпоху появленія монголовъ мы видимъ въ рукахъ мусульманскихъ купцовъ даже торговлю Китая съ кочевыми народами Монголіи. Бѣдствія, связанныя съ монгольскимъ завоеваніемъ, постигли въ одинаковой степени Китай и западную Азію; болѣе благопріятнымъ послѣдствіемъ тѣхъ же событій — оживленіемъ торговаго и культурнаго обмѣна — также могли бы воспользоваться въ одинаковой степени китайцы и мусульмане; но вполнѣ воспользовались имъ только послѣдніе. Въ Персіи въ началѣ XIV в. появился трудъ по всемірной исторіи, по широтѣ замысла остающійся непревзойденнымъ и до сихъ поръ, именно „Сборникъ лѣтописей“ (Джамі-ат-теварихъ) Рашид-ад-дина. Въ немъ, кромѣ преданій объ исторіи ислама и до-мусульманскихъ народовъ Передней Азіи, были соединены преданія монголовъ, китайцевъ, индійцевъ и народовъ западной Европы, собранныя при участіи ученыхъ людей изъ каждаго народа. Рашид-ад-динъ приводитъ имена нѣкоторыхъ изъ своихъ сотрудниковъ—знатока монгольскихъ преданій, двухъ китайскихъ ученыхъ и буддійскаго отшельника изъ Кашмира:

характеръ его свѣдѣній объ исторіи Европы показываетъ, что онъ пользовался также сотрудничествомъ французскаго монаха. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло географическое приложеніе къ „Сборнику лѣтописей“, въ которомъ должны были быть изложены свѣдѣнія о торговыхъ путяхъ во всѣхъ странахъ, собранныя, очевидно, такимъ же способомъ.

Трудъ Рашид-ад-дина, вмѣстѣ съ попыткой Ибнъ-Халдуна установить, исключительно на основаніи историческаго опыта, безъ всякаго вліянія религіозныхъ догматовъ, законы исторической эволюціи,—наглядно показываетъ, что творчество научной мысли не изсякло въ мусульманскихъ странахъ и послѣ монгольскаго нашествія; но, вслѣдствіе неблагопріятныхъ историческихъ условій, эти труды не вызвали, какъ можно было ожидать по широтѣ замысла и новизнѣ идей, дальнѣйшихъ успѣховъ науки. Нашествія средне-азіатскихъ кочевниковъ и постоянныя политическія смуты; религіозный расколъ между суннитами и шіитами, уничтожившій въ началѣ XVI в., послѣ объявленія шіитства государственной религіей Персіи, культурное единство мусульманскаго міра; измѣненіе путей міровой торговли вслѣдствіе открытія Америки и морскаго пути изъ Европы въ Индію—всѣ эти причины остановили развитіе мусульманской культуры. Продолжателями прерванной культурной работы сдѣлались народы западной Европы.

Bibliotheca Geographorum Arabicorum, ed. M. J. de Goeje, pars I (Истахри, 1870), II (Ибнъ-Хаукаль, 1873), III (Мукаддаси, 1877, второе изд. 1906), IV (указатель, 1879), V (Ибнъ-ал-Факихъ, 1885), VI (Ибнъ-Хордадбехъ и Кудама, 1889; единственный томъ, гдѣ къ арабскому тексту присоединенъ французскій переводъ), VII (Ибн-Русте и Я'куби, 1892), VIII (Мас'уди, 1894). Объ исторіи арабской астрономіи и географіи C. A. Nallino, Al-Battani sive Albatenii opus astronomicum, pars I, Mediolani 1903 (Public. del reale osservatorio di Brera in Milano, No. XL, parte I). О Селламѣ у Ибнъ-Хордадбеха (B. G. A. VI, 124—131). О неизвѣстномъ персидскомъ географѣ Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., X, 121—137 (статья А. Г. Туманскаго). О Гардизи (персидскій текстъ и русскій переводъ) В. Бартольдъ, Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію съ научною цѣлью, Спб. 1897 (Зап. Имп. Акад. Наукъ, VIII серія, ист.-фил. отд., т. I, № 4), стр. 78—126. О морскихъ путешествіяхъ Reinaud, Relation des voyages faits par les Arabes et les Persans dans l'Inde et à la Chine, 2 vol., Paris 1845. О значеніи слова Хумданъ Томашекъ въ Sitzungsber. der kais. Akad. der Wiss. in Wien, phil.-hist. Classe, CXVI, 745 и Marquart въ Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge, Lpz. 1903, S. 89; сопоставленіе съ византійскими извѣстіями: J. Marquart, Eranšahr, Berl. 1901 (Abh. der Kön. Ges. der Wiss. in Göttingen, Neue Folge, III, 2), S. 316. О причинахъ закрытія Китая для иностранцевъ слова Ауфи (XIII в.), персидскій текстъ у В. Бартольда, Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. I (тексты), стр. 98. О трудѣ Бируни и его значеніи бар. В. Р. Розенъ въ Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., III, 146—162. Переводъ сочиненія Бируни: Alberuni's India, transl. by

Dr. E. C. Sachau, Lond. 1884 (Trübner's Oriental Series). О трудѣ Улугбека Sédillot, Prolegomènes des tables astronomiques d'Oloug Beg, Paris 1847—1853. Géographie d'Edrisi, trad. de l'arabe en français par A. Jaubert, Paris 1836-40. Jacut's Geographisches Wörterbuch herausg. v. F. Wüstenfeld, Lpz. 1866—70. Объ отношеніи Якута къ своимъ источникамъ бар. В. Р. Розенъ въ Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., XV, 45 сл. Géographie d'Aboulféda, texte arabe par Reinaud et M. Guckin de Slane, Paris 1840; trad. I, Paris 1848 (Reinaud), II, Paris 1883 (St. Guyard). О географическихъ свѣдѣніяхъ древнихъ китайцевъ мнѣніе O. Franke, Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkvolker und Skythen Zentralasiens, Berlin 1904 (Anhang zu den Abhandl. der Kön. Preuss. Akad. der Wiss.), S. 39: „Wir haben keine Veranlassung, die alten Ueberlieferungen aus dem 3. Jahrtausend v. Chr. lediglich als wertlose Mythen anzusehen: bestimmte historische Vorgänge werden ihnen schon zugrunde liegen, die Kunde aber, die uns davon erhalten ist, lässt es nicht als ausgeschlossen erscheinen, dass die Chinesen in jener fernen Zeit von den Gebieten im und am Tarimbecken mehr wussten als ihre Nachkommen zwei Jahrtausende später". О географическихъ свѣдѣніяхъ при Ханьской династіи и послѣ труды Хирта и Юля (см. гл. III); русскій переводъ соотвѣтствующихъ текстовъ у о. Іакинѳа (Бичурина): Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена, ч. III, Спб. 1851. Фа-сянь: J. Legge, A Record of Buddhistic Kingdoms being an account by the chinese monk Fa-hien etc., Oxford 1886, и рецензія И. П. Минаева въ Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., II, 310—317. Сунъ-юнъ и Хой-сань: Si-Yu-Ki, Buddhist records of the western world, transl. by S. Beal, Lond. 1884, vol. I (Trübner's Oriental Series). Сюань-цзанъ: St. Julien, Histoire de la vie de Hiouen-Thsang, Paris 1853. Hiouen-Thsang, Mémoires sur les contrées occidentales, trad. par St. Julien, Paris 1857—58. И-цзинъ: I-Tsing, A record of the Buddhistic Religion etc., transl. by J. Takukusu, Oxford 1896. У-кунъ: Journ. Asiat. 9, VI (1895), 341 sq. Ванъ-янь-дэ: Journ. As. 4, IX (1847), 50—66. В. Григорьевъ, Восточный Туркестанъ, II, 266—272. E. Bretschneider, Mediaeval researches from eastern asiatic sources, 2 vol., Lond. 1888. Рашид-ад-динъ: Raschid-eldin, Histoire des Mongols de la Perse, trad. par. M. Quatremère, Paris 1836. E. Blochet, Introd. à l'hist. des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-din, Leyden-London 1910.

ГЛАВА V.

Въ эпоху арабскаго халифата вниманіе европейцевъ привлекала только одна страна Востока—Палестина. Нѣкоторые изъ паломниковъ, посѣщавшихъ Іерусалимъ и другія мѣста, связанныя съ дѣятельностью Спасителя, описывали свое путешествіе; до XII в. эти описанія были единственными сочиненіями средневѣковыхъ европейцевъ о Востокѣ.

Крестовые походы привели къ болѣе близкому ознакомленію европейцевъ не только съ Палестиной, гдѣ образовалось христіанское королевство, но и съ мусульманской культурой; кромѣ

того европейцы впервые узнали, что рядомъ съ латинской и греческой церковью былъ еще другой христіанскій міръ на Востокѣ. Представители восточнаго христіанства, сирійцы, распадались на нѣсколько сектъ; кромѣ православныхъ или *халкедонитовъ* (принявшихъ ученіе, установленное на Халкедонскомъ соборѣ 451 г.), которыхъ ихъ враги называли *мелькитами* (отъ слова „мелик"—царь, за принятіе ученія, поддержаннаго свѣтскою властью), были секты *яковитовъ*, послѣдователей ереси, осужденной на Халкедонскомъ соборѣ, и *несторіанъ*, послѣдователей ереси Несторія, осужденной на Эфесскомъ соборѣ 431 г. Расколъ былъ вызванъ догматическимъ вопросомъ о Христѣ, какъ Богочеловѣкѣ; православные признавали въ Христѣ двѣ сущности въ одномъ лицѣ, яковиты—одну сущность въ одномъ лицѣ, несторіане—двѣ сущности въ двухъ лицахъ; въ связи съ такимъ ученіемъ, несторіане признавали дѣву-Марію только матерью Іисуса, какъ человѣка, и потому отвергали принятое въ православной церкви именованіе дѣвы Маріи „богородицей".

Изгнанные изъ Византіи яковиты и несторіане удалились въ Персію, куда христіанство еще раньше было принесено православными сирійцами. Ученіе яковитовъ было принято большинствомъ армянскаго народа, ученіе Несторія—большинствомъ сирійскихъ христіанъ въ Персіи; кромѣ того представители всѣхъ трехъ сирійскихъ сектъ какъ до ислама, такъ и въ мусульманскій періодъ пользовались для миссіонерскихъ цѣлей торговыми путями въ среднюю и восточную Азію, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Общая опасность отъ ислама примирила между собой различныя христіанскія вѣроисповѣданія; съ XII в. установились мирныя и дружественныя сношенія между главой несторіанъ и главой яковитовъ; вслѣдствіе этого не могло быть вѣроисповѣдной борьбы и между представителями этихъ церквей, распространявшихъ свое ученіе въ отдаленныхъ странахъ. Вопросъ о степени участія каждой изъ трехъ церквей—халкедонитовъ, несторіанъ и яковитовъ—въ этой миссіонерской дѣятельности еще не вполнѣ выясненъ; но дошедшія до насъ извѣстія сирійскихъ авторовъ и европейскихъ путешественниковъ заставляютъ полагать, что главными распространителями христіанства на Востокѣ были несторіане. Несторіанамъ принадлежатъ тѣ немногочисленные памятники распространенія сирійскаго христіанства въ средней и восточной Азіи, которые дошли до насъ. Къ числу ихъ принадлежитъ знаменитая надпись 781 г. на китайскомъ и сирійскомъ языкахъ, открытая въ XVII в. въ городѣ Си-ань-фу и разсказывающая о проповѣди христіанства въ Китаѣ съ 636 г.,

причемъ первые проповѣдники, повидимому, прибыли морскимъ путемъ; также могильные камни XIII и XIV вв. съ сирійскими и турецкими надписями, открытые въ 1885 г. въ Семирѣчьѣ, около Пишпека и Токмака (впослѣдствіи были найдены еще могильные камни той же эпохи въ Кульджинскомъ краѣ и на озерѣ Иссыкъ-куль).

Еще болѣе спорнымъ остается вопросъ о степени участія несторіанъ въ дѣлѣ созданія въ Средней Азіи культуры, образовавшейся подъ различными вліяніями. Носителями этой культуры были *уйгуры*, народъ турецкаго происхожденія, часть котораго рано достигла осѣдлости въ Восточномъ Туркестанѣ. Находясь на главномъ пути изъ Китая въ Переднюю Азію и Индію, страна уйгуровъ подвергалась вліянію культурныхъ народовъ съ различныхъ сторонъ; какъ письменныя извѣстія, такъ и недавно открытые рукописи и памятники искусства около городовъ Кучи и Турфана свидѣтельствуютъ о раннемъ и широкомъ распространеніи буддизма сначала среди арійскаго (впослѣдствіи отуреченнаго), потомъ и среди турецкаго населенія Восточнаго Туркестана. Какъ арійцы, такъ и турки подверглись также вліянію передне-азіатскихъ религій, особенно христіанства и религіи манихеевъ, образовавшейся въ Персіи въ III в. по Р. Хр. и представлявшей соединеніе христіанскихъ вѣрованій съ древне-персидскими. На вліяніе передне-азіатской культуры указываетъ также употреблявшійся уйгурами алфавитъ сирійскаго происхожденія. Кѣмъ и когда этотъ алфавитъ, благодаря которому семитическія письмена распространились до Великаго океана (отъ уйгурскаго алфавита происходитъ монгольскій, отъ монгольскаго — маньчжурскій), былъ принесенъ въ Среднюю Азію, еще не вполнѣ выяснено. Надпись въ Си-ань-фу и семирѣченскія надписи показываютъ, что несторіане въ Китаѣ и въ Средней Азіи не пользовались уйгурскимъ алфавитомъ, существовавшимъ уже въ концѣ VIII в.

Скудныя извѣстія нашихъ источниковъ заставляютъ полагать, что ученіе манихеевъ, широко распространенное среди уйгуровъ еще въ X в., постепенно уступило мѣсто христіанству и буддизму; въ монгольскую эпоху мы видимъ среди уйгуровъ представителей этихъ двухъ религій, причемъ нѣтъ извѣстій о борьбѣ между ними. Въ виду значительнаго вліянія уйгурской культуры на кочевниковъ Монголіи возможно, что тѣ успѣхи христіанства среди монгольскихъ народовъ, о которыхъ говорятъ не только христіанскіе, но и мусульманскіе источники, отчасти должны быть объяснены дѣятельностью христіанъ-уйгуровъ. Христіанство

было господствующей религіей среди двухъ главныхъ монгольскихъ народовъ въ эпоху, предшествовавшую появленію Чингизъ-хана, именно среди *найманов*ъ въ западной Монголіи и *кераитов*ъ въ восточной. Несторіанскіе источники относятъ обращеніе кераитовъ въ христіанство къ началу XI в.

Успѣхами христіанства въ восточной Азіи вполнѣ объясняется, что, когда христіане, боровшіеся съ исламомъ на западѣ, получили извѣстіе о нападеніи средне-азіатскихъ народовъ на восточныя границы ислама, это нападеніе было приписано восточнымъ христіанамъ. Въ 1145 г. католическій епископъ города Габалъ (Gabala) въ Сиріи принесъ въ Европу извѣстіе о пораженіи, нанесенномъ гдѣ-то на востокѣ мусульманскимъ правителямъ „братьямъ Саміардамъ", царямъ мидянъ и персовъ, несторіанскимъ царемъ-священникомъ Іоанномъ, который послѣ своей побѣды будто бы направился на западъ, чтобы оказать помощь Іерусалимскому королевству, и дошелъ до Тигра, но, не имѣя судовъ, не могъ переправиться черезъ эту рѣку. Вѣсть о могущественномъ христіанскомъ царѣ, нападавшемъ на мусульманъ съ востока, естественно вызвала въ европейцахъ, боровшихся съ исламомъ въ Сиріи, желаніе вступить въ сношенія съ этимъ союзникомъ. Несмотря на то, что уже въ разсказѣ 1145 г. царь-священникъ вполнѣ опредѣленно названъ несторіаниномъ, тотъ же лѣтописецъ у котораго мы находимъ это извѣстіе (Оттонъ Фрейзингенскій), упоминаетъ по этому поводу о преданіи, гдѣ христіанскій царь-священникъ является потомкомъ евангельскихъ волхвовъ (маговъ), пришедшихъ съ востока поклониться младенцу-Спасителю. Церковное преданіе давно уже обратило этихъ волхвовъ въ царей, и этой легендой, повидимому, созданъ самый образъ христіанскаго царя-священника. Существованіе на Востокѣ христіанскаго царства объясняли также легендой о дѣятельности апостола Ѳомы въ Индіи; къ этому присоединялись еще темные слухи о христіанскомъ царствѣ въ Абиссиніи, которую также причисляли къ Индіи. Подложное письмо отъ имени „священника Іоанна", полученное въ 1165 г. папой и нѣсколькими государями, называетъ его царемъ трехъ Индій и всѣхъ земель отъ вавилонской башни до мѣста погребенія апостола Ѳомы; папа Александръ III въ 1177 г. отправилъ своего лейбъ-медика, магистра Филиппа, съ письмомъ къ священнику Іоанну, „царю индійцевъ".

Источникомъ слуха о пораженіи „братьевъ Саміардовъ" было, какъ полагаютъ теперь, пораженіе султана Санджара въ 1141 г. въ битвѣ съ китаями или, какъ ихъ называли

мусульмане, кара-китаями, въ мѣстности къ сѣверу отъ Самарканда. Изгнанные изъ Китая другимъ маньчжурскимъ народомъ, чжурчженями, китаи удалились на западъ и, разбивъ мусульманъ, образовали обширное царство, простиравшееся отъ границъ Китая до Каспійскаго моря; впрочемъ, въ покоренныхъ областяхъ были оставлены прежнія династіи, въ качествѣ вассаловъ кара-китайскихъ правителей; послѣдніе носили титулъ „гурхановъ". Въ исторіи ислама это былъ первый случай подчиненія мусульманскихъ областей власти не-мусульманскаго народа. Подвергались ли гурханы и ихъ подданные, на своей прежней родинѣ или послѣ переселенія на западъ, вліянію проповѣди христіанскихъ миссіонеровъ, объ этомъ мы не имѣемъ данныхъ; за то въ дальнѣйшихъ движеніяхъ средне-азіатскихъ народовъ, которыя, вплоть до монгольскаго нашествія, также были приписаны „священнику Іоанну" и его сыну или потомку, „царю Давиду", участіе христіанскихъ элементовъ не подлежитъ сомнѣнію.

Вытѣсненные изъ западной Монголіи Чингизъ-ханомъ, найманы, подъ начальствомъ своего хана Кучлука, обрушились на кара-китайское царство, уже ослабленное борьбою съ могущественнымъ мусульманскимъ государемъ, хорезмшахомъ (владѣтелемъ Хорезма, т.-е. нынѣшняго Хивинскаго ханства) Мухаммедомъ. Завоевавъ кара-китайское царство, Кучлукъ также вступилъ въ борьбу съ хорезмшахомъ, который былъ вынужденъ предоставить своему врагу всѣ области за Сыръ-Дарьей. Объ этой борьбѣ также проникли извѣстія къ западнымъ христіанамъ; о ней упоминается въ письмахъ Якова де-Витри, написанныхъ въ 1221 г., гдѣ Кучлукъ названъ „царемъ Давидомъ". Что Кучлукъ и найманы были христіанами, объ этомъ говоритъ и мусульманскій историкъ XIII в. Джувейни, хотя прибавляетъ, что послѣ завоеванія государства кара-китаевъ Кучлукъ отказался отъ христіанства и сдѣлался „идолопоклонникомъ", вѣроятно буддистомъ. Яковъ де-Витри разсказываетъ о попыткѣ багдадскаго халифа, враждовавшаго съ хорезмшахомъ, черезъ посредство несторіанскаго патріарха вступить въ сношенія съ „царемъ Давидомъ"; вполнѣ возможно, что халифъ дѣйствительно отправилъ посла съ этою цѣлью въ Среднюю Азію, несмотря на жестокое гоненіе, которому во владѣніяхъ Кучлука подвергались мусульмане и которое, можетъ быть, еще увеличивало надежды христіанъ получить съ этой стороны помощь въ своей борьбѣ съ мусульманами за святую землю.

Вѣсть о паденіи царства Кучлука не дошла до европейцевъ; когда стали получаться извѣстія о завоеваніи монголами владѣній

хорезмшаха, эти побѣды надъ исламомъ сначала тоже были приписаны „царю Давиду"; только болѣе близкое ознакомленіе съ побѣдителями, по мѣрѣ ихъ дальнѣйшаго движенія на западъ, показало европейцамъ, что побѣда надъ исламомъ не была одержана христіанами. Европейскіе миссіонеры и послы, отправленные къ монголамъ, принесли извѣстіе, что царство „священника Іоанна" и его сына Давида было разрушено монголами еще до нашествія на мусульманскія страны. Легенда о „священникѣ Іоаннѣ" была отнесена къ царямъ двухъ христіанскихъ народовъ Монголіи, найманов и кераитовъ; постепенно всѣ разсказы были сосредоточены на личности послѣдняго кераитскаго хана, занимавшаго до побѣды Чингизъ-хана первое мѣсто въ восточной Монголіи и получившаго отъ китайскаго правительства титулъ „вана", т.-е. царя. Это мнѣніе было принято и европейскими изслѣдователями; до послѣдняго времени даже имя „священника Іоанна" считалось искаженіемъ слова „ванъ", по турецкому и монгольскому произношенію „онгъ". Но это мнѣніе опровергается хронологическими данными; титулъ „ванъ" былъ пожалованъ кераитскому хану только въ самомъ концѣ XII в., тогда какъ легенда о священникѣ Іоаннѣ появилась, какъ мы видѣли, въ 1145 г. Вопросъ о томъ, откуда были заимствованы легендой имена „Іоаннъ" и „Давидъ", остается открытымъ; возможно, что ханы кераитскій или найманскій, кромѣ тѣхъ монгольскихъ и турецкихъ именъ, которыя дошли до насъ, носили эти христіанскія имена, но доказательствъ этого мы не имѣемъ.

Первыя посольства европейцевъ въ Монголію были отправлены уже послѣ кратковременнаго, но опустошительнаго нашествія на западную Европу монгольскихъ отрядовъ, дошедшихъ до Адріатическаго моря и отступившихъ въ 1242 г. вслѣдствіе полученія извѣстія о смерти великаго хана Угэдэя. Это нашествіе наглядно показало опасность, угрожавшую и Европѣ отъ „татаръ" — имя, подъ которымъ завоеватели были извѣстны и въ Китаѣ, и въ Передней Азіи, и въ Европѣ (повидимому, это народное названіе еще не было окончательно вытѣснено введеннымъ при Чингизъ-ханѣ оффиціальнымъ названіемъ „монголъ"). Опасаясь новаго нашествія татаръ, папа Иннокентій IV на Ліонскомъ соборѣ 1245 г. рѣшилъ отправить посольство изъ нѣсколькихъ монаховъ, которые должны были собрать болѣе подробныя извѣстія о татарахъ; въ связи съ еще не разъясненной тогда легендой о „священникѣ Іоаннѣ", питали надежды склонить ихъ къ принятію христіанства. Стоявшій во главѣ миссіи францисканецъ

Плано Карпини оставилъ описаніе своего путешествія на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Libellus historicus". Послѣ краткаго описанія путешествія черезъ южную Россію, Хорезмъ (нынѣ Хивинское ханство), Семирѣчье и Тарбагатай въ Монголію Плано Карпини сообщаетъ свѣдѣнія о странѣ татаръ, объ обычаяхъ народа, о его войнахъ въ Азіи и въ Европѣ. Плано Карпини прибылъ въ Монголію въ 1246 г. во время воцаренія новаго великаго хана, Гуюка, сына Угэдэя, и могъ описать, какъ очевидецъ, обрядъ возведенія на престолъ монгольскаго императора. Придерживаясь въ то время первобытной религіи средне-азіатскихъ народовъ, *шаманизма* (вѣры въ духовъ и въ возможность посредствомъ заклинаній покорять ихъ власти человѣка), монголы приписывали сверхъестественную власть духовенству всѣхъ религій и старались расположить его въ свою пользу, освобождая его отъ всякихъ податей и повинностей; при Гуюкѣ, получившемъ христіанское воспитаніе, положеніе христіанства было еще болѣе благопріятно, чѣмъ положеніе другихъ религій. Тѣмъ не менѣе Плано Карпини не обольщался надеждой смягчить завоевателей вліяніемъ христіанства; сообщая свѣдѣнія о приготовленіяхъ Гуюка къ новому походу на западъ, онъ даетъ совѣты европейскимъ государямъ, какъ вести войну съ татарами. Собранныя Плано Карпини въ Монголіи разспросныя свѣдѣнія объ исторіи образованія монгольской державы, какъ и слѣдовало ожидать, не всегда отличались точностью и отчетливостью. Между прочимъ мы находимъ въ различныхъ версіяхъ „Libelli historici" противорѣчивые разсказы о „священникѣ Іоаннѣ". По одному разсказу, священникъ Іоаннъ и его сынъ Давидъ были индійскими царями, которымъ монголы прежде платили дань; съ побѣдой надъ Давидомъ было связано первое выступленіе Чингизъ-хана. По другому разсказу, священникъ Іоаннъ, царь „Большой Индіи", успѣшно отразилъ монгольское нашествіе, и его страна ко времени путешествія Плано Карпини еще не была покорена монголами.

Одновременно съ Плано Карпини въ Монголію былъ отправленъ съ тою же цѣлью доминиканецъ Асцелинъ, но онъ не проникъ дальше Персіи и былъ принятъ только предводителемъ передовыхъ монгольскихъ отрядовъ въ этой странѣ. Столкновеніе съ этимъ предводителемъ по поводу унизительныхъ обрядовъ, которымъ должны были подвергаться послы при входѣ въ ставку монгольскаго военачальника, заставило Асцелина вернуться обратно.

Тѣмъ не менѣе, сношенія монгольскихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ на западѣ, съ европейцами не прекратились. Уже тогда

возникла мысль, отчасти осуществленная впослѣдствіи, именно мысль о союзѣ между монголами и европейцами противъ мусульманъ. Монгольскіе предводители сносились съ европейцами посредствомъ христіанъ-сирійцевъ; преувеличивая склонность въ христіанству Гуюка и его вдовы Огулъ-Гаймышъ, управлявшей государствомъ послѣ его смерти до возведенія на престолъ новаго хана (1248 — 1251 г. г.), несторіанскіе послы безъ достаточныхъ полномочій возбуждали въ европейцахъ самыя широкія надежды.

Эти надежды вызвали отправленіе въ Монголію новой миссіи, на этотъ разъ снаряженной благочестивымъ французскимъ королемъ Людовикомъ IX; во главѣ ея стоялъ монахъ Руисбрукъ или Рубруквисъ, по происхожденію фламандецъ. Рубруквисъ проѣхалъ въ Монголію въ 1253 г. приблизительно тѣмъ же путемъ, какъ Плано Карпини, но далъ гораздо болѣе ясное и толковое описаніе этого пути. Кромѣ свѣдѣній о народныхъ обычаяхъ, имъ собирались свѣдѣнія о религіи, культурѣ и письменности народовъ, населявшихъ монгольскую имперію; его замѣчанія объ уйгурскихъ, китайскихъ и тибетскихъ письменахъ свидѣтельствуютъ о рѣдкой наблюдательности и рѣдкомъ для того времени образованіи; между прочимъ онъ первый отожествилъ серовъ Птолемея съ китайцами. Рубруквисъ подробно описываетъ столицу монголовъ *Каракорумъ* (на рѣкѣ Орхонѣ), дворъ великаго хана Мункэ, дѣятельность представителей трехъ міровыхъ религій — христіанства, буддизма и ислама — пользовавшихся одинаковымъ покровительствомъ монголовъ; для изученія быта несторіанской церкви въ Средней Азіи сочиненіе Рубруквиса является почти единственнымъ источникомъ. Еще Плано Карпини зналъ, что „священникъ Іоаннъ" принадлежалъ къ числу побѣжденныхъ монголами владѣтелей; Рубруквисъ, для разъясненія легенды, собралъ еще болѣе подробныя свѣдѣнія о борьбѣ Чингизъ-хана съ несторіанскими государями въ Средней Азіи, закончившейся, по его словамъ, лѣтъ за пятьдесятъ до его путешествія. Въ этихъ свѣдѣніяхъ, какъ и въ большей части другихъ европейскихъ, мусульманскихъ и даже сирійскихъ разсказовъ, кераитскій ханъ, главное лицо монгольскихъ преданій, не вполнѣ ясно отличается отъ владѣтелей найманов и каракитаевъ; кромѣ Рубруквиса, сирійскій авторъ Абульфараджъ также смѣшиваетъ кераитскаго хана съ Кучлукомъ, приписывая первому бракъ съ кара-китайской царевной и отступничество отъ христіанства; но все-таки разсказъ Рубруквиса могъ бы положить конецъ всѣмъ надеждамъ европейцевъ войти въ сношенія со „священни-

комъ Іоанномъ“. Тѣмъ не менѣе легенда продолжала существовать, и еще въ XV в. португальскіе мореплаватели мечтали достигнуть царства легендарнаго царя-священника.

Сочиненіе Рубруквиса, на латинскомъ языкѣ, представляетъ докладъ французскому королю, къ которому авторъ вездѣ обращается во второмъ лицѣ. По желанію Людовика, монахи въ Монголіи не признавали себя послами и говорили, что ихъ послали, безъ всякихъ дипломатическихъ порученій, исключительно съ религіозною цѣлью, вслѣдствіе слуховъ о склонности нѣкоторыхъ представителей монгольской династіи принять христіанство. Рубруквисъ убѣдился въ томъ, что эти слухи были неосновательны и что монголы покровительствовали христіанству только наравнѣ съ другими религіями; но въ то же время онъ принесъ извѣстіе, что монголы больше не замышляютъ нашествія на Европу и что приготовленія къ походу на западъ направлены только противъ мусульманскихъ странъ. Вслѣдствіе этого привезенная имъ грозная грамота великаго хана Мункэ королю Людовику IX, съ требованіемъ покорности, не могла произвести особенно сильнаго впечатлѣнія. Людовику IX приписываютъ изреченіе: „Если татары придутъ, мы ихъ прогонимъ въ тартаръ“. Этой игрой словъ объясняютъ происхожденіе названій „тартары“ и „Тартарія“, употреблявшихся въ европейской литературѣ съ такой же неопредѣленностью, какъ въ греческой литературѣ слова „скиѳы“ и „Скиѳія“. Терминъ „Высокая Тартарія“, для обозначенія центральной части Азіи, еще и теперь не вполнѣ вытѣсненъ изъ географической терминологіи.

Не подвергаясь больше опасности монгольскаго нашествія, европейцы, однако, не менѣе другихъ народовъ могли воспользоваться благопріятными послѣдствіями образованія монгольской имперіи. Торговые пути изъ южной Россіи и западной Азіи въ Китай, открывшіеся благодаря монголамъ, были доступны и для европейскихъ купцовъ; послѣ уничтоженія багдадскаго халифата (1258 г.) и образованія въ Передней Азіи новаго монгольскаго государства, въ составъ котораго входили, кромѣ Персіи, Месопотамія и Малая Азія, монголы сдѣлались естественными союзниками европейцевъ въ борьбѣ съ султанами Египта, владѣвшими Сиріей. Положеніе европейцевъ въ Персіи стало вслѣдствіе этого еще благопріятнѣе; при тѣсныхъ родственныхъ отношеніяхъ между династіей, правившей въ Китаѣ, и династіей, правившей въ Персіи, это не могло не отразиться на ихъ положеніи въ восточной Азіи; въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вв., когда войны средне-азіатскихъ монголовъ съ персидскими и китайскими затрудняли

сухопутную торговлю, европейскіе купцы и миссіонеры пользовались и морскимъ путемъ изъ Персіи въ Китай.

Торговля съ Востокомъ находилась въ то время въ рукахъ итальянскихъ городскихъ республикъ, которыя и воспользовались новыми торговыми путями. Въ XIII в. соперничали между собою три города, Пиза, Венеція и Генуя; послѣ уничтоженія пизанскаго флота генуэзцами въ 1284 г. происходила борьба за торговые рынки между Венеціей и Генуей, продолжавшаяся и въ XIV в. Подобно мусульманскимъ купцамъ, итальянскіе, благодаря своему богатству и знаніямъ, также достигали выдающагося положенія при дворѣ монгольскихъ хановъ. Европейскіе источники сохранили имя пизанца *Изола*, пользовавшагося въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вв. большимъ вліяніемъ въ Персіи и въ Китаѣ; повидимому, онъ упоминается также въ китайскихъ источникахъ подъ именемъ *Ай-сѣ* и въ мусульманскихъ подъ именемъ *Исы*. Пизанецъ Изолъ — единственный средневѣковой европеецъ, бывшій членомъ китайскихъ ученыхъ учрежденій. Еще замѣчательнѣе была судьба венеціанской купеческой семьи Поло.

Братья Николо и Маттео Поло выѣхали изъ Венеціи около 1254 г., проѣхали изъ Константинополя въ Крымъ, въ гавань Солдаію (нынѣ Судакъ), оттуда на Волгу, гдѣ были въ 1261 г., изъ южной Россіи черезъ Бухару въ Китай, гдѣ были приняты монгольскимъ императоромъ Хубилаемъ, перенесшимъ свою столицу изъ Каракорума въ Пекинъ. Когда они возвращались на родину за новыми товарами, Хубилай, между прочимъ, просилъ черезъ нихъ папу прислать въ Китай около ста ученыхъ людей, свѣдущихъ въ христіанскомъ ученіи. Вернувшись на родину въ 1269 г., братья Поло задержались тамъ нѣкоторое время вслѣдствіе смерти папы Климента IV; новый папа Григорій IX въ 1271 г. отправилъ съ ними двухъ ученыхъ монаховъ. Вмѣстѣ съ этими миссіонерами братья Поло, взявъ съ собой также семнадцатилѣтняго сына Николо, Марко Поло, отправились изъ порта Ляяццо (нынѣ Аясъ) въ Малой Азіи на востокъ. Вслѣдствіе слуховъ о предстоявшемъ походѣ египетскаго султана на Малую Азію миссіонеры не рѣшились ѣхать дальше и вернулись обратно; купцы одни проѣхали черезъ Персію, Балхъ, Памиръ и Восточный Туркестанъ въ Китай, куда прибыли послѣ болѣе чѣмъ трехлѣтняго путешествія и гдѣ встрѣтили со стороны Хубилая такое же гостепріимство, какъ въ первый разъ. Въ теченіе 17 лѣтъ, до 1291 г., всѣ трое оставались на службѣ у монгольскаго императора. Молодой Марко Поло быстро освоился въ новой странѣ,

научился, по его собственнымъ словамъ, татарскому языку и четыремъ азбукамъ (вѣроятно, имѣются въ виду шрифты арабскій, сирійскій, уйгурскій и квадратный монгольскій шрифтъ тибетскаго происхожденія); удачно исполнивъ нѣсколько порученій императора, онъ пріобрѣлъ его полное довѣріе, былъ посылаемъ съ порученіями государя въ разныя мѣстности государства; въ 1282 г., по китайскимъ источникамъ, ему было поручено разслѣдовать дѣло о возстаніи китайцевъ и убійствѣ въ Пекинѣ мусульманскаго министра. Въ теченіе трехъ лѣтъ Марко Поло былъ губернаторомъ одной изъ провинцій южнаго Китая.

Въ 1291 г. всѣ трое Поло рѣшили вернуться на родину; Хубилай неохотно отпустилъ ихъ, взявъ съ нихъ обѣщаніе вернуться обратно, и отправилъ съ ними принцессу, назначенную въ жены хану персидскихъ монголовъ. На этотъ разъ они отправились морскимъ путемъ, съ флотомъ изъ 14 кораблей, мимо береговъ Индо-Китая и Индустана, и высадились въ гавани Ормузъ, у входа въ Персидскій заливъ, откуда черезъ Персію, Арменію и Трапезунтъ вернулись въ Европу.

Вернувшись въ 1295 г. въ свой родной городъ, Марко Поло принялъ участіе въ войнѣ съ генуэзцами, былъ взятъ въ плѣнъ и, сидя въ тюрьмѣ въ Генуѣ, въ 1298 г. продиктовалъ пизанцу Рустичіано, своему товарищу по заключенію, на французскомъ языкѣ, описаніе областей, какъ видѣнныхъ имъ лично, такъ и тѣхъ, о которыхъ ему удалось собрать свѣдѣнія въ Китаѣ. Кромѣ этой первоначальной редакціи, сохранившейся только въ одной рукописи, существуетъ еще другая, также на французскомъ языкѣ, основанная на рукописи, переданной въ 1307 г. самимъ Марко Поло одному французскому рыцарю. И послѣ этого Марко Поло, прожившій до 1325 г., часто разсказывалъ въ Венеціи о своихъ странствіяхъ; эти разсказы, къ которымъ, можетъ быть, присоединились также разсказы его отца и дяди, вошли въ новую редакцію, не дошедшую до насъ въ подлинникѣ, но положенную въ основу итальянскаго изданія, напечатаннаго въ 1553 г. Рамузіо. Что латинская рукопись, которой пользовался Рамузіо, дѣйствительно заключала въ себѣ разсказы Марко Поло, не вошедшіе ни въ одну изъ двухъ первыхъ редакцій, видно уже изъ того, что только въ изданіи Рамузіо подробно говорится о возстаніи 1282 г., о которомъ европейцы могли узнать только отъ Марко Поло, принимавшаго, какъ мы видѣли, участіе въ разслѣдованіи дѣла.

Трудъ Марко Поло занимаетъ совершенно исключительное мѣсто среди произведеній средневѣковыхъ путешественниковъ и

географовъ. Путешествіе въ Китай сухимъ путемъ и возвращеніе оттуда моремъ, свѣдѣнія о болѣе сѣверномъ пути, полученныя отъ отца и дяди, высокое положеніе на службѣ у монгольскаго императора—все это давало ему возможность сообщить множество новыхъ свѣдѣній, какъ о восточной, такъ и о южной и западной Азіи. Разспросныя свѣдѣнія, собранныя имъ въ Китаѣ и на пути оттуда въ Персію, простирались на сѣверъ до Ледовитаго океана, на востокъ до Японіи, упоминаемой у него подъ китайскимъ названіемъ Жи-бэнь-го (у Марко Поло Zipangu), на югъ до Мадагаскара. Даже о Персіи, гдѣ онъ былъ только проѣздомъ, имъ были собраны болѣе подробныя свѣдѣнія, чѣмъ древними авторами; такъ Марко Поло первый упоминаетъ объ обширной пустынѣ внутри Иранскаго плоскогорья. О городахъ и областяхъ Китая, сѣвернаго и южнаго, онъ собралъ очень подробныя и точныя данныя, насколько это было возможно безъ знанія китайскаго языка, которому онъ, несмотря на продолжительное пребываніе въ Китаѣ, не научился. При дворѣ Хубилая Марко Поло былъ окруженъ уйгурами и мусульманами; туземному населенію только что покоренной страны Хубилай не могъ довѣрять, и потому китайцы занимали при немъ только второстепенныя должности. Вліяніе мусульманъ проявляется во многихъ мѣстахъ книги Марко Поло; города и рѣки приводятся у него подъ тѣми названіями, подъ которыми они были извѣстны въ мусульманской литературѣ; такъ Пекинъ носитъ названіе *Ханбалыкъ* (по-турецки „ханскій городъ"). Среди приведенныхъ имъ географическихъ названій, относящихся къ Китаю, встрѣчаются и чисто-персидскія слова „Зарданданъ" (букв. „золотые зубы") и „Пул-и Сангинъ" („каменный мостъ"). Вліяніе мусульманъ на собиравшаго свѣдѣнія европейца вполнѣ объясняется первенствующимъ положеніемъ, которое занимала въ то время мусульманская культура. Марко Поло, не принадлежавшій даже для своего времени къ числу ученыхъ людей, еще легче долженъ былъ подчиниться вліянію чужой культуры.

Не будучи ученымъ, Марко Поло не могъ дѣлать астрономическихъ наблюденій, не могъ дать свѣдѣній о литературѣ и религіозныхъ ученіяхъ восточныхъ народовъ, не всегда имѣлъ возможность отдѣлить правду отъ вымысла въ доходившихъ до него слухахъ; но его трудъ даетъ все, что могъ дать въ то время правдивый и толковый путешественникъ, поставленный въ самыя лучшія условія для наблюденій. Современники, особенно соотечественники, не вполнѣ оцѣнили правдивость его описаній; за преувеличенныя свѣдѣнія о таможенныхъ доходахъ Хубилая его про-

звали „милліонеромъ“ (messer millione); его разсказы вызывали недовѣріе, часто насмѣшки; даже на смертномъ одрѣ его убѣждали отказаться отъ вымысловъ, на что онъ отвѣтилъ, что не описалъ и половины того, что̀ видѣлъ. Впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія географическихъ познаній, все болѣе подтверждалась правдивость его разсказовъ, но и въ средніе вѣка его трудъ оказалъ гораздо болѣе значительное вліяніе, чѣмъ можно было бы думать по разсказамъ о насмѣшкахъ венеціанцевъ. Интересъ средневѣковыхъ читателей къ сочиненію Марко Поло доказывается многочисленностью изданій и переводовъ; кромѣ того предполагаютъ, что разсказъ Марко Поло о деревянныхъ доскахъ, употреблявшихся для печатанія въ Китаѣ, содѣйствовалъ введенію книгопечатанія въ Европѣ; изобрѣтеніе пороха также приписывалось иногда вліянію поѣздки Марко Поло. Географы и астрономы вносили географическія названія, упомянутыя у Марко Поло, на карту Птолемея, безъ исправленія основной ошибки послѣдней, вслѣдствіе чего „земля Cathay“ и „островъ Zipangu“ были помѣщены гораздо восточнѣе дѣйствительнаго положенія Китая и Японіи. Этимъ ошибочнымъ опредѣленіемъ еще долго руководились мореплаватели, искавшіе путь въ Cathay и Zipangu; эта же ошибка была причиной плаванія Колумба и открытія Америки.

По своимъ научнымъ результатамъ путешествіе Марко Поло значительно превосходитъ всѣ прочія, довольно многочисленныя въ то время, путешествія на Востокъ европейскихъ купцовъ и миссіонеровъ. Торговымъ путемъ въ Китай черезъ Среднюю Азію, несмотря на политическія смуты, продолжали пользоваться и въ XIV в.; исходнымъ пунктомъ этого пути былъ городъ *Тана* (древній Танаисъ) при устьѣ Дона (нынѣ Азовъ), находившійся съ 1316 г. въ рукахъ генуэзцевъ, съ 1332 г. въ рукахъ венеціанцевъ. Марко Поло сообщаетъ свѣдѣнія о плаваніи генуэзцевъ на Каспійскомъ морѣ, съ цѣлью вывоза шелка изъ персидской области Гилянъ. Кромѣ венеціанцевъ и генуэзцевъ, въ этой торговлѣ принимали участіе и другіе торговые города Италіи, особенно Флоренція, впослѣдствіи и города испанскаго побережья, какъ Барселона. Флорентинцу Бальдуччи Пеголотти (въ началѣ XIV в.) принадлежитъ краткое описаніе торговаго пути изъ Сарая на Волгѣ черезъ *Сарайчикъ* (при устьѣ Урала), *Ургенчъ* (тогдашнюю столицу Хивы, около нынѣшняго Куня-Ургенча), *Отраръ* (нынѣ развалины около мѣста впаденія Арыса въ Сыръ-Дарью) и *Алмалыкъ* (къ сѣверо-западу отъ Кульджи) въ *Ханбалыкъ* (Пекинъ), съ указаніями для купцовъ, какими товарами имъ слѣдуетъ запасаться. На испанскомъ языкѣ составленъ одинъ

изъ важнѣйшихъ источниковъ средневѣковой географіи, такъ называемая „Каталонская карта“ (Carta Catalana) 1375 г. Между прочимъ на этой картѣ, вѣроятно, по генуэзскимъ свѣдѣніямъ, обозначенъ цѣлый рядъ пунктовъ на берегахъ Каспійскаго моря, о которыхъ прежде не было извѣстій. Каспійское море съ бо̀льшими подробностями, чѣмъ на прежнихъ картахъ, изображено также на картѣ братьевъ Пицигани (1367 г.); составители этихъ двухъ картъ пользовались, повидимому, различными источниками, изъ чего заключаютъ, что съемка Каспійскаго моря была произведена генуэзцами, по крайней мѣрѣ, два раза.

Этимъ же путемъ пользовались и миссіонеры. Была учреждена католическая епархія сначала въ Самаркандѣ, потомъ въ Алмалыкѣ, гдѣ была выстроена церковь. Въ 1338 г. произошло гоненіе на христіанъ, причемъ погибли мученическою смертью нѣкоторые миссіонеры; но еще послѣ этого, въ 1342 г., черезъ Среднюю Азію благополучно проѣхалъ въ Китай миссіонеръ Мариньола; въ Китаѣ онъ пробылъ четыре года и вернулся въ Европу морскимъ путемъ, черезъ Индію.

Для успѣха христіанской пропаганды въ Китаѣ этотъ послѣдній путь вообще имѣлъ больше значенія. Такимъ путемъ проѣхалъ въ концѣ XIII в. Іоаннъ де-Монте Корвино, стоявшій во главѣ католической миссіи. Монте Корвино пробылъ въ Китаѣ около сорока лѣтъ и успѣшно распространялъ католичество, ведя упорную борьбу съ несторіанами; въ XIV в. онъ былъ назначенъ архіепископомъ Пекина. Его заботами былъ переведенъ на монгольскій языкъ Новый Завѣтъ; имъ же былъ обращенъ въ католичество кераитскій князь, считавшійся потомкомъ „священника Іоанна“ (о немъ упоминаетъ и Марко Поло). Монте Корвино, Мариньола и нѣкоторые другіе миссіонеры оставили только письма о своемъ путешествіи и своей дѣятельности, безъ описанія видѣнныхъ ими странъ и народовъ. Изъ Китая миссіонеры проникали въ области Средней Азіи, остававшіяся до тѣхъ поръ недоступными для европейцевъ; такъ въ 1325 — 26 гг. францисканецъ Одорикъ, родомъ изъ итальянскаго города Порденона, проникъ въ Лхассу (передъ этимъ онъ прожилъ три года въ Пекинѣ); въ описаніи его путешествія есть свѣдѣнія о далай-ламѣ и тибетскомъ буддизмѣ. Одорикъ принадлежитъ къ числу немногихъ европейцевъ, побывавшихъ въ столицѣ Тибета; въ средніе вѣка его путешествіе въ Тибетъ было единственнымъ. Описаніе путешествія Одорика было источникомъ фантастическаго путешествія англійскаго рыцаря Джона Мандевиля. Мандевиль, какъ полагаютъ теперь, въ дѣйствительности

былъ только въ Египтѣ и Сиріи; описаніе его сорокалѣтнихъ (1332—1372) странствій въ Индіи, Китаѣ и другихъ странахъ цѣликомъ заимствовано изъ книгъ другихъ путешественниковъ, особенно изъ сочиненія Одорика. Пользуясь подложнымъ письмомъ 1165 г., Мандевиль описалъ царство „священника Іоанна" и дворъ царя-священника, будто бы посѣщенный имъ лично. Не имѣя никакого научнаго значенія, трудъ Мандевиля, составленный на французскомъ и англійскомъ языкахъ, пользовался въ свое время большой популярностью, какъ занимательный разсказъ; англійская редакція принадлежитъ къ числу первыхъ сочиненій въ прозѣ на англійскомъ языкѣ.

Дѣятельность миссіонеровъ въ Китаѣ, вслѣдствіе преобладающаго значенія морского пути, находилась въ тѣсной зависимости отъ дѣятельности миссіонеровъ, жившихъ въ Персіи. Положеніе европейцевъ въ Персіи не измѣнилось и послѣ принятія монгольскими ханами ислама, такъ какъ и послѣ этого продолжались войны монголовъ съ Египтомъ и переговоры съ европейцами о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ общаго врага. Новая столица Персіи, Султанія, основанная мусульманскимъ ханомъ Ульджэйту (1304—1316 гг.), была мѣстопребываніемъ католическаго архіепископа, которому были подчинены всѣ епархіи, учрежденныя въ монгольской имперіи. Въ Султаніи была составлена „Книга о великомъ ханѣ", основанная на разсказахъ Марко Поло и миссіонеровъ.

Прекращеніе въ Персіи монгольской династіи и распаденіе страны на нѣсколько мусульманскихъ владѣній, только въ XVI в. вновь объединенныхъ подъ властью одного государя, положили конецъ дѣятельности миссіонеровъ. События въ Персіи, вмѣстѣ со смутами въ Золотой ордѣ послѣ смерти хана Джанибека (1359 г.), преградили европейцамъ доступъ въ Среднюю Азію и въ Китай. Во второй половинѣ XIV в. окончательная побѣда ислама въ Средней Азіи и національная реакція въ Китаѣ послѣ изгнанія монголовъ и воцаренія китайской династіи Минъ (1368—1644 гг.) быстро уничтожили всѣ слѣды дѣятельности католическихъ миссіонеровъ; но сношенія съ Европой, повидимому, прекратились еще раньше, такъ какъ въ Европу, насколько извѣстно, не проникло никакихъ слуховъ объ этихъ событіяхъ. Европейцы и въ XVI в. искали царство „великаго хана", ничего не зная о его гибели.

Отношеніе европейцевъ къ Востоку уже тогда представляло нѣкоторый прогрессъ по сравненію съ отношеніемъ древнихъ. На соборѣ въ городѣ Віеннѣ въ южной Франціи (1311—12 гг.)

было постановлено учредить профессуры языковъ арабскаго, еврейскаго и халдейскаго при университетахъ Рима, Парижа, Болоньи, Оксфорда и Саламанки; но до XVI в. это постановленіе, вслѣдствіе отсутствія спеціалистовъ, не могло быть осуществлено, хотя еще въ XII в. появились первые переводы на латинскій языкъ Корана (этотъ переводъ дошелъ до насъ въ исправленной редакціи, напечатанной въ Базелѣ въ 1543 г.) и нѣкоторыхъ арабскихъ научныхъ сочиненій. Восточные языки изучались европейцами, насколько это было нужно для торговыхъ и миссіонерскихъ цѣлей. Любопытнымъ памятникомъ этого практическаго оріентализма XIII—XIV вв. является словарь половецкаго языка, извѣстный въ наукѣ подъ названіемъ „Codex Comanicus", единственная рукопись котораго находится въ Венеціи. Кромѣ перевода отдѣльныхъ словъ, эта книга заключаетъ въ себѣ переводъ на половецкій языкъ отрывковъ изъ Евангелія и нѣкоторыхъ другихъ религіозныхъ текстовъ.

Кромѣ европейцевъ и мусульманъ, въ торговой и миссіонерской дѣятельности на Востокѣ въ эпоху монгольской имперіи принимали участіе и армяне. Рубруквисъ встрѣтилъ армянина, занимавшаго выдающееся положеніе при дворѣ великаго хана Мункэ; въ городѣ Булгарѣ на Волгѣ и въ Семирѣчьѣ сохранились армянскія могильныя надписи; каталонская карта упоминаетъ о монастырѣ „армянскихъ братьевъ" на озерѣ Иссыкъ-Куль. Вслѣдствіе этого въ армянской литературѣ сохранились нѣкоторыя свѣдѣнія о монголахъ, ихъ странѣ и исторіи ихъ завоеваній, хотя и менѣе обильныя, чѣмъ свѣдѣнія мусульманъ и европейцевъ. Еще въ XIII в. Гайтонъ (Гетумъ), царь Малой Арменіи, былъ при дворѣ Мункэ; описаніе его путешествія приведено въ сочиненіи Киракоса, присоединившаго къ нему небольшой списокъ словъ монгольскаго языка. Другой представитель того же царскаго дома, тоже носившій имя Гайтона, въ XIV в. принялъ католичество и составилъ для европейцевъ, на латинскомъ языкѣ, сочиненіе о монгольской имперіи подъ заглавіемъ „Восточная исторія" (Historia orientalis).

Itinera Hierosolymitana et descriptiones Terrae Sanctae bellis sacris anteriora et Latina lingua exarata, sumptibus Societatis illustrandis Orientis Latini monumentis ediderunt T. Tobler et A. Molinier. Genevae 1877—1879 (1880).— Itinera Hierosolymitana saeculi IV—VIII. Recensuit et commentario critico instruxit P. Geyer. Pragae Vindob. Lips. 1898 (Corpus script. ecclesiasticorum Latinorum XXXVIII). J. Assemanii Bibliotheca Orientalis, t. III, pars II. Romae 1728. В. Райтъ, Краткій очеркъ исторіи сирійской литературы, перев. съ англ. К. А. Тураевой, подъ ред. и съ дополн. проф. П. К. Коковцова, Спб.

1902. — В. Бартольдъ, О христіанствѣ въ Средней Азіи въ до-монгольскій періодъ (Зап.-Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., VIII, 1--32). W. Barthold, Zur Geschichte des Christentums in Mittelasien, Tübingen und Lpz. 1901, рец. E. Chavannes въ Revue de l'histoire des réligions, t. XLV, p. 123. П. К. Коковцовъ, Къ сиро-турецкой эпиграфикѣ Семирѣчья (Изв. И. Акад. Наукъ 1909, стр. 773—796). L. Moshemii Historia Tartarorum ecclesiastica, Helmstadi 1741. G. Pauthier, L'inscription syro-chinoise de Si-ngan-fou, Paris 1858. Архим. Палладій, Старинные слѣды христіанства въ Китаѣ, по китайскимъ источникамъ, съ примѣчан. В. В. Григорьева (Вост. Сборн. 1877, стр. 1--64). Nachrichten über die von der Kais. Akad. der Wiss. zu St-Petersburg ausgerüstete Expedition nach Turfan, Heft I, St-P. 1899. A. Grünwedel, Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902—1903, München 1905 (Abh. der K. Bayer. Akad. d. Wiss, I. Kl. XXIV Bd. I Abt.). F. W. K. Müller, Uigurica, Berlin 1908 (Abh. der K. Akad. der Wiss. zu Berlin, Abh. II) F. W. K. Müller, Neutestamentliche Bruchstücke in sogdischer Sprache (Sitzb. d. kön. preuss Akad. d. Wiss 1907, S. 260—270). W. Radloff, Die vorsemitischen Schriftarten der Türken und das Verhältnis zu der Sprache derselben (Изв. Имп. Акад. Наукъ 1908, стр. 835—856). W. Radloff, Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer, St-P. 1909. G. Oppert, Der Presbyter Johannes in Sage und Geschichte, 2-te Auflage, Berlin 1870. Fr. Zarncke, Der Priester Johannes, Lpz. 1876—79 (Abh. der phil.-hist. Classe der Kön. Sächs. Ges. der Wiss., Bd. VII, Nr. VIII, S. 839—1030; Bd. VIII, № I, S. 1—186). В. Бартольдъ, Очеркъ исторіи Семирѣчья (Пам. кн. Семирѣч. обл. статистич. комитета на 1898 г., т. II, Вѣрный 1898, стр. 74—175). В. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. II, Спб. 1900, гл. III и IV. Собраніе путешествій къ Татарамъ, изд. Д. Языковъ, Спб. 1825 (Плано Карпини и Асцелинъ) Recueil de voyages et de mémoires, publié par la Soc. de géographie, t. IV, Paris 1839 (Плано Карпини и Рубруквисъ). F. M. Schmidt, Ueber Rubruk's Reise von 1253—55, Berlin 1885 (Ztschr. der Ges. für Erdkunde, Bd. XX). В. Бартольдъ, Пизанецъ Исолъ (Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., т. VI, стр. 327—329). Рашид-ад-динъ, Джамі-ат-таварихъ, рук. Публ. библ. Dorn 289, f. 228 и 236 (эти извѣстія еще не использованы). И. Минаевъ, Путешествіе Марко Поло. Спб. 1902 (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. XXVI). The book of Ser Marco Polo, ed. by Sir H. Yule, 3-rd ed., revised by H. Cordier, 2 vol., Lond. 1903. H. Yule, Cathay und the way thither, Lond. 1866, vol. II. Каталонская карта: Notices et Extraits etc., XIV, part. II; о картѣ братьевъ Пицигани O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, München 1877, S. 172. Les voyages en Asie au XIV-me siècle du bienheureux frère Odoric de Pordenone, publ. par H. Cordier, Paris 1891 (Recueil de voyages et de documents etc., vol. X). Jacquet, Le livre du Grant Caan (Journ. As., 2, VI (1830), 57—72). G. Dugat, Histoire des orientalistes de l'Europe, t. I, Paris 1868, p. IV—XV; о Коранѣ еще А. Крымскій, Исторія мусульманства, изд. 2-ое, ч. I и II, Москва 1904, стр. XX и слѣд. G. Kuun, Codex Cumanicus, Budapestini 1880. W. Radloff, Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus, St-P. 1887 (Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences, VII série, t. XXXV, № 6). C. Salemann, Zur Kritik des Codex Comanicus (Изв. Имп. Акад. Наукъ 1910 г. стр. 943—957). И. Березинъ, Булгаръ на Волгѣ, Казань 1853. Н. Марръ, Надгробный камень изъ Семирѣчья съ армянско-сирійской надписью 1323 г. (Зап. В. Отд. И. Р. Арх. Общ., VIII, 344—349). К. Паткановъ, Исторія монголовъ инока Магакіи

XIII в., Спб, 1871.—К. Паткановъ, Исторія монголовъ по армянскимъ источникамъ, 2 вып., Спб. 1873—74. Haithoni Armeni Historia Orientalis, quae et de Tartaris inscribitur, ed. Andr. Müller, Col. Brand. 1671.

ГЛАВА VI.

Съ XIV в. Европѣ стала угрожать съ востока новая опасность вслѣдствіе усиленія въ Малой Азіи государства турокъ-османцевъ, занятія ими части Балканскаго полуострова и перенесенія столицы въ Адріанополь. Пораженіе императора Сигизмунда и его союзниковъ въ битвѣ при Никополѣ (1396 г.) обнаружило размѣры опасности, угрожавшей не только Византіи, но и западной Европѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ европейцамъ приходилось принимать мѣры какъ для изученія матеріальныхъ и духовныхъ силъ новаго врага, такъ и для заключенія противъ него союза съ владѣтелями Персіи.

Первымъ союзникомъ европейцевъ и византійцевъ сдѣлался, хотя и безъ намѣренія, средне-азіатскій завоеватель Тимуръ (у европейцевъ Тамерланъ—искаженіе персидскихъ словъ Тимур-и ленгъ „хромой Тимуръ"). Подчинивъ себѣ Персію и Месопотамію, Тимуръ совершилъ вторженіе въ Сирію и Малую Азію; османскій султанъ Баязидъ, побѣдитель при Никополѣ, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Тимуромъ при Ангорѣ (1402 г.). Баязида сопровождали до Ангоры, среди другихъ пословъ, послы кастильскаго короля Генриха III; по порученію короля, они должны были собрать вѣрныя свѣдѣнія какъ о Баязидѣ, такъ и о Тимурѣ, и присутствовать при битвѣ между ними. Когда они были приведены къ побѣдителю, Тимуръ милостиво принялъ ихъ, отпустилъ ихъ на родину и отправилъ съ ними своего посла. Когда этотъ посолъ возвращался къ своему государю, съ нимъ было отправлено къ Тимуру испанское посольство, во главѣ котораго стоялъ рыцарь Гонзалесъ де-Клавихо, оставившій, на испанскомъ языкѣ, описаніе своего путешествія, подъ заглавіемъ „Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана".

Клавихо въ 1403 г. проѣхалъ моремъ въ Константинополь и оттуда въ Трапезунтъ, изъ Трапезунта сухимъ путемъ черезъ Персію въ столицу Тимура, Самаркандъ. Какъ посолъ, Клавихо могъ пользоваться почтовымъ сообщеніемъ, устроеннымъ въ государствѣ Тимура по примѣру другихъ обширныхъ государствъ восточной и западной Азіи. Почта на востокѣ служила исклю-

чительно для пересылки указовъ государя и донесеній ему, для путешествія пословъ и чиновниковъ и для другихъ государственныхъ цѣлей; частнымъ лицамъ было запрещено ею пользоваться. Содержаніе почты возлагалось на жителей тѣхъ мѣстъ, гдѣ устраивались почтовыя станціи или „ямы“ (отсюда и русское слово „ямщикъ“); за это они освобождались отъ другихъ податей и повинностей. Клавихо описалъ устройство этого почтоваго сообщенія, далъ краткія свѣдѣнія о странѣ и городахъ, черезъ которые онъ проѣхалъ; болѣе подробно описываются постройки Тимура въ Самаркандѣ, куда завоеватель отовсюду переселялъ ремесленниковъ, художниковъ и ученыхъ, также дворъ самого Тимура и пиръ, которымъ Тимуръ въ 1404 г. праздновалъ свое возвращеніе въ столицу изъ побѣдоноснаго похода на западъ, передъ началомъ задуманнаго имъ похода на Китай. Клавихо собралъ довольно подробныя свѣдѣнія о самомъ Тимурѣ, о его сыновьяхъ и внукахъ, о его постепенномъ возвышеніи и о его походахъ; эти свѣдѣнія являются цѣннымъ дополненіемъ къ разсказамъ восточныхъ историковъ. Еще болѣе цѣнны разсказы Клавихо о состояніи Передней Азіи въ эпоху Тимура и о тѣхъ жестокихъ мѣрахъ, которыми поддерживались порядокъ и безопасность въ основанной имъ державѣ, распавшейся почти тотчасъ же послѣ смерти своего основателя. Отпущенный изъ Самарканда въ концѣ 1404 г., Клавихо еще во время своего путешествія на родину получилъ извѣстіе о смерти Тимура, послѣдовавшей въ февралѣ 1405 г., и о возникновеніи междуусобій среди его потомковъ.

Съ именемъ Тимура связано еще другое европейское сочиненіе той же эпохи—записки баварскаго солдата Ивана Шильдбергера, на нѣмецкомъ языкѣ. Шильдбергеръ былъ взятъ въ плѣнъ въ 1396 году въ битвѣ при Никополѣ и зачисленъ въ войско султана Баязида; въ 1402 г., во время битвы при Ангорѣ, онъ перешелъ изъ одного плѣна въ другой и послѣ этого долженъ былъ служить въ войскѣ Тимура; черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Тимура онъ былъ отправленъ въ Золотую орду съ золотоордынскимъ царевичемъ Чекре, который послѣ возвращенія на родину присоединился къ всемогущему тогда мурзѣ Едигею. Послѣ пораженія Чекре въ борьбѣ съ Улу-Мухаммедомъ Шильдбергеръ нѣсколько лѣтъ находился на службѣ у его вельможи Маншука; только въ 1427 г. ему удалось изъ Батума черезъ Константинополь вернуться въ Германію. Баварскій солдатъ по своему уровню образованія не могъ, конечно, сообщить такихъ разносторонних свѣдѣній о государствѣ Тимура, какъ испанскій рыцарь.

Какъ источникъ для изученія политическихъ событій этой эпохи, не исключая даже битвъ, въ которыхъ авторъ лично принималъ участіе, разсказъ Шильдбергера не имѣетъ почти никакого значенія; интересъ представляютъ только отдѣльные эпизоды, о которыхъ онъ разсказываетъ какъ очевидецъ, и отдѣльныя свѣдѣнія о посѣщенныхъ имъ мѣстностяхъ.

Битва при Ангорѣ только на короткое время ослабила османское государство и только на полвѣка отсрочила паденіе Византіи. Даже походы самого Тимура на Малую Азію и Сирію имѣли только характеръ набѣговъ, безъ присоединенія этихъ областей къ владѣніямъ завоевателя; его преемники не могли уже оказать никакого вліянія на событія у береговъ Средиземнаго моря. Новое усиленіе османцевъ, особенно послѣ завоеванія Константинополя (1453 г.), подвергало опасности и западно-европейскія государства; нападенію завоевателей прежде всего должна была подвергнуться венеціанская республика, въ рукахъ которой оставались нѣкоторыя области бывшей Латинской имперіи. Въ борьбѣ съ османцами венеціанцы искали союзниковъ въ Персіи, гдѣ въ то время господствовали двѣ группы туркменскихъ племенъ, называвшихся, по изображеніямъ на ихъ знаменахъ, туркменами чернаго барана и туркменами бѣлаго барана. Во второй половинѣ XV в. Узунъ-Хасанъ, глава туркменъ бѣлаго барана, побѣдилъ своихъ соперниковъ, овладѣлъ всѣми западными областями Персіи и вступилъ въ борьбу съ османцами. Въ 70-хъ годахъ XV в. мы видимъ при его дворѣ въ Тебризѣ венеціанскихъ пословъ Іосафата Барбаро, Катерино Зено и Амвросія Контарини; всѣ они оставили описаніе своихъ путешествій; изъ нихъ Іосафатъ Барбаро еще раньше (1436—1452) путешествовалъ по Персіи съ торговою цѣлью и доходилъ до Ормуза. Исходнымъ пунктомъ его путешествій былъ городъ Тана; вообще венеціанскіе послы совершали путешествіе въ Персію и обратно черезъ Россію, отчасти при содѣйствіи московскаго правительства. Съ этого времени замѣчается стремленіе европейцевъ при своихъ торговыхъ и дипломатическихъ сношеніяхъ съ Персіей пользоваться дорогой черезъ Россію, въ обходъ враждебнаго османскаго государства. Послы были радушно приняты Узунъ-Хасаномъ, но не достигли никакихъ результатовъ, такъ какъ около того же времени (1473 г.) Узунъ-Хасанъ былъ разбитъ османскими войсками. Черезъ другихъ пословъ венеціанская республика была освѣдомлена и о дальнѣйшихъ событіяхъ въ Персіи, до объединенія страны въ началѣ XVI в. подъ властью династіи Сефевидовъ и объявленія шіитскаго ученія государственной религіей.

Трудъ Барбаро заключаетъ въ себѣ цѣнныя свѣдѣнія о Россіи и Персіи, о природѣ, населеніи и объ историческихъ событіяхъ. Въ противоположность Марко Поло, венеціанскіе путешественники XV в. были образованными людьми, проникнутыми вліяніемъ античной культуры, что̀ не всегда благопріятно отражалось на ясности и отчетливости ихъ описаній. Излагая результаты своихъ непосредственныхъ наблюденій, путешественники присоединяли къ нимъ свѣдѣнія, почерпнутыя изъ книгъ, и безъ достаточной осмотрительности пользовались терминологіей греческихъ источниковъ; Багдадъ былъ для нихъ Вавилономъ, Тебризъ — Экбатанами, Шиpaзъ—Персеполемъ. Въ этомъ отношеніи наивныя описанія прежнихъ путешественниковъ, передававшихъ, безъ предвзятыхъ идей, то, что̀ имъ удавалось видѣть и слышать, имѣютъ несомнѣнное преимущество.

Къ числу такихъ же ученыхъ путешественниковъ принадлежалъ венеціанскій купецъ Николо Конти, отправившійся изъ Европы въ Сирію и совершившій оттуда путешествіе въ Индію. Торговыя сношенія венеціанской республики съ Египтомъ и Сиріей не прекращались ни во время крестовыхъ походовъ, ни послѣ нихъ; сохраняя для себя выгодную роль посредниковъ въ торговлѣ между Индіей и Европой, мусульмане не препятствовали европейскимъ купцамъ пріобрѣтать индійскіе товары, но не пропускали ихъ черезъ гавани Краснаго моря въ Индію. Николо Конти, научившись въ Дамаскѣ арабскому языку, проѣхалъ къ устью Евфрата съ торговымъ караваномъ, состоявшимъ изъ 600 купцовъ, оттуда воспользовался морскимъ путемъ въ Индію черезъ Ормузъ. Въ Индіи, въ Каликутѣ, главной гавани Малабарскаго берега, Конти научился персидскому языку; кромѣ многихъ мѣстностей Индустанскаго полуострова онъ посѣтилъ Цейлонъ, Суматру и другіе Зондскіе острова, также часть Индо-Китая. На обратномъ пути онъ проѣхалъ запретнымъ для европейцевъ путемъ черезъ Аденъ и Египетъ и въ Египтѣ былъ принужденъ принять исламъ. Въ 1444 г. онъ, послѣ двадцатипятилѣтняго отсутствія, вернулся въ Венецію, потомъ во Флоренціи явился къ папѣ Евгенію IV, выразилъ раскаяніе въ своемъ отступничествѣ и разсказалъ о своихъ странствіяхъ. Съ его словъ разсказъ былъ записанъ секретаремъ папы, Подджіо Браччіолини, и вошелъ въ четвертую книгу сочиненія Подджіо „De varietate fortunae". Разсказъ Николо Конти, переведенный на португальскій языкъ по повелѣнію короля Мануила, далъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія объ Индіи и Зондскихъ островахъ, между прочимъ и о религіи индійцевъ. Конти былъ первымъ путешественникомъ, соединявшимъ европейское образованіе съ знаніемъ восточныхъ языковъ.

Вскорѣ послѣ этого европейцами былъ открытъ новый путь въ Индію. Экспедиціи португальцевъ къ берегамъ Африки въ XV в. сначала были связаны съ исканіемъ „священника Іоанна"; по мѣрѣ движенія на югъ, увеличивались надежды достигнуть этимъ путемъ береговъ Индіи; обогнувъ мысъ Доброй Надежды (1486), португальцы въ юго-восточной Африкѣ нашли мусульманъ, знавшихъ путь въ Индію, и съ ихъ помощью Васко де-Гама въ 1498 г. достигъ гавани Каликутъ, бывшей въ то время средоточіемъ торговыхъ сношеній Индіи какъ съ Передней Азіей, такъ и съ юго-восточной Африкой.

Плаваніе Васко де-Гамы вмѣстѣ съ открытіемъ Америки Колумбомъ (1492 г.) измѣнило пути міровой торговли. Какъ и португальцы, Колумбъ искалъ новыхъ путей въ южную и восточную Азію. Пользуясь сочиненіемъ флорентинскаго астронома Паоло Тосканелли, Колумбъ полагалъ, что упомянутые у Марко Поло острова Чипангу, богатые золотомъ (Японія), отстоятъ отъ Лиссабона на западъ всего на 130^0 и что, плывя въ этомъ направленіи, можно найти новый путь какъ къ этимъ островамъ, такъ и къ лежавшей за ними землѣ „Катай". Открытіе Антильскихъ острововъ не измѣнило мнѣнія Колумба; богатый золотомъ островъ Гаити былъ имъ принятъ за Чипангу, берегъ Кубы—за берегъ Китая, и въ этомъ смыслѣ имъ былъ составленъ въ 1494 г. протоколъ, который были вынуждены подписать его спутники. Какъ и португальцы, Колумбъ хотѣлъ воспользоваться содѣйствіемъ мусульманъ, лучше знавшихъ земли восточной Азіи; отправляясь въ 1502 г. въ свое послѣднее путешествіе, Колумбъ все еще былъ убѣжденъ, что направляется къ берегамъ Китая, и взялъ съ собой арабскаго переводчика. Ошибка была разъяснена уже послѣ смерти Колумба другими мореплавателями.

Въ концѣ XV в. начинаются попытки воспользоваться открытіями мореплавателей для приведенія въ систему собраннаго ими географическаго матеріала; съ этою цѣлью составляются карты и глобусы. Первый глобусъ изготовилъ въ 1492 г. Мартинъ Бегаимъ (Behaim), находившійся на португальской службѣ, въ своемъ родномъ городѣ Нюрнбергѣ, куда онъ вернулся на короткое время. На глобусѣ при названіи каждой страны были помѣщены краткія свѣдѣнія о ней, частью сбивчивыя и баснословныя; астрономическое положеніе странъ большею частью было опредѣлено невѣрно. Болѣе тщательную обработку географическаго матеріала представляли карты XVI в., изъ которыхъ наибольшее вліяніе

на развитіе географической науки имѣли „атласы“ (слово, изобрѣтенное въ эту эпоху) Меркатора (Orbis descriptio ad navigantium usum accomodata, 1569) и Ортеліуса (Theatrum orbis terrarum, 1570); но и эти карты далеко не соотвѣтствовали дѣйствительности. Географическія открытія еще долгое время спустя не сопровождались правильными астрономическими наблюденіями; прошло еще болѣе ста лѣтъ, прежде чѣмъ земной шаръ былъ извѣстенъ европейцамъ настолько, что всѣ данныя греческой географіи могли быть замѣнены болѣе новыми свѣдѣніями. Карты XVI и XVII вв. составлялись въ одинаковой степени по Птолемею, по Марко Поло и по новѣйшимъ открытіямъ мореплавателей, и не всегда удавалось правильно разрѣшить вопросъ, соотвѣтствуютъ ли вновь открытыя страны какимъ-нибудь областямъ, упомянутымъ въ греческой или средневѣковой географіи.

Рюи Гонзалесъ де Клавихо, Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандъ въ 1403—1406 гг., подлинный текстъ съ переводомъ и примѣч., составленными подъ ред. И. И. Срезневскаго, Спб. 1881 (Сборн. отд. русск. яз. и словесн. И. Акад. Наукъ, т. XXVIII, № 1); ср. рецензію Н. И. Веселовскаго въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXXIV (1882), отд. II, стр. 123—137. Путешествія Ивана Шильтбергера по Европѣ, Азіи и Африкѣ, съ 1394 по 1427 годъ, перев. съ нѣмецкаго и снабдилъ примѣч. Ф. Брунъ (Зап. Имп. Новороссс. унив., годъ I, т. I, Одесса 1867). Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи, отд. I, т. I, Спб. 1836 (текстъ и переводъ разсказовъ Барбаро и Контарини). Travels to Tana and Persia by Josafa Barbaro and Ambrogio Contarini, Lond. 1873.—A narrative of Italian travels in Persia in the fifteenth and sixteenth century, transl. and ed. by Ch. Grey. Lond. 1873 (Hakl. Soc., № 49). India in the fifteenth century, being a collection of narratives of voyages to India, ed. by R. H. Major, Lond 1857 (Hakl. Soc., № 22). O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, S. 182 (о Конти); о португальцахъ и свящ. Іоаннѣ ibid S. 231 f.; о Колумбѣ ibid. S. 243—256; о картахъ ibid. S. 409 f.; о Бегаимѣ еще ibid. S. 236; Th. Lindner, Weltgeschichte seit der Völkerwanderung, Bd. IV, Stuttg. u. Berlin 1905, S. 299 u. 411.

ГЛАВА VII.

Чтобы сохранить въ своихъ рукахъ выгодную торговлю съ Индіей, португальцы еще въ началѣ XVI в. заняли важнѣйшіе прибрежные пункты; въ 1510 г. была занята Гоа, сдѣлавшаяся главнымъ городомъ португальскихъ владѣній въ Индіи. Господствуя на Индійскомъ океанѣ, португальцы не пропускали въ Индію никакихъ судовъ изъ мусульманскихъ странъ; чтобы захватить въ свои руки морскую торговлю между Индіей и Персіей,

они въ 1515 г. завоевали островъ Ормузъ, еще съ 1507 г. платившій имъ дань, и выстроили на немъ неприступную крѣпость.

Изъ Индіи мореплаватели проникли дальше на востокъ; въ 1511 г. ими былъ занятъ полуостровъ Малакка, съ городомъ того же имени; въ 1514 г. португальцы въ первый разъ совершили плаваніе къ берегамъ Китая; въ 1517 г. Фердинандъ Пересъ д'Андрада изъ Малакки достигъ Кантонскаго залива и былъ допущенъ въ Кантонъ. Изъ Китая португальцами случайно была открыта Японія; въ 1542 г. здѣсь былъ выброшенъ бурей на берегъ острова Танегасима (около Кю-сю) бѣглый матросъ Антоній де-Мота съ двумя спутниками. Около того же времени (1539—1558 гг.) странствовалъ по морямъ восточной Азіи Мендеце Пинто, превратившійся изъ купца, вслѣдствіе неудачныхъ торговыхъ оборотовъ, въ морского разбойника; ему, между прочимъ, принадлежитъ открытіе острововъ Лю-цю (Ликейскихъ). Записки Мендеце Пинто о своихъ плаваніяхъ возбуждаютъ большія сомнѣнія и частью имѣютъ баснословный характеръ.

Въ Индіи, Китаѣ и Японіи нашли поприще для своей дѣятельности не только португальскіе купцы, но и португальскіе миссіонеры. Основанный въ 1534 г. и утвержденный въ 1540 г. орденъ іезуитовъ тотчасъ захватилъ въ свои руки дѣло распространенія христіанства на Востокѣ. Другъ Игнатія Лойолы Ксаверій организовалъ дѣло проповѣди христіанства въ Индіи и въ 1549 г., первый изъ миссіонеровъ, высадился въ Японіи, гдѣ пробылъ до 1551 г. Въ 1552 г. онъ умеръ на небольшомъ островѣ около береговъ Китая; тѣло его было привезено въ Гоу; причисленный впослѣдствіи къ лику святыхъ, онъ считается въ католической церкви святымъ покровителемъ Индіи.

Дѣятельность португальскихъ купцовъ и миссіонеровъ въ Японіи въ первое время не встрѣчала препятствій. Распространеніе христіанства шло такъ успѣшно, что еще въ XVI в. могло быть отправлено посольство японскихъ христіанъ въ Европу; описаніе этого посольства было издано въ 1585 г. въ Римѣ на итальянскомъ языкѣ и въ 1590 г. въ Макао на латинскомъ и японскомъ. Въ началѣ XVII в. число японскихъ христіанъ, по сообщеніямъ миссіонеровъ, доходило до 1800000. Владѣтель удѣльнаго государства Бунго на островѣ Кю-сю, умершій въ 1587 г., принялъ католичество и въ славу новой вѣры сталъ разрушать японскіе національные храмы; это поло-

жило начало той враждѣ противъ христіанъ, которая уже въ 1589 г. вызвала первый указъ о разрушеніи церквей и въ слѣдующемъ столѣтіи привела къ катастрофѣ. Изъ Японіи миссіонеры проникли въ Корею, которая такимъ образомъ впервые была открыта европейцами; во время похода японцевъ на Корею (1592—96 гг.) вмѣстѣ съ ними проникъ въ эту страну миссіонеръ Цеспедесъ. Слово „Корея", у первыхъ миссіонеровъ Coria, происходитъ отъ названія династіи Ко-ріö, правившей съ X в. до 1392 г.; отсюда же произошло китайское названіе страны—Гао-ли, упоминающееся уже у Рубруквиса (Caule) и Марко Поло (Cauli), но безъ всякихъ свѣдѣній о мѣстоположеніи этой области. Въ XVI в. страна уже носила оффиціальное названіе Цзо-сіöнь, по имени династіи, владѣвшей полуостровомъ съ 1392 г. до присоединенія Кореи къ Японіи (1910).

Болѣе подозрительно отнеслось къ купцамъ и миссіонерамъ съ самаго начала китайское правительство; въ Китаѣ господствовала въ то время враждебная иностранцамъ національная династія Минъ. Первыя факторіи, основанныя португальцами въ Китаѣ, скоро были покинуты по требованію китайскихъ властей; съ 1557 г. торговля между португальцами и китайцами сосредоточивалась на островѣ *Макао*, который и до сихъ поръ остается португальской колоніей. Въ XVI в. торговцы и миссіонеры не проникали сѣвернѣе Нанкина; только въ 1600 г. патеръ Маттео Риччи былъ пропущенъ въ Пекинъ. Несмотря на неблагопріятныя условія, миссіонеры уже тогда приступили къ тѣмъ научнымъ работамъ, которыя въ слѣдующемъ столѣтіи составили славу ордена іезуитовъ. Собранныя ими свѣдѣнія были изложены въ трудѣ Мендозы „Historia del gran reyno de la China" (1585)—первомъ европейскомъ сочиненіи, въ которомъ приведены, хотя и въ совершенно искаженномъ видѣ, китайскіе іероглифы.

Несмотря на дѣятельность купцовъ и миссіонеровъ въ Китаѣ и Японіи, европейцы въ то время еще не сознавали, что ими вновь найденъ путь въ страну „Катай" и къ островамъ „Чипангу". Европейцы въ XVI в. слышали въ Индіи то же самое названіе Китая — „*Чина*", которое нѣкогда перешло изъ Индіи къ грекамъ и римлянамъ. Въ португальскомъ правописаніи „China" это названіе съ тѣхъ поръ сохранилось за Китаемъ во всѣхъ западно-европейскихъ языкахъ и произносится различно, въ зависимости отъ произношенія буквъ ch (ср. нѣмецкое China, французское Chine, англійское China). Европейцамъ было легко отожествить эту страну со страною „синовъ" Птолемея, но они

не сознавали, что открытая ими „Чина" и страна „Катай", извѣстная изъ сочиненія Марко Поло—одно и то же, хотя и для такого сближенія они могли бы найти данныя въ словахъ самого Марко Поло. Марко Поло также слышалъ въ Индіи слова „Чинъ" и „Чинское море"; онъ зналъ, что названіе „Чинъ" прилагается къ странѣ, описанной у него подъ названіемъ *Манги* (Мань-цзы—китайское слово для обозначенія населенія южнаго Китая). Различая страны „Катай" и „Манги", онъ подъ первымъ терминомъ понималъ сѣверный Китай, прежнее государство маньчжурской династіи Цзинь, окончательно завоеванное монголами въ 1234 г., подъ вторымъ—южный Китай, прежнее государство китайской династіи Сунъ, завоеванное монголами при Хубилаѣ. Изъ описанія Марко Поло ясно видно, что въ его время „Катай" и „Манги" были объединены подъ одной политической властью и вмѣстѣ составляли „государство великаго хана"; кромѣ того Монте-Корвино и нѣкоторые другіе миссіонеры XIII—XIV вв. пріѣхали изъ Индіи въ „Катай" или обратно тѣмъ же путемъ, который теперь былъ найденъ португальцами. Тѣмъ не менѣе европейцы до конца XVI в. полагали, что описанный у Марко Поло „Катай", государство великаго хана, со столицею Ханбалыкомъ, находится гдѣ-то къ сѣверо-западу отъ открытой ими „Чины". Только прибытіе патера Риччи съ юга въ Пекинъ, столицу „Чины", и одновременное путешествіе іезуитской миссіи съ запада, съ мусульманскимъ караваномъ, въ „Катай" и „Ханбалыкъ" разсѣяли это недоразумѣніе.

Во главѣ этой послѣдней миссіи стоялъ патеръ Бенедиктъ Гоэсъ, пробывшій уже нѣсколько лѣтъ въ Индіи, при дворѣ „великаго могола" Акбара. „Великими моголами" европейцы называли мусульманскую династію турецкаго происхожденія, господствовавшую въ Индіи съ первой половины XVI в. Потомокъ Тимура, Бабуръ, изгнанный изъ Средней Азіи новыми завоевателями—узбеками, съ горстью приверженцевъ удалился въ Индію, гдѣ ему удалось основать новое государство; его преемники распространили свою власть на бо̀льшую часть полуострова. Европейцы, приписывая Тимуру и его потомкамъ монгольское происхожденіе, придумали для этой династіи названіе „великихъ моголовъ", подобно тому, какъ „великими турками" называли османскихъ султановъ.

Держава „великихъ моголовъ" представляетъ едва ли не единственный примѣръ мусульманскаго государства, въ которомъ, безъ давленія извнѣ, иновѣрцы были уравнены въ правахъ съ мусульманами. Бабуръ и его преемники относились къ религіи

индійцевъ съ полной вѣротерпимостью; внукъ Бабура Акбаръ допускалъ при своемъ дворѣ диспуты между брахманами и мусульманскими учеными и надѣялся изъ элементовъ различныхъ религій создать новую вѣру, которая могла бы быть принята всѣми его подданными. Къ числу представителей различныхъ религій, дѣйствовавшихъ при его дворѣ, принадлежали и іезуитскіе миссіонеры изъ Гои; ими для Акбара было переведено на персидскій языкъ Евангеліе.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ дѣятельности въ Индіи Гоэсу было дано порученіе отправиться въ страну „Катай" — терминъ, который былъ принесенъ въ сѣверную Индію изъ Средней Азіи мусульманами. Изъ Лагора онъ, въ сопровожденіи двухъ монаховъ, отправился весной 1603 г. съ торговымъ караваномъ въ Кабулъ, принадлежавшій въ то время „великимъ моголамъ"; присоединившись къ торговому каравану, Гоэсъ и самъ взялъ съ собой нѣкоторое количество товаровъ. Несмотря на то, что вся страна подчинялась одному могущественному императору, путь до Кабула не былъ безопасенъ. Въ трудно доступной горной области къ западу отъ Инда авганское населеніе сохраняло свою независимость при всѣхъ политическихъ переворотахъ; самые могущественные завоеватели могли только совершать набѣги на ихъ страну, безъ прочнаго подчиненія ея жителей; даже для сохраненія безопасности на главныхъ торговыхъ путяхъ требовались значительныя военныя силы. Караванъ Гоэса нѣсколько разъ подвергался нападеніямъ разбойниковъ и только съ большими потерями достигъ Кабула.

Въ Кабулѣ Гоэсъ присоединился къ новому каравану, отправлявшемуся въ путь при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ съ нимъ ѣхала мать хотанскаго владѣтеля. Несмотря на это, караванъ на пути черезъ Бадахшанъ до Памира нѣсколько разъ подвергался опасности отъ разбойниковъ. Вообще безопасность торговли въ Средней Азіи послѣ распаденія монгольской имперіи и государства Тимура не могла быть возстановлена. Памиръ при Гоэсѣ, какъ и при Марко Поло, былъ совершенно безлюднымъ. Черезъ Сарыколъ караванъ въ ноябрѣ 1603 г. достигъ Яркенда, бывшаго въ то время главнымъ городомъ Восточнаго Туркестана.

Въ Яркендѣ Гоэсъ пробылъ цѣлый годъ, до ноября 1604 г., совершивъ въ теченіе этого времени поѣздку въ Хотанъ. Здѣсь имъ были закуплены новые товары, въ томъ числѣ значительное количество камня нефрита, добывавшагося въ горахъ Восточнаго Туркестана и высоко цѣнившагося въ Китаѣ. Въ ноябрѣ 1604 г.

онъ отправился въ Китай обычнымъ еще въ настоящее время караваннымъ путемъ черезъ Кашгаръ, Аксу, Кучу, Чалышъ (нынѣ Карашаръ), Турфанъ, Хами и Су-чжоу, куда прибылъ въ концѣ 1605 г. Наиболѣе продолжительное время (три мѣсяца) караванъ пробылъ въ Чалышѣ; здѣсь произошла встрѣча съ другимъ караваномъ, возвращавшимся изъ „Ханбалыка" и привезшимъ Гоэсу извѣстіе о находившемся въ Пекинѣ патерѣ Маттео Риччи. Эта встрѣча и показала Гоэсу, что Ханбалыкъ и Пекинъ — одно и то же и что та страна „Катай", куда онъ направлялся, есть та же „Чина", въ которую изъ Индіи давно былъ извѣстенъ болѣе безопасный морской путь. Со стороны населенія Восточнаго Туркестана и его мусульманскихъ владѣтелей миссіонеры, впрочемъ, не подвергались никакимъ опасностямъ. Слѣдовъ дѣятельности несторіанъ въ то время уже не было, но воспоминанія о ней сохранялись; Гоэсъ приводитъ слова владѣтеля Чалыша, что и его предки были нѣкогда христіанами (въ Восточномъ Туркестанѣ тогда еще продолжала господствовать династія, приписывавшая себѣ происхожденіе отъ Джагатая, сына Чингизъ-хана). Торговыя сношенія мусульманъ съ Китаемъ были еще довольно оживленны; въ Су-чжоу въ одной части города жили китайцы, въ другой — мусульмане.

Гоэсъ умеръ въ Су-чжоу въ 1607 г., не успѣвъ обработать дневникъ своего путешествія; часть дневника была сохранена его спутникомъ, армяниномъ Исаакомъ; на основаніи этого матеріала патеръ Триго (Nicolaus Trigautius) напечаталъ въ 1618 г. въ Кельнѣ сочиненіе: „De christiana expeditione apud Sinas suscepta ab Societate Jesu libri V".

Путешествіе Гоэса оставалось до XIX в. единственной попыткой европейцевъ вновь воспользоваться караваннымъ путемъ въ Китай, столь оживленнымъ въ XIII и XIV вв. Для купцовъ Средняя Азія подъ владычествомъ кочевниковъ представляла слишкомъ мало привлекательнаго; миссіонерская дѣятельность послѣ утвержденія въ странѣ ислама не могла имѣть успѣха. Іезуитскія миссіи въ Китаѣ сохраняли, однако, сношенія съ миссіями въ Индіи; кромѣ частыхъ морскихъ сношеній, въ XVII в. былъ проложенъ еще новый путь изъ Индіи въ Китай черезъ Тибетъ. Вслѣдствіе трудностей этого пути онъ также не получилъ большого значенія, но имъ, какъ мы увидимъ, воспользовались миссіонеры для внесенія въ Тибетъ проповѣди христіанства.

О морскомъ пути въ Китай и въ Японію ср. на русскомъ языкѣ литографированный курсъ Н. В. Кюнера „Историческій обзоръ сношеній евро-

нейцевъ съ Китаемъ съ 1514 года по 1842 годъ"; тамъ же указана литература предмета. О первомъ прибытіи португальцевъ въ Китай замѣчаніе H. Cordier въ T'oung-Pao, II série, vol. IV (1903), p. 260, въ рецензіи на C. A. Montalto de Jésus, Historic Macao, Hong-Kong 1902 (эта книга мнѣ не была доступна). О дѣятельности миссіонеровъ въ Китаѣ и въ Японіи см. библіографію къ слѣдующей главѣ. О Кореѣ „Описаніе Кореи", изд. мин. финансовъ, ч. I, Спб. 1900, стр. 60. Англійскій переводъ труда Мендозы: The history of the great und mighty kingdom of China und the situation thereof, compiled by the padre J. G. de Mendoza, ed. by S. G. T. Staunton, with an introduction of R. H. Major, Lond. 1853 (Hakl. Society № 14). Объ Акбарѣ и іезуитахъ R. Garbe, Kaiser Akbar von Indien, Lpz. 1909, S. 37—41. О путешествіи Гоэса В. В. Григорьевъ, Восточный или Китайскій Туркестанъ, вып. II, Спб. 1873, стр. 335—341 (тамъ же ссылка на страницы 1-го выпуска, гдѣ говорится о томъ же путешествіи). О смерти Гоэса C. Ritter, Die Erdkunde von Asien, Bd. I, Berlin 1832, S. 221.

ГЛАВА VIII.

Морская торговля съ Японіей, приносившая купцамъ огромныя выгоды, оставалась въ XVI в. въ рукахъ португальцевъ; но въ слѣдующемъ столѣтіи португальцы были вынуждены уступить мѣсто морякамъ другихъ націй. Португальскій престолъ еще въ 1580 г. перешелъ къ Филиппу II испанскому, и до 1640 г. Португалія вмѣстѣ со своими колоніями оставалась подъ властью испанскихъ королей; вслѣдствіе этого неудачи Филиппа II и его преемниковъ въ борьбѣ съ голландцами и англичанами отразились и на Португаліи. Чтобы отнять у своихъ противниковъ выгоды морской торговли съ Востокомъ, голландцы и англичане, пока борьба съ флотомъ испанцевъ и португальцевъ казалась невозможной, искали новыхъ путей на Дальній Востокъ. Плаваніе вдоль сѣверныхъ береговъ Европы и Азіи, казалось, должно было привести въ „Катай", который въ то время помѣщали дальше къ сѣверу, чѣмъ онъ находился на самомъ дѣлѣ; въ этой надеждѣ голландцы и англичане въ XVI в. положили начало полярнымъ экспедиціямъ. Когда обнаружились трудности плаванія по Ледовитому океану и когда ослабленіе флота враговъ сдѣлало возможнымъ соперничество съ ними въ южныхъ моряхъ, голландцы и англичане начали пользоваться дорогами, проложенными португальцами. Въ 1595 г. въ Голландіи появились общества для торговли съ Индіей; въ 1602 г. эти общества были объединены въ одну голландскую остъ-индскую компанію; такая же компанія образовалась въ Англіи.

Первый голландскій корабль прибылъ въ Японію въ 1600 г. подъ начальствомъ Вильяма Адамса, англичанина, находившагося на голландской службѣ. Португальцы естественно встрѣтили голландцевъ крайне враждебно; по ихъ наущенію Адамсъ и его спутники были заключены въ тюрьму, какъ морскіе разбойники; однако имъ вскорѣ удалось не только добиться освобожденія, но и занять вліятельное положеніе въ Японіи. Адамсъ научилъ японцевъ строить корабли; этой услугой объясняется пріобрѣтенное имъ вліяніе, которымъ онъ пользовался во вредъ португальцамъ и въ пользу какъ голландцевъ, такъ и своихъ соотечественниковъ. Вслѣдствіе писемъ Адамса въ 1609 г. прибыли въ Японію два голландскихъ корабля; союзники голландцевъ, англичане, въ 1613 г. послѣдовали ихъ примѣру, но между политическими союзниками уже тогда обнаружилось торговое соперничество, заставившее англичанъ въ 1623 г. покинуть Японію. Голландцы продолжали сношенія съ Японіей и послѣ смерти Адамса, послѣдовавшей въ 1620 г. Средоточіемъ голландской торговли была основанная въ 1611 г. факторія на островѣ Хирадо (къ западу отъ Кю-сю).

Прибытіе голландцевъ познакомило японцевъ, знавшихъ до тѣхъ поръ только португальцевъ, съ другимъ христіанскимъ народомъ и вѣроисповѣданіемъ. Не понимая политической и религіозной вражды между послѣдователями одной вѣры, японцы предположили, что было два Христа и что португальцы поклоняются одному, голландцы—другому. Дѣйствія іезуитскихъ миссіонеровъ и обращенныхъ ими въ христіанство японцевъ все болѣе возбуждали неудовольствіе японскаго правительства; менѣе враждебно относилось оно къ голландцамъ, заботившимся только о своихъ торговыхъ интересахъ и воздерживавшимся отъ всякой религіозной пропаганды. Ожесточеніе японскаго правительства противъ католической пропаганды вполнѣ соотвѣтствовало интересамъ голландцевъ, желавшихъ устранить своихъ соперниковъ по торговлѣ. Еще въ 1635 г. голландцы добивались полнаго изгнанія португальцевъ; японское правительство въ 1636 г. разрѣшило португальцамъ жить и торговать только на искусственномъ островѣ Десимѣ, устроенномъ для нихъ японцами у входа въ гавань Нагасаки. Въ 1638 г. произошло вооруженное возстаніе японскихъ христіанъ; голландцы обвиняли португальцевъ въ томъ, что возстаніе было устроено ими; въ 1639 г. послѣдовалъ указъ объ окончательномъ изгнаніи португальцевъ. Португальцами была сдѣлана попытка добиться отмѣны этого указа, и съ этою цѣлью въ 1639 г. было отправлено посольство въ Японію, но послы были заключены въ тюрьму и 5 августа 1640 г. казнены; въ 1641 г., послѣ

освобожденія Португаліи отъ испанскаго владычества, только слуги были отпущены на родину, чтобы разсказать о судьбѣ посольства.

Дѣятельность іезуитовъ въ Японіи прервалась, такимъ образомъ, гораздо ранѣе, чѣмъ ихъ дѣятельность въ Китаѣ, и потому не сопровождалась такими богатыми результатами для науки. Оставался невыясненнымъ даже вопросъ о числѣ острововъ Японскаго архипелага и о географическомъ положеніи Японіи по отношенію къ материку. Миссіонеры въ 1613 г. проникли на островъ Іесо, но представляли себѣ этотъ островъ въ видѣ огромной страны, простирающейся съ востока на западъ на пять мѣсяцевъ пути; кромѣ того они не знали, есть ли между Іесо и Нипономъ сухопутное сообщеніе; имъ было извѣстно, что на Іесо отправляются моремъ, но они считали возможнымъ, что только гористый характеръ мѣстности заставляетъ предпочитать морское сообщеніе сухопутному. Тѣмъ не менѣе наука обязана миссіонерамъ нѣсколькими цѣнными трудами о японскомъ языкѣ и объ исторіи Японіи. Грамматику японскаго языка еще въ 1604 г. издалъ въ Нагасаки патеръ Родригуезъ (Arte da lingoa de Japam); исторія Японіи, составленная патеромъ Амати, была напечатана въ Римѣ въ 1615 г. (Historia del Regno di Voxu da Giapone). Въ XVIII в. матеріалы, собранные іезуитами о Японіи, были обработаны патеромъ Шарльвуа (Charlevoix) въ его „Исторіи насажденія, успѣховъ и упадка христіанства въ Японской имперіи". Кромѣ сочиненій миссіонеровъ, можно привести еще сочиненіе испанскаго губернатора Филиппинскихъ острововъ, дона Родрига де Виверо-и-Веласко, выброшеннаго въ 1608 г. на берегъ Японіи, встрѣтившаго со стороны японскаго правительства самый радушный пріемъ и пробывшаго въ странѣ до 1610 г.

Голландцамъ и послѣ 1639 г. было разрѣшено торговать съ японцами, но на самыхъ унизительныхъ условіяхъ. Ихъ факторія на островѣ Хирадо была разрушена въ 1640 г., и въ слѣдующемъ году они, по требованію японцевъ, переселились на островъ Десиму, устроенный для португальцевъ около Нагасаки. Отсюда они разъ въ годъ (съ 1790 г. разъ въ четыре года) ѣздили въ столицу Іеддо (нынѣ Токіо) къ императору (сёгуну). Какъ во время этой поѣздки, такъ и во время пребыванія на островѣ ихъ подвергали всевозможнымъ унизительнымъ стѣсненіямъ, съ которыми они мирились ради выгодъ торговли.

Исключительное право торговли съ Японіей еще болѣе возвышало морское могущество голландцевъ, къ которымъ послѣ упадка испанской и португальской торговли перешло господство въ южныхъ моряхъ. Голландцы владѣли торговыми колоніями на

всемъ пространствѣ отъ острова Харака въ Персидскомъ заливѣ до острововъ, прилегающихъ къ Австраліи; имъ въ XVII и въ началѣ XVIII вв. принадлежали важнѣйшія сочиненія объ Индіи (трудъ голландскаго миссіонера Франциска Валентина (Valentyn), отправившагося въ Азію въ 1685 г., пробывшаго долгое время на Молуккскихъ островахъ и издавшаго въ 1711 г. книгу „Древняя и новѣйшая Остъ-Индія", въ 9 томахъ), о Японіи (трудъ Арнольда Монтануса, вышедшій въ 1669 г.) и другихъ странахъ. Въ 1653 г. Гендрикъ дю-Гамель (Du Hamel) потерпѣлъ крушеніе у береговъ Кореи, пробылъ со своими спутниками въ плѣну у корейцевъ до 1666 г. и въ 1668 г. напечаталъ въ Роттердамѣ сочиненіе о своемъ путешествіи, впослѣдствіи переведенное на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Съ существованіемъ голландской факторіи на островѣ Десимѣ были связаны и тѣ труды о Японіи, которые принадлежали представителямъ другихъ національностей. Съ 1690 до 1692 гг. пробылъ въ факторіи Энгельбертъ Кемпферъ, нѣмецкій ботаникъ, прежде находившійся на шведской службѣ (съ 1683 до 1687 гг. онъ былъ совѣтникомъ шведскаго посольства въ Персіи), авторъ цѣннаго труда о Японіи. Во второй половинѣ XVIII в. замѣчательны труды о Японіи шведскаго ботаника Тунберга (род. въ 1741 г., пробылъ въ Японіи съ августа 1775 г. до декабря 1776 г., весной 1776 г. былъ врачомъ при обычномъ голландскомъ посольствѣ ко двору сёгуна, умеръ профессоромъ въ Упсалѣ въ 1828 г), ученика Линнея; наконецъ, въ XIX в. семь лѣтъ (1823 — 1830 гг.) пробылъ въ Японіи докторъ Зибольдъ, издавшій послѣ возвращенія въ Европу описаніе своихъ путешествій. Всѣ три автора (Кемпферъ, Тунбергъ и Зибольдъ) были по спеціальности естествоиспытателями и, конечно, обращали больше всего вниманія на описаніе страны въ естественно-историческомъ отношеніи, но сообщили также много свѣдѣній о населеніи и его исторіи. Труды Зибольда, хорошо изучившаго японскій языкъ, представляютъ наиболѣе полный сводъ того, что было извѣстно о Японіи до ея открытія для европейской торговли. Къ описанію его путешествія приложенъ атласъ (съ картами, планами и рисунками), дающій наглядное представленіе о всѣхъ сторонахъ быта японцевъ; кромѣ того имъ былъ изданъ цѣлый рядъ трудовъ о японскомъ языкѣ и литературѣ. Впослѣдствіи, въ 1859 — 62 гг., уже послѣ открытія доступа въ Японію всѣмъ европейцамъ, Зибольдъ вторично совершилъ путешествіе въ эту страну (умеръ въ 1866 г.).

Изгнанные изъ Японіи, іезуиты съ успѣхомъ продолжали свою

дѣятельность въ Китаѣ. Въ Китаѣ орденъ не связалъ свою судьбу, какъ въ Японіи, съ судьбой одной націи. Борьба между различными націями за господство надъ моремъ отразилось на дѣятельности іезуитской миссіи въ Китаѣ только въ томъ отношеніи, что главное участіе въ этой дѣятельности переходило отъ представителей одной націи къ представителямъ другой. Главными дѣятелями іезуитской миссіи сначала были португальцы, испанцы и итальянцы, потомъ—фламандцы и нѣмцы; въ концѣ XVII в., въ связи съ колоніальной политикой Кольбера, въ Китай прибыли французскіе іезуиты, которымъ принадлежатъ главные труды по изученію литературы, географіи и исторіи Китая, связанные съ дѣятельностью миссіи.

Поселяясь въ Китаѣ на всю жизнь, миссіонеры въ совершенствѣ усваивали языкъ и обычаи страны, проникались вліяніемъ китайской культуры и то же время, благодаря привезеннымъ изъ Европы ученымъ познаніямъ, достигали выдающагося положенія при дворѣ китайскихъ императоровъ. Китайское правительство особенно дорожило астрономическими познаніями іезуитовъ; съ ихъ помощью можно было исправить ошибки календаря, составленіе котораго было въ Китаѣ важнымъ государственнымъ дѣломъ: календарь разсылался вассальнымъ владѣтелямъ, въ знакъ принятія ихъ въ число подданныхъ имперіи; правильное предсказаніе солнечныхъ и лунныхъ затменій было необходимо для того, чтобы эти явленія не принимались народомъ какъ знакъ небеснаго гнѣва, такъ какъ причиной такого гнѣва всегда считались дѣйствія императора, отвѣтственнаго передъ небомъ за свой народъ. Благодаря своимъ астрономическимъ познаніямъ мусульмане даже при враждебной инородцамъ династіи Минъ (1368—1644) продолжали завѣдывать математическимъ (или астрономическимъ) трибуналомъ; при первомъ императорѣ новой, маньчжурской династіи, завоевавшей Китай въ 1644 г., во главѣ этого бюро былъ поставленъ іезуитскій миссіонеръ Адамъ Шаль, происходившій изъ Кёльна и прибывшій въ Китай въ 1622 г., еще при династіи Минъ, при которой онъ также занималъ выдающееся положеніе; съ 1628 г. онъ былъ воспитателемъ братьевъ императора. Высокое положеніе, занятое іезуитами, не могло не вызвать противъ нихъ интригъ со стороны вельможъ; вслѣдствіе этихъ интригъ нѣкоторое время находились въ немилости какъ Адамъ Шаль, умершій въ 1670 г., такъ и Вербистъ, прибывшій въ Китай въ 1659 г., сотрудникъ и защитникъ Шаля, съ 1671 г. поставленный во главѣ астрономическаго трибунала.

Услуги, оказанныя іезуитами китайскому правительству, не

ограничились составленіемъ календаря; іезуиты были руководителями китайцевъ даже въ области военнаго дѣла; при усмиреніи одного мятежа правительство императора Канси воспользовалось пушками, отлитыми по указаніямъ Вербиста. Когда начались сношенія Китая съ Россіей, іезуиты при этихъ сношеніяхъ были не только переводчиками, но и защитниками интересовъ Китая. Жербильонъ, одинъ изъ пяти миссіонеровъ, отправленныхъ изъ Франціи въ 1685 г. и прибывшихъ въ Китай въ 1688 г., вмѣстѣ съ Вербистомъ сопровождалъ императора Канси въ Маньчжурію. Жербильонъ и другой миссіонеръ, Перейра, отъ имени китайскаго правительства вели переговоры съ русскими въ Нерчинскѣ и добились отъ русскихъ уполномоченныхъ такихъ уступокъ, на которыя сами китайцы не надѣялись.

На почвѣ религіозной пропаганды іезуиты, въ противоположность дѣйствіямъ миссіонеровъ въ Японіи, постарались принять мѣры къ тому, чтобы распространеніе христіанства не приводило ни миссіонеровъ, ни новообращенныхъ въ столкновеніе съ государствомъ. Іезуиты доказывали, что ученіе Конфуція—не столько религія, сколько система практической философіи, примиримая со всякими религіозными вѣрованіями; что основная черта этой системы—культъ предковъ — не находится въ противорѣчіи съ нравственными требованіями христіанства, даже вполнѣ соотвѣтствуетъ пятой (по католическому счету четвертой) заповѣди; что памяти Конфуція и таблицамъ съ именами предковъ воздаются почести не въ храмѣ, а въ залѣ, и потому эти обряды не должны признаваться недопустимымъ для христіанъ идолопоклонствомъ. Такимъ же образомъ іезуиты, начиная съ Маттео Риччи, для обозначенія христіанскихъ религіозныхъ понятій употребляли термины, заимствованные изъ конфуціанской литературы. Іезуиты были не первыми христіанскими миссіонерами въ Китаѣ, прибѣгавшими къ такой системѣ; замѣчательный памятникъ VIII в., открытый въ 1625 г. въ Си-ань-фу іезуитами и долгое время, именно по этой причинѣ, возбуждавшій подозрѣнія ученыхъ, показываетъ, что сирійскіе миссіонеры не менѣе іезуитовъ старались говорить съ китайцами понятнымъ для нихъ языкомъ.

Какъ средство религіозной пропаганды, система іезуитовъ не достигла цѣли; представители китайскаго консерватизма, особенно чиновники министерства церемоній, продолжали враждебно относиться къ распространенію христіанства; въ то же время уступки, сдѣланныя конфуціанству, возстановили противъ іезуитовъ другихъ католическихъ миссіонеровъ, въ особенности доминиканцевъ. Еще въ XVI в., при династіи Минъ, іезуитамъ приходи-

лось защищаться передъ китайскимъ правительствомъ противъ обвиненій, возбужденныхъ ихъ единовѣрцами; ссылаясь на успѣхи іезуитовъ въ Японіи, викарій города Макао въ концѣ XVI в. обвинилъ іезуитовъ передъ правительствомъ въ тайномъ союзѣ съ японцами, съ которыми Китай въ то время велъ войну. Воцареніе маньчжурской династіи совпало съ изданіемъ буллы (1645 г.) папы Иннокентія X въ пользу доминиканцевъ и противъ іезуитовъ; чтобы побудить папу взять назадъ свое рѣшеніе, іезуитъ Мартини, прибывшій въ Китай въ 1643 г. и уже написавшій два сочиненія о христіанствѣ на китайскомъ языкѣ, отправился въ Европу, гдѣ пробылъ семь лѣтъ (1650—1657); подъ его вліяніемъ новый папа Александръ VII въ 1656 г. своей буллой рѣшилъ споръ въ пользу іезуитовъ.

Благодаря этой буллѣ, іезуитамъ въ царствованіе Канси (1662 — 1722) удалось постепенно упрочить свое положеніе. Въ началѣ своего царствованія императоръ не былъ расположенъ къ миссіонерамъ; Адамъ Шаль подвергся опалѣ; изданный въ 1669 г. указъ о запрещеніи христіанамъ строить церкви и распространять свою вѣру былъ подтвержденъ и въ 1671 г., когда были признаны несостоятельными обвиненія противъ умершаго Шаля и когда на ту же должность былъ назначенъ Вербистъ; но миссіонеры были убѣждены, что императоръ издалъ такое запрещеніе только для формы, чтобы удовлетворить министерство церемоній, и не считались съ нимъ. Въ 1692 г. послѣдовалъ указъ, благопріятный для миссіонеровъ; въ 1702 г. миссіонеры могли освятить церковь въ запретной части Пекина, гдѣ помѣщаются дворецъ и правительственныя учрежденія. Миссіонеры находились на китайской службѣ, считались китайскими подданными и даже давали подписку, что навсегда останутся въ Китаѣ.

Въ началѣ XVIII в. дѣла снова приняли неблагопріятный оборотъ для іезуитовъ. Въ Римѣ снова получило преобладаніе враждебное іезуитамъ теченіе; папа отправилъ въ Китай своего легата, въ качествѣ главы всѣхъ миссіонеровъ, и въ то же время обратился къ императору съ просьбой не принуждать китайскихъ христіанъ къ исполненію обрядовъ, несогласныхъ съ ихъ вѣрой. Въ глазахъ императора такое требованіе было вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Китая; легатъ, прибывшій въ Китай въ 1705 г. и сначала принятый императоромъ съ большимъ почетомъ, подвергся опалѣ и въ 1710 г. умеръ въ Макао. Отношеніе императора къ миссіонерамъ измѣнилось. Въ 1707 г. нѣсколько миссіонеровъ подверглись изгнанію, причемъ эта мѣра коснулась и нѣкоторыхъ іезуитовъ, какъ Висделу, не раздѣлявшихъ взглядовъ

большинства представителей ордена. Другіе миссіонеры получили отъ императора грамоты, разрѣшавшія имъ остаться въ Китаѣ, причемъ такія грамоты были даны только іезуитамъ и францисканцамъ.

Еще хуже сдѣлалось положеніе миссіонеровъ послѣ смерти Канси. Новый императоръ Юнъ-Чженъ (1723 — 1736) въ первый же годъ своего царствованія издалъ указъ, по которому миссіонерамъ разрѣшалось жить только въ Пекинѣ и Макао; по просьбѣ миссіонеровъ правительство согласилось потомъ замѣнить Макао Кантономъ, но съ тѣмъ, чтобы на миссіонеровъ не было никакихъ жалобъ. При слѣдующемъ императорѣ Цянь-Лунѣ (1736—1796) противъ миссіонеровъ и противъ новообращенныхъ были приняты еще болѣе суровыя мѣры; но, вопреки словамъ одного русскаго изслѣдователя (К. А. Скачкова), миссіонеры и въ эту эпоху не подверглись, какъ въ XVII в. въ Японіи, полному изгнанію. Математическій трибуналъ по прежнему нуждался въ образованныхъ европейцахъ; кромѣ того китайское правительство принимало къ себѣ на службу европейскихъ мастеровъ и художниковъ. Въ 1781 г. старшій сынъ императора посѣтилъ церковь, милостиво обошелся съ миссіонерами и даже уговаривалъ ихъ привлекать на службу къ его отцу другихъ европейцевъ. Миссіонеры въ то время проникали въ Китай только подъ видомъ математиковъ, мастеровъ и художниковъ; но все-таки даже въ то время, когда въ провинціяхъ разрушались церкви и воздвигались гоненія противъ миссіонеровъ, христіанское духовенство въ Пекинѣ не подвергалось никакимъ стѣсненіямъ и могло совершать требы даже по отношенію къ китайцамъ. Миссіонеры отмѣчаютъ это противорѣчіе въ мѣрахъ китайскаго правительства, какъ знакъ особой милости Божіей. Съ 1804 г. новые миссіонеры больше не допускались, но прежніе оставались въ Пекинѣ. Еще русская духовная миссія 1820 г. (десятая) застала въ Пекинѣ трехъ миссіонеровъ, находившихся на службѣ въ математическомъ трибуналѣ; одинъ изъ нихъ кромѣ того былъ переводчикомъ русской миссіи. Около того же времени былъ поднятъ вопросъ объ окончательномъ изгнаніи католическихъ миссіонеровъ изъ математическаго трибунала и о замѣнѣ ихъ представителями русскаго духовенства, что при культурномъ уровнѣ послѣдняго едва ли было возможно. Несмотря на это, въ 1826 г. европейцы-математики были уволены и должны были покинуть Китай; только одному престарѣлому священнику разрѣшили остаться въ Пекинѣ, гдѣ онъ умеръ въ 1838 г. Покидая Китай, миссіонеры передали часть своего имущества русской духовной миссіи; одному изъ

членовъ той же миссіи, іеромонаху (впослѣдствіи архимандриту) Даніилу Сивиллову досталась часть бывшей іезуитской библіотеки; впослѣдствіи эта библіотека перешла въ собственность Казанскаго университета. Часть книгъ іезуитовъ осталась въ Пекинѣ, гдѣ ими еще много лѣтъ спустя воспользовался К. А. Скачковъ.

Въ исторіи изученія Китая работамъ іезуитовъ и другихъ католическихъ миссіонеровъ XVII—XVIII вв. принадлежитъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ. Благодаря продолжительному пребыванію въ Китаѣ, миссіонерамъ удавалось овладѣть китайской устной и письменной рѣчью въ такомъ совершенствѣ, котораго и впослѣдствіи рѣдко достигали европейцы. Благодаря іезуитамъ появились въ Европѣ первыя сочиненія о китайскомъ языкѣ, первые переводы китайскихъ литературныхъ произведеній, первые труды по исторіи и географіи Китая, написанные на основаніи китайскихъ источниковъ. Еще въ XVII в. труды Мартини и его пребываніе въ Европѣ оказали вліяніе на ознакомленіе европейцевъ съ языкомъ и исторіей Китая. Изъ трудовъ миссіонеровъ XVIII в. по китайскому языку болѣе всего извѣстны труды іезуита Премара (прибылъ въ Китай въ 1699 г., умеръ въ 1736 г.), изъ трудовъ по исторіи Китая—сочиненія Гобиля († 1759 г.) и Малья (автора „Histoire générale de la Chine", 1777—1781); первый полный переводъ китайскихъ классическихъ книгъ далъ въ 1714 г. патеръ Ноэль (Noël). Кромѣ отдѣльныхъ сочиненій, въ XVIII в. издавались также обширные сборники матеріаловъ, на основаніи донесеній, присылавшихся миссіонерами. Первый изъ такихъ сборниковъ издалъ въ 1735 г. Дюгальдъ (du Halde), секретарь іезуитскаго ордена по французскимъ провинціямъ, подъ заглавіемъ „Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise" (4 тома). Впослѣдствіи явились еще болѣе обширные сборники „Lettres édifiantes et curieuses, écrites des missions étrangères" (нѣсколько изданій), „Mémoires concernants l'histoire, les sciences, les arts, les moeurs, les usages etc. des Chinois, par les missionnaires de Pekin" (1776—1791, 15 томовъ; впослѣдствіи, въ XIX в. вышли еще два тома) и „Description générale de la Chine" (изданіе Грозье; первое изданіе вышло въ 1785 г. въ качествѣ дополнительнаго, 13-го тома къ „Исторіи Китая" Малья).

Дѣятельность іезуитовъ не ограничивалась предѣлами собственнаго Китая. Кромѣ путешествій съ императорами въ Монголію и Маньчжурію, они проникали и въ пограничныя мѣстности Кореи; въ 1709 г. ими была составлена карта полуострова.

Д'Орвиль, прибывшій въ Китай въ 1659 г. вмѣстѣ съ Вербистомъ, въ сопровожденіи другого миссіонера, Грюбера, совершилъ въ 1661 г. въ шесть мѣсяцевъ путь изъ Пекина въ Лхассу и оттуда въ 1662 г. проѣхалъ черезъ Гималаи въ Агру, одну изъ столицъ „великихъ моголовъ". Въ XVIII в. іезуитскіе миссіонеры прибыли въ Тибетъ изъ Индіи; Ипполитъ Дезидери пробылъ въ Лхассѣ пять лѣтъ (1716—1721 гг.) и покинулъ городъ вслѣдствіе рѣшенія папы въ пользу соперничавшихъ съ іезуитами капуциновъ, прибывшихъ въ Тибетъ еще въ 1708 г. Въ царствованіе Цянь-Луна, когда послѣдовало изгнаніе миссіонеровъ изъ провинцій Китая, прекратилась также дѣятельность капуциновъ въ Тибетѣ; отъѣздъ ихъ послѣдовалъ въ 1745 г. Для науки пребываніе іезуитовъ и капуциновъ въ Лхассѣ не имѣло такихъ богатыхъ результатовъ, какъ дѣятельность іезуитовъ въ Китаѣ; впрочемъ, донесенія дѣйствовавшихъ въ Тибетѣ миссіонеровъ еще не всѣ обнародованы и частью остаются въ рукописи.

Историческіе матеріалы, извлеченные іезуитами изъ китайскихъ источниковъ, касались не только Китая; они первые обратили вниманіе на извѣстія китайскихъ историковъ о средне-азіатскихъ народахъ, остающіяся и до сихъ поръ наиболѣе цѣннымъ, для нѣсколькихъ вѣковъ единственнымъ, источникомъ для изученія исторіи Средней Азіи. Висделу, прибывшій въ Пекинъ въ 1688 г. вмѣстѣ съ Жербильономъ, былъ авторомъ первой „исторіи татаръ", написанной на основаніи китайскихъ источниковъ.

Вообще европейская наука получила, благодаря іезуитамъ, богатый матеріалъ для изученія Дальняго Востока; но обработка этого матеріала согласно требованіямъ европейской науки была уже дѣломъ слѣдующихъ поколѣній ученыхъ. Іезуиты, какъ и послѣ нихъ многіе европейцы, поселявшіеся въ Китаѣ на долгое время, настолько проникались вліяніемъ китайской культуры, что въ ихъ глазахъ всѣ черты жизни страны, въ томъ числѣ и пріемы китайскихъ ученыхъ, заслуживали предпочтеніе передъ соотвѣтствующими явленіями европейской жизни. Такъ Гобиль старается доказать, что китайскія „исторіи династій", составленныя особо назначенными для этой цѣли комитетами, не нуждаются въ провѣркѣ путемъ примѣненія методовъ европейской исторической критики, такъ какъ согласное рѣшеніе цѣлаго комитета является столь же вѣскимъ доводомъ въ пользу достовѣрности факта, какъ согласное показаніе нѣсколькихъ независимыхъ одинъ отъ другого источниковъ. Даже въ эпоху гоненій мы находимъ въ сочиненіяхъ миссіонеровъ такіе же восторженные отзывы о Китаѣ

и его правительствѣ. Къ I тому „Mémoires“ приложенъ портретъ Цянь-Луна съ такими стихами:

Occupé sans relâche de tous les soins divers
D'un gouvernement qu'on admire,
Le plus grand potentat qui soit dans l'univers
Et le plus grand lettré qui soit dans son empire.

Труды іезуитовъ составили эпоху не только въ исторіи востоковѣдѣнія, но и въ исторіи географической науки. Свои астрономическія познанія они примѣняли къ опредѣленію широты и долготы мѣстъ и къ исправленію карты Китая; на основаніи своихъ наблюденій, они въ 1718 г. составили для императора Канси карту Китайской имперіи. Черезъ того же Дюгальда, которому принадлежитъ первый сборникъ донесеній миссіонеровъ, въ Европѣ сдѣлались извѣстны картографическія работы и астрономическія наблюденія, произведенныя іезуитами въ Китаѣ. На этихъ астрономическихъ наблюденіяхъ болѣе всего была основана реформа, произведенная въ европейской картографіи Делилемъ († 1726 г.), придворнымъ географомъ французскаго короля. Карта Азіи издавалась Делилемъ нѣсколько разъ, и послѣднія изданія существенно отличаются отъ перваго; впервые были исправлены основныя ошибки античной географіи и установлены дѣйствительныя очертанія материковъ. Дальнѣйшія исправленія были внесены во второй половинѣ того же столѣтія д'Анвилемъ (род. 1697, † 1782 г.; его первыя карты относятся къ 1729 и 1734 гг., полный атласъ Китайской имперіи къ 1737 г.), и преимущественно касались географическихъ деталей; эти исправленія стали возможными главнымъ образомъ благодаря тѣмъ свѣдѣніямъ о Сибири и Средней Азіи, собраннымъ русскими, которыми отчасти пользовался уже Делиль; кромѣ того д'Анвиль еще въ большей степени, чѣмъ его предшественникъ, воспользовался работами миссіонеровъ. На картѣ д'Анвиля были основаны послѣдующія карты азіатскаго материка до расширенія географическихъ познаній о Средней Азіи въ XIX в., благодаря англійскимъ и русскимъ изслѣдованіямъ.

Объ Адамсѣ и голландцахъ: Memorials of the Empire of Japan in the XVI and XVII centuries. Edited with notes by Th. Rundall. Lond. 1850 (Hakl. Soc. № 8). О факторіяхъ въ Хирадо (Фирадо) и Десимѣ Ph. Fr. de Siebold, Voyage au Japon, éd. française, t. I, Paris 1838, p. 111—123. О христіанствѣ въ Японіи: Charlevoix, Histoire de l'établissement, des progrès et de la décadence du christianisme dans l'empire du Japon, Rouen 1715 (3 тома; есть болѣе позднее изданіе—1828 г.). О миссіонерахъ въ Японіи и Китаѣ и ихъ трудахъ: H. Cordier, Notes pour servir à l'histoire des études chinoises en Europe jusqu'à l'époque de Fourmont l'aîné (Nouv. mélanges orientaux, Paris 1886, p. 399—429). О Гендрикѣ дю-Гамелѣ „Описаніе Кореи“ (изд. минист. финансовъ), I, 61. О Кемпферѣ и Зибольдѣ O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, S. 628 f.; о Кемпферѣ еще Revue de l'Extrême Orient, II, 494—504; III, 144—158. Путешествіе Тунберга: C. P. Thunberg, Voyages au Japon, trad. par L. Langlès, Paris an IV (1796). Объ исторіи миссіи въ Китаѣ подробнѣе всего du Halde, Description etc., t. III, p. 79—154 (до 1723 г. включительно); о миссіонерахъ XVII в. еще History of the two tartar conquerors of China, from the french of Père Pierre Joseph d'Orléans, transl. and edited by the Earl of Ellesmere, Lond. 1854 (Hakl. Soc. № 17). Lettres édifiantes etc.—тулузское изданіе 1810—11 гг. въ 26 томахъ, изъ нихъ I—V Mémoires du Levant, VI—IX Mémoires d'Amérique, X—XV Mémoires des Indes, XVI—XXIV Mémoires de la Chine, XXV—XXVI Mémoires des Indes et de la Chine. Ср. особенно tt. XIX и XXII (о гоненіяхъ при Юнъ-Чжэнѣ), предисловіе къ t. XXV (біографія Риччи) и t. XXVI, p. 237—283 (о іезуитахъ и папскомъ легатѣ). Продолженіе тѣхъ же писемъ: Nouvelles lettres édifiantes des missions de la Chine et des Indes Orientales, Paris 1818—23, 8 томовъ; письма въ хронологическомъ порядкѣ съ 1767 г.; о состояніи миссіи предисловіе къ т. I; о дѣйствіяхъ Цянь-Луна т. I, стр. 333 и т. II, стр. 55—79. О миссіи еще Revue de l'Extrême Orient, tt. I—III, статьи H. Cordier подъ общимъ заглавіемъ: Documents inédits pour servir à l'histoire écclesiastique de l'Extrême Orient. Статья Скачкова „Судьба астрономіи въ Китаѣ“ въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 173 (1874 г.), отд. II, стр. 1—31. О встрѣчѣ русской 10-й миссіи съ католическими миссіонерами. Е. Тимковскій, Путешествіе въ Китай, Спб. 1824, ч. II, стр. 57—66. Объ изгнаніи миссіонеровъ въ 1826 г. K. Neumann въ Zeitschr. der D. Morg. Ges. I, 123. О библіотекѣ В. П. Васильевъ въ Mélanges Asiatiques II, 581; ср. свѣдѣнія о Казанскихъ рукописяхъ въ Revue de l'Extrême Orient, II, 399—413. О христіанствѣ въ Китаѣ еще M. Huc, Le Christianisme en Chine, en Tartarie et au Thibet, Paris 1857—58 (4 тома). О Кореѣ: Описаніе Кореи, изд. мин. финансовъ, I, 62, о Тибетѣ Н. В. Кюнеръ, Описаніе Тибета, ч. I, вып. I, Владивостокъ 1907, стр. 32—43, съ примѣчаніями и съ поправками въ концѣ тома. О Виcделу см. библіографію къ слѣдующей главѣ; слова Гобиля находятся въ предисловіи къ его труду Histoire de Gentchiscan, Paris 1739. О картахъ Делиля и д'Анвиля O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, S. 671 f.; о д'Анвилѣ еще замѣчанія въ упомянутыхъ выше книгахъ „Описаніе Кореи“, „Описаніе Тибета“ и друг.

ГЛАВА IX.

Послѣ открытія Америки и морского пути въ Индію Передняя Азія имѣла для европейской торговли только второстепенное значеніе; тѣмъ не менѣе обороты такъ называемой „левантинской“ торговли оставались довольно значительными. Для политической жизни Европы мусульманскій Востокъ имѣлъ еще большее значеніе, чѣмъ прежде. Для нѣкоторыхъ государствъ,

какъ для Германіи, турецкая имперія была врагомъ, подвергавшимъ опасности самое существованіе христіанскаго міра; другія, какъ Франція, искали въ туркахъ союзниковъ противъ своихъ европейскихъ враговъ.

Подъ вліяніемъ общихъ успѣховъ европейской культуры, торговыя и политическія сношенія съ Востокомъ въ большей степени, чѣмъ прежде, отражались на успѣхахъ востоковѣдѣнія. Въ Германіи появились первые труды по исторіи Турціи, написанные на основаніи турецкихъ источниковъ; въ 1591 г. во Франкфуртѣ былъ напечатанъ трудъ Левенклау (Leunclavius) „Historiae Musulmanae Turcorum de monumentis ipsorum exscriptae libri XVIII". Въ Парижѣ въ XVI в. впервые была осуществлена мысль, высказанная еще въ XIV в.—было введено университетское преподаваніе восточныхъ языковъ, подъ которыми до XIX в. понимали только языки библіи и ислама. Первымъ профессоромъ арабскаго языка былъ Гильомъ Постель, едва ли не первый оріенталистъ того типа, который только въ XIX в. былъ окончательно вытѣсненъ развитіемъ спеціализаціи. Восторженный почитатель ислама и восточныхъ литературъ, Постель переходилъ отъ одного восточнаго языка къ другому и говорилъ, что можетъ пройти безъ переводчика черезъ всѣ страны до Китая. Ученыя занятія соединялись въ немъ съ фантастическими планами въ области политики и религіозной пропаганды. Увлеченія оріенталистовъ этого типа не уменьшаютъ, конечно, ихъ значенія, какъ піонеровъ науки во всѣхъ отрасляхъ востоковѣдѣнія; отъ языковъ библіи и ислама, единственныхъ, преподававшихся въ университетахъ, они переходили къ языкамъ Дальняго Востока, которые въ то время, благодаря іезуитамъ, впервые сдѣлались доступными для европейскихъ ученыхъ; такъ еще въ XVII в. голландскій оріенталистъ Яковъ Голіусъ сдѣлался ученикомъ іезуита Мартини. Свѣдѣнія, извлекавшіяся оріенталистами изъ памятниковъ арабской литературы, отражались и на успѣхахъ другихъ отраслей знанія, особенно географіи; Постель первый изъ новѣйшихъ западно-европейскихъ ученыхъ пользовался арабскимъ географическимъ сочиненіемъ, именно трудомъ компилятора XIV в. Абу-л-Фиды. Вполнѣ естественно, что изъ восточныхъ трудовъ по географіи и исторіи предметомъ занятій европейскихъ ученыхъ прежде всего сдѣлались позднѣйшія компиляціи; эти сочиненія успѣли вытѣснить на Востокѣ первоисточники и потому прежде другихъ проникли въ Европу. Еще раньше, чѣмъ компилятивные труды мусульманъ, въ Европѣ стали изучаться и издаваться компилятивные историческіе труды восточныхъ христіанъ. Во время

путешествій на Востокѣ, особенно въ Сиріи, европейцы находили гостепріимство въ христіанскихъ домахъ и монастыряхъ, научались тамъ восточнымъ языкамъ и получали указанія и содѣйствіе, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дальнѣйшее путешествіе приходилось совершать подъ видомъ мусульманъ.

Кромѣ Турціи, цѣлью европейскихъ путешественниковъ была и Персія. Въ Персіи европейскіе государи продолжали искать союзниковъ противъ турокъ; еще въ 1523 г. шахъ Исмаилъ прислалъ письмо Карлу V; въ 1529 г. отъ Карла V было отправлено посольство къ шаху Исмаилу (въ Европѣ не знали, что послѣдній умеръ еще въ 1524 г.). Въ Персію ѣздили черезъ Россію купцы, искавшіе новыхъ торговыхъ путей; наконецъ, въ Персіи въ большей степени, чѣмъ въ Турціи, имѣли успѣхъ путешественники-авантюристы.

Этотъ новый типъ путешественниковъ въ XVI в. получаетъ выдающееся значеніе въ исторіи ознакомленія Европы съ Востокомъ. Не будучи ни купцами, ни миссіонерами, ни послами, ни учеными, такіе путешественники отправлялись на Востокъ чаще всего подъ вліяніемъ неудачъ въ жизни и неудовлетворенности тѣмъ положеніемъ, которое имъ приходилось занимать въ европейскомъ обществѣ. Въ чужой странѣ они надѣялись найти большій просторъ своимъ силамъ и наполнить жизнь болѣе разнообразными впечатлѣніями; въ случаѣ возвращенія на родину — своими разсказами о мало извѣстныхъ земляхъ и народахъ заслужить благодарность и уваженіе своихъ согражданъ. Средства пріобрѣсти вліяніе при дворѣ восточныхъ государей были для европейцевъ въ Передней Азіи тѣ же, какъ и на Дальнемъ Востокѣ: астрономическія познанія, цѣнившіяся и мусульманами, и главнымъ образомъ познанія въ военномъ дѣлѣ, въ которомъ первенство европейцевъ послѣ изобрѣтенія пороха было окончательно установлено. Въ случаѣ успѣха наиболѣе выдающіеся изъ такихъ путешественниковъ выступали добровольцами въ политикѣ и въ наукѣ, пользовались своимъ вліяніемъ для содѣйствія политическимъ интересамъ своего отечества и доставляли новый матеріалъ наукѣ, насколько это было возможно безъ спеціальной подготовки.

Въ 1502 г. отправился изъ Венеціи на Востокъ Лодовико Вартема, происходившій изъ Болоньи. По его собственнымъ словамъ, онъ видѣлъ въ путешествіи средство занять почетное положеніе въ современномъ ему обществѣ. Доставить людямъ новыя свѣдѣнія казалось ему лучшимъ способомъ пріобрѣсти ихъ уваженіе; для этой цѣли было два пути, путь книжной учености

и путь странствованія по неизвѣданнымъ землямъ; первый путь не соотвѣтствовалъ склонностямъ Вартемы; оттого имъ былъ избранъ второй. Въ Египтѣ онъ оставался недолго, такъ какъ эта страна, вслѣдствіе тѣсныхъ сношеній съ Венеціей, была слишкомъ извѣстна на его родинѣ, и отправился въ Сирію; въ Дамаскѣ онъ научился арабскому языку и подъ видомъ мусульманина присоединился къ каравану паломниковъ, съ которымъ совершилъ путешествіе въ Мекку и принялъ участіе во всѣхъ обрядахъ поклоненія святынямъ ислама. Вартема — первый изъ европейцевъ, проникшій въ Мекку подъ видомъ мусульманина, и единственный, совершившій это путешествіе изъ Сиріи; остальные европейцы всегда присоединялись къ египетскому каравану. Изъ Мекки онъ отправился въ Джидду, откуда съ мусульманскими купеческими судами совершилъ путешествіе въ Іеменъ, Аденъ, Персію, Индію и Индійскій архипелагъ до Молуккскихъ островов. Направленіе его путешествія опредѣлялось случаемъ; никакого заранѣе составленнаго плана у него не было; тѣсно сблизившись съ однимъ персидскимъ купцомъ, онъ хотѣлъ отправиться съ нимъ въ Среднюю Азію и уже дошелъ до Герата, когда военныя событія того времени заставили ихъ обоихъ отказаться отъ своего намѣренія и направить свой путь въ Индію. Изъ Индіи онъ сперва разсчитывалъ отправиться въ Китай; въ Бенгаліи онъ встрѣтилъ двухъ христіанъ-сирійцевъ, происходившихъ изъ какого-то города Sarnau въ Китаѣ (изъ этого видно, что въ Китаѣ въ то время еще не совсѣмъ были уничтожены результаты дѣятельности несторіанъ монгольскаго періода). Нѣсколько мусульманскихъ владѣтелей хотѣли воспользоваться военными познаніями Вартемы для борьбы съ португальцами, для чего онъ долженъ былъ дѣлать имъ пушки; но его совѣсть не позволяла ему помогать мусульманамъ въ борьбѣ съ христіанами; изъ Каликута ему удалось бѣжать въ Кананоръ, находившійся въ рукахъ португальцевъ; доставленныя имъ свѣдѣнія способствовали успѣхамъ португальскихъ войскъ, за что Вартема, вернувшійся около 1508 г. въ Европу черезъ Лиссабонъ, былъ возведенъ португальскимъ королемъ въ рыцарское званіе.

Въ XVII в. совершилъ путешествіе на Востокъ, также изъ Венеціи, другой итальянецъ, римскій патрицій Піетро делла-Валле. Въ противоположность Вартемѣ, делла-Валле принадлежалъ къ числу образованныхъ людей своего времени и былъ членомъ гуманистическаго общества „Umoristi“, въ которомъ носилъ характерное прозваніе „Fantastico“. Вслѣдствіе неудачи въ любви онъ принялъ новое прозваніе „Pellegtino“ и въ 1614 г. отправился путешествовать на Востокъ, былъ въ Египтѣ и Сиріи, посѣтилъ Іерусалимъ, изъ Сиріи черезъ Месопотамію отправился въ Персію, гдѣ ему удалось пріобрѣсти вліяніе при дворѣ шаха Аббаса Великаго. Во время путешествія черезъ Месопотамію онъ въ 1616 г. женился на одной сирійской дѣвицѣ; лишившись ея въ 1622 г. на берегу Персидскаго залива, онъ положилъ набальзамированное тѣло въ гробъ и везъ его съ собой до своего возвращенія въ Римъ въ 1626 г. Въ Персіи онъ принялъ личное участіе въ войнахъ шаха Аббаса съ турками и составилъ планъ союза противъ турокъ съ русскими казаками. Изъ Персіи онъ совершилъ еще путешествіе въ Индію. Свои впечатлѣнія онъ излагалъ въ „дружескихъ письмахъ“ на родину, изъ которыхъ при его жизни были обнародованы только письма изъ Турціи; кромѣ того имъ была написана исторія Аббаса, представляющая восторженный панегирикъ этому шаху. Въ своихъ письмахъ онъ касался не только видѣнныхъ имъ странъ, но и политическихъ событій того времени, особенно борьбы шаха, при содѣйствіи англичанъ, съ португальцами. Путешествіе Піетро делла-Валле дало европейской наукѣ первыя краткія свѣдѣнія о развалинахъ Вавилона, первое болѣе подробное описаніе развалинъ Персеполя, открытыхъ еще въ XVI в. (развалины видѣлъ еще въ XV в. Барбаро, но не отожествилъ ихъ съ античнымъ Персеполемъ) и первый образчикъ персидской клинописи. Делла-Валле былъ знакомъ не только съ восточными языками, но и съ восточными авторами, на которыхъ иногда ссылается въ своихъ описаніяхъ; имъ были привезены въ Европу восточныя рукописи и копіи восточныхъ надписей. Вслѣдствіе своего гуманистическаго образованія онъ, подобно венеціанскимъ путешественникамъ XV в., часто употребляетъ въ своихъ описаніяхъ термины греческой географіи, напр. говоритъ о горныхъ хребтахъ „Тавръ“ и „Имай“. Нѣкоторыя изъ предложенныхъ имъ сближеній, напр., отожествленіе Брахмы съ Пиѳагоромъ, заставляютъ вспомнить его первое гуманистическое прозваніе. Вернувшись въ Европу, онъ поселился въ Римѣ, но вскорѣ послѣ этого его необузданный характеръ довелъ его до убійства, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ покинуть Римъ и нѣкоторое время пробылъ въ изгнаніи, потомъ былъ прощенъ и умеръ въ своемъ родномъ городѣ (1652).

Путешествія Вартемы и делла-Валле были послѣдними отголосками того значенія, которое нѣкогда имѣла Венеція для изслѣдованія Востока. Венеціанская республика не приняла никакихъ мѣръ, чтобы воспользоваться результатами этихъ путешествій, совершенныхъ изъ Венеціи; сами путешественники, пови-

димому, столь же мало заботились объ интересахъ Венеціи или другихъ итальянскихъ городовъ; въ ихъ политическихъ разсужденіяхъ и проектахъ говорится только объ общихъ интересахъ христіанскаго или католическаго міра. Иной характеръ имѣли путешествія, совершавшіяся въ то время, частью по порученію правительствъ, частью добровольцами, изъ странъ, къ которымъ постепенно переходило господство надъ путями міровой торговли.

Вмѣстѣ съ развитіемъ въ XVI в. англійскаго мореплаванія начинается участіе въ дѣлѣ изслѣдованія Востока англичанъ, въ средніе вѣка не принимавшихъ въ этихъ изслѣдованіяхъ никакого участія, если не считать фантастическаго путешествія Мандевиля. Англичанами была снаряжена въ 1553 г., подъ начальствомъ Виллоби и Ченслера, первая полярная экспедиція, имѣвшая цѣлью отыскать новый путь въ Китай. Корабль, находившійся подъ начальствомъ Виллоби, погибъ со всѣмъ экипажемъ въ полярныхъ моряхъ; болѣе счастлива была судьба Ченслера, который достигъ Бѣлаго моря, встрѣтилъ радушный пріемъ со стороны московскаго правительства и положилъ начало морской торговлѣ между Россіей и Англіей. Въ Англіи для этой торговли образовалась особая компанія, въ первое время надѣявшаяся воспользоваться также торговымъ путемъ изъ Россіи въ Китай черезъ Среднюю Азію, имѣвшимъ такое значеніе въ средніе вѣка. Въ 1558 г. уполномоченный компаніи Антоній Дженкинсонъ, при содѣйствіи московскаго правительства, отправился изъ Астрахани по Каспійскому морю, высадился на полуостровѣ Мангышлакѣ и съ торговымъ караваномъ проникъ въ Хиву и Бухару, гдѣ провелъ зиму, послѣ чего въ 1559 г. вернулся въ Россію въ сопровожденіи бухарскимъ и хивинскихъ пословъ. Дженкинсонъ убѣдился въ полномъ упадкѣ экономическаго благосостоянія областей Средней Азіи и ихъ торговли съ Китаемъ; послѣ него до утвержденія англійскаго владычества въ Индіи со стороны англичанъ уже не было попытокъ проникнуть въ Среднюю Азію. Несомнѣнно, что владычество степняковъ-узбековъ, завоевавшихъ страну въ началѣ XVI в., крайне неблагопріятно отразилось на благосостояніи Средней Азіи, но торговыми путями въ Китай, какъ показываетъ отчетъ о путешествіи Гоэса и другія извѣстія, мусульманскіе купцы продолжали пользоваться.

Отказавшись отъ мысли найти черезъ Россію путь въ Китай, англичане воспользовались торговымъ путемъ изъ Россіи, черезъ Астрахань и Каспійское море, въ Персію; такое путешествіе совершилъ еще Дженкинсонъ. Въ концѣ того же столѣтія, еще до Піетро делла-Валле, при дворѣ шаха Аббаса появились аван-

тюристы-англичане братья Ширли, Антоній и Робертъ. Оба отправились изъ Европы въ 1598 г. и потомъ заняли въ Персіи вліятельное положеніе благодаря знанію военнаго дѣла; произведенная ими реорганизація персидской арміи содѣйствовала послѣдующимъ успѣхамъ персовъ въ борьбѣ съ турками. Въ этой борьбѣ шахъ надѣялся найти союзниковъ въ Европѣ, куда отправилъ посольство съ Антоніемъ Ширли во главѣ. Посольство, отправленное черезъ Россію въ самомъ началѣ XVII в. къ нѣкоторымъ германскимъ государямъ, въ Венецію, къ папѣ и въ Испанію, не имѣло успѣха; главу посольства еще въ Россіи обвиняли въ присвоеніи подарковъ, назначенныхъ для государей; въ Испаніи одинъ изъ персидскихъ членовъ посольства, Уруджъ-бекъ, принялъ христіанство подъ именемъ дона Хуана де-Персія, остался въ Испаніи и написалъ на испанскомъ языкѣ сочиненіе о Персіи. Самъ Антоній Ширли остался въ Италіи и въ 1613 г. издалъ описаніе своихъ путешествій. Робертъ Ширли въ 1608 г. также былъ отправленъ въ Европу съ оффиціальнымъ порученіемъ, выполненіе котораго было затруднено интригами его брата; изъ Европы онъ вернулся въ Персію морскимъ путемъ, черезъ Индію.

Несмотря на измѣненіе путей міровой торговли, торговля съ Персіей и въ эту эпоху еще имѣла для европейцевъ нѣкоторое значеніе. Европейскіе купцы пріѣзжали въ Персію главнымъ образомъ для покупки гилянскаго шелка (шелководство въ Гилянѣ пришло въ упадокъ только въ XIX в.) и драгоцѣнныхъ камней, особенно бирюзы (бирюзовыя копи въ Хорасанѣ разрабатываются и въ настоящее время). Гилянскій шелкъ, вызвавшій въ XIII в. появленіе на Каспійскомъ морѣ генуэзскаго торговаго флота, въ XVII в. былъ причиной посольства въ Персію изъ Германіи. Посольство было отправлено Фридрихомъ IV, герцогомъ гольштейнъ-готторпскимъ, незадолго передъ тѣмъ основавшимъ гавань Фридрихштадтъ; чтобы поднять значеніе этой гавани, онъ хотѣлъ сдѣлать ее средоточіемъ ввоза персидскаго шелка. Въ посольствѣ принималъ участіе, въ качествѣ секретаря, магистръ лейпцигскаго университета Адамъ Олеарій (собств. Эльшлегеръ). Посольство отправлялось изъ Гольштейна два раза; въ первый разъ (1633—1635) оно дошло только до Москвы, во второе путешествіе (1635—1639) проникло изъ Россіи въ Персію и въ Исфаханѣ было принято шахомъ, но не достигло своей цѣли. Посолъ Брюгманъ своимъ самовластнымъ поведеніемъ возстановилъ противъ себя остальныхъ участниковъ посольства, въ томъ числѣ и Олеарія. Столкновеніе съ Брюгманомъ заставило Олеарія отдѣ-

литься отъ посольства и поступить на русскую службу; въ грамотѣ, данной ему отъ имени царя Михаила Өеодоровича, говорится: „Вѣдомо намъ учинилось, что ты гораздо наученъ и навыченъ въ астроломіи, и географусъ, и небеснаго бѣгу и землемѣрію, и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ; а намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ". Вскорѣ послѣ этого Брюгманъ въ Гольштейнѣ былъ заключенъ въ тюрьму и впослѣдствіи казненъ; Олеарій воспользовался этой перемѣной обстоятельствъ, чтобы съ разрѣшенія герцога вернуться въ Гольштейнъ. Въ предисловіи къ своему труду онъ благодаритъ герцога за то, что тотъ избавилъ его отъ русской службы.

Описаніе путешествія гольштейнскаго посольства, составленное Олеаріемъ и заключающее въ себѣ много цѣнныхъ свѣдѣній о московской Руси, принадлежитъ также къ числу важнѣйшихъ трудовъ европейскихъ путешественниковъ о Персіи. Авторъ отличался рѣдкой наблюдательностью и рѣдкой для того времени независимостью сужденій; при описаніи видѣнныхъ имъ странъ и при нанесеніи ихъ на карту онъ отступилъ отъ классическихъ авторитетовъ, что въ глазахъ его университетскихъ друзей было недостаткомъ книги. Защищаясь противъ этого упрека, Олеарій доказываетъ, что въ наукѣ нерѣдко признается общепризнанной истиной то, что является только укоренившимся заблужденіемъ: ошибка, сдѣланная первоначальнымъ изслѣдователемъ, повторяется всѣми, кто пользуется его трудомъ, и errante uno errant omnes. Путешествіе Олеарія содѣйствовало ознакомленію европейцевъ не только съ Персіей, но и съ персидской литературой; съ помощью перса онъ первый перевелъ на нѣмецкій языкъ „Гулистанъ" Са'ди.

Торговля драгоцѣнными камнями привлекла въ Персію французскихъ путешественниковъ XVII в., Тавернье и Шардена. Первый между 1636 и 1663 гг. совершилъ шесть путешествій на Востокъ; второй былъ на Востокѣ два раза (1664—1670 и 1671—1677) и въ это время былъ назначенъ въ Персіи „царскимъ купцомъ" и придворнымъ ювелиромъ шаха; персидскимъ языкомъ онъ владѣлъ вполнѣ; изъ Персіи онъ ѣздилъ также въ Индію. Возвращеніе его во Францію совпало съ эпохой „драгонадъ" при Людовикѣ XIV; Шарденъ, какъ протестантъ, покинулъ свою родину, переселился въ Англію, получилъ званіе придворнаго ювелира короля Карла II и остался на англійской службѣ до своей смерти (1713). Изъ всѣхъ путешественниковъ, посѣтившихъ въ XVII в. Персію, Шарденъ далъ самое подробное и всестороннее описаніе этой страны, которое и до сихъ поръ сохраняетъ значеніе классическаго труда.

Современникъ Тавернье и Шардена Тэвено былъ богатымъ человѣкомъ, путешествовавшимъ для своего удовольствія; онъ посѣтилъ Турцію, Малую Азію и Египетъ (1652—1656), впослѣдствіи (1663—1667) проѣхалъ черезъ Персію до Бендеръ-Аббаса; умеръ на обратномъ пути въ сѣверной Персіи. Изъ восточныхъ языковъ онъ зналъ турецкій и нѣсколько персидскій.

Кромѣ европейскихъ купцовъ, Персію въ XVII в. посѣщали и европейскіе миссіонеры. Проповѣдь христіанства имѣла въ Персіи, какъ вообще въ мусульманскомъ мірѣ, еще меньше успѣха, чѣмъ на Дальнемъ Востокѣ; восточные христіане также не подчинялись католической пропагандѣ и противъ дѣйствій патеровъ искали защиты у персидскаго правительства; тѣмъ не менѣе мы и здѣсь, какъ въ Китаѣ, находимъ миссіонеровъ, поселявшихся въ странѣ на долгое время и благодаря своимъ знаніямъ достигавшихъ вліятельнаго положенія при дворѣ государей. Французскіе путешественники XVII в., какъ теперь доказано, получили значительную часть своихъ свѣдѣній отъ патера (изъ ордена капуциновъ) Рафаила дю-Мана (du Mans), который въ 1644 г. пріѣхалъ изъ Алеппо въ Багдадъ, въ 1646 г. прибылъ въ Персію и остался въ этой странѣ до своей смерти, послѣдовавшей въ 1696 г. въ Исфаханѣ. Онъ имѣлъ вліяніе на шаха Аббаса II; персидскому правительству онъ оказывалъ услуги въ качествѣ переводчика и кромѣ того былъ ему полезенъ своими познаніями въ математикѣ и астрономіи. Его труды въ то время остались въ рукописи; только въ новѣйшее время былъ изданъ французскимъ оріенталистомъ Шеферомъ отчетъ о состояніи Персіи въ 1660 г., составленный дю-Маномъ для министра Кольбера и заключающій въ себѣ подробныя свѣдѣнія о странѣ и народѣ, въ особенности о системѣ управленія. Въ противоположность іезуитамъ, поселившимся въ Китаѣ, дю-Манъ не былъ поклонникомъ своей второй родины. Его отношеніе ко всему, что онъ видѣлъ въ Персіи, рѣзко отрицательное; даже въ памятникахъ старины, какъ въ развалинахъ Персеполя, онъ не видитъ ничего замѣчательнаго по сравненію съ западно-европейскими постройками; все, что было сказано до него о художественномъ значеніи этихъ памятниковъ, кажется ему преувеличеннымъ.

Трудъ дю-Мана такимъ образомъ представляетъ характерный примѣръ того отношенія къ Востоку, которое съ XVII в. все чаще встрѣчается у европейскихъ изслѣдователей. Сознаніе первенства западно-европейской культуры, для котораго еще не было повода въ эпоху Марко Поло, замѣчается уже у нѣкоторыхъ путешественниковъ XV в., какъ Барбаро; но только въ XVII в.

это первенство вполнѣ опредѣлилось. Европейцы въ эту эпоху впервые обращаютъ вниманіе на противоположность между успѣхами европейской культуры и отсталостью Востока; впервые ставится вопросъ о причинахъ этого явленія.

Попытку разрѣшить этотъ вопросъ мы находимъ, между прочимъ, у путешественника Франсуа Бернье, посѣтившаго Индію въ началѣ царствованія Ауренгзиба, самаго могущественнаго представителя династіи такъ называемыхъ „великихъ моголовъ". Путешествіе Бернье, по его словамъ, было вызвано желаніемъ видѣть новыя страны; по образованію онъ былъ натуралистомъ и медикомъ и сдѣлался въ Индіи придворнымъ врачемъ Ауренгзиба. На пути въ Индію онъ посѣтилъ Сирію и Египетъ и больше года прожилъ въ Каирѣ, чтобы изучить арабскій языкъ; въ Индіи онъ прожилъ 12 лѣтъ, посѣтилъ разныя области, между прочимъ сопровождалъ эмира Данишменда, приближеннаго Ауренгзиба, во время его путешествія въ Кашмиръ. Описаніе путешествія Бернье раздѣляется на нѣсколько частей; отдѣльно излагается исторія междуусобій 1655 — 1660 гг., подъ заглавіемъ „Histoire de la dernière révolution de l'empire du Grand Mogol", и исторія слѣдующихъ пяти лѣтъ, подъ заглавіемъ „Evènements particuliers"; все остальное, въ томъ числѣ и описаніе путешествія въ Кашмиръ, изложено въ формѣ писемъ; въ числѣ ихъ находится особый докладъ на имя Кольбера о состояніи Индіи, о доходахъ „великихъ моголовъ", о личности Ауренгзиба, о причинахъ упадка восточныхъ странъ (главную причину Бернье видитъ въ отсутствіи на Востокѣ частной земельной собственности).

Въ эту же эпоху въ Европѣ, особенно во Франціи и Англіи, возникли тѣ богатыя собранія восточныхъ рукописей, благодаря которымъ изслѣдователь Востока теперь находитъ въ главныхъ городахъ Европы большее количество письменныхъ источниковъ по интересующимъ его вопросамъ, чѣмъ въ столицахъ восточныхъ государствъ. Въ концѣ XVII в. французскимъ оріенталистомъ д'Эрбело (1625 — 1695), лично не бывавшимъ на Востокѣ (планъ его поѣздки туда вмѣстѣ съ Тэвено, котораго онъ встрѣтилъ въ Римѣ, не осуществился), было составлено, въ формѣ энциклопедическаго словаря, первое собраніе свѣдѣній о мусульманскомъ Востокѣ, извлеченныхъ изъ сочиненій восточныхъ авторовъ, подъ заглавіемъ „Bibliothèque Orientale".

Успѣхамъ оріентализма въ Англіи болѣе всего содѣйствовало существованіе англійской факторіи въ Сиріи, въ городѣ Алеппо. Той же факторіи наука обязана открытіемъ знаменитыхъ развалинъ Пальмиры. Первыя свѣдѣнія о развалинахъ большого го-

рода въ пустынѣ были получены купцами факторіи отъ бедуиновъ, но только много времени спустя, въ 1678 г., купцу Галифаксу удалось проникнуть къ этимъ развалинамъ и описать ихъ. Болѣе подробное изслѣдованіе развалинъ было произведено уже въ XVIII в. англичанами Даукинсомъ и Вудомъ, посѣтившими Пальмиру въ 1751 г., и французскимъ путешественникомъ Вольнеемъ (о немъ см. ниже).

Когда въ 1636 г., по иниціативѣ архіепископа Лода (Laud), впервые было введено преподаваніе арабскаго языка въ оксфордскомъ университетѣ, то первымъ преподавателемъ былъ назначенъ Эдуардъ Пококъ, бывшій прежде капелланомъ алеппской факторіи. Имъ же были изданы и переведены на латинскій языкъ труды христіанскихъ арабскихъ историковъ Евтихія и Абульфараджа (трудъ другого христіанскаго историка, ал-Макина, былъ изданъ еще раньше голландскимъ оріенталистомъ Эрпеніусомъ и въ томъ же XVII в. переведенъ на языки англійскій и французскій).

Семья Пококовъ и въ XVIII в. оказала вліяніе на успѣхи англійскаго востоковѣдѣнія; одинъ изъ членовъ этой семьи, Ричардъ Пококъ, совершилъ путешествіе въ Переднюю Азію и Египетъ (1737—1742) и издалъ двѣ книги, одну о Египтѣ (1743), другую о Палестинѣ, Месопотаміи, Кипрѣ и Кандіи (1745). По отзыву Вольнея онъ, несмотря на теоретическую подготовку, не обладалъ практическимъ знаніемъ восточныхъ языковъ и не могъ обходиться безъ переводчика. Изъ трудовъ англійскихъ оріенталистовъ XVII в. болѣе всего содѣйствовали популяризаціи свѣдѣній о Востокѣ труды Т. Хайда (Th. Hyde, † 1702).

Въ XVIII в. мы видимъ первые примѣры европейскихъ путешествій на Востокъ исключительно съ научною цѣлью, независимо отъ какихъ бы то ни было политическихъ, коммерческихъ или миссіонерскихъ задачъ. Первое изъ этихъ путешествій, именно путешествіе Жозефа де-Турнефора, профессора ботаники въ Jardin des Plantes въ Парижѣ, въ Малую Азію, Арменію и Персію (1700—1702), было посвящено главнымъ образомъ выясненію естественно-научныхъ вопросовъ и имѣло мало отношенія къ задачамъ востоковѣдѣнія, хотя авторъ и задавался цѣлью описать „духъ, нравы, торговлю и религію различныхъ народовъ", также объяснить „монеты и древніе памятники". Отношеніе автора къ памятникамъ прошлаго восточныхъ народовъ вполнѣ опредѣляется его собственными словами, что изъ всѣхъ развалинъ городовъ интересъ представляютъ только греческія. Для успѣховъ естествознанія его путешествіе имѣло большое зна-

ченіе; благодаря изслѣдованію горы Араратъ, путешественникомъ впервые былъ установленъ фактъ, что климатическіе поясы въ зависимости отъ высоты мѣстоположенія располагаются въ такомъ же порядкѣ, какъ въ зависимости отъ географической широты.

Эпоху въ исторіи востоковѣдѣнія составило путешествіе въ Индію молодого французскаго ученаго (род. въ 1731 г.) Анкетиля дю-Перрона. Анкетиль еще въ Парижѣ изучилъ нѣсколько восточныхъ языковъ и ознакомился съ оксфордской рукописью Вендидада, одной изъ священныхъ книгъ древняго Ирана, языкъ которыхъ въ то время былъ еще неизвѣстенъ европейцамъ. Анкетиль тогда же понялъ, какое значеніе могло имѣть для европейской науки изученіе по первоисточникамъ религіи древняго Ирана, основанной Зороастромъ, и рѣшилъ для этой цѣли отправиться въ Индію къ представителямъ этой религіи, гебрамъ. Не имѣя средствъ для совершенія этого путешествія, онъ въ 1754 г. записался на службу французской остъ-индской компаніи и поступилъ простымъ солдатомъ на корабль, отправлявшійся въ Индію. Однако ему пришлось пройти солдатомъ только разстояніе отъ Парижа до берега моря; еще до отплытія корабля его намѣреніе сдѣлалось извѣстнымъ королю Людовику XV; по повелѣнію короля, Анкетилю была назначена пенсія въ размѣрѣ 500 ливровъ въ годъ; со стороны директора компаніи онъ также встрѣтилъ полное сочувствіе и былъ освобожденъ отъ военной службы, причемъ ему былъ обезпеченъ даровой проѣздъ въ отдѣльной каютѣ и обѣдъ за капитанскимъ столомъ. Послѣ прибытія въ Индію компанія назначила ему жалованье въ размѣрѣ 1400 ливровъ въ годъ, что вмѣстѣ съ королевской пенсіей составляло 1900 ливровъ. Посѣтивъ нѣкоторыя мѣстности Индіи, онъ въ 1758 г. поселился въ Суратѣ (недалеко отъ Бомбея), гдѣ нашелъ гебровъ и получилъ возможность заниматься съ ними; занятія его не были прерваны и послѣ занятія Сурата англичанами (1759). Въ 1761 г., послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Суратѣ, онъ вернулся въ Англію, въ 1762 г. во Францію, въ 1771 г. обнародовалъ полный переводъ „Зендъ-Авесты“—собранія книгъ, приписываемыхъ Зороастру, языкъ которыхъ въ европейской наукѣ еще долгое время спустя называли „зендскимъ“ (только впослѣдствіи выяснилось различіе между Авестой—подлиннымъ сводомъ этихъ книгъ—и Зендомъ—толкованіемъ къ нимъ на такъ называемомъ пехлевійскомъ или средне-персидскомъ языкѣ).

Подвигъ Анкетиля не всѣми современниками его былъ оцѣненъ по достоинству; сомнѣвались даже въ подлинности приве-

зенныхъ имъ рукописей; нѣкоторые ученые утверждали, что переведенные имъ тексты были сознательной поддѣлкой если не его самого, то тѣхъ лицъ, отъ которыхъ онъ получилъ свои свѣдѣнія. Несправедливость этихъ обвиненій давно доказана и трудъ Анкетиля, положившій начало объясненію Авесты, въ XIX в. нашелъ себѣ продолжателей, постепенно устранившихъ недостатки перваго опыта. Трудности, съ которыми связано изученіе мертваго языка Авесты и переводъ текстовъ, объясняемыхъ современными гебрами иногда совершенно неправильно, не вполнѣ преодолѣны и до сихъ поръ; при Анкетилѣ научные методы, благодаря которымъ европейскіе филологи могутъ критически относиться къ теоріямъ восточныхъ ученыхъ, еще не вполнѣ были выработаны. Сверхъ того Анкетиль, повидимому, не всегда правильно понималъ своего учителя; при выполненіи работы, какъ и при составленіи плана путешествія, имъ руководили не столько строгія требованія науки, сколько нетерпѣливое увлеченіе піонера. Объясненію темныхъ мѣстъ Авесты впослѣдствіи содѣйствовала близость языка Авесты къ санскритскому; успѣхами санскритовѣдѣнія, которое въ эпоху Анкетиля едва началось (самъ Анкетиль въ Индіи также научился санскритскому языку отъ брахмановъ), воспользовались переводчики XIX в., начиная съ датскаго ученаго Раска (въ 20-хъ годахъ) и французскаго ученаго Евгенія Бюрнуфа (въ 30-хъ).

Другіе труды Анкетиля (ум. въ 1805 г.), именно его „Географическія и историческія разысканія объ Индіи“ и „Индія въ отношеніи къ Европѣ“ не оставили большого слѣда въ наукѣ. Въ этихъ трудахъ онъ былъ болѣе публицистомъ, чѣмъ ученымъ, восхвалялъ преимущества индійской культуры и нападалъ на разорительную для туземцевъ систему англійскаго управленія; въ годы старости онъ подражалъ брахманамъ даже въ своемъ личномъ образѣ жизни. Нельзя отрицать, что въ дѣятельности Анкетиля кромѣ искренняго научнаго энтузіазма проявляется также значительная доля личнаго тщеславія, ярко выразившагося и въ предисловіи къ его Зендъ-Авестѣ.

Совершенно иной характеръ, чѣмъ трудъ Анкетиля, имѣли труды другихъ ученыхъ путешественниковъ XVIII в., Нибура и Вольнея. Нибуръ принялъ участіе въ ученой экспедиціи, снаряженной датскимъ правительствомъ по мысли геттингенскаго профессора Михаэлиса; цѣлью экспедиціи было добыть матеріалъ для разъясненія нѣкоторыхъ мѣстъ библіи. Въ составъ экспедиціи вошли Нибуръ, въ качествѣ натуралиста, оріенталистъ Христіанъ фонъ-Хавенъ, врачъ и двое другихъ спеціалистовъ. Путешествен-

ники отправились въ 1761 г., посѣтили Сирію, Египетъ, Аравію и прибыли въ Бомбей; четверо членовъ экспедиціи умерли въ дорогѣ (послѣдній въ 1764 г. въ Бомбеѣ); Нибуръ одинъ отправился изъ Бомбея въ Маскатъ и оттуда черезъ Персидскій заливъ въ Персію, посѣтилъ Ширазъ и развалины Персеполя, вернулся къ берегу залива, оттуда проѣхалъ моремъ на островъ Харакъ и въ Басру, изъ Басры сухимъ путемъ черезъ Багдадъ въ Палестину, изъ Палестины на островъ Кипръ и оттуда въ Малую Азію, черезъ Малую Азію въ Константинополь, откуда въ 1767 г. вернулся на родину.

Благодаря систематическому опредѣленію астрономическихъ пунктовъ, путешествіе Нибура имѣло большое значеніе для картографіи; сверхъ того онъ послѣ смерти своихъ товарищей старался исполнить всѣ тѣ работы, которыя были возложены на нихъ, въ томъ числѣ и работы оріенталиста; для этой цѣли онъ уже въ дорогѣ научился арабскому языку. Послѣ Вартемы онъ былъ первымъ европейцемъ, посѣтившимъ значительную часть арабскаго полуострова. На всемъ пространствѣ отъ Египта до Индіи имъ были сдѣланы копіи съ надписей, какъ мусульманскихъ и греческихъ, такъ и съ надписей древняго Востока; одной изъ этихъ копій впослѣдствіи воспользовался Гротефендъ, авторъ первой удачной попытки разбора древне-персидскихъ клинообразныхъ письменъ.

Результатами путешествія Нибура воспользовался еще одинъ изъ ученыхъ путешественниковъ XVIII в., Франсуа Вольней. Вольней родился въ 1757 г., получилъ въ Парижѣ основательное и разностороннее образованіе; доставшимся ему небольшимъ наслѣдствомъ онъ рѣшилъ воспользоваться для путешествія на Востокъ и провелъ три года (1783 — 1786) въ Египтѣ и Сиріи. До своего отъѣзда онъ основательно изучилъ литературныя свѣдѣнія объ этихъ странахъ, какъ свѣдѣнія античныхъ авторовъ, особенно Геродота, такъ и европейскую литературу; изъ новѣйшихъ трудовъ онъ, кромѣ описанія путешествія Нибура, пользовался также картой д'Анвиля. Въ Сиріи онъ провелъ восемь мѣсяцевъ въ одномъ арабскомъ монастырѣ въ странѣ друзовъ, чтобы усовершенствоваться въ знаніи арабскаго языка.

„Путешествіе по Сиріи" Вольнея заключаетъ въ себѣ только описаніе видѣнныхъ имъ странъ, безъ всякихъ сообщеній о переѣздахъ и приключеніяхъ самого путешественника. Авторъ обращаетъ особенное вниманіе на бытъ населенія и на причины, вызвавшія экономическій упадокъ Египта и Сиріи подъ турецкимъ владычествомъ. Замѣчательно, что уже Вольней боролся съ

тѣми взглядами, которые еще теперь не вполнѣ оставлены, объ измѣненіи въ историческое время климата восточныхъ странъ, о вліяніи жаркаго климата на упадокъ энергіи и работоспособности и объ умѣренномъ климатѣ Европы, какъ причинѣ культурныхъ успѣховъ европейцевъ. Вольней справедливо доказываетъ, что климатическія условія Египта теперь приблизительно тѣ же, какъ въ эпоху древне-египетской культуры, что древними народами Востока при тѣхъ же климатическихъ условіяхъ была выполнена огромная культурная работа, и что зной оказываетъ вліяніе только на работоспособность людей, привыкшихъ къ болѣе умѣренному климату, но не на работоспособность туземцевъ. Самъ Вольней объясняетъ упадокъ мусульманскаго Востока исключительно дурнымъ управленіемъ и вреднымъ вліяніемъ мусульманской религіи на народную психологію. Какъ современникъ французской революціи, онъ не могъ смотрѣть на ходъ экономической и политической исторіи, какъ на результатъ закономѣрнаго процесса; предостереженія, съ которыми онъ въ концѣ книги обращается къ своимъ соотечественникамъ, показываютъ, что и будущность европейской культуры находилась, по его мнѣнію, исключительно въ зависимости отъ хорошаго или дурного управленія государей и министровъ. Изъ мѣръ, которыя могли бы поднять экономическій уровень мусульманскаго Востока, Вольней упоминаетъ и о прорытіи канала черезъ Суэцкій перешеекъ, но находитъ этотъ планъ неосуществимымъ.

Ко второй половинѣ XVIII в. относится событіе, имѣвшее существенное вліяніе на дальнѣйшій ходъ изученія европейцами Востока, именно утвержденіе англійскаго владычества въ Индіи. Впервые западно-европейскому народу удалось подчинить себѣ одну изъ культурныхъ странъ Востока; изученіе Индіи съ тѣхъ поръ происходило при несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ изученіе другихъ восточныхъ странъ, чѣмъ, конечно, болѣе всего воспользовались хозяева страны, англичане. Кромѣ того обладаніе Индіей создавало для англичанъ политическіе интересы какъ на Ближнемъ, такъ и на Дальнемъ Востокѣ, чѣмъ были вызваны многочисленныя англійскія посольства и путешествія въ различныя страны какъ съ развѣдочной цѣлью, такъ и для заключенія торговыхъ и политическихъ договоровъ.

Къ числу первыхъ англійскихъ трудовъ, посвященныхъ отдѣльнымъ частямъ Индіи, относится книга Персиваля о Цейлонѣ (1803); авторъ въ 1797 г. прибылъ на Цейлонъ съ англійскимъ отрядомъ и въ 1800 г. стоялъ во главѣ посольства къ туземному владѣтелю. Сношенія Индіи съ метрополіей происхо-

дили, конечно, почти исключительно моремъ; но уже къ XVIII в. относится одно путешествіе изъ Индіи въ Англію сухимъ путемъ, именно путешествіе Джорджа Форстера (1783 — 84), проѣхавшаго изъ Бенгаліи черезъ Кашмиръ, Кабулъ, Кандагаръ и Гератъ къ Каспійскому морю, оттуда на русскомъ кораблѣ въ Астрахань. Уже въ XVIII в. начались также попытки англичанъ вступить изъ Индіи въ сношенія съ Тибетомъ. Посолъ Джорджъ Богль въ 1774 г. былъ принятъ однимъ изъ главныхъ представителей тибетскаго духовенства, Тешу-ламой или Баньчанемъ; этому посольству европейцы были обязаны первыми научными свѣдѣніями о странѣ за Гималаями. Въ 1811 г. Томасъ Маннингъ проникъ даже въ Лхассу, гдѣ прожилъ четыре мѣсяца (съ декабря 1811 до апрѣля 1812 г.).

Annales Sultanorum Othmanidarum, a Turcis sua lingua scripti: Joannes Leunclavius Nobilis Angriuarius, Latine redditos illustravit et auxit, usque ad annum MDLXXXVIII. Francofurdi 1588. О Г. Постелѣ G. Dugat, Histoire des orientalistes de l'Europe, t. I, Paris 1868, p. XVII—XIX; С. Θ. Ольденбургъ въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXCIII (1894), отд. 2, стр. 257 и O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, S. 160; Th. Benfey, Geschichte der Sprachwissenschaft, München 1869, S. 225—227. О Голіусѣ H. Cordier въ Nouveaux mélanges orientaux, Paris 1886, p. 407; о немъ же какъ арабистѣ G. Dugat, Histoire etc. t. I, p. XXVII. The travels of Lodovico Varthema, transl. by Jones and ed. by G. P. Badger, Lond. 1863 (Hakl. Soc. № 32). P. Raphaël du Mans, Estat de la Perse en 1660, publ. par Ch. Schefer, Paris 1890 (Publ. de l'école des langues orient. vivantes, II-e série, vol. XX; съ введеніемъ издателя, въ которомъ подробная библіографія трудовъ о Персіи въ XVI и XVII вв.). О делла-Валле еще The travels of Pietro della Valle in India, ed. by E. Grey, Lond. 1892 (Hakl. Soc., № 84). О Дженкинсонѣ: Early Voyages and travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other Englishmen, ed. by E. Delmar Morgan and C. H. Coote, vol. I, Lond. 1886 (Hakl. Soc. № 72). О Ширли и Уруджъ-бекѣ еще Н. И. Веселовскій въ Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., т. XIV, стр. XVII и слѣд. — Adam Olearii Ausführliche Beschreibung der kundbaren Reise nach Muscow und Persien, Schleswig 1671 (4-ое изд.); русскій переводъ П. Барсова, Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 гг., составленное секретаремъ посольства Адамомъ Олеаріемъ, Москва 1870 (изъ „Чтеній И. Общ. Ист. и Древн.“ 1868—70 гг.). О грамотѣ царя Михаила Θеодоровича: С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, изд. товарищества „Общ. Польза“, кн. II, стр. 1371. О Тавернье еще Journ. As. 10, VII, 273—280. О жалобахъ армянъ на дѣятельность франкскихъ патеровъ (падеріян-и ференги) подробнѣе всего говорится въ грамотѣ персидскаго шаха, выданной Эчміадзину въ 1122 г. (1710) и хранящейся въ Эчміадзинской библіотекѣ. — Fr. Bernier, Voyages, Amsterdam 1711. Второе изданіе Bibliothèque orientale д'Эрбело въ Гаагѣ 1777—1778, 3 тома (т. 4-й въ Maestricht — „Supplément“ Виселу, см. о немъ выше, стр. 96). Объ англійскомъ оріентализмѣ XVII в. E. G. Browne, A Literary History of Persia, I (1902), p. 41—44, и біографіи Пококовъ (Эдуарда и Ричарда) въ Encyclopaedia Britannica, XIX, 252 и слѣд. J. P. de Tournefort, Relation d'un voyage du Levant, Amsterdam 1718; замѣчаніе о развалинахъ II, 153; о значеніи изслѣдованія имъ Арарата O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, S. 539. О путешествіи Анкетиля предисловіе къ его книгѣ Zend-Avesta, ouvrage de Zoroastre, Paris 1771; о трудахъ по изученію Авесты Grundriss der iranischen Philologie II, 40—42. Заглавія другихъ трудовъ Анкетиля: Recherches historiques et géographiques sur l'Inde (Paris 1787); L'Inde en rapport avec l'Europe (Paris 1790). Путешествія Нибура (Niebuhr): Beschreibung von Arabien, Kopenhagen 1772; Reisebeschreibung nach Arabien und andern umliegenden Ländern, Kopenhagen 1774, 1778; третій томъ въ 1837; о ихъ значеніи O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, S. 546—550. Путешествіе Вольнея (Volney): Voyage en Syrie et en Egypte, nouv. édition, Paris 1792; замѣчанія о Ричардѣ Пококѣ I, 52; о состояніи Нила въ древности и теперь I, 24; о вліяніи климата на энергію II, 267 — 271; о Суэцскомъ каналѣ I, 124. Путешествіе Персиваля: R. Percival's Beschreibung der Insel Ceylon, übers. von J. A. Bergk, Lpz. 1803. Путешествіе Форстера: G. Forster, A journey from Bengal to England, Lond. 1798. О Боглѣ С. Θ. Ольденбургъ въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 356 (1904 г.), отд. II, стр. 147—151; о Боглѣ и Маннингѣ Н. В. Кюнеръ, Описаніе Тибета, ч. I, вып. I, Владив. 1907, стр. 45—53.

ГЛАВА X.

Успѣхи востоковѣдѣнія въ XIX в. опредѣляются отчасти развитіемъ европейской колоніальной политики, отчасти успѣхами, вообще достигнутыми въ эту эпоху европейской научной мыслью, при томъ еще больше въ области гуманитарныхъ наукъ, чѣмъ въ области естествознанія. Европейскими натуралистами въ XIX в. былъ добытъ богатый фактическій матеріалъ, особенно благодаря успѣхамъ техники и усовершенствованію способовъ наблюденія и опыта, были предложены новыя гипотезы для объясненія явленій, но методы изслѣдованія въ этой области въ общемъ оставались тѣ же, которые были установлены прежними учеными. Въ области языкознанія, исторіи и этнографіи только въ XIX в. были выработаны тѣ методы изслѣдованія, благодаря которымъ эти отрасли знанія впервые получили характеръ научныхъ дисциплинъ. Постепенно была сознана необходимость примѣнить тѣ же методы къ изученію восточныхъ языковъ, исторіи и быта восточныхъ народовъ, хотя и до сихъ поръ это требованіе, въ теоріи теперь никѣмъ не оспариваемое, еще не вполнѣ проведено въ жизнь.

По изученію странъ Дальняго Востока, особенно Китая, главныя работы въ эту эпоху были выполнены англичанами. Послѣ утвержденія англійскаго владычества въ Индіи вопросъ объ установленіи торговыхъ сношеній съ Китаемъ имѣлъ для

англичанъ существенное значеніе; съ этой цѣлью были отправлены посольства Макартнея (1792—94) и Амхерста (Amherst, 1816), но безуспѣшно. Для торговли съ иностранцами, въ томъ числѣ и съ англичанами, оставался открытымъ только Кантонъ, причемъ и здѣсь европейцы подвергались многочисленнымъ стѣсненіямъ. Матеріалы о Китаѣ, добытые во время посольства Макартнея, были обработаны секретаремъ посольства Стаунтономъ (Staunton) въ двухъ большихъ томахъ in—4; этотъ трудъ положилъ начало англійской научной литературѣ о Китаѣ. Одновременно съ отправленіемъ въ Китай посольствъ началась и дѣятельность въ Китаѣ англійскихъ миссіонеровъ, которые, подобно своимъ предшественникамъ іезуитамъ, помимо своей миссіонерской дѣятельности собирали также матеріалъ для изученія языка, литературы и народнаго быта. Миссіонеромъ Моррисономъ былъ составленъ, въ шести томахъ, словарь китайскаго языка (1815—23). Изъ свѣтскихъ лицъ Дэвисъ, прибывшій въ Китай вмѣстѣ съ Амхерстомъ и оставшійся въ Кантонѣ, послѣ двадцатилѣтняго пребыванія въ странѣ издалъ трудъ о китайцахъ (1836); впослѣдствіи, послѣ открытія для европейцевъ нѣкоторыхъ гаваней Китая, тотъ же Дэвисъ былъ полномочнымъ министромъ (plenipotentiary) англійскаго правительства въ Китаѣ и послѣ своей отставки издалъ новый трудъ о „Китаѣ во время войны и со времени заключенія мира“ (1853). Въ ту же эпоху (1830) совершилъ путешествіе въ Китай нѣмецкій оріенталистъ К. Ф. Нейманнъ, перешедшій въ изученію Дальняго Востока отъ изученія Передней Азіи (по своей первоначальной спеціальности онъ былъ арменистомъ). Нейманнъ собралъ богатую библіотеку китайскихъ книгъ (до 10000 томовъ), которая перешла въ собственность Мюнхенскаго университета, гдѣ Нейманнъ съ 1833 г. былъ хранителемъ библіотеки и профессоромъ. Имъ же была составлена исторія войны 1840—1842 гг. и исторія событій слѣдующихъ лѣтъ до пекинскихъ договоровъ 1860 г.

До 1834 г. торговля между Британской Индіей и Китаемъ была монополіей остъ-индской компаніи; съ этого года надзоръ за этой торговлей былъ порученъ британскому чиновнику, съ титуломъ „высшаго надзирателя“ (superintendent; съ конца 1834 г. эту должность нѣкоторое время занималъ Дэвисъ). Представители англійскаго правительства возобновили попытку добиться отмѣны тѣхъ стѣсненій, съ которыми, ради выгодъ торговли, мирились купцы; подъ вліяніемъ этихъ требованій китайское правительство стало относиться къ иностранцамъ еще болѣе враждебно, чѣмъ прежде. Война между Англіей и Китаемъ изъ-за торговли опіумомъ (1840—42) окончилась открытіемъ пяти китайскихъ гаваней для европейской торговли и уступкой Англіи въ полное владѣніе острова Гонконга. Подъ вліяніемъ этихъ событій англійская литература о Китаѣ обогатилась рядомъ новыхъ трудовъ; кромѣ путешествій Форбса (1842—47), описавшаго южный Китай, особенно городъ Шанхай, и Сэрра (Sirr) замѣчательна дѣятельность нѣмецкаго миссіонера Гюцлафа (Gützlaff), большей частью писавшаго на англійскомъ языкѣ. Гюцлафъ, прибывшій въ Макао въ 1828 г., находился сначала на голландской, потомъ на англійской службѣ, съ 1835 г. былъ переводчикомъ англійскаго консульства; въ 1844 г., одновременно съ основаніемъ въ Базелѣ общества для распространенія христіанства въ Китаѣ, имъ съ той же цѣлью было образовано общество на островѣ Гонконгѣ исключительно изъ китайцевъ. Въ отличіе отъ большинства другихъ миссіонеровъ, Гюцлафъ мечталъ объ обращеніи китайскаго народа въ христіанство при помощи миссіонеровъ изъ его собственной среды и о созданіи китайской національной церкви. Въ 1849 г. онъ вернулся въ Европу, но уже въ 1851 г. вновь прибылъ въ Гонконгъ, гдѣ въ томъ же году умеръ. Присланный имъ изъ Китая краткій очеркъ исторіи страны (на нѣмецкомъ языкѣ) въ 1847 г. былъ напечатанъ Нейманномъ. Приблизительно къ тому же времени (съ 1833 г.) относится дѣятельность американскаго миссіонера Вилліамса, автора одного изъ лучшихъ трудовъ о Китаѣ, выдержавшаго большое число изданій. Во внутреннія области Китая проникли между 1840 и 1860 гг. только очень немногіе путешественники.

Кромѣ англійскихъ и американскихъ миссіонеровъ въ Китаѣ въ эту эпоху дѣйствовали и французскіе; особенной продолжительностью отличалось пребываніе въ Китаѣ Гюка (Huc), принадлежавшаго къ ордену лазаристовъ (1838—1852). Вмѣстѣ съ другимъ французскимъ миссіонеромъ, Габе (Gabet), Гюкъ въ 40-хъ годахъ совершилъ путешествіе изъ Маньчжуріи черезъ Монголію и провинцію Сы-чуань въ Тибетъ, оттуда черезъ долину рѣки Янъ-цзы-цзяна до Кантона и Макао. Въ 1845 г. Гюкъ и Габе прожили нѣсколько мѣсяцевъ въ Лхассѣ; со времени Маннинга до англійской экспедиціи 1904 г. они были единственными европейцами, посѣтившими этотъ городъ. Результатомъ путешествія были два сочиненія Гюка: „Воспоминаніе о путешествіи въ Тартарію, Тибетъ и Китай“ и „Китайская имперія“ (Габе нѣсколько раньше умеръ въ Бразиліи). Книги Гюка заключаютъ въ себѣ такъ много невѣроятныхъ подробностей, что самый фактъ путешествія Гюка и Габе и въ особенности фактъ пребыванія

ихъ въ Лхассѣ вызывали сомнѣніе; впослѣдствіи, однако, эти свѣдѣнія были подтверждены разсказами самихъ тибетцевъ; кромѣ того послѣ ближайшаго ознакомленія европейцевъ съ Тибетомъ нѣкоторыя изъ сообщеній Гюка, раньше возбуждавшія сомнѣнія, оказались соотвѣтствующими истинѣ. По свѣдѣніямъ Рихтхофена, цѣнные результаты путешествія составляютъ главнымъ образомъ заслугу Габе; Гюку принадлежала только литературная обработка матеріала. Неточность нѣкоторыхъ разсказовъ Гюка объясняется не сознательнымъ искаженіемъ фактовъ, но принятымъ въ его книгахъ способомъ литературнаго изложенія.

Стѣсненіе англійской торговли въ Китаѣ и убіеніе французскаго миссіонера вызвали походъ на Китай англо-французскихъ войскъ (1856—60); по миру, заключенному въ Пекинѣ, для европейской торговли былъ открытъ еще рядъ другихъ гаваней Китая; кромѣ того европейскія державы впервые получили право имѣть въ Китаѣ постоянное дипломатическое представительство. Съ тѣхъ поръ Китай сдѣлался гораздо болѣе доступнымъ для европейскихъ путешественниковъ и изслѣдователей, чѣмъ прежде. Среди обширной литературы о Китаѣ, появившейся съ того времени, особенно выдаются отчетъ о прусской экспедиціи начала 60-хъ годовъ и классическій трудъ Рихтхофена, впрочемъ, имѣвшій больше значенія для изученія страны въ естественно-историческомъ, особенно въ геологическомъ отношеніи. Изъ Китая европейскіе путешественники нерѣдко проникали и въ области, находящіяся въ вассальной зависимости отъ Китайской имперіи, въ томъ числѣ и въ сѣверныя области Тибета; изъ этихъ путешествій особенно замѣчательны два путешествія американскаго ученаго Рокхиля (W. Rockhill, 1889—90 и 1892—93), предварительно изучившаго китайскій и тибетскій языки.

Наука о китайскомъ языкѣ и литературѣ—синологія—еще въ 1814 г. сдѣлалась предметомъ университетскаго преподаванія во Франціи (первымъ профессоромъ былъ Абель-Ремюза), впослѣдствіи также въ Англіи и Германіи; подобно другимъ orienталистамъ, синологи находятъ теперь въ европейскихъ библіотекахъ болѣе обширный матеріалъ по своей спеціальности, чѣмъ въ библіотекахъ Востока; тѣмъ не менѣе синологами до настоящаго времени еще въ меньшей степени, чѣмъ представителями другихъ отраслей востоковѣдѣнія, усвоены методы изслѣдованія, выработанные европейской наукой. Изученіе китайскаго языка и грамоты связано съ такими трудностями, что европейскому синологу рѣдко удается овладѣть языкомъ настолько, чтобы безъ труда разбирать китайскіе тексты безъ помощи ученыхъ китайцевъ. Вмѣстѣ съ трудностями грамоты обширность китайской литературы также затрудняетъ производство самостоятельныхъ изслѣдованій по первоисточникамъ; синологи еще въ большей степени, чѣмъ другіе оріенталисты, склонны довольствоваться тѣми извлеченіями изъ первоисточниковъ, которыя они находятъ въ трудахъ позднѣйшихъ компиляторовъ, тѣмъ болѣе, что китайская литература обладаетъ большимъ числомъ сборниковъ свѣдѣній по самымъ разнообразнымъ предметамъ, чѣмъ какая-либо другая изъ литературъ Востока. Строй китайскаго языка существенно отличается отъ строя языковъ, при изученіи которыхъ были выработаны методы европейскаго языкознанія; безпристрастное и всестороннее пониманіе своеобразной культуры Дальняго Востока, независимое какъ отъ мѣстныхъ традицій, такъ и отъ европейскихъ предразсудковъ, достигается съ гораздо большимъ трудомъ, чѣмъ пониманіе культуры Передней Азіи, восходящей къ тѣмъ же источникамъ, какъ западно-европейская культура. Въ противоположность тому поклоненію китайской культурѣ, которымъ проникнуты труды іезуитовъ, путешественники второй половины XVIII и первой XIX вв. большею частью относились къ китайскому государству и народу рѣзко отрицательно; вліяніе той и другой крайности до сихъ поръ проявляется въ трудахъ спеціалистовъ. Несмотря на всѣ успѣхи синологіи, до сихъ поръ нѣтъ почти никакихъ трудовъ, авторы которыхъ ставили бы себѣ цѣлью примѣнить методы европейскаго языкознанія къ изученію нарѣчій китайскаго языка или провѣрить, путемъ примѣненія методовъ европейской исторической критики, традиціи китайской исторіографіи.

Наиболѣе подробные обзоры литературы о Китаѣ принадлежатъ французскому оріенталисту Кордье, хотя и эти обзоры страдаютъ довольно многочисленными пробѣлами.

Другія страны Дальняго Востока, находившіяся подъ вліяніемъ китайской культуры, именно Японія и Корея, еще дольше, чѣмъ Китай, оставались закрытыми для европейцевъ. Попытка миссіонеровъ Гюцлафа и Вилліамса привезти въ Японію семь японцевъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе у береговъ Китая (1837), окончилась неудачно, какъ и всѣ другія попытки въ томъ же направленіи. Только посредствомъ военной силы, хотя и безъ кровопролитія, коммодоръ Перри заставилъ японцевъ заключить торговый договоръ съ сѣверо-американскими Соединенными Штатами (1854 г.), за которымъ послѣдовали такіе же договоры съ другими державами. Первому англійскому послу въ Японіи Алькоку, прибывшему въ Японію въ 1859 г., принадлежатъ лучшія описанія Японіи; на англійскомъ языкѣ составленъ также трудъ

Адамса, заключающій въ себѣ исторію Японіи съ 1853 до 1871 г., съ краткимъ обзоромъ судебъ страны до половины XIX в. Съ тѣхъ поръ о Японіи и японцахъ появилось довольно значительное число трудовъ на многихъ европейскихъ языкахъ; но изученіе японской письменности связано для европейцевъ съ такими же трудностями, какъ изученіе китайской, вслѣдствіе чего и въ этой отрасли востоковѣдѣнія европейскіе филологическіе и историческіе методы до сихъ поръ получили мало примѣненія. Послѣ усвоенія японскимъ правящимъ классомъ европейской науки можно было ожидать, что эта задача будетъ выполнена учеными японскаго происхожденія; въ самой Японіи возникли ученыя учрежденія и общества по образцу европейскихъ; но общій законъ, по которому методы гуманитарныхъ наукъ вырабатываются и усваиваются гораздо медленнѣе, чѣмъ методы естествознанія, оказался справедливымъ и въ этомъ случаѣ. До настоящаго времени, насколько извѣстно, труды японскихъ филологовъ и историковъ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ труды японскихъ натуралистовъ, врачей и т. п., удовлетворяютъ требованіямъ европейской науки.

Корейскій полуостровъ сдѣлался доступнымъ для европейцевъ еще позже, чѣмъ Японія. Попытки французовъ (1866) и американцевъ (1871) принудить корейцевъ силою къ заключенію торговаго договора не имѣли успѣха; европейскіе миссіонеры, однако, проникали въ страну, и исторія ихъ дѣятельности составила предметъ особаго труда (Dallet) подъ заглавіемъ: „Исторія корейской церкви“. Только въ 1882 г. былъ заключенъ первый договоръ (съ американцами). Съ тѣхъ поръ на европейскихъ языкахъ появился рядъ сочиненій о Кореѣ, свѣдѣнія о которыхъ можно найти въ трудѣ, изданномъ въ 1900 г. въ С.-Петербургѣ министерствомъ финансовъ, подъ заглавіемъ „Описаніе Кореи“.

Кромѣ того въ 1895—6 гг. (еще „supplément“ въ 1901 г.) на французскомъ языкѣ былъ изданъ, подъ заглавіемъ „Bibliographie Coréenne“, сводъ свѣдѣній о корейской литературѣ (Courant).

Для изученія Индіи и ея прошлаго европейской наукой въ настоящее время сдѣлано больше, чѣмъ для изученія какой-либо другой страны Востока. За исключеніемъ кратковременнаго возстанія (1857—58), охватившаго только небольшую часть страны, господство англичанъ никѣмъ не оспаривалось; европейскіе изслѣдователи имѣли возможность путешествовать по Индіи съ такой же безопасностью (если не считать непривычныхъ климатическихъ условій) и пользоваться тѣми же средствами сообщенія, какъ въ Европѣ. Начатыя еще въ XVIII в. статистическія работы привели къ составленію сводовъ статистическихъ данныхъ (gazetteer)

для отдѣльныхъ провинцій; въ 1869 г. была предпринята „статистическая съемка“ (statistical survey) всей имперіи, результатомъ которой было изданіе сборника свѣдѣній объ Индіи (Hunter, The Imperial Gazetteer of India, въ 14 томахъ). Сборникъ заключаетъ въ себѣ только сокращенное изложеніе матеріала, добытаго при производствѣ работъ; тѣмъ не менѣе и такого свода данныхъ нѣтъ на европейскихъ языкахъ ни для одной изъ другихъ странъ Дальняго или Ближняго Востока. Въ тотъ же сборникъ вошли также данныя объ индійскихъ религіяхъ, о мѣстномъ обычномъ правѣ, о землеустройствѣ и т. п.; кромѣ того всѣ эти стороны мѣстной жизни были предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій. Были выполнены также обширныя картографическія работы, главнымъ образомъ связанныя съ такъ называемой „тригонометрической съемкой“ (trigonometrical survey).

Изученіе языковъ и литературы Индіи было предметомъ дѣятельности цѣлаго ряда ученыхъ обществъ, изъ которыхъ одно (Бенгальское Азіатское общество) было основано еще въ XVIII в. Санскритскій языкъ сдѣлался предметомъ университетскаго преподаванія во всѣхъ европейскихъ странахъ и получилъ для европейской науки несравненно большее значеніе, чѣмъ какой-либо другой изъ восточныхъ языковъ; сопоставленіе формъ санскритскаго языка съ формами языковъ европейскихъ положило начало сравнительному языкознанію, какъ наукѣ. Памятники индійской литературы вызвали значительное число изданій, переводовъ и изслѣдованій въ Европѣ, особенно въ Англіи; въ самой Индіи (съ 1846 г.) появилась цѣлая серія такихъ изданій, подъ общимъ заглавіемъ „Bibliotheca Indica“, причемъ въ эту серію вошли сочиненія какъ на санскритскомъ языкѣ, такъ и на другихъ литературныхъ языкахъ, распространенныхъ въ Индіи, особенно на персидскомъ. Кромѣ этой серіи есть еще рядъ другихъ серій текстовъ, издаваемыхъ туземными учеными на средства мѣстныхъ владѣтелей и богачей. Произведенія мусульманскихъ лѣтописцевъ, большею частью написанныя на персидскомъ языкѣ, являются главнымъ источникомъ для изученія исторіи Индіи, о которой до начала мусульманскихъ вторженій (XI в.) имѣются только самыя скудныя свѣдѣнія, такъ какъ туземное населеніе Индіи, какъ уже было упомянуто (стр. 4), не создало исторической литературы; есть только небольшое число лѣтописей. Памятники мусульманской исторической литературы, касающіеся Индіи, были собраны и переведены на англійскій языкъ Элліотомъ, но изданы только послѣ его смерти, съ нѣкоторыми дополненіями,

другимъ ученымъ, Доусономъ, въ 8 томахъ. Несмотря на всѣ недостатки и пробѣлы этого изданія, оно остается до сихъ поръ единственнымъ въ европейской литературѣ о Востокѣ; ни для одной изъ другихъ восточныхъ странъ мы не имѣемъ такого свода историческаго матеріала.

Въ Индіи раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, были приняты мѣры для приведенія въ извѣстность восточныхъ рукописей, какъ находящихся въ общественныхъ библіотекахъ, такъ и принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Труды въ этомъ направленіи, какъ и попытки библіографическаго обзора литературы объ Индіи, принадлежатъ нѣмецкимъ ученымъ, но издавались на англійскомъ языкѣ; знаніе этого языка широко распространено и среди туземныхъ ученыхъ, привлеченныхъ къ участію въ научной работѣ; поэтому на томъ же языкѣ большею частью издаютъ свои труды объ Индіи ученые другихъ національностей, чтобы имѣть болѣе обширный кругъ читателей, хотя въ послѣдніе годы XIX в. было приступлено къ изданію на нѣмецкомъ языкѣ коллективнаго труда подъ заглавіемъ „Grundriss der Indo-Arischen Philologie", который долженъ заключать въ себѣ сводъ результатовъ, достигнутыхъ наукою по изученію языка, литературы и культуры арійской Индіи.

На изученіе вещественныхъ памятниковъ индійской культуры англійскіе правители долгое время обращали гораздо меньше вниманія, чѣмъ на изученіе памятниковъ письменности; при возведеніи новыхъ построекъ были случаи такого же варварскаго уничтоженія памятниковъ старины, какъ въ некультурныхъ странахъ Востока. Тѣмъ не менѣе и въ области археологіи для изученія Индіи сдѣлано больше, чѣмъ для изученія другихъ восточныхъ странъ, причемъ главные труды какъ по регистраціи и описанію памятниковъ, такъ и по собиранію литературныхъ свѣдѣній о нихъ связаны съ именами Каннингэма (Cunningham), Бэрджеса (Burgess) и Флита (Fleet). Инженеръ Александръ Каннингемъ положилъ начало „археологической съемкѣ" Индіи (первый томъ вышелъ въ 1871 г.), т.-е. составленію археологической карты страны, періодически провѣряемой и дополняемой. Подобной регистраціи археологическихъ памятниковъ нѣтъ до сихъ поръ ни въ одной изъ другихъ областей Востока. Съ изученіемъ археологіи связано также изученіе надписей; тому же Каннингему принадлежитъ попытка составить „Corpus inscriptionum indicarum"; послѣ него возникъ рядъ періодическихъ изданій, существующихъ и до сихъ поръ (Epigraphia Indica и друг.) и имѣющихъ цѣлью приведеніе въ извѣстность эпиграфическаго матеріала. Кромѣ археологической „съемки" производится и лингвистическая, но изъ результатовъ ея до сихъ поръ обнародовано только немногое.

Несмотря на всѣ старанія обезпечить полноту библіографическихъ обзоровъ, еще въ 1902 г. на одномъ изъ съѣздовъ ученыхъ была высказана жалоба, что изданія текстовъ, появившіяся въ Индіи, остаются неизвѣстными въ Европѣ. Европейскіе научные методы еще не усвоены въ достаточной степени ни туземными учеными, ни лицами европейскаго происхожденія, работающими вдали отъ научныхъ центровъ, такъ что и въ этой отрасли востоковѣдѣнія спеціалисты не могутъ относиться съ полнымъ довѣріемъ къ трудамъ любителей, собирающихъ свѣдѣнія на мѣстахъ. Образованіе (по постановленію римскаго конгресса оріенталистовъ 1899 г.) международнаго фонда для изученія Индіи (India Exploration Fund) не имѣло никакихъ практическихъ результатовъ. Наконецъ, и въ этой области, несмотря на сравнительное обиліе научныхъ силъ, судьба обширныхъ коллективныхъ предпріятій часто находится въ зависимости отъ судьбы отдѣльнаго человѣка. Изданіе „Grundriss der Indo-Arischen Philologie" было предпринято по иниціативѣ проф. Бюлера, который во время семнадцатилѣтняго (1863—1880) пребыванія въ Индіи пріобрѣлъ обширныя познанія по всѣмъ отраслямъ индійской филологіи; послѣ его преждевременной смерти (онъ утонулъ въ 1898 г. въ Боденскомъ озерѣ) его дѣло согласились продолжать другіе ученые; тѣмъ не менѣе изданіе до сихъ поръ еще остается неоконченнымъ (слѣдующій редакторъ, проф. Кильхорнъ, умеръ въ 1908 г.).

На Индо-Китайскомъ полуостровѣ европейцы также застали значительную культуру, сложившуюся подъ различными вліяніями, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Индіи и Китая, и значительное число памятниковъ старины. Со второй половины XIX в. полуостровъ сдѣлался предметомъ колоніальной политики Франціи; утвердивъ свою власть въ юго-восточной части полуострова, французы предпринимали экспедиціи вглубь Индо-Китая какъ для изученія самой страны, такъ и для изслѣдованія торговыхъ путей въ Китайскую имперію. Изученію страны въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи болѣе всего способствовала экспедиція нѣмецкаго ученаго Бастіана (1861—63) и французская Меконгская экспедиція Лагре и Гарнье (1866—68). Тотъ же Кордье, которому принадлежитъ библіографія трудовъ по синологіи, издалъ также библіографическій обзоръ трудовъ объ Индо-Китаѣ, подъ заглавіемъ „Bibliotheca Indo-Sinica". Въ новѣйшее время англійскими дѣятелями былъ произведенъ рядъ

изслѣдованій въ Бирмѣ, присоединенной къ англо-индійской имперіи; такъ на Бирму распространены дѣйствія „археологической съемки“. Въ Сіамѣ, единственномъ государствѣ полуострова, до сихъ поръ сохраняющемъ свою независимость, туземнымъ правительствомъ также принимаются мѣры для развитія научной дѣятельности; такъ на средства сіамскаго короля изданъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для изученія южно-индійскаго буддизма (палійская трипитака).

Французская литература объ Индо-Китаѣ по обширности и разносторонности значительно уступаетъ англійской литературѣ объ Индіи; зато наука обязана Франціи созданіемъ учрежденія, какого нѣтъ до сихъ поръ ни въ Британской Индіи, ни въ другихъ странахъ Востока, кромѣ Египта, именно „Французской школы Дальняго Востока“ (Ecole française d'Extrême Orient), открытой въ 1900 г. въ Сайгонѣ и впослѣдствіи перенесенной въ Ханой. Школа была создана по образцу такихъ же ученыхъ школъ (институтовъ), существующихъ въ Каирѣ, Константинополѣ, Аѳинахъ и Римѣ и имѣющихъ цѣлью изученіе памятниковъ древняго Востока и классическаго міра. Не имѣя ни опредѣленныхъ программъ преподаванія, ни постояннаго состава слушателей, такія школы являются учрежденіями не столько учебными, сколько учеными, гдѣ приводится въ извѣстность и разрабатывается научный матеріалъ и гдѣ лица, пріѣзжающія въ край для научныхъ работъ, находятъ всѣ необходимыя пособія и указанія. Существованіе такого института лучше всего обезпечиваетъ правильность и послѣдовательность научной работы и болѣе всего содѣйствуетъ приготовленію кадра изслѣдователей, вооруженныхъ всѣми методами, выработанными наукой.

Изъ Британской Индіи преимущественно совершались экспедиціи для изученія прилегающихъ къ Индіи областей—Тибета, Восточнаго Туркестана и Авганистана.

Въ 40-хъ годахъ англичанами было предпринято изслѣдованіе прилегающихъ къ Индіи (къ Кашмиру и Ладаку) окраинъ Тибета, причемъ первыми піонерами этого дѣла были братья Стрэчи (Strachey). Въ половинѣ XIX в. въ Тибетъ и Восточный Туркестанъ (1854—58) проникли изъ Индіи нѣмецкіе путешественники братья Шлагинтвейты, изъ которыхъ одинъ, Адольфъ, былъ убитъ въ Восточномъ Туркестанѣ (1857). Благодаря мѣрамъ, принятымъ тибетскимъ правительствомъ, Тибетъ сдѣлался настолько недоступнымъ для европейцевъ, что англійское правительство для изученія страны рѣшило воспользоваться услугами ученыхъ индійцевъ, такъ называемыхъ *пандитовъ* (pundit). По

мысли кап. Монтгомери, завѣдывавшаго „тригонометрической съемкой“ Индіи, изъ среды пандитовъ былъ выработанъ кадръ изслѣдователей, научившихся производить топографическія съемки и астрономическія наблюденія. Отъ пандитовъ европейцы даже о столицѣ Тибета, Лхассѣ, получили такія подробныя свѣдѣнія, что этотъ городъ, совершенно закрытый для европейцевъ, въ то же время былъ имъ извѣстенъ лучше, чѣмъ бо̀льшая часть другихъ городовъ Востока. Наиболѣе подробное описаніе Лхассы принадлежитъ Саратъ-Чандра-Дасу, прожившему въ этомъ городѣ двѣ недѣли (1881 г.). Англійская военная экспедиція 1903—4 гг., окончившаяся занятіемъ Лхассы, только подтвердила правильность свѣдѣній, собранныхъ пандитами, и не доставила наукѣ почти никакихъ новыхъ данныхъ.

Матеріалъ для изученія языка и литературы тибетцевъ до настоящаго времени собирался не столько въ самомъ Тибетѣ, сколько въ мѣстностяхъ съ тибетскимъ населеніемъ, прилегающихъ къ нему со стороны Индіи или со стороны Китая. Наиболѣе подробный обзоръ литературы о Тибетѣ составленъ на русскомъ языкѣ Н. В. Кюнеромъ и составляетъ первый выпускъ его труда „Описаніе Тибета“.

Восточный Туркестанъ во второй половинѣ XIX в. на короткое время (въ 60-хъ и 70-хъ годахъ) отдѣлился отъ Китая и составлялъ самостоятельное государство подъ властью Я'кубъ-бека. Къ Я'кубъ-беку въ 1870 и вторично въ 1873 гг. было отправлено англійское посольство, во главѣ котораго стоялъ Форсайтъ; въ 1875 г. вышло описаніе путешествія этого посольства; въ эту книгу вошелъ также очеркъ исторіи страны, составленный д-ромъ Белью и не обладающій никакими научными достоинствами, но до сихъ поръ не замѣненный въ западно-европейской литературѣ болѣе основательнымъ изслѣдованіемъ. Еще раньше въ 1868—69 гг. Восточный Туркестанъ посѣтилъ Шоу (Shaw), собравшій, между прочимъ, и лингвистическій матеріалъ. Путешествія англичанъ изъ Индіи въ Восточный Туркестанъ продолжались и послѣ возстановленія китайскаго владычества; наиболѣе обширное путешествіе совершилъ Кэри (Carey, 1885—7). Открытіе въ 1890 г. англійскимъ офицеромъ Боуэромъ (Bower) въ мѣстѣ Шахъ-яръ, къ югу отъ Кучи, санскритской рукописи на береговой корѣ положило начало изученію до-мусульманской культуры Восточнаго Туркестана—задачѣ, которой въ настоящее время принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди задачъ востоковѣдѣнія, какъ науки. Восточный Туркестанъ съ давнихъ временъ находился подъ культурнымъ вліяніемъ Индіи, Китая и

Передней Азіи; благодаря необыкновенно сухому климату, здѣсь сохранились рукописи и произведенія стѣнной живописи, въ которыхъ отразились всѣ эти культурныя вліянія. Для изученія индійской культуры ученые находили здѣсь матеріалъ, котораго нѣтъ въ самой Индіи, гдѣ вслѣдствіе разрушительнаго климата не можетъ быть никакихъ старыхъ рукописей. Изъ памятниковъ переднеазіатской культуры европейскіе ученые здѣсь впервые нашли подлинныя произведенія литературы манихеевъ—послѣдователей Мани, религіознаго реформатора III в. по Р. Хр., въ ученіи котораго древне-иранскія религіозныя идеи соединялись съ христіанскими. Манихеи подвергались какъ въ христіанскомъ, такъ и въ мусульманскомъ мірѣ настолько ожесточеннымъ гоненіямъ, что были уничтожены всѣ манихейскія книги, и самое ученіе манихеевъ до открытій, сдѣланныхъ въ Восточномъ Туркестанѣ, было извѣстно намъ только по христіанскимъ и мусульманскимъ источникамъ, большею частью полемическимъ. Найденные въ Восточномъ Туркестанѣ памятники литературы (буддійской, христіанской и манихейской) не только доставили богатый матеріалъ для изученія иранскихъ и турецкихъ нарѣчій, но обнаружили существованіе такихъ литературныхъ языковъ, о которыхъ раньше не было никакихъ свѣдѣній, въ томъ числѣ языка, принадлежавшаго къ числу индо-европейскихъ, но при этомъ стоявшаго ближе къ языкамъ Европы, чѣмъ къ индійскимъ и иранскимъ. Насколько это открытіе отразится на мнѣніяхъ ученыхъ о родинѣ и переселеніяхъ индо-европейцевъ, пока трудно предвидѣть. Научное значеніе открытій, сдѣланныхъ въ Восточномъ Туркестанѣ (особенно въ Кучѣ и Турфанѣ), было такъ велико, что для изученія памятниковъ этой культуры въ началѣ XX в. образовался особый международный союзъ ученыхъ, съ особыми комитетами въ отдѣльныхъ странахъ, причемъ центральнымъ комитетомъ признается русскій.

Однимъ изъ первыхъ англійскихъ посольствъ въ Авганистанъ было посольство Эльфинстона (Elphinstone, 1808), вызванное, какъ и посольство Малькольма въ Персію, прибытіемъ въ Тегеранъ посольства отъ Наполеона I. Эльфинстону принадлежитъ описаніе этой страны, до сихъ поръ считающееся лучшимъ. При менѣе благопріятныхъ условіяхъ путешествовали въ 20-хъ и 30-хъ годахъ Муркрофтъ, Требекъ и Мэссонъ. Болѣе значенія для науки имѣло путешествіе Александра Бэрнса (Burnes, 1832), который изъ Авганистана проѣхалъ въ Бухару и пробылъ тамъ около мѣсяца; изъ Бухары онъ черезъ Мервъ проѣхалъ въ Персію; въ 1836 г. онъ вернулся въ Авганистанъ. Изъ лицъ, сопровождавшихъ Бэрнса во время его второго путешествія (1836—38), расширенію географическихъ познаній европейцевъ болѣе всего способствовалъ Вудъ, посѣтившій верховья Аму-Дарьи — мѣстность, до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстную европейцамъ.

Бэрнсъ погибъ въ 1841 г. во время несчастной для Англіи войны съ Авганистаномъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ же политическихъ событій бухарскій эмиръ въ 1842 г. велѣлъ казнить англійскихъ агентовъ Стоддарта и Коноллн (Коноллн передъ этимъ повторилъ въ обратномъ направленіи путешествіе Форстера, проѣхавъ изъ Англіи черезъ Россію, Персію и Авганистанъ въ Индію). Казнь Стоддарта и Конолли осталась неотомщенной; избіеніе англичанъ въ Авганистанѣ вызвало въ 1842 г. побѣдоносный походъ англо-индійскихъ войскъ; англичане отомстили опустошеніемъ страны за смерть своихъ соотечественниковъ, но не сдѣлали попытки прочно подчинить Авганистанъ своей власти. Съ тѣхъ поръ Авганистанъ сохраняетъ свою политическую независимость и остается недоступнымъ для европейскихъ изслѣдователей, въ томъ числѣ и для англійскихъ. Даже постоянный представитель англо-индійскаго правительства въ Кабулѣ долженъ быть изъ мусульманъ. Работы по изученію Авганистана могли безпрепятственно производиться англичанами только при исключительныхъ политическихъ обстоятельствахъ, какъ во время военныхъ дѣйствій 1878—81 и во время дѣйствій англо-русской разграничительной коммиссіи 1885—86 гг. Въ концѣ XIX в. англичане утвердили свою власть въ прилегающихъ къ Авганистану мѣстностяхъ къ сѣверо-западу отъ Индіи, между прочимъ въ Читралѣ, откуда ведутъ наиболѣе удобные пути въ горную область къ югу отъ Гиндукуша, Кафиристанъ, страну кафировъ или сіяхпушей, вслѣдствіе своей недоступности остававшуюся до послѣдняго времени внѣ вліянія мусульманской культуры. Въ Кафиристанъ проникли очень немногіе изъ англійскихъ путешественниковъ Въ 1839—40 гг., во время занятія Кабула англичанами, кафиры сами приглашали англичанъ въ свою страну, но послѣдніе, не желая раздражать авганцевъ, отклонили предложеніе. Въ 1849—50 гг. англійскій изслѣдователь Раверти, жившій въ то время въ Пешаверѣ, отправилъ къ Кафиристанъ одного кандагарца, пробывшаго тамъ около двухъ лѣтъ, и съ его словъ составилъ описаніе страны. Въ 1885 г. Локхартъ изъ Читраля проникъ въ Авганистанъ, но пробылъ тамъ только нѣсколько дней. Единственный англійскій изслѣдователь, имѣвшій возможность болѣе подробно изучить страну,—Робертсонъ, прожившій тамъ около года (1890—91). Въ послѣдніе годы XIX в. въ

Кафиристанѣ, съ согласія англійскаго правительства, утвердилъ свою власть авганскій эмиръ.

Изъ путешественниковъ не англійскаго происхожденія, посѣтившихъ Авганистанъ, можно упомянуть французскаго путешественника Ферье (Ferrier 1845—46), проникшаго въ Авганистанъ изъ Персіи.

Въ настоящее время Авганистанъ изъ всѣхъ областей Азіи наименѣе доступенъ для путешественниковъ и, послѣ Тибета, наименѣе изслѣдованъ европейцами. Англійскими изслѣдователями произведены топографическія съемки для всего края, но среди этихъ изслѣдователей не было лицъ, обладавшихъ свободнымъ временемъ и необходимой подготовкой для подробнаго изученія края въ лингвистическомъ, этнографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ; по всѣмъ этимъ отраслямъ наука до настоящаго времени располагаетъ только самыми скудными свѣдѣніями объ Авганистанѣ. Языкъ и литература самихъ авганцевъ уже были предметомъ нѣкоторыхъ работъ; но о нарѣчіяхъ другихъ народностей, населяющихъ Авганистанъ и большею частью принадлежащихъ (какъ и авганцы) къ иранскому племени, нѣтъ почти никакихъ данныхъ.

О посольствѣ Макартнея: Sir G. Staunton, An authentic account of an embassy from the king of Great-Britain to the emperor of China, taken chiefly from the papers of his excellency the Earl of Macartney etc. London 1797 (есть русскій переводъ). О посольствѣ Амхерста: Abel-Rémusat, Mélanges Asiatiques, Paris 1825, I, 431—451. О Моррисонѣ K. F. Neumann, Die Sinologen und ihre Werke, Zeitschr. der Deutsch. Morg. Ges. I, 91—128, 217—237. Главный трудъ Неймана: Ostasiatische Geschichte vom ersten chinesischen Krieg bis zu den Verträgen in Peking (1840—1860), Lpz. 1861. Трудъ Гюцлафа: Geschichte des chinesischen Reiches von den ältesten Zeiten bis auf den Frieden von Nanking, herausg. von K. F. Neumann, Stuttg. u. Tübingen 1847. Трудъ Вилліамса: S. Wells Williams, The Middle Kingdom, Lond. 1848 (3-е изданіе). E. Tiessen, China, das Reich, die achtzehn Provinzen, Teil I, Berlin 1902. — L. Richard, Comprehensive geography of the Chinese Empire and dependencies, transl. into english, revised and enlarged by M. Kennelly, Shanghai 1908; тамъ же упомянуты не бывшіе мнѣ доступными труды F. E. Forbes, Five years in China, from 1842—1847, Lond. 1848 и H. D. Sirr, China and the Chinese, Lond. 1849. Подробности о другихъ путешественникахъ см. F. v. Richthofen, China, I, 705 и слѣд. Книги Гюка: Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine pendant les années 1844, 1845 et 1846, Paris 1850. L'empire Chinois, Paris 1854. Отзывъ С. Θ. Ольденбурга въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 356 (1904 г.), отд. II, стр. 137. Die Preussische Expedition nach Ost-Asien, nach amtlichen Quellen, Berlin 1864—1873. Авторъ отчета по Рихтхофену (China I, 697) A. Berg. Трудъ Рихтхофена: China, Berlin 1877—1883 (т.т. I, II и IV); въ I томѣ глава X (стр. 395 до конца тома) посвящена исторіи изученія Китая европейцами. Два главныхъ труда Рокхиля: The Land of the Lamas, New-York 1891; Diary of a Journey through Mongolia and Tibet, Washington 1894. — H. Cordier, Bibliotheca Sinica. Dictionnaire bibliographique des ouvrages relatifs à l'empire Chinois, Paris 1904—1908 (4 тома); о новѣйшей литературѣ (1886—1902) его же статьи „Les études chinoises“ (въ T'oung-Pao). Изъ литературы о Японіи: Alcock, The capital of the Tycoon, Lond. 1863; Alcock, Art and art industries in Japan, Lond. 1878; F. O. Adams, The history of Japan, sec. ed., Lond. 1875; I. I. Rein, Japan nach Reisen und Studien, Lpz. 1881; Capt. A. Brinkley, Japan and China, Lond. 1903—4 (12 томовъ, первые 8 о Японіи, послѣдніе 4 о Китаѣ). Библіографія Японіи: Fr. von Wenckstern, A bibliography of the Japanese Empire, Leiden 1895. Библіографія Кореи: приложеніе XIV къ „Описанію Кореи“, изд. Мин. Финансовъ. О миссіонерахъ въ Кореѣ еще Huc, Le christianisme en Chine, IV, 272—320.—W. W. Hunter, The Imperial Gazetteer of India, sec. ed, Lond. 1885—87, 14 томовъ—краткое изложеніе результатовъ „статистической съемки“ Индіи (о ходѣ этой работы см. предисловіе къ т. I), составившихъ 128 печатныхъ томовъ; т. VI „India“ (конспектъ содержанія всего труда); ср. отзывъ С. Θ. Ольденбурга въ Зап. Вост. Отд. Имп. Р. Арх. Общ., т. I, стр. 336—337. The history of India as told by its own historians, ed. from the posthumous papers of the late sir H. M. Elliot by prof. J. Dowson, Lond. 1867—77 (8 томовъ). Некрологъ Бюлера въ Зап. Вост. Отд. Имп. Р. Арх. Общ., т. XI, стр. 313—319 (С. Θ. Ольденбургъ); о планѣ изданія „Grundriss“ тамъ же, т. XII, стр. 071 и Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 311 (1897), отд. II, стр. 480—484. Объ отношеніи къ археологіи въ Индіи слова бар. А. А. фонъ-Сталь-Гольстейна въ Зап. Вост. Отд., т. XX, стр. 011. Отчеты объ „археологической съемкѣ“ Индіи появлялись подъ различными заглавіями: Progress Report of the Archeological Survey of Western India; Epigraphia Indica and Record of the Archaeological Survey of India. О библіографіи замѣчаніе Гольдцигера въ Zeitschr. der Deutsch. Morg. Ges. LVI, стр. XLVIII и слѣд. Объ India Exploration Fund Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XII, стр. 069 и слѣд. Объ исторіи изученія Индо-Китая H. Clifford, Further India, Lond. 1904; въ концѣ перечень трудовъ объ Индо-Китаѣ съ 1625 (Purchas his pilgrimes) до 1900 г., причемъ приняты во вниманіе только литературы англійская и французская, съ умолчаніемъ о Бастіанѣ и другихъ нѣмецкихъ экспедиціяхъ. A. Bastian, Die Völker des östlichen Asiens, Bd. I—II, Lpz. 1866, Bd. III—VI, Jena 1867—71. Библіографія H. Cordier сначала въ „T'oung-Pao“ 1903—1908 гг.; отдѣльное изданіе „Bibliotheca Indo-Sinica“, prem. partie, Leide 1908 (извѣстно мнѣ только по рецензіи въ Journ. Asiat. 10, XII, 488—489). О французской школѣ статья С. Θ. Ольденбурга въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 340 (1902), отд. IV, стр. 47—51.—H. v. Schlagintweit-Sakünlünski, Reisen in Indien und Hochasien, Jena 1869—72, 3 тома (сокращенное изложеніе болѣе полнаго отчета, изданнаго на англійскомъ языкѣ, въ 9-ти томахъ). Саратъ Чандра Дасъ, Путешествіе въ Тибетъ, перев. съ англ. подъ ред. Вл. Котвича, Спб. 1904; ср. отзывъ С. Θ. Ольденбурга въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 356 (1904 г.), отд. II, стр. 129, 140, 145—147.— Report of a mission to Yarkund in 1873 under command of Sir T. D. Forsyth with historical and geographical information regarding the possessions of the Ameer of Yarkund, Calcutta 1875. R. Shaw, Visits to High Tartary, Yarkund and Kashgar, Lond. 1871. R. Shaw, A sketch of the Turki language spoken in Eastern Turkistan, P. I. Lahore 1875. A. D. Carey, A journey round Chinese Turkistan and along the Northern Frontier of Tibet (Proceedings of the R. Geogr. Soc., vol. IX,

1887, p. 731—752); еще Journey of Carey and Dalgleish, id., suppl. papers, III (1890), 1—86. Объ открытіи Боуэра Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., т. VI, стр. X. О христіанской и манихейской литературѣ см. библіографію къ гл. V; ср. еще статью С. Ѳ. Ольденбурга въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 353 (1904 г.), стр. 366—397.— M. Elphinstone, An account of the kingdom of Caubul, new and revised edition, Lond. 1839. A. Burnes, Travels into Bokhara, Lond. 1839, первое изданіе вышло въ 1834 г. (есть русскій переводъ). О другихъ англійскихъ путешественникахъ въ Авганистанѣ И. Минаевъ, Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи, Спб. 1879; Н. А. Аристовъ, Объ Авганистанѣ и его населеніи, Спб. 1898 г. (отд. оттискъ изъ „Жив. Старины“, 1898 г., вып. III—IV). Н. А. Аристовъ, Англо-индійскій „Кавказъ“, Спб. 1900 г. (отд. оттискъ изъ „Живой Старины“ 1900 г., вып. I—II). И. В. Мушкетовъ, Туркестанъ, Спб. 1886, стр. 105—114. О пребываніи Бэрнса въ Мервѣ еще В. А. Жуковскій, Развалины Стараго Мерва, Спб. 1894, стр. 96. A. Conolly, Journey to the North of India, overland from England, through Russia, Persia and Affghaunistan, Lond. 1838. О Стоддартѣ и Конолли еще J. Wolff, A narrative of a mission to Bokhara in the years 1843—1845, 5 th ed., Edinburgh and London 1848. Изъ новѣйшихъ трудовъ: C. E. Yate, Northern Afghanistan, Edinburgh and London 1888. C. E. Yate, Khurasan and Sistan, Edinburgh and London 1900. H. G. Raverty, Notes on Kafiristan (Journ. of the As. Soc. of Bengal, vol. XXVIII, 317—368); его же статья о языкѣ кафировъ (ibid., vol. XXXIII, 267—278). S. G. Scott Robertson, The Kafirs of Hindu-kush, Lond. 1896. J. P. Ferrier, Voyages et aventures en Perse, dans l'Afghanistan, le Beloutchistan et le Turkestan, nouv. édition, Paris. 1870. О языкѣ авганцевъ (съ указаніемъ литературы предмета) W. Geiger въ Grundr. der iranischen Philologie, Bd. I, Abt. 2, S. 201—230. Къ литературѣ о странѣ еще Grundriss etc., II, 372.

ГЛАВА XI.

Въ областяхъ Передней Азіи европейскіе изслѣдователи въ XIX в. уже не встрѣчали тѣхъ препятствій, какъ въ Средней и Восточной Азіи. Мѣстныя правительства не дѣлали никакихъ попытокъ закрыть какую-нибудь страну для дипломатическихъ представителей европейскихъ державъ или для европейскихъ купцовъ и ученыхъ.

О Персіи въ XIX в. появился цѣлый рядъ трудовъ, больше всего на англійскомъ языкѣ. Въ началѣ XIX в. въ Персіи происходила борьба за политическое вліяніе между Англіей и Франціей; одновременно съ генераломъ Гарданомъ (Gardanne), посломъ Наполеона I (1808), въ Персіи былъ англійскій посолъ сэръ Гарфордъ Джонсъ и англо-индійскій посолъ Малькольмъ (совершившій поѣздку въ Персію, съ порученіемъ отъ англо-индійскаго правительства, еще въ 1800 г.), впослѣдствіи издавшій исторію

Персіи, до сихъ поръ не утратившую своего значенія. Секретаремъ при Гарфордѣ Джонсѣ, какъ и при слѣдующемъ послѣ сэрѣ Г. Аузли, былъ Моріеръ, издавшій описаніе своихъ двухъ путешествій, но еще болѣе прославившійся своимъ романомъ „Хаджи-Баба“. Романъ Моріера даетъ наглядное представленіе о бытѣ страны, особенно объ условіяхъ управленія. Для изученія страны въ археологическомъ отношеніи были особенно важны путешествія Керъ-Портера (1817—1820), подробно описавшаго развалины городовъ въ областяхъ Закавказья, сѣверо-западной Персіи и восточной части Азіатской Турціи, Аузли (Sir W. Ouseley 1810—12), сопровождавшаго, въ качествѣ частнаго секретаря, своего брата-посла и также посвятившаго много вниманія памятникамъ древности, о которыхъ въ его книгѣ приводятся извѣстія изъ письменныхъ источниковъ, частью остающихся и до сихъ поръ неизданными. Фрезеръ (Fraser), опредѣлившій высоту Иранскаго плоскогорья, описалъ въ двухъ книгахъ свои путешествія въ Хорасанѣ и въ области по южному берегу Каспійскаго моря. По отзыву Кэрзона, въ теченіе долгаго времени все, что знали въ Англіи о Персіи, основывалось на трудахъ Моріера, Аузли и Фрезера. Изъ новѣйшихъ путешественниковъ можно упомянуть Сайкса (Sykes), совершившаго съ 1892 г. нѣсколько путешествій по Персіи, особенно по южнымъ областямъ, и окончательно разрѣшившаго географическій вопросъ о границѣ между внутренними бассейнами Ирана и бассейномъ Индійскаго океана. Свѣдѣнія о современномъ состояніи Персіи съ наибольшей подробностью собраны въ книгѣ лорда Кэрзона (Curzon, 1895).

Изъ памятникомъ древности въ Персіи для европейскихъ изслѣдователей представляли особенный интересъ памятники эпохи Ахеменидовъ съ ихъ надписями. Разбору послѣднихъ болѣе всего способствовалъ Генри Ролинсонъ (Rawlinson), открывшій и списавшій самую длинную изъ надписей, надпись Дарія на Бисутунской скалѣ (1836—44). Развалины Персеполя были изслѣдованы (1840—41) французскими художниками, живописцемъ Фланденомъ (Flandin) и архитекторомъ Костомъ (Coste), издавшими подробное описаніе развалинъ съ атласомъ. Новый трудъ о Персеполѣ издалъ въ 1882 г. на нѣмецкомъ языкѣ д-ръ Штольце, путешествовавшій по Персіи въ 1876 г. Путешествіе г-жи Дьелафуа (Dieulafoy, 1884—86) было посвящено собранію археологическаго матеріала, причемъ было обращено вниманіе не только на памятники древности, но и на памятники мусульманскаго періода. Книга г-жи Дьелафуа заключаетъ въ себѣ цѣнный фактическій матеріалъ и превосходные фотографическіе

снимки, но высказываемыя въ книгѣ историческія соображенія обнаруживаютъ полное незнакомство съ письменными источниками. То же самое отчасти приходится сказать о работахъ слѣдующаго французскаго изслѣдователя, де-Моргана, увѣнчавшихся нѣсколькими счастливыми открытіями. Французской „научной миссіи“ въ настоящее время принадлежитъ монополія производства археологическихъ изслѣдованій въ Персіи; изслѣдованія производятся исключительно на крайнемъ юго-западѣ страны, въ Хузистанѣ,—области, которая по географическому положенію и культурно-историческимъ связямъ тѣснѣе примыкаетъ къ бассейну Тигра, чѣмъ къ Иранскому плоскогорью. Цѣлью этихъ изслѣдованій является почти исключительно открытіе памятниковъ древнѣйшей культуры страны, тѣсно связанной съ Вавилономъ; не только памятники мусульманскаго періода, но и памятники эпохи Ахеменидовъ признаются не заслуживающими вниманія. Такимъ образомъ, оставляются безъ вниманія памятники, изученіе которыхъ, въ связи съ изученіемъ современныхъ имъ письменныхъ источниковъ, могло бы привести къ точнымъ историческимъ выводамъ, тогда какъ блестящія открытія въ области такъ называемой „до-исторической“ археологіи, за рѣдкими исключеніями, доставляютъ матеріалъ только для бездоказательныхъ гипотезъ.

Тѣ же причины—пристрастіе къ древней культурѣ Ближняго Востока и пренебреженіе къ исторіи современныхъ восточныхъ народовъ—отразились и на состояніи „иранской филологіи“ въ обширномъ смыслѣ, что ясно обнаружилось при попыткѣ, предпринятой въ концѣ XIX в., представить, въ коллективномъ трудѣ, сводъ результатовъ, добытыхъ этой наукой. Изъ современныхъ иранскихъ нарѣчій изслѣдованы только немногія (нарѣчія турецкихъ народностей, живущихъ въ южной части Персіи, также никѣмъ не изучены). Въ Лондонѣ, Парижѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ находятся богатыя собранія персидскихъ рукописей; но изъ этихъ произведеній персидской литературы только незначительная часть доступна въ печатныхъ изданіяхъ. Политическая и литературная исторія Персіи мусульманскаго періода большею частью излагается европейскими учеными на основаніи позднѣйшихъ восточныхъ компиляцій; изслѣдованій, составленныхъ по первоисточникамъ и удовлетворяющихъ требованіямъ исторической критики, почти не существуетъ. О современномъ состояніи науки ирановѣдѣнія даетъ понятіе коллективное изданіе на нѣмецкомъ языкѣ, начатое въ 1894 г. и законченное въ 1904 г., подъ заглавіемъ „Grundriss der iranischen Philologie“; о новѣйшей исторіи Персіи и о языкѣ современнаго населенія въ немъ со-

общаются несравненно болѣе скудныя данныя, чѣмъ о древнѣйшей эпохѣ.

Участіе образованныхъ персовъ въ дѣлѣ изученія исторіи своей страны пока остается незначительнымъ; нѣкоторый матеріалъ по археологіи мусульманской Персіи находится въ трудахъ шаха Насир-ад-дина и въ особенности его министра Сані'-ад-даулэ, впослѣдствіи носившаго титулъ И'тимад-ас-салтанэ. Попытка ввести въ Персіи книгопечатаніе имѣла мало успѣха; книги и даже газеты чаще издавались литографскимъ способомъ; число литографированныхъ изданій, вышедшихъ въ Тегеранѣ, довольно значительно.

Изъ областей Азіатской Турціи Малая Азія представляетъ интересъ не только для оріенталистовъ, но и для изслѣдователей классическаго міра. Спеціалистомъ по классической филологіи былъ Людвигъ Россъ, посѣтившій Малую Азію въ 1844 г. и издавшій подробное описаніе края въ этнографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ. Кромѣ этихъ научныхъ задачъ, его путешествіе имѣло еще другую цѣль: доказать, что въ Малой Азіи нашли бы благодарное поприще для своей дѣятельности представители германской промышленности и другіе эмигранты изъ Германіи. Археологіи восточной части Малой Азіи, вмѣстѣ съ прилегающими къ ней областями Кавказа и Персіи, былъ посвященъ трудъ Тексіе; тотъ же Тексіе составилъ сводъ свѣдѣній о Малой Азіи для предпринятаго въ Парижѣ изданія „L'univers“. Матеріалъ, собранный прежними путешественниками, былъ обработанъ также въ двухтомномъ „Историческомъ и географическомъ описаніи Малой Азіи“ Вивьенъ де-С.-Мартена (1845); тотъ же ученый въ своемъ географическомъ словарѣ даетъ библіографію литературы о Малой Азіи до 60-хъ годовъ. Изъ новѣйшихъ изслѣдователей Малой Азіи въ историко-географическомъ отношеніи можно упомянуть англійскаго ученаго Рамсея (Ramsay). Изъ памятниковъ средневѣковой исторіи Малой Азіи особенный интересъ представляютъ постройки сельджукскихъ султановъ (владѣвшихъ Малой Азіей съ конца XI до начала XIV в.) въ Коньѣ, древнемъ Иконіи; для описанія этихъ памятниковъ и изданія сохранившихся на нихъ надписей болѣе всего сдѣлалъ французскій оріенталистъ Хюаръ (Clément Huart). Въ новѣйшее время въ Малой Азіи были обнаружены еще гораздо болѣе древніе памятники, чѣмъ памятники классическаго міра, именно остатки культуры хеттитовъ,—народа, владѣвшаго нѣкогда, кромѣ Малой Азіи, сѣверными областями Месопотаміи и Сиріи и успѣшно выдерживавшаго борьбу съ египетскими и ассирійскими царями. Центромъ этой культуры было мѣсто *Богазъ-кэй* въ сѣверной

части полуострова, гдѣ въ послѣдніе годы были произведены раскопки ассиріологомъ Винклеромъ, причемъ были найдены многочисленныя клинописныя таблички. Культура хеттитовъ, какъ и культура царства Урарту въ нынѣшней Арменіи (главнымъ памятникомъ послѣдней культуры являются надписи близъ города Вана), возникла подъ вліяніемъ ассиро-вавилонской культуры.

Научныя задачи, связанныя съ изученіемъ Малой Азіи, еще далеко нельзя признать выполненными. Чтеніе надписей, оставленныхъ культурными народами древняго Востока, еще вызываетъ большія сомнѣнія, и вопросъ о племенномъ происхожденіи этихъ народовъ остается спорнымъ. Раскопки на мѣстѣ греческихъ городовъ едва начались; до послѣдняго времени оставалось неизвѣстнымъ даже мѣстоположеніе Милета до-персидской эпохи, того города, гдѣ получила начало греческая наука. Средневѣковая исторія Малой Азіи, въ связи съ исторіей получившей здѣсь начало Османской имперіи, еще недостаточно изучена; единственнымъ трудомъ по исторіи Османской имперіи, составленнымъ по первоисточникамъ, остается до настоящаго времени трудъ Хаммеръ-Пургсталя, совершенно не удовлетворяющій требованіямъ исторической критики. О нарѣчіяхъ малоазіатскихъ турковъ имѣются только скудныя свѣдѣнія. Для изученія прошлаго Турціи турками сдѣлано нѣсколько больше, чѣмъ персами для изученія Ирана. Книгопечатаніе упрочилось въ Турціи еще въ началѣ XVIII в. и тогда же вызвало значительное число изданій; въ XIX в. турецкимъ правительствомъ были приняты такія мѣры, какъ образованіе археологическаго музея и изданіе каталога рукописей, хранящихся въ библіотекахъ при константинопольскихъ мечетяхъ (кромѣ того существуетъ и публичная библіотека, также имѣющая каталогъ). Для изученія турецкой нумизматики турецкими изслѣдователями сдѣлано больше, чѣмъ европейскими; въ послѣднее время въ Константинополѣ возникло историческое общество, издающее свой журналъ на турецкомъ языкѣ. Но до сихъ поръ работы турецкихъ филологовъ и историковъ еще не обнаруживаютъ достаточнаго знакомства съ методами европейской науки; особенно крупными недостатками отличаются турецкія изданія текстовъ и каталогъ константинопольскихъ рукописей. Работы европейскихъ ученыхъ вообще встрѣчали со стороны турецкаго правительства полное содѣйствіе; къ посѣщенію европейцами мечетей суннитское населеніе Турціи относится гораздо спокойнѣе, чѣмъ шіитское населеніе Персіи.

Въ Палестину въ XIX в. совершались экспедиціи какъ

спеціалистами по физической географіи и геологіи, главнымъ образомъ для изученія впадины Мертваго моря, такъ и археологами, главнымъ образомъ для изученія памятниковъ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта. Въ томъ и другомъ отношеніяхъ наиболѣе цѣнные результаты были достигнуты экспедиціей герцога де-Луиня (1864); отчетъ объ этой экспедиціи былъ положенъ въ основаніе при дальнѣйшихъ работахъ какъ по изученію Мертваго моря, такъ и по изученію библейской археологіи. Богатый матеріалъ по библейской археологіи былъ собранъ также американцами Робинзономъ и Смитомъ (1838 и 1852 гг.). Для дальнѣйшаго изученія Палестины въ археологическомъ отношеніи въ 1865 г. былъ образованъ въ Англіи особый фондъ. Сводъ свѣдѣній о путешествіяхъ въ Палестину (съ 333 г. по Р. Хр.) былъ составленъ Тоблеромъ; впослѣдствіи его дополнилъ и продолжилъ до 1878 г. Рерихтъ.

Съ изученіемъ Палестины тѣсно связано изученіе Финикіи. Археологическія работы на мѣстѣ древнихъ финикійскихъ городовъ съ наибольшимъ успѣхомъ производились (съ 1860 г.) экспедиціей Э. Ренана, снаряженной во время занятія края войсками Наполеона III. Экспедиція Ренана и другія изслѣдованія способствовали выясненію топографіи финикійскихъ городовъ; но весь археологическій и эпиграфическій матеріалъ, добытый до настоящаго времени, относится къ временамъ не ранѣе подчиненія Финикіи персамъ. Наука не располагаетъ до сихъ поръ ни памятниками, ни надписями той эпохи, къ которой относится наибольшій расцвѣтъ морского могущества и культурнаго вліянія Финикіи.

Изученіе арабскаго полуострова было связано для европейцевъ съ несравненно большими трудностями, чѣмъ изученіе другихъ странъ Ближняго Востока. Священные города ислама, Мекку и Медину, европейцы могли посѣщать только подъ видомъ мусульманъ, съ опасностью для жизни; чтобы проникнуть въ оазисы, расположенные внутри полуострова и до XIX в. остававшіеся даже въ географическомъ отношеніи совершенно не изслѣдованными, приходилось преодолѣть всѣ трудности путешествія по песчанымъ пустынямъ и по владѣніямъ полудикихъ бедуиновъ.

Первымъ европейцемъ, посѣтившимъ Мекку послѣ Вартемы, былъ швейцарецъ Іоаннъ Буркхардтъ, путешествовавшій по порученію лондонскаго африканскаго общества подъ именемъ мусульманина Ибрагима. Передъ этимъ онъ прожилъ нѣкоторое время въ Сиріи, гдѣ основательно изучилъ арабскій языкъ и откуда, по восточному берегу Мертваго моря и мимо Синайскаго

полуострова, въ концѣ 1812 г. прибылъ въ Египетъ Изъ Египта онъ отправился вверхъ по Нилу въ Донголу, въ будущемъ хотѣлъ отправиться съ караваномъ въ Суданъ; путешествіе въ Мекку было предпринято имъ (изъ Суакима) только для полученія званія хаджи, т.-е. паломника, посѣтившаго священные города ислама, что впослѣдствіи могло оказать ему пользу при дальнѣйшихъ путешествіяхъ по мусульманскимъ странамъ. Условія для путешествія изъ Египта въ Мекку въ то время были благопріятнѣе, чѣмъ прежде. Въ началѣ XIX в. священные города находились во власти пуританской секты ваххабитовъ, возникшей въ Средней Аравіи и объявившей войну оффиціальному исламу (секта получила названіе по имени своего основателя, Мухаммеда ибн-Абдал-Ваххаба); только въ 1812 г. египетскій паша Мехмедъ-Али, основатель нынѣ правящей въ Египтѣ династіи, вытѣснилъ ваххабитовъ изъ Медины, въ 1813 г. изъ Мекки. Занятіе священныхъ городовъ египетскими войсками значительно облегчало путешествіе Буркхардта, тѣмъ болѣе что положеніе европейцевъ въ Египтѣ въ то время было благопріятнѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ ислама; Мехмедъ-Али понималъ преимущества европейской культуры и старался использовать ихъ для поднятія своего могущества. Буркхардтъ въ 1814 г. совершилъ въ Меккѣ всѣ обряды паломничества, въ началѣ 1815 г. былъ въ Мединѣ, откуда вернулся въ Египетъ, гдѣ умеръ въ 1817 г., готовясь къ путешествію въ Суданъ. Пріобрѣтенныя Буркхардтомъ арабскія рукописи были завѣщаны кэмбриджскому университету; описаніе его путешествій было издано послѣ его смерти сначала на англійскомъ, потомъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Въ 1853 г. въ Мекку и Медину проникъ, также изъ Египта, по порученію лондонскаго географическаго общества, Бэртонъ (Burton). Еще болѣе значенія имѣло путешествіе голландскаго оріенталиста Снукъ-Хюргронье (1884—85), прожившаго въ Меккѣ значительно дольше своихъ предшественниковъ; его книга „Мекка" заключаетъ въ себѣ подробный очеркъ жизни священнаго города, притомъ не только во время паломничества, но и въ другое время года.

Изъ путешествій, совершенныхъ для изученія арабскаго полуострова въ географическомъ отношеніи, можно привести прежде всего путешествіе Садлера, впервые проѣхавшаго черезъ весь полуостровъ отъ востока къ западу, отъ Катифа, расположеннаго на берегу Персидскаго залива, до Ямбо, гавани Медины (1819). Результаты этого путешествія оставались государственной тайной англійскаго правительства до 1866 г., когда былъ обнародованъ только маршрутъ путешественника, безъ всякихъ свѣдѣній о посѣщенной имъ странѣ. Наибольшее значеніе имѣло путешествіе англичанина Пальгрева (Palgrave, 1862—63), совершенное на средства французскаго правительства. Пальгревъ проѣхалъ черезъ полуостровъ по діагонали отъ берега Мертваго моря до прибрежья Персидскаго залива. Путешественникъ кромѣ научно-географической цѣли имѣлъ въ виду также миссіонерскую—выяснить, насколько возможно обратить населеніе полуострова въ христіанство, которое до возникновенія ислама имѣло въ Аравіи значительное число послѣдователей. Враждебнымъ отношеніемъ къ исламу и особенно къ ваххабитамъ объясняются нѣкоторые тенденціозные выводы Пальгрева, какъ преувеличенная оцѣнка культурнаго уровня христіанскихъ арабовъ и преувеличенное представленіе о вліяніи ислама на упадокъ культуры; поэтому его наблюденія должны быть принимаемы съ осторожностью.

Менѣе подробны отчеты о путешествіяхъ въ центральную Аравію: Пелли, англійскаго резидента въ Буширѣ, посѣтившаго Ріадъ и опредѣлившаго астрономическое положеніе этого города; нѣмецкаго доктора Вецштейна, описавшаго Сирію и сѣверную Аравію; итальянца Гуармани, закупавшаго арабскихъ лошадей для французскаго правительства. Наиболѣе подробный очеркъ быта бедуиновъ далъ англійскій путешественникъ Доти (Doughty), объѣздившій изъ Дамаска нѣкоторыя области „пустынной Аравіи" (1876—78).

Изъ археологическихъ памятниковъ Аравіи предметомъ изслѣдованій европейцевъ были нѣкоторыя постройки въ сѣверо-западной части полуострова, въ такъ называемой „каменистой Аравіи" (Arabia Petraea), относящіяся къ эпохѣ вліянія греко-римской культуры, и въ особенности памятники культуры, возникшей задолго до ислама въ юго-западной части Аравіи, въ Іеменѣ, подъ вліяніемъ морской торговли между Египтомъ и Передней Азіей съ одной стороны и Индіей—съ другой. Богатый матеріалъ по изученію этой культуры, преимущественно эпиграфическій, собрали французскіе оріенталисты Арно (Arnaud, 1843), Халеви (Halévy, 1869) и въ особенности австрійскій оріенталистъ Глазеръ (въ 80-хъ годахъ), обнародовавшій до сихъ поръ только часть привезеннаго имъ матеріала.

Арабскій языкъ, какъ языкъ ислама и языкъ культуры, оказавшей несомнѣнное вліяніе на культуру западной Европы, всегда привлекалъ къ себѣ наибольшее число изслѣдователей среди европейскихъ оріенталистовъ; научные успѣхи, достигнутые этою отраслью знанія, значительно превосходятъ успѣхи другихъ

отраслей востоковѣдѣнія. Если по исторіи арабскаго государства и арабской культуры пока еще слишкомъ мало изслѣдованій, основанныхъ на первоисточникахъ и удовлетворяющихъ требованіямъ исторической критики, то матеріалъ для такихъ изслѣдованій приведенъ въ извѣстность и доступенъ въ печатныхъ изданіяхъ въ несравненно большей степени, чѣмъ матеріалъ для исторіи Персіи и Турціи. Въ созданіи арабской культуры населеніе, оставшееся въ Аравіи, принимало только второстепенное участіе; культурная работа преимущественно происходила въ покоренныхъ арабами искони культурныхъ странахъ—въ Сиріи, Месопотаміи и Египтѣ. Центромъ арабской учености въ настоящее время является Каиръ, гдѣ теперь, кромѣ библіотекъ при мечетяхъ, существуетъ публичная библіотека, обладающая богатымъ собраніемъ арабскихъ рукописей и вполнѣ доступная для спеціалистовъ всѣхъ національностей. Въ Сиріи, въ городѣ Бейрутѣ, католическими миссіонерами въ 1902 г. былъ учрежденъ факультетъ восточныхъ языковъ при мѣстномъ университетѣ св. Іосифа, существующемъ съ 1881 г. Факультетъ уже обогатилъ науку рядомъ цѣнныхъ трудовъ объ исламѣ и арабской культурѣ, хотя на отношеніи авторовъ этихъ трудовъ къ исламу и въ особенности къ личности Мухаммеда не могли не отразиться миссіонерскія задачи школы. На мѣстное населеніе школа до сихъ поръ не оказала большого вліянія, не исключая и арабовъ-христіанъ; однако среди послѣднихъ теперь замѣтно проявляется стремленіе къ литературному возрожденію и къ усвоенію европейской культуры, отъ которой ихъ въ меньшей степени, чѣмъ арабовъ-мусульманъ, отдѣляютъ религіозныя традиціи.

Европейскіе и американскіе миссіонеры дѣйствовали также въ Месопотаміи, причемъ и тамъ религіозной пропагандѣ подвергались не столько мусульмане, сколько восточные христіане; дѣятельность миссіонеровъ и въ этомъ случаѣ не имѣла большихъ результатовъ. Изученію быта восточныхъ христіанъ болѣе всего способствовали путешествія англійскихъ миссіонеровъ Бэджера и Флетчера (1842—44 и 1850). Начиная съ 40-хъ годовъ XIX в., Месопотамія пріобрѣла для европейской науки первостепенное значеніе благодаря открытію памятниковъ культуры, которую многіе изслѣдователи теперь считаютъ древнѣйшей культурой земного шара. Но въ Месопотаміи памятники древности не могли, какъ въ Персіи, совершенно уничтожить интересъ къ памятникамъ мусульманской культуры. Вниманіе ученыхъ было обращено не только на Вавилонъ, Ниневію, Асуръ и другіе города древности, но и на столицы аббасидскихъ халифовъ, Багдадъ

и Самарру, и другіе крупные центры ислама, какъ Мосуль; топографія этихъ городовъ и памятники ихъ прошлаго были предметомъ такихъ изслѣдованій, какихъ нѣтъ въ западно-европейской литературѣ ни объ одномъ изъ городовъ Ирана. Кромѣ того въ Месопотаміи изученіе памятниковъ прошлаго находится въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ гдѣ бы то ни было, съ надеждами на будущее возрожденіе страны. Возстановленіемъ значенія сухопутной торговли, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, и прорытіемъ канала черезъ Суэцскій перешеекъ устранена одна изъ главныхъ причинъ, вызвавшихъ, послѣ XV в., экономическій упадокъ областей Ближняго Востока. Вопросъ о поднятіи и использованіи естественныхъ богатствъ этихъ областей вновь пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе для міровой торговли и промышленности; въ связи съ проектомъ багдадской желѣзной дороги возникаетъ проектъ возстановленія той густой оросительной сѣти, благодаря которой древняя Вавилонія еще въ первые вѣка ислама оставалась самой доходной областью Передней Азіи, хотя климатическія и физико-географическія условія были въ Передней Азіи и тогда приблизительно тѣ же, какъ теперь. Работы по изученію Месопотаміи производились въ концѣ XIX и въ началѣ XX вв. преимущественно нѣмецкими учеными, собравшими богатый матеріалъ для изученія какъ памятниковъ прошлаго, такъ и современнаго состоянія страны.

Успѣхи изученія Азіи въ географическомъ отношеніи, вмѣстѣ съ успѣхами востоковѣдѣнія, должны были вызвать попытку привести въ систему добытый матеріалъ, сопоставить географическія особенности отдѣльныхъ частей материка съ бытомъ ихъ населенія и такимъ образомъ выяснить значеніе географическихъ условій, какъ основной причины, которой опредѣляется судьба отдѣльныхъ странъ и народовъ. Эти попытки связаны съ именами двухъ великихъ нѣмецкихъ ученыхъ, Александра Гумбольдта и Карла Риттера, создавшихъ науку „землевѣдѣнія“ (Erdkunde) въ обширномъ смыслѣ, одинаково тѣсно связанную съ естествознаніемъ и съ гуманитарными науками.

Гумбольдтъ (1769—1859) былъ ученикомъ Вернера, впервые опредѣлившаго послѣдовательность геологическихъ формацій и этимъ установившаго связь между исторіей земной поверхности и исторіей органической жизни. Многочисленныя путешествія Гумбольдта по различнымъ странамъ Америки и Азіи не сопровождались географическими открытіями; но произведенныя имъ наблюденія отличались несравненно большей полнотой и разнообразіемъ, чѣмъ наблюденія прежнихъ путешественниковъ; успѣхи,

достигнутые въ то время геологіей и метеорологіей, дали ему возможность освѣтить географическій матеріалъ, доступный и прежнимъ ученымъ, съ совершенно новыхъ точекъ зрѣнія. Во время своихъ путешествій онъ систематически при помощи барометра опредѣлялъ высоту отдѣльныхъ мѣстъ; при составленіи географическихъ картъ онъ впервые сталъ обращать вниманіе на вертикальное расчлененіе материка, тогда какъ прежніе картографы заботились только объ установленіи внѣшнихъ очертаній земной поверхности—береговыхъ линій, рѣкъ, горныхъ хребтовъ и т. п. Вертикальному расчлененію материка Гумбольдтъ отводилъ выдающееся мѣсто среди причинъ, опредѣлившихъ ходъ исторіи человѣчества. Имъ впервые было указано, насколько существованіе впадины Средиземнаго моря оказало вліяніе на судьбу странъ Европы, Азіи и Африки, прилегающихъ къ этой впадинѣ; насколько движеніе средне-азіатскихъ кочевыхъ народовъ опредѣлялось направленіемъ террасъ земной поверхности; насколько географическое положеніе Индіи оказало вліяніе на судьбу этой страны, изъ которой не вышло ни одного завоевательнаго движенія и которая всегда была только предметомъ чужихъ завоевательныхъ стремленій. Путешествіемъ Гумбольдта въ азіатскія владѣнія Россіи (1829) было вызвано появленіе его книги о Средней Азіи (1843), которая долго сохраняла значеніе классическаго труда, хотя предложенная Гумбольдтомъ, на основаніи китайскихъ источниковъ, гипотеза о вулканическомъ характерѣ Тянь-шаня впослѣдствіи была опровергнута фактами.

Еще болѣе широкія обобщенія были предложены, отчасти подъ вліяніемъ взглядовъ Гумбольдта, его младшимъ современникомъ К. Риттеромъ (1779—1859). По представленію Риттера, выясненіе связи между устройствомъ земной поверхности и жизнью органическаго міра, въ томъ числѣ и человѣчества, должно было быть предметомъ особой науки—„сравнительнаго землевѣдѣнія“ или „прагматической географіи“; эта наука должна была служить „вѣрнымъ основаніемъ изученія и преподаванія физическихъ и историческихъ наукъ“. Свѣдѣнія о географическихъ условіяхъ внѣ-европейскихъ странъ и объ исторіи ихъ населенія были доступны Риттеру только изъ вторыхъ рукъ; самъ онъ не совершалъ никакихъ путешествій и не зналъ ни одного изъ восточныхъ языковъ; въ своихъ теоріяхъ онъ довольно часто прибѣгалъ къ лингвистическимъ сближеніямъ, обнаруживающимъ полное незнакомство съ методами языкознанія. Риттеръ раздѣлялъ взглядъ, возникшій во второй половинѣ XVIII в., по которому Средняя Азія была родиной индо-европейскаго племени и родиной человѣческой культуры, и старался подкрѣпить этотъ взглядъ физико-географическими доводами. Среди причинъ, опредѣлившихъ дальнѣйшій ходъ развитія культуры въ отдѣльныхъ частяхъ свѣта, Риттеръ отводилъ первое мѣсто расчлененію материка и изрѣзанности береговой линіи; культурное первенство Европы и культурная отсталость Африки, по его мнѣнію, прежде всего объясняются устройствомъ поверхности и очертаніями береговъ той и другой части свѣта. Съ открытіемъ Америки центръ морскихъ торговыхъ сношеній былъ перенесенъ далѣе на западъ; европейскій западъ по отношенію къ американскому материку сдѣлался востокомъ; будущее принадлежитъ Америкѣ, прежде всего Мексикѣ, которая изъ всѣхъ американскихъ областей обладаетъ лучшимъ географическимъ положеніемъ и лучшими климатическими условіями.

Теоріи Гумбольдта и Риттера, какъ всякія геніальныя, хотя бы и преждевременныя обобщенія, принесли большую пользу успѣхамъ человѣческой мысли, но въ настоящее время сохраняютъ только историческое значеніе. Не трудно видѣть, что какъ у Гумбольдта, такъ въ особенности у Риттера физико-географическіе доводы служатъ только для подтвержденія заранѣе составленнаго взгляда на ходъ исторіи человѣчества, причемъ современныя имъ историческія условія и современный имъ ходъ исторической эволюціи разсматривались какъ окончательный результатъ жизни человѣчества, предопредѣленный самой природой. Какъ для Страбона образованіе Римской имперіи было естественнымъ послѣдствіемъ географическаго положенія Италіи, какъ по мнѣнію арабовъ культурное первенство мусульманскаго міра было естественнымъ послѣдствіемъ климатическихъ преимуществъ того пояса, въ которомъ находятся Багдадъ и Исфаханъ, такъ и для Риттера культурное первенство Европы было естественнымъ послѣдствіемъ географическихъ особенностей этой части свѣта. Ни одно изъ этихъ обобщеній не считалось съ фактомъ, что *физико-географическія* причины оказывали то или другое вліяніе на судьбу страны только въ опредѣленный моментъ ея историческаго существованія, въ зависимости отъ хода *исторической* эволюціи. По своему физико-географическому положенію Индія не отличается отъ Италіи; въ средніе вѣка между судьбой обоихъ полуострововъ, дѣйствительно, замѣчается большое сходство, но въ древности тѣ же физико-географическія условія не помѣшали Италіи объединить вокругъ себя всѣ области по берегамъ Средиземнаго моря. Въ отдѣльныхъ областяхъ Европы культура развивалась не въ зависимости отъ изрѣзанности береговой линіи, но въ зависимости отъ большей или меньшей близости къ культурнымъ странамъ древняго Во-

стока, причемъ, несмотря на благопріятныя физико-географическія условія, прошло болѣе 2000 лѣтъ отъ первыхъ успѣховъ культуры на материкѣ Европы до пріобщенія къ культурѣ послѣдняго изъ европейскихъ народовъ, отъ микенской эпохи (болѣе 1000 л. до Р. Хр.) до принятія христіанства литовцами (XIV в. по Р. Хр.). Какъ въ Африкѣ, такъ и въ Европѣ побережье Атлантическаго океана, вслѣдствіе большей отдаленности отъ культурныхъ центровъ, восприняло культуру значительно позже, чѣмъ многія области внутри материка. Столь же мало оправдались предсказанія Риттера относительно будущаго. Мексика, которой Риттеръ предсказывалъ культурное первенство вслѣдствіе благопріятныхъ условій для морской торговли, была самой культурной страной въ Сѣверной Америкѣ именно въ то время, когда морскихъ сношеній еще не было, и въ новѣйшей исторіи Америки не могла выдержать соперничества съ Соединенными Штатами. Кромѣ того историческіе факты, которыхъ Риттеръ не могъ предвидѣть, именно развитіе желѣзныхъ дорогъ и прорытіе Суэцкаго канала, неожиданно измѣнили ходъ исторической эволюціи, и американскій материкъ утратилъ часть своего значенія для міровой торговли въ пользу старыхъ культурныхъ областей Ближняго Востока.

Болѣе плодотворны были обобщенія Риттера, касавшіяся физико-географическихъ особенностей отдѣльныхъ странъ и вліянія этихъ особенностей на развитіе органическаго міра. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые изъ его взглядовъ сохраняютъ значеніе и теперь; но вообще фактическій матеріалъ, бывшій доступнымъ Риттеру въ первой половинѣ XIX в., настолько незначителенъ по сравненію съ тѣмъ, что сдѣлалось извѣстнымъ во второй половинѣ того же столѣтія, что нуждается не только въ дополненіяхъ и поправкахъ, но въ совершенной переработкѣ; поэтому взгляды Риттера на общій характеръ географическихъ условій и на общій ходъ историческихъ судебъ отдѣльныхъ странъ большею частью уже не соотвѣтствуютъ современному состоянію науки. Этимъ объясняется судьба предпріятія, задуманнаго еще въ 1850 г. Имп. Русскимъ Географическимъ Обществомъ и окончательно оставленнаго только въ послѣдніе годы—перевести на русскій языкъ „Землевѣдѣніе" Риттера, присоединивъ къ нему, въ качествѣ „дополненій", данныя, добытыя новѣйшими путешественниками и изслѣдователями. Были изданы только отдѣльныя части „Землевѣдѣнія", переведенныя П. П. Семеновымъ, В. В. Григорьевымъ и Н. В. Ханыковымъ, причемъ „дополненія" неизбѣжно принимали характеръ опроверженія переведеннаго текста.

Въ настоящее время изученіе странъ Азіи находится въ другой стадіи развитія, чѣмъ при Риттерѣ. Обобщенія, предложенныя географами и оріенталистами прежнихъ поколѣній, выполнили свое назначеніе; собранный послѣ нихъ матеріалъ оказался достаточнымъ для опроверженія прежнихъ взглядовъ, но не для замѣны ихъ новыми, болѣе обоснованными теоріями. Задачи, которыя ставили себѣ Гумбольдтъ и Риттеръ, едва ли могъ бы поставить себѣ современный ученый; все болѣе укрѣпляется сознаніе, что въ области исторіи Востока такъ же, какъ въ другихъ отрасляхъ исторической науки, необходимо перейти отъ экстенсивныхъ изслѣдованій къ интенсивнымъ, отъ широкихъ обобщеній къ развитію специализаціи и тщательному изученію, по первоисточникамъ, исторіи отдѣльныхъ странъ, народовъ и эпохъ.

В. Бартольдъ, Историко-географическій обзоръ Ирана, Спб. 1903; тамъ же библіографическія свѣдѣнія; болѣе подробная библіографія у G. N. Curzon, Persia and the Persian question, Lond. 1892. Sir J. Malcolm, The history of Persia, new ed., Lond. 1829. Труды Моріера (J. Morier): A journey through Persia, Armenia and Asia Minor to Constantinople in the years 1808 and 1809, Lond. 1812. A second journey through Persia, Armenia and Asia Minor to Constantinople between the years 1810 and 1816, Lond. 1818. Вольный переводъ романа Моріера сдѣланъ барономъ Брамбеусомъ (О. И. Сенковскимъ): Мирза Хаджи Баба Исфагани. Изд. 2-ое, Спб. 1845 (4 небольшихъ тома). P. M. Sykes, Ten thousand miles in Persia or eight years in Iran, Lond. 1902. J. de Morgan, Mission scientifique en Perse, Paris 1894—96; ср. рецензію O. Mann въ Mitt. des Seminars für Orient. Sprachen, Westas. Stud., II, 256—274; о способѣ и результатахъ дальнѣйшихъ работъ J. de Morgan, Les recherches archéologiques, leur but et leurs procédés, Paris 1906. Краткая библіографія литературы по ирановѣдѣнію (до 1899 г.) въ книгѣ К. Г. Залемана и В. А. Жуковскаго, Краткая грамматика новоперсидскаго языка, Спб. 1890. Литографированныя изданія сочиненій „Сефер-и Хорасанъ" (шаха Насир-ад-дина) и „Матла'-аш-шемсъ" (министра Сані'-ад-даулэ). Объ И'тимад-ас-сальтанэ статья В. А. Жуковскаго въ Зап. Вост. Отд. Имп. Р. Арх. Общ. X, 187—191. — L. Ross, Kleinasien und Deutschland, Halle 1850. Ch. Texier, Description de l'Armenie, la Perse et la Mesopotamie, Paris 1842—52 (2 тома in-fol). Ch. Texier, Asie Mineure, Paris 1862. Vivien de St-Martin, Nouveau dictionnaire de géographie universelle, Paris 1877—79, подъ словомъ „Anatolie". Cl. Huart, Epigraphie Arabe de l'Asie Mineure; замѣтки объ этомъ трудѣ въ Journ. Asiat, 9, VI, 136 и VIII, 336 и 356. Cl. Huart, Konia, la ville des derviches tourneurs. Souvenirs d'un voyage en Asie Mineure, Paris 1897 (замѣтки въ Journ. Asiat. 9, IX, 333 и XI, 352). Cl. Huart, Inscription arabe de la mosquée seldjouquide de Divrigui (Asie Mineure) въ Journ. As. 9, XVII, 343—346. M. van Berchem et Halil Edhem, Materiaux pour un corpus inscriptionum arabicarum. 3-me partie. Asie Mineure. Le Caire 1910 (Mémoires de l'institut français d'archéologie orientale du Caire, t. XXIX). Статьи Ramsay въ Geograph. Journal, vol. XX (1902) и XXII (1903), также Supplem. papers t. IV; въ Supplem. papers t. III еще статья D. Hogarth и J. A. R. Munro,

Modern and ancient roads in Eastern Asia Minor. О раскопкахъ Винклера въ Memnon, II, 101 f., по Mitt. der Deutschen Orient-Ges., H. 35. Прежнія свѣдѣнія о хеттитахъ: Б. А. Тураевъ, Къ исторіи хеттскаго вопроса (Зап. Имп. Русск. Арх. Общ., т. XII, вып. 3—4=Труды отдѣла археологіи древне-классич. и т. д. кн. V, Спб. 1901, стр 225—259). J. v. Hammer, Geschichte des Osmanischen Reiches, 2-te Ausgabe, Pesth 1834—1836. Galib Edhem, Essai de numismat. ottomane (на тур. яз.), Constant. 1307 (1890); рец. С. Чахотина въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., VI, 364—370. Revue Historique, publ. par l'Institut d'histoire ottomane (на турецк. яз., съ 1 (14) апр. 1910 г.). О рукописяхъ и каталогахъ P. Horn въ Zeitschr. der D. M. Ges. LIV, 275—332, 475—509; В. Бартольдъ въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XVIII, 0115—0154.— Duc de Luynes, Voyage d'exploration à la mer Morte, à Petra et sur la rive gauche du Jourdain, Paris 1874—76 (коллективный трудъ участниковъ экспедиціи). E. Robinson, Palästina und die südlich angränzenden Länder. Tagebuch einer Reise im Jahre 1838 in Bezug auf die biblische Geographie unternommen von E. Robinson und E. Smith, Halle 1841—42. E. Robinson, Neuere biblische Forschungen in Palästina und in den angränzenden Ländern, Tagebuch einer Reise im Jahre 1852. Von E. Robinson, E. Smith und andern, Berlin 1857. T. Tobler, Bibliographia geographica Palaestinae, Lpz. 1867. Röhricht, Bibliotheca geographica Palaestinae, Berl. 1890. Б. А. Тураевъ, Очеркъ исторіи изученія финикійской древности (Историч. Обозрѣніе VI, 1—76). — J. Burckhardt, Travels in Arabia, Lond. 1829. Sir R. Burton, Personal narrative of a pilgrimage to El-Medinah and Meccah, memorial edition, Lond. 1893. Snouck Hurgronje, Mekka, Haag 1888—9. W. G. Palgrave's Reise in Arabien, aus dem Englischen, Lpz. 1867—68. Сокращ. франц. переводъ J. Belin de Launay (W.-G. Palgrave. Une année dans l'Arabie Centrale, Paris 1869); тамъ же о другихъ поѣздкахъ. Ср. отзывъ о наблюденіяхъ Пальгрева у A. Kremer, Geschichte der herrschenden Ideen des Islams, Lpz. 1868, S. 185, прим.—Kuseir 'Amra, Wien 1907 (Kais. Akad. der Wiss.); рец. Th. Nöldeke въ Zeitschr. der D. M. Ges. LXI, 222—233. Doughty, Travels in Arabia Deserta, Cambr. 1888. Относительно литературы о Іеменѣ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XX, 077. О Бейрутской школѣ L. Bouvat въ Journ. As. 10, IV, 351—352: И. Ю. Крачковскій въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., февр. Rev. G. P. Badger, The Nestorians and their rituals, Lond. 1852. M. Streck, Die alte Landschaft Babylonien nach den arabischen Geographen, Leyden 1900—1. G. Le Strange, Bagdad during the Abbasid Caliphate, Oxford 1900. E. Herzfeld, Samarra, Berlin 1907. H. Grothe, Geographische Charaterbilder aus der Asiatischen Türkei und dem südlichen mesopotamisch-iranischen Randgebirge, Lpz. 1909 (альбомъ фотографій). О Риттерѣ и Гумбольдтѣ И. Мушketовъ, Туркестанъ, Спб. 1886, стр. 118—138. O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, S. 570—574, 808—814. К. Риттеръ, Землевѣдѣніе Азіи, т. I (перев. П. П. Семенова), Спб. 1856, стр. 6—11. Введеніе къ книгѣ: Иранъ К. Риттера, ч. I, перевелъ и дополнилъ Н. В. Ханыковъ, Спб. 1874.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

ГЛАВА XII.

Переходимъ теперь къ исторіи сношеній между Россіей и азіатскими странами и къ обзору русскихъ трудовъ по изученію Востока.

Равнина восточной Европы уже по своему географическому положенію должна была подвергаться вліянію Востока въ гораздо большей степени, чѣмъ западно-европейскія страны. Совершенно ошибочно представленіе, будто Россія до монгольскаго нашествія была такою же составною частью Европы, какъ напр. Германія или Франція, и будто только это нашествіе на нѣсколько вѣковъ отдѣлило Россію отъ міра европейской культуры. Насколько Россія уже въ XI в. отличалась въ этомъ отношеніи отъ остальной части Европы, видно изъ примѣненія турецкаго титула „каганъ“ къ Владиміру Святому въ церковной проповѣди митрополита Иларіона; подобный фактъ не могъ бы имѣть мѣсто въ эту эпоху ни въ Византіи, ни въ западно-европейскихъ государствахъ.

Еще до образованія русскаго государства черезъ восточную Европу, кромѣ извѣстнаго воднаго пути „отъ варягъ въ греки“, отъ береговъ Балтійскаго моря къ берегамъ Чернаго, проходилъ другой торговый путь, также водный, изъ Европы въ Азію. Древнѣйшее извѣстіе объ этомъ пути принадлежитъ арабскому географу Ибнъ-Хордадбеху. Товары отправлялись „по большой русской рѣкѣ“, т.-е. по Дону, оттуда по Волгѣ (очевидно, лодки въ самомъ узкомъ мѣстѣ между Дономъ и Волгой переносились „волокомъ“) до города Итиля (близъ устья Волги), столицы хазарской державы, дальше по Каспійскому морю до области Джурджанъ (древней Гирканіи); иногда русскіе купцы изъ Джурджана

везли свои товары на верблюдахъ въ Багдадъ. Главными предметами вывоза изъ восточной Европы въ Азію были въ то время мѣха пушныхъ звѣрей, медъ и воскъ, впослѣдствіи также ленъ. Товары привозились въ Итиль не только по Дону, но и по верхнему и среднему теченію Волги. Ближайшими сосѣдями Россіи, принявшими исламъ и подчинившимися вліянію мусульманской культуры, были волжскіе болгары, занимавшіе страну по среднему теченію Волги и по нижнему теченію Камы. Изъ областей халифата къ сѣверной части Каспійскаго моря ближе всего находился Хорезмъ, нынѣшнее Хивинское ханство, гдѣ въ то время сосредоточивались торговыя сношенія мусульманъ со среднеазіатскими кочевниками и откуда нерѣдко отправлялись какъ караваны, такъ и посольства въ восточную Европу—къ хазарамъ, болгарамъ, печенѣгамъ и русскимъ. Каспійское море въ русскихъ лѣтописяхъ называется „*Хвалисскимъ*“ или „*Хвалимскимъ*“—названіе, образованное отъ названія области „Хорезмъ“ (древнѣйшее названіе—Хуваразми, у арабовъ Хуваризмъ). Замѣчательно, что изъ всѣхъ относящихся къ Азіи географическихъ названій, встрѣчающихся въ русскихъ лѣтописяхъ, только названіе Каспійскаго моря не было заимствовано изъ греческихъ источниковъ.

Состояніе культуры въ восточной Европѣ въ то время было настолько низкимъ по сравненію съ культурой мусульманскаго міра, что этими торговыми сношеніями могли воспользоваться только мусульмане для полученія свѣдѣній о народахъ Россіи, но не наоборотъ. Мусульманскіе авторы сообщаютъ свѣдѣнія не только о бытѣ русскихъ и о торговлѣ съ ними, но даже о русскихъ военныхъ походахъ на Востокъ, о которыхъ въ русскихъ лѣтописяхъ нѣтъ ни слова. Сюда относятся опустошенія, произведенныя русскими въ областяхъ по западному и южному побережью Каспійскаго моря въ 913 и 943—4 гг. Есть также свѣдѣнія объ опустошительномъ погромѣ, которому въ 969 г. подверглись со стороны русскихъ царства болгарское и хазарское; вслѣдствіе нѣкоторыхъ хронологическихъ противорѣчій между арабскими, греческими и русскими источниками отношеніе этого погрома къ походу Святослава еще не вполнѣ выяснено. Послѣднее военное предпріятіе русскихъ въ прикаспійскихъ областяхъ, о которомъ говорятъ мусульманскіе авторы и не упоминаютъ русскіе источники, произошло около 1175 г.: русскій флотъ, состоявшій изъ 70 кораблей, былъ разбитъ ширваншахомъ, т.-е. правителемъ области Ширванъ, приблизительно соотвѣтствовавшей нынѣшней Бакинской губерніи.

До насъ дошли не только письменныя извѣстія о торговыхъ

сношеніяхъ между Россіей и Востокомъ въ первые вѣка ислама, но и вещественные слѣды этихъ сношеній, въ видѣ многочисленныхъ кладовъ восточныхъ монетъ, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи до Балтійскаго побережья и даже въ Скандинавіи. Монеты исключительно серебряныя (дирхемы) и относятся къ періоду отъ VIII до начала XI вв. Эти клады показываютъ, что восточныя деньги оставались въ Россіи въ большомъ количествѣ, т.-е. что торговый балансъ былъ въ пользу Россіи, изъ чего, конечно, нельзя сдѣлать вывода о какомъ-либо культурномъ или экономическомъ превосходствѣ Россіи того времени передъ мусульманскимъ Востокомъ. Очень часто именно народы высшей культуры принуждены расплачиваться деньгами за товары, пріобрѣтаемые отъ менѣе культурныхъ народовъ, такъ какъ предметы промышленности культурныхъ странъ не соотвѣтствуютъ ни потребностямъ этихъ народностей, ни степени ихъ экономическаго благосостоянія. Торговля съ Россіей приносила восточнымъ купцамъ большія выгоды, такъ какъ русскіе товары пріобрѣтались ими по очень дешевой цѣнѣ; по словамъ географа Ибнъ-Рустэ, писавшаго въ началѣ X в., мѣхъ лисицы стоилъ $2^{1}/_{2}$ дирхема (ок. 50 коп.). Съ другой стороны, народы Россіи получали отъ восточныхъ купцовъ необходимую имъ звонкую монету. Въ подражаніе арабскимъ дирхемамъ чеканились также монеты въ предѣлахъ Россіи; въ Имп. Эрмитажѣ хранится каменная форма для чеканки такихъ монетъ, найденная въ Витебской губерніи. Когда русскіе великіе князья (начиная съ Владиміра Святого) стали чеканить серебряную монету со своимъ именемъ, эти монеты чеканились по вѣсу арабскихъ дирхемовъ. Въ XI в. положеніе измѣнилось; въ областяхъ мусульманскаго Востока произошелъ серебряный кризисъ, и чеканка серебряной монеты на нѣкоторое время совершенно прекратилась; торговыя сношенія Россіи съ Востокомъ продолжались попрежнему, но теперь русскіе въ обмѣнъ за свои товары получали отъ восточныхъ купцовъ также товары, а не монету; потребность въ звонкой монетѣ удовлетворялась въ Россіи путемъ ввоза серебра изъ западной Европы (выпускъ золотой и серебряной монеты русскими великими князьями прекратился вслѣдствіе политическаго распаденія Россіи).

Вслѣдствіе своего географическаго положенія восточная Европа подвергалась культурному воздѣйствію и религіозной пропагандѣ съ трехъ сторонъ: со стороны Византіи, католическаго Запада и мусульманскаго Востока. Вопросъ о томъ, которому изъ этихъ вліяній было суждено одержать верхъ, долгое время могъ казаться сомнительнымъ; отголоскомъ этихъ колебаній

является, повидимому, легенда о посольствахъ, отправленныхъ Владиміромъ Святымъ для испытанія вѣръ. Независимо отъ этой легенды, хотя, можетъ быть, подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ, возникъ другой легендарный разсказъ, сохранившійся у персидскаго писателя начала XIII в. Ауфи; по этому разсказу русскій властитель *Буладмиръ* (т.-е. Владиміръ; Ауфи ошибочно считалъ это имя титуломъ) сначала принялъ христіанство отъ грековъ, потомъ отказался отъ христіанства и принялъ исламъ: военные набѣги русскихъ на греческія области послѣ принятія христіанства становились невозможными, тогда какъ ученіе ислама о священной войнѣ было какъ нельзя болѣе благопріятно для этихъ набѣговъ, безъ которыхъ русскіе, не занимавшіеся никакимъ мирнымъ трудомъ, не могли жить. Возможно, что мусульманская легенда является отголоскомъ похода на Константинополь Владиміра Ярославича (1043 г.). По разсказу Ауфи мусульманскіе миссіонеры пришли въ Россію изъ Хорезма.

Принятіе христіанства отъ грековъ надолго опредѣлило дальнѣйшій ходъ развитія русской культуры. Вмѣстѣ съ христіанствомъ насаждалось въ Россіи книжное образованіе, имѣвшее, конечно, исключительно богословское направленіе. Какъ въ Византіи и западной Европѣ того времени, такъ и въ Россіи единственной страной Востока, представлявшей интересъ для образованнаго общества, сдѣлалась Святая Земля. „Хожденія“ въ Святую Землю были первыми русскими путешествіями на Востокъ, отъ которыхъ остались слѣды въ русской литературѣ. Путешествія совершались морскимъ путемъ черезъ Константинополь; первымъ паломникомъ, оставившимъ описаніе своего путешествія, былъ игуменъ Даніилъ, посѣтившій Палестину въ началѣ XII в., когда Іерусалимъ находился во власти крестоносцевъ, при первомъ „іерусалимскомъ королѣ“ Балдуинѣ. Даніилъ былъ хорошо принятъ Балдуиномъ, провелъ въ Палестинѣ 16 мѣсяцевъ и осмотрѣлъ всѣ святыя мѣста. Какъ Даніилъ, такъ и слѣдующіе авторы „хожденій“ сообщали о своемъ путешествіи только тѣ свѣдѣнія, которыя были важны для паломниковъ: свѣдѣнія о путяхъ къ къ христіанскимъ святынямъ, съ указаніемъ числа дней, необходимыхъ для путешествія, описаніе самыхъ святынь и обрядовъ поклоненія имъ. О политическомъ состояніи страны, о бытѣ населенія и т. п. они не сообщаютъ ничего; Даніилъ разсказываетъ, какъ его принялъ „князь Балдуинъ“, но при этомъ не говоритъ ни слова ни о происхожденіи, ни о состояніи его государства.

Изъ позднѣйшихъ „хожденій“ наиболѣе извѣстны хожденія

митрополита Пимена, три раза совершившаго паломничество въ Святую Землю; сохранилось описаніе третьяго путешествія, совершеннаго въ 1389 г. вмѣстѣ съ діакономъ Игнатіемъ (авторомъ записки о путешествіи); паломники проѣхали въ Черное море по Дону (черезъ Азовъ). Другимъ путемъ (по Днѣстру) проѣхалъ іеродіаконъ Зосима, совершившій паломничество въ 1420 г.

Всѣ паломничества совершались черезъ Константинополь (Царьградъ), съ которымъ у русскихъ людей, естественно, установилась болѣе тѣсная связь, чѣмъ съ западной Европой. О завоеваніи Византіи турками (1453 г.) существуетъ на русскомъ языкѣ разсказъ очевидца „Нестора-Искандера“, повидимому, находившагося во время осады въ турецкомъ войскѣ; въ своемъ разсказѣ онъ употребляетъ множество восточныхъ словъ.

О другихъ странахъ Востока въ русскихъ источникахъ вплоть до XVI в. нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній, хотя въ это время между Россіей и восточными народами происходили какъ военныя столкновенія (съ печенѣгами, половцами и болгарами), такъ и мирныя сношенія. Главный городъ Хорезма, Гурганджъ (близъ нынѣшняго Куня-Ургенча), бывшій въ концѣ XII и въ началѣ XIII вв. столицей обширнаго государства, посѣщался, по свидѣтельству Плано Карпини, и русскими купцами; въ русскихъ лѣтописяхъ онъ упоминается подъ именемъ „*Орначь*“. Памятники русской литературы того времени, какъ „*Слово о Полку Игоревѣ*“, показываютъ, что въ русскій языкъ уже тогда вошло много восточныхъ словъ; можно думать, что были случаи изученія русскими людьми, для практическихъ цѣлей, восточныхъ языковъ, хотя свѣдѣній объ этомъ не сохранилось. Слова „*Поученія Владиміра Мономаха*“ о пяти языкахъ, которые изучилъ великій князь Всеволодъ Ярославичъ (во второй половинѣ XI в.), часто толковались въ томъ смыслѣ, что къ числу этихъ пяти могъ принадлежать и одинъ изъ восточныхъ языковъ, напр. половецкій; но слова „Поученія“ („*дома сѣдя, изумѣяше пять языкъ*“) ясно показываютъ, что рѣчь идетъ о книжныхъ занятіяхъ, предметомъ которыхъ въ Россіи того времени едва ли могли быть языки Востока.

Монгольское нашествіе застало Россію на иной стадіи политическаго и экономическаго развитія, чѣмъ западную Европу. На Западѣ въ XI и XII вв. происходило постепенное укрѣпленіе государственности, развивались торговыя сношенія съ культурнымъ Востокомъ и приготовлялась почва для дальнѣйшихъ экономическихъ и политическихъ успѣховъ; для Россіи періодъ отъ смерти Ярослава Мудраго (1054 г.) до монгольскаго нашествія былъ

періодомъ все бо́льшаго политическаго распаденія; удѣльная система и связанныя съ ней междуусобія уменьшили безопасность, необходимую для успѣховъ торговли. О культурной отсталости Россіи по сравненію съ Западомъ свидѣтельствуетъ самый фактъ, что образованіе монгольской имперіи не вызвало въ Россіи, какъ въ западной Европѣ, расширенія географическаго кругозора. Россія вошла въ составъ монгольской имперіи; русскіе князья и представители духовенства часто совершали путешествія въ Монголію ко двору великихъ хановъ; русскіе военноплѣнные (объ одномъ изъ нихъ, мастерѣ Кузьмѣ, упоминаетъ Рубруквисъ) долгое время жили въ монгольской столицѣ; тѣмъ не менѣе въ русской литературѣ нѣтъ ни одного описанія путей въ Монголію и Китай, никакихъ свѣдѣній о дворѣ монгольскихъ императоровъ и объ устройствѣ монгольской имперіи; даже свѣдѣнія о Золотой Ордѣ, о мѣстоположеніи и внѣшнемъ видѣ ея городовъ крайне скудны и не могутъ выдержать никакого сравненія со свѣдѣніями западноевропейскихъ и мусульманскихъ путешественниковъ.

Несмотря на опустошенія, произведенныя монгольскими войсками, несмотря на всѣ поборы баскаковъ, въ періодъ монгольскаго владычества было положено начало не только политическому возрожденію Россіи, но и дальнѣйшимъ успѣхамъ русской культуры. Вопреки часто высказывавшемуся мнѣнію, даже вліянію европейской культуры Россія въ московскій періодъ подвергалась въ гораздо большей степени, чѣмъ въ кіевскій. Въ самой Европѣ, начиная съ XIII в., происходило постепенное передвиженіе центровъ промышленности и торговли съ юга на сѣверъ, въ мѣстности, находившіяся въ болѣе близкомъ разстояніи отъ Россіи; образовался Ганзейскій союзъ, въ составъ котораго вошли также Новгородъ и Псковъ. Въ XIII и XIV вв. черезъ Россію часто проѣзжали европейскіе путешественники (послы, миссіонеры и купцы) на пути въ Монголію и Китай; съ XV в., послѣ усиленія османской державы и въ особенности послѣ паденія Константинополя, черезъ Московское царство велъ главный путь изъ западной Европы въ Персію. Уже при Іоаннѣ III (1453—1505), при которомъ было положено начало независимости и могуществу Московской державы, мы находимъ на русской службѣ западноевропейскихъ ученыхъ и художниковъ, какъ архитектора Фіоравенти.

При Іоаннѣ III Россія не только освободилась отъ монгольскаго ига, но и начались стремленія подчинить русской власти нѣкоторыя области распавшейся монгольской имперіи. Казанское ханство на нѣкоторое время было приведено въ зависимость отъ

Москвы; въ 1483 г. состоялся *первый русскій походъ на Сибирь*, къ низовьямъ Иртыша и Оби. Снова начались, по Волгѣ и Каспійскому морю, сношенія между Россіей и передне-азіатскими государствами. Свѣдѣнія русскихъ источниковъ объ этихъ сношеніяхъ все еще остаются неполными; такъ венеціанскіе послы Барбаро и Контарини въ 1475 г. встрѣтили въ Тебризѣ, тогдашней столицѣ Персіи, русскаго посла Марка Краснаго (Marcus Rufus), о которомъ русскіе источники ничего не говорятъ; но уже въ эту эпоху мы иногда находимъ въ русскихъ источникахъ свѣдѣнія о восточныхъ посольствахъ въ Россію, о которыхъ не упоминаютъ восточные авторы. Такъ въ 1490 г. въ Москвѣ былъ посолъ гератскаго владѣтеля султана Хусейна, Урусъ-богатырь, съ предложеніемъ „о дружбѣ и о любви“. Возможно, что въ этомъ случаѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мнимые послы въ дѣйствительности были купцами, не имѣвшими никакого дипломатическаго порученія; но съ нѣкоторыми восточными владѣтелями дѣйствительно былъ обмѣнъ посольствами. Съ однимъ изъ этихъ посольствъ было связано *первое русское путешествіе въ Индію*.

Въ 1466 г. Москву прибыло посольство ширваншаха (владѣтеля Шемахи и Баку) Фаррухъ-Іесара; съ своей стороны Іоаннъ III въ томъ же году отправилъ въ Ширванъ отвѣтное посольство, во главѣ котораго стоялъ Василій Панинъ. Вмѣстѣ съ посольствомъ отправились и купцы, въ томъ числѣ тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ. На пути русскіе нѣсколько разъ подвергались нападеніямъ: на Волгѣ со стороны татаръ, отнявшихъ у купцовъ часть ихъ товаровъ, на берегу Дагестана со стороны кайтаковъ, тоже захватившихъ часть людей и имущества, но потомъ, по желанію ширваншаха, возвратившихъ награбленное. Въ Шемахѣ послы и купцы были хорошо приняты, но когда они хотѣли вернуться обратно и попросили ширваншаха дать имъ конвой, имъ въ этомъ было отказано, подъ предлогомъ, что ихъ самихъ много. Послѣ этого, по выраженію Никитина, изъ купцовъ „у кого есть что на Руси, пошелъ на Русь, а кто былъ долженъ (т.-е. пріобрѣлъ въ кредитъ товары, съ которыми отправился въ Ширванъ), тотъ пошелъ туда, куда очи понесли“. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Никитинъ. Изъ Шемахи онъ вернулся въ Дербентъ, откуда по Каспійскому морю проѣхалъ сначала въ Баку, потомъ въ Мазандеранъ, изъ этой области сухимъ путемъ въ Рей, Кашанъ и Іездъ. Въ Персіи ему разсказали о тѣхъ выгодахъ, которыя извлекаютъ купцы изъ торговли съ Индіей; онъ отправился въ гавань Ормузъ (на островѣ того же имени), оттуда въ

Индію, гдѣ высадился сначала въ Діу, потомъ въ Чаулѣ, изъ Чауля отправился внутрь страны черезъ Джунейръ и Бидаръ къ берегу Кришны; послѣднимъ изъ посѣщенныхъ имъ мѣстъ былъ городъ Парвата. Пробывъ нѣкоторое время въ Индіи, онъ вернулся въ Персію, оттуда въ Россію черезъ Трапезунтъ и Черное море, вслѣдствіе чего назвалъ свое путешествіе „хожденіемъ за три моря“ (Каспійское море, Индійскій океанъ и Черное море). Не доѣхавъ до Твери, Никитинъ умеръ въ Смоленскѣ, вслѣдствіе чего его дневникъ остался необработаннымъ. Его путешествіе продолжалось шесть лѣтъ (1466—1472).

Какъ торговецъ, Никитинъ не нашелъ въ Индіи того, чего ожидалъ; индійскіе товары оказались неподходящими для Россіи. Еще въ Джунейрѣ онъ писалъ: „Мене залгали псы Бесермены, а сказывали, много всего нашего товару, ано нѣтъ ничего на нашу землю, все товаръ бѣлой, на Бесерменьскую землю, перецъ да краска“. Этимъ объясняется, что путешествіе Никитина не имѣло никакого значенія для успѣховъ русской торговли, и что ни одинъ изъ русскихъ купцовъ не воспользовался проложенными имъ путями, несмотря на обстоятельное описаніе этихъ путей и самой страны. Никитину, повидимому, вездѣ удавалось въ короткое время овладѣть мѣстными языками настолько, чтобы объясняться съ туземцами; въ свой разсказъ онъ вставляетъ много словъ и выраженій изъ турецкаго (татарскаго), персидскаго и индустанскаго языковъ. По мнѣнію проф. Минаева, посвятившаго дневнику Никитина подробное изслѣдованіе, разсказъ русскаго купца объ Индіи и ея жителяхъ во многомъ заслуживаетъ предпочтенія передъ разсказомъ образованнаго венеціанца Николо Конти, нѣсколькими десятилѣтіями раньше посѣтившаго приблизительно тѣ же мѣстности. Въ дневникѣ Никитина приводятся также разспросныя свѣдѣнія о другихъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ самъ не былъ; такъ имъ упоминается Каликотъ (Каликутъ, въ то время главная гавань на западномъ берегу Индіи), Силянъ (островъ Цейлонъ), Певгу (область Пегу на Индо-Китайскомъ полуостровѣ), Чинъ да Мачинъ (южная часть Китая) и Китай.

Въ XVI в. въ Москвѣ не имѣли никакихъ свѣдѣній объ Индіи. Въ сентябрѣ 1532 г. московское правительство было удивлено пріѣздомъ индійскаго купца „Хози Уссеина“ (ходжи Хусейна), называвшаго себя посломъ султана Бабура, будто бы желавшаго вступить въ „дружбу и братство“ съ московскимъ царемъ. Бабуръ, основатель имперіи „великихъ моголовъ“, умеръ еще въ 1530 г. (21 дек.), такъ что путешествіе ходжи Хусейна изъ Индіи въ Москву продолжалось не менѣе двухъ лѣтъ; по

всей вѣроятности, это былъ купецъ, путешествовавшій только съ торговой цѣлью и получившій отъ своего правительства только охранную грамоту, причемъ едва ли эта грамота могла содержать въ себѣ прямое обращеніе къ московскому царю. Въ Москвѣ „послу“ отвѣтили согласіемъ на торговыя сношенія между Индіей и Россіей, но о „братствѣ“ царь „не приказалъ“, потому что неизвѣстно, принадлежитъ ли султанъ Бабуръ къ независимымъ государямъ и можно ли сноситься съ нимъ, какъ съ равнымъ.

Нѣсколько обстоятельнѣе были свѣдѣнія о западной Азіи, какъ показываетъ слѣдующій разсказъ о земляхъ за Араратомъ, сохранившійся въ лѣтописномъ сборникѣ XVI в.

„Стоитъ гора Араратъ за Кавкасійскими и Иверскими горами, промежъ трехъ морей: Чернаго, Бакинскаго и Индійскаго, на границѣ трехъ царствъ: Иверскаго, Турскаго и Персидскаго. Изъ подъ нея вытекли рѣки во всѣ три моря: въ Черное море— Карась рѣка, въ Бакинское—Курская рѣка, а Евфратъ и Тигръ потекли въ Индійское море. Пройдя на западъ отъ Арарата по Турскимъ землямъ, можно прійти въ Трапезонтъ, Цареградъ, Шамъ (арабское названіе Сиріи) и Іерусалимъ; пойдя на востокъ отъ Арарата и Гурза (Грузіи) по Хорасанскимъ землямъ, можно прійти въ Тиверись и въ Спаганъ и въ дальнюю Великую орду; а пойдя на полдень въ Вавилонское царство, можно прійти въ Багдадъ, Сафатъ и въ Аламазъ...

„Между Евфратомъ и Тигромъ большое междурѣчіе, много земли, горъ, пустыхъ полей и лѣсу; а дорога въ рай заперта, потому что всѣми тѣми землями владѣютъ невѣрные; на Тигрѣ бьются персы и турки за Магометова внука, а на Евфратѣ сидятъ арапы и мучатъ христіанъ-пустынниковъ. Рѣки (Тигръ и Евфратъ) потекли на полдень и на полднѣ сошлись въ одну рѣку; гдѣ сошлись онѣ, тамъ граница трехъ царствъ: Арапскаго, Турецкаго и Персидскаго. Тутъ было царство Вавилонское и городъ Вавилонъ, о которомъ голосъ ангела небеснаго сказалъ: „падетъ, падетъ Вавилонъ великій, и народы поучатся“. Теперь не видно, гдѣ и стоялъ онъ. Когда овладѣли невѣрные этими землями, то ихъ цари построили городъ Багдадъ изъ камней Вавилона. Но и они по своему невѣрію, созидая на пескѣ, не твердо строили основанія. Они будутъ биться другъ съ другомъ, пока не поразятся всѣ одни другими; тогда свѣтъ истины разольется по всему міру. А что теперь безбожные овладѣли Святою Землею и Цареградомъ, то это для того, чтобы поучились христіане своими собственными муками и очистили себя отъ грѣховъ“.

Несмотря на нѣкоторыя баснословныя свѣдѣнія и на несомнѣнное вліяніе географическихъ представленій, заимствованныхъ изъ Библіи, этотъ разсказъ свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ знакомствѣ съ географіей Передней Азіи и съ происходившими тамъ политическими событіями, напр., съ начавшимися въ XVI в. религіозными войнами между суннитами-турками и шіитами-персами.

Въ половинѣ XVI в., послѣ завоеванія Казани (1552) и Астрахани (1554), начались *сношенія Россіи со средне-азіатскими ханствами*. Почин̆ъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ не Россіи и не ханствамъ, но англичанину Дженкинсону. Выше (стр. 104) были изложены причины появленія въ Россіи англійскихъ мореплавателей и торговыхъ агентовъ; торговыя сношенія съ Англіей приняли такіе размѣры, что, благодаря имъ, на берегу Бѣлаго моря могъ возникнуть такой городъ, какъ Архангельскъ. Попытка Дженкинсона найти черезъ Среднюю Азію путь въ Китай не имѣла успѣха и болѣе не возобновлялась; но прибытіе изъ Средней Азіи вмѣстѣ съ Дженкинсономъ въ 1559 г. посольствъ изъ Бухары, Балха и Ургенча (тогдашней столицы Хивинскаго ханства) было началомъ дипломатическихъ сношеній между узбецкими ханствами и Россіей. Главною цѣлью послѣдующихъ русскихъ посольствъ было освобожденіе русскихъ невольниковъ, находившихся въ большомъ числѣ въ городахъ Средней Азіи; по большей части это были рыбаки и торговцы, захваченные на Каспійскомъ морѣ туркменами; четверо такихъ невольниковъ были освобождены уже Дженкинсономъ. Средне-азіатскіе ханы отправляли пословъ въ Россію для полученія принадлежностей охоты: ружей, свинца, пороха, но больше всего кречетовъ. Объ этихъ посольствахъ говорится какъ въ русскихъ, такъ и въ средне-азіатскихъ источникахъ. Хафизъ-Танышъ, біографъ знаменитаго бухарскаго хана Абдуллы, самаго могущественнаго изъ узбецкихъ властителей, разсказываетъ о бухарскомъ посольствѣ, которое въ 1583 г. на обратномъ пути изъ Россіи (съ кречетами) было задержано въ Ургенчѣ и освобождено только по настоянію Абдуллы. Въ этомъ разсказѣ упоминается Москва, какъ „столица франкскихъ (т.-е. европейскихъ) султановъ". Въ русскихъ источникахъ упоминается посольство, прибывшее въ 1589 г. ко двору царя Ѳедора Іоанновича; въ грамотѣ, привезенной посломъ Махметъ-Али, московское правительство замѣтило нѣкоторое умаленіе царскаго титула; кромѣ того въ ней совершенно не упоминалось о Борисѣ Годуновѣ. На то и другое упущеніе было обращено вниманіе въ отвѣтной грамотѣ, составленной по царскому указу Годуновымъ.

Средоточіемъ дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Россіи съ Персіей и Средней Азіей оставалась до XVIII в. Астрахань. Передовымъ военнымъ постомъ Россіи на границѣ со Средней Азіей было яицкое казачье войско, фактически независимое отъ Москвы. Яицкими казаками предпринимались грабительскіе набѣги на Каспійскомъ морѣ, какъ днѣпровскими и донскими на Черномъ; но эти набѣги не имѣли того завоевательнаго характера, какъ движеніе казаковъ на Сибирь. Только одинъ разъ (въ 1603 г.) яицкіе казаки, подъ начальствомъ атамана Нечая, предприняли *набѣгъ на Хивинское ханство* сухимъ путемъ; имъ удалось застигнуть врасплохъ и разграбить столицу ханства, Ургенчъ, но потомъ они были истреблены ханомъ Арабъ-Мухаммедомъ. Объ этихъ событіяхъ, кромѣ разсказа хивинскаго историка Абулгази (сына Арабъ-Мухаммеда), сохранились извѣстія въ русскихъ источникахъ; изъ нихъ первыми по времени являются свѣдѣнія, собранныя И. Д. Хохловымъ во время его посольства въ Бухару (1620 — 22). По разсказу Хохлова вмѣстѣ съ отрядомъ Нечая погибъ купецъ Леонтій Юдинъ, который передъ этимъ „былъ для торгу въ Бухарѣхъ и въ Индѣ семь лѣтъ". Къ сожалѣнію, объ этомъ піонерѣ русской торговли нѣтъ, повидимому, никакихъ другихъ свѣдѣній.

Иванъ Даниловичъ Хохловъ еще въ 1600 г. сопровождалъ на родину изъ Казани персидскаго посла. Въ 1613 г. онъ отправился въ Персію изъ Астрахани въ качествѣ посла атамана Заруцкаго, захватившаго въ то время городъ. Въ 1614 г. новый царь Михаилъ Ѳеодоровичъ отправилъ послами въ Персію Михаила Тихонова и Алексѣя Бухарова; такъ какъ Астрахань находилась еще во власти Заруцкаго, они должны были ѣхать необычной дорогой изъ Самары черезъ степь въ Хивинское ханство и оттуда въ Хорасанъ. Въ Ургенчѣ они были приняты ханомъ Арабъ-Мухаммедомъ. Ко времени прибытія пословъ въ Персію московскимъ войскамъ удалось покончить съ возстаніемъ казаковъ; Астрахань была взята, Заруцкій бѣжалъ на Яикъ, былъ выданъ и казненъ; шахъ Аббасъ согласился выдать московскимъ посламъ Хохлова и его товарищей, причемъ царь обѣщалъ помиловать ихъ и принять къ себѣ на службу.

Въ 1619 г. въ Москвѣ были послы хановъ бухарскаго (Имамъ-Кули) и хивинскаго (Арабъ-Мухаммеда); когда надо было отправить ихъ на родину и съ ними отвѣтное посольство, выборъ московскаго правительства палъ на того же Хохлова. По обычаю Хохловъ везъ ханамъ кречетовъ; но въ это время Арабъ-Мухаммедъ былъ низложенъ своими сыновьями Ильбарсомъ и Хабашемъ,

причемъ Ургенчъ находился въ рукахъ Хабаша; Хохловъ отказался имѣть съ нимъ дѣло и дать ему подарки. Бухарскій ханъ Имамъ-Кули принялъ пословъ въ Самаркандѣ. „Статейный списокъ“, т.-е. отчетъ о посольствѣ Хохлова, заключаетъ въ себѣ подробное описаніе этой аудіенціи и подробныя свѣдѣнія какъ о путешествіи посольства, такъ и о состояніи ханствъ. Главная цѣль всѣхъ посольствъ въ Среднюю Азію—освобожденіе русскихъ невольниковъ — была достигнута Хохловымъ въ большей степени, чѣмъ другими послами; изъ Бухарскаго ханства съ нимъ отпустили 31 человѣка, изъ Хивинскаго 13. Хохловъ уговорилъ одного изъ хивинскихъ царевичей, Авганъ-султана, пріѣхать въ Россію и поступить на царскую службу, что, по мнѣнію самого Хохлова, должно было служить „къ большей чести и повышенью государева имени“. Объ отъѣздѣ Авганъ-султана въ Россію (онъ умеръ въ 1648 г. въ Касимовѣ) говоритъ и его старшій братъ Абулгази, хивинскій историкъ; по словамъ Абулгази, Авганъ-султану было въ то время всего 10 лѣтъ. Кромѣ того изъ словъ Хохлова можно бы было заключить, что это былъ первый случай поступленія хивинскаго царевича на московскую службу; между тѣмъ еще въ концѣ XVI в. въ Москвѣ былъ хивинскій царевичъ Махметъ-Кулъ (Мухаммедъ-Кули, дядя Авганъ-султана) и даже принималъ участіе въ походѣ Бориса Годунова противъ татаръ (въ 1598 г.).

Географическія свѣдѣнія о Востокѣ, добытыя первыми посольствами, были еще крайне смутны. Тихоновъ и Бухаровъ называютъ индійскаго посла, котораго они видѣли въ Ардебилѣ, „индѣйскимъ изъ черныя Арапскія земли посломъ“. Тѣ же послы, упоминая о военныхъ дѣйствіяхъ между персами и португальцами (Португалія въ то время была подчинена испанскому королю), такъ описываютъ страну, съ которой шахъ велъ войну: „Государство на Бѣломъ морѣ, словетъ Великая Спанія, а по нимъ словутъ Ѳрянки, а та де земля на морѣ, промежъ Турской и Индѣйской земли“. Ошибка объясняется тѣмъ, что „между Турціей и Индіей“ дѣйствительно находились тѣ португальскія (или въ то время испанскія) колоніи на берегу Персидскаго залива, гдѣ происходили военныя дѣйствія.

Во второй половинѣ XVII в. географическія представленія становятся отчетливѣе; на посольства, отправлявшіяся въ Среднюю Азію, возлагается новая задача — добыть свѣдѣнія о торговыхъ путяхъ въ Индію. Довольно подробныя свѣдѣнія были добыты посольствомъ, отправленнымъ въ 1669 г., въ составъ котораго входили братья Пазухины (Борисъ и Семенъ) и Иванъ Федотовъ;

главой посольства былъ Борисъ Пазухинъ. Послы только въ мартѣ 1670 г. выѣхали изъ Астрахани; вмѣсто обычнаго пути моремъ до Мангышлакскаго полуострова они проѣхали сухимъ путемъ на Яикъ и оттуда въ Хиву, изъ Хивы въ Бухару, гдѣ они прожили 16 мѣсяцевъ; изъ Бухары черезъ Чарджуй, Мервъ и Мешхедъ къ берегу Каспія, оттуда черезъ Баку и Шемаху въ Астрахань, куда вернулись въ 1672 г. Послы были радушно приняты какъ хивинскимъ ханомъ Анушей (сыномъ Абулгази), такъ и бухарскимъ ханомъ Абдулъ-Азизомъ. Въ статейномъ спискѣ Пазухиныхъ особенно подробно описывается пріемъ у Абдулъ-Азиза; описывается церемоніалъ пріема, угощеніе, питье кумыса. Между прочимъ посламъ, по приказанію хана, показали какого-то большого чернаго звѣря (слона или носорога) и спросили ихъ, водятся ли такіе звѣри въ Россіи; не желая сознаться, что бухарскій ханъ можетъ обладать такими предметами, которыхъ нѣтъ у русскаго царя, Борисъ Пазухинъ отвѣтилъ, что самъ онъ такихъ звѣрей не видѣлъ, но владѣнія русскаго царя такъ обширны, что никто не можетъ сказать, какіе звѣри въ нихъ водятся.

Посольствомъ были собраны свѣдѣнія о числѣ русскихъ невольниковъ, находившихся у средне-азіатскихъ хановъ; по этимъ свѣдѣніямъ такихъ было всего 300 человѣкъ: 150 въ Бухарѣ, 50 въ Хивѣ и 100 въ Балхѣ. Число людей, находившихся во владѣніи частныхъ лицъ, оставалось неизвѣстнымъ. Послы привезли въ Россію всего 31 человѣка, изъ которыхъ 9 были выкуплены бухарскимъ ханомъ, остальные—самими послами.

Чтобы получить свѣдѣнія о путяхъ въ Индію, Пазухины изъ Бухары отправили своихъ толмачей, Никиту Медвѣдева и Семена-Измаила, въ Балхъ, гдѣ правилъ сынъ Абдулъ-Азиза, Субханъ-Кули-ханъ. Изъ двухъ толмачей только одинъ, Медвѣдевъ, вернулся къ посламъ и разсказалъ, что „индійская дорога изъ Балху жилыми мѣсты и никакого дурна и грабительства и налога не бываетъ“. Изъ Балха надо было ѣхать въ „Хенжонъ“ (Хинджанъ), оттуда черезъ Перванъ, Кабулъ и Пешаверъ въ Дели, столицу Индіи. Между „Хенжономъ“ и Перваномъ находились „Индѣйскія горы“ (Гиндукушъ); прямой дорогой черезъ горы было всего 6 дней пути, „въ объѣздъ около горъ“—четыре недѣли.

Еще раньше были попытки найти путь въ Индію (по примѣру Аѳанасія Никитина) черезъ Персію; русскими въ Персіи были добыты нѣкоторыя свѣдѣнія о направленіи этихъ путей; было извѣстно, что между персидскими и индійскими войсками

происходитъ борьба за пограничный городъ Кандагаръ. Но пропустить русскихъ пословъ и купцовъ въ Индію персидское правительство отказалось.

Послѣ возвращенія братьевъ Пазухиныхъ московскимъ правительствомъ была сдѣлана попытка проникнуть въ Индію черезъ Среднюю Азію. Когда въ 1675 г. возвратился на родину бухарскій посолъ ходжа Фарикъ, съ нимъ были отправлены Василій Александровичъ Даудовъ (повидимому, лицо татарскаго происхожденія) и казанскій татаринъ (мусульманинъ) Махметъ-Исупъ (Мухаммедъ-Юсуфъ) Касимовъ. Первый долженъ былъ проѣхать только до Бухары и добиться освобожденія русскихъ плѣнныхъ; второму было поручено разузнать, „сухимъ ли путемъ или водянымъ или горами въ Индѣю путь", и по возможности проникнуть къ „индѣйскому восточному шаху", узнавъ о его имени и титулахъ. Касимовъ долженъ былъ обратить особенное вниманіе на водные пути, которые для расширенія русской торговли и русскихъ владѣній всегда имѣли наибольшее значеніе. Московскому правительству было извѣстно существованіе въ Средней Азіи большой рѣки Аму-Дарьи; Касимовъ долженъ былъ „провѣдать, откуль та рѣка Дарья вышла и въ которыхъ предѣлахъ путь свой имѣетъ, и какіе по той рѣкѣ поселены народы, и какіе промыслы и ходы и которыхъ государствъ люди по той рѣкѣ имѣютъ".

Статейный списокъ посольства Даудова и Касимова, къ сожалѣнію, утраченъ; въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ хранятся всѣ дѣла по внѣшнимъ сношеніямъ Россіи до 1800 г., объ этомъ статейномъ спискѣ есть только отмѣтка, что онъ „при ревизіи 1806 г. на мѣстѣ не оказался". Нѣкоторое понятіе о путяхъ, пройденныхъ послами, и о достигнутыхъ ими результатахъ даютъ сохранившіяся свѣдѣнія о ихъ расходахъ. Съ Даудовымъ было отпущено изъ Бухары пять человѣкъ плѣнныхъ; кромѣ того онъ выкупилъ 33 человѣка. Касимовъ въ 1677 г. вернулся въ Москву, проѣхавъ только до Кабула. Изъ Бухары онъ проѣхалъ въ Балхъ черезъ Карши и Келифъ; о его пути черезъ Гиндукушъ извѣстно только, что онъ проѣхалъ не по той дорогѣ (черезъ Хинджанъ), о которой говорится въ статейномъ спискѣ Пазухиныхъ, такъ какъ на пути между Балхомъ и Кабульской долиной посѣтилъ Гурбендъ. Изъ Гурбенда въ Кабулъ онъ ѣхалъ обычной дорогой черезъ Чарикаръ и Исталифъ. Изъ Кабула онъ хотѣлъ отправиться въ „Анабатъ" (т.-е. Джеханабадъ, около Дели), столицу Индіи, но ему было предписано вернуться обратно, такъ какъ „шахъ въ дружбѣ и любительныхъ ссылкахъ съ великимъ государемъ быть не захотѣлъ, ибо съ давняго времени пословъ къ нему отъ россійскаго государства не было". Касимову, какъ мусульманину, предлагали оставить русскую службу и поступить на службу къ мусульманскому государю Индіи, причемъ ему указывали на примѣръ толмача Пазухиныхъ, Семена-Измаила, или, какъ называетъ его Касимовъ, „Сеньки-Жидовина", жившаго въ то время въ Кабулѣ, получавшаго довольно большое жалованье и имѣвшаго подъ своимъ начальствомъ до 500 человѣкъ. Другихъ свѣдѣній объ этомъ авантюристѣ, носившемъ одновременно христіанское и мусульманское имя и происходившемъ, судя по прозванію „Жидовина", изъ евреевъ, мы не имѣемъ. Пазухиными онъ былъ отправленъ въ Балхъ, конечно, тайно, безъ оффиціальнаго порученія; пользуясь этимъ, Касимовъ объявилъ индійскимъ властямъ, что „Сенька-Жидовинъ" никогда не состоялъ на русской службѣ, что это былъ „торговаго человѣка шемахинца садовникъ, купленный человѣкъ, и пріѣхалъ изъ Астрахани для торговаго дѣла съ торговыми людьми въ Бухары, а изъ Бухаръ въ Индію"; между тѣмъ по статейному списку Пазухиныхъ Семенъ-Измаилъ присоединился къ Пазухинымъ въ Астрахани „по приказу боярина и воеводы кн. И. С. Прозоровскаго". Самъ Касимовъ рѣшительно отказался послѣдовать примѣру Сеньки и измѣнить своему государю. Потерявъ надежду быть принятымъ при дворѣ индійскаго императора Ауренгзиба, онъ продалъ подарки, предназначенные для „индѣйскаго шаха", и вырученныя деньги употребилъ на выкупъ русскихъ плѣнныхъ, которыхъ ему удалось освободить до 18 человѣкъ.

Касимовъ былъ однимъ изъ тѣхъ дѣятелей татарскаго происхожденія, которые въ XVII и XVIII вв. оказали Россіи большія услуги при сношеніяхъ съ передне-азіатскими и даже съ восточно-азіатскими государствами. Благодаря находившимся на русской службѣ татарамъ, русское правительство для сношеній съ правительствами мусульманскихъ странъ располагало готовымъ кадромъ переводчиковъ; этимъ отчасти объясняется, почему передне-азіатскіе языки еще въ XVIII в. изучались въ Россіи менѣе, чѣмъ языки восточной Азіи. Татарскій языкъ былъ нѣкоторое время языкомъ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Персіей. Грамоты на персидскомъ языкѣ также переводились въ Россіи, вѣроятно, татарами, и излагались слогомъ русскихъ оффиціальныхъ бумагъ; нѣкоторые изъ такихъ переводовъ сохранились въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ подлинными грамотами, что даетъ возможность судить о томъ, насколько переводчики отступали отъ подлинника.

Послѣ цѣлаго ряда неудачъ русскимъ торговцамъ, наконецъ, удалось проникнуть въ Индію, но и этотъ успѣхъ не имѣлъ никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Въ 1695 г., уже при Петрѣ Великомъ, съ этою цѣлью былъ отправленъ купецъ Семенъ Маленькій или, по архивнымъ документамъ, „Семенъ Малинковъ и Сергѣй Аникеевъ съ товарищи для торгу". Семенъ Маленькій былъ въ Агрѣ и Дели и былъ принятъ императоромъ Аурензибомъ; изъ Индіи онъ вернулся морскимъ путемъ въ Персію, въ гавань Бендеръ-Аббасъ, и на пути изъ Персіи въ Россію умеръ въ Шемахѣ. Изъ всѣхъ участниковъ путешествія въ Астрахань прибылъ только одинъ слуга, который не могъ сообщить никакихъ цѣнныхъ свѣдѣній; ни самъ Маленькій, ни его товарищи не оставили какихъ-либо записокъ. Такимъ образомъ сношенія со средне-азіатскими ханствами въ XVII в., несмотря на всѣ усилія московскаго правительства, не привели ни къ освобожденію плѣнныхъ, ни къ открытію торговаго пути въ Индію.

Слова митрополита Иларіона у С. Соловьева, Исторія Россіи, изд. товарищ. „Обществ. Польза", I, 260. О торговомъ пути Bibl. Geogr. Arab. VI, 115 (франц. переводъ). О походахъ русскихъ за Каспійское море: В. В. Григорьевъ, Россія и Азія, Спб. 1876. Mélanges Asiatiques, t. III, p. 114—137 (письмо Ханыкова къ Дорну). Б. Дорнъ, Каспій, Спб. 1875 (прилож. къ XXVI т. Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 1). Fr. Westberg, Ibrahim Ibn-Ja'kub's Reisebericht über die Slawenlande aus dem Jahre 965, St.-P. 1898 (Зап. Имп. Акад. Наукъ по ист.-фил. отд., VIII серія, т. III, № 4). Fr. Westberg, Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa (Изв. Имп. Акад. Наукъ, т. XI (1899), стр. 211—245; 275—314). Фр. Вестбергъ, Къ анализу восточныхъ источниковъ о восточной Европѣ (Журн. Мин. Нар. Просв. нов. серія, ч. XIII (1908), отд. II, стр. 364—412; ч. XIV, стр. 1—52). J. Marquart, Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, Lpz. 1903. А. Марковъ, Топографія кладовъ восточныхъ монетъ, Спб. 1910. О цѣнѣ мѣха Bibl. Geogr. Arab. VII, 142. О монетѣ въ Россіи И. И. Кауфманъ, Русскій вѣсъ, его развитіе и происхожденіе въ связи съ исторіею русскихъ денежныхъ системъ съ древнѣйшаго времени (Зап. Нумизм. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ., т. I, вып. I, стр. 93—183). О монетахъ и товарахъ, привозившихся съ востока, см. замѣчаніе А. Лихачева въ Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ., II, 62; также замѣчаніе Е. А. Пахомова въ Зап. Нумизм. Отд., т. I, вып. IV, стр. 80. О разсказѣ Ауфи В. Бартольдъ, Новое мусульманское извѣстіе о русскихъ (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. IX, 262—267). О хожденіяхъ въ Святую Землю и другихъ путешествіяхъ: Сказанія русскаго народа, собранныя И. Сахаровымъ, Спб. 1841—49. Паломничество игумена Даніила также въ „Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ", I, 3 и III, 3; въ томъ же „Сборникѣ" нѣсколько другихъ „хожденій". Повѣсть о Царьградѣ (его основаніи и взятіи турками въ 1453 году) Нестора-Искандера, XV в., Спб. 1886 (Памятники древней письменности и искусства, изд. Имп. Общ. люб. древней письм., вып. LXI=1886 г., № 2); рецензія Д. Ѳ. Кобеко въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., II, 147—149. Что „Орнасъ" или „Орначь" есть Ургенчъ, а не городъ при устьѣ Дона, какъ полагалъ Плано Карпини, доказывается сообщаемой у самого Плано Карпини подробностью о затопленіи города (Собраніе путеш. къ татарамъ, I, 152); изъ извѣстій русскихъ лѣтописей особенно ясно указываютъ на Ургенчъ слова Никоновской лѣтописи о взятіи Органча у Тохтамыша Тимуромъ въ 1387 г. (Карамзинъ, т. V, прим. 137, стр. 60).—Статьи П. М. Меліоранскаго о турецкихъ элементахъ въ языкѣ „Слова о полку Игоревѣ" въ Изв. отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, VII, кн. 2, 273—302 и X, кн. 2, 66—92; о восточныхъ словахъ въ другихъ памятникахъ до-монгольскаго періода статья его же, ibid., X, кн. 4, 109—134. Мнѣніе Карамзина о языкахъ, извѣстныхъ Всеволоду Ярославичу въ Истор. Госуд. Росс., т. II, прим. 233. О походѣ 1483 г. Соловьевъ, Исторія Россіи, изд. товар. Общ. Польза, кн. I, 1422. О посольствѣ султана Хусейна тамъ же, I, 1442. Объ Аѳанасіи Никитинѣ изслѣдованіе И. П. Минаевз, Старая Индія, Спб. 1881 г. (первоначально въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1881, кн. 6 и 7). И. Срезневскій, Хоженіе за три моря Аѳ. Никитина, Спб. 1857; тамъ же стр. 5—6 о земляхъ за Араратомъ. О посольствѣ отъ Бабура Карамзинъ, VII, 97 и прим. 317. Слова Хафизъ-Таныша о посольствѣ 1583 г. по рукописи Аз. муз. Акад. Наукъ 574 age, л. 380 и слѣд. — Aboul-Ghazi, Histoire des Mogols et des Tatares, publ. par le bar. Desmaisons, St.-P. 1871—4. О посольствѣ Тихонова и Бухарова: Памятники дипломат. и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей, изд. подъ редакц. Н. И. Веселовскаго, т. II, Спб. 1892, стр. 151—312 (слова объ индѣйскомъ послѣ и объ Испаніи стр. 298). О посольствѣ Хохлова: Сборникъ князя Хилкова, Спб. 1879; о Леонтіи Юдинѣ стр. 396; тамъ же, стр. 446 и слѣд. „хронологическое обозрѣніе политическихъ сношеній Россіи съ Бухаріею" (до 1743 г.); статья Н. И. Веселовскаго въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 273 (1891), стр. 48—72; отчетъ о посольствѣ Пазухиныхъ въ Русской Исторической библіотекѣ (изд. Археографической Коммиссіи), т. XV (Спб. 1894); статьи Н. Чарыкова въ Труд. 3-го междун. съѣзда оріенталистовъ, I, 579—604 и Д. Ѳ. Кобеко въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. III, 115—119 и XI, 291. О посольствѣ Касимова И. П. Минаевъ, Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи, Спб. 1879, стр. 217—228.

ГЛАВА XIII.

Успѣшнѣе были дѣйствія московскаго правительства въ Сибири и на границѣ съ Китаемъ, хотя въ этомъ случаѣ правительство только воспользовалось результатами стихійнаго движенія землеискателей изъ казаковъ. Почти всѣ походы предпринимались казаками на собственный страхъ, безъ какого либо порученія отъ московскихъ властей; только послѣ окончанія похода являлись московскіе приказные люди и объявляли о присоединеніи новой земли къ владѣніямъ государя.

При *завоеваніи Сибири* казаки могли воспользоваться такими же „водяными" путями, къ которымъ они привыкли у себя на родинѣ. Ни Уральскій хребетъ, ни водораздѣлы между великими

сибирскими рѣками не представляли препятствій для перенесенія лодокъ „волокомъ". Изъ Обской губы казаки проникли въ Тазъ и Енисей; истоки рѣкъ системы Енисея близко подходятъ къ истокамъ рѣкъ системы Лены; изъ рѣкъ системы Лены нѣкоторыя отдѣлены только небольшимъ разстояніемъ отъ притоковъ Амура. При покореніи сибирскихъ народовъ казаки каждый разъ прежде всего подчиняли себѣ низовья рѣки, гдѣ со стороны полярныхъ народностей встрѣчали меньше всего сопротивленія, заставляли населеніе платить дань (ясакъ) русскому царю, строили города и уже послѣ этого двигались на югъ вверхъ по теченію. Этимъ объясняется, что на Енисеѣ Туруханскъ былъ выстроенъ раньше Енисейска (1607 г.), Енисейскъ раньше Красноярска; послѣдній долго оставался пограничнымъ городомъ русскихъ владѣній, хотя расположенный къ югу отъ него Минусинскій край отличается гораздо большимъ плодородіемъ. Огнестрѣльное оружіе („огненный бой") давало русскимъ такое преимущество передъ туземцами, что отряда въ нѣсколько десятковъ человѣкъ иногда было достаточно для покоренія обширнаго края; только на крайнемъ югѣ Сибири казаки встрѣтили врага, обладавшаго тѣмъ же оружіемъ, и здѣсь исходъ борьбы былъ иной. На берегу Великаго океана русскіе появились приблизительно черезъ 60 лѣтъ послѣ похода Ермака, т.-е. для покоренія всего огромнаго пространства Сибири потребовалось только время двухъ поколѣній.

Еще въ XV в. утвержденіе русской власти въ бассейнѣ Камы и Печоры вызвало столкновеніе съ Сибирскимъ царствомъ, столица котораго находилась близъ впаденія Тобола въ Иртышъ. Уже въ 1483 г. русскій отрядъ дѣйствовалъ на берегахъ Иртыша и Оби. Послѣ паденія Казани и Астрахани прибыли послы и изъ Сибири съ предложеніемъ подданства (1555 г.); по русскимъ источникамъ послы утверждали, что въ ихъ государствѣ до 30,700 „черныхъ людей", и что Сибирь можетъ давать государю, въ качествѣ ясака, по одному соболю на каждаго жителя. Въ Сибирь былъ отправленъ русскій посолъ Димитрій Куровъ; когда онъ вернулся въ Москву, съ нимъ пріѣхалъ посолъ Боянда, но привезъ всего 700 соболей. Царь наложилъ на Боянду „опалу"; въ Сибирь были отправлены „служивые татары съ грамотою, чтобы во всемъ исправились". Въ 1557 г. прибыли новые послы и привезли 1106 соболей съ обѣщаніемъ ежегодной дани, которое, однако, не было исполнено. Сибирскіе татары не только не подчинились Россіи, но даже угрожали русскимъ промысламъ, устроеннымъ въ Пермскомъ краѣ Строгоновыми. Уже въ 1564 г. прошелъ слухъ, что „сибирскій салтанъ идетъ на Пермь войной".

Въ 1573 г. начались враждебныя дѣйствія царевича Маметъ-Кула, сына сибирскаго царя Кучума; между прочимъ имъ былъ убитъ „государевъ посланникъ, шедшій въ киргизъ-кайсацкую орду". Послѣ этого Строгоновы получили дозволеніе вести наступательную войну съ Сибирью и для этой цѣли приняли на свою службу казаковъ, совершавшихъ грабежи на Волгѣ, подъ начальствомъ атамана Ермака Тимофеевича.

Дѣйствія Ермака (1581—1583 гг.), несмотря на временное занятіе Сибири, окончились неудачно; но проложеннымъ имъ путемъ воспользовались войска царя Ѳедора Іоанновича (1584—1597). Уже въ 1587 г. былъ основанъ, близъ развалинъ города Сибири (столицы Кучума), городъ Тобольскъ, долгое время остававшійся столицей всего края; еще въ то же самое царствованіе были построены Березовъ, Пелымъ, Сургутъ, Тара, Нарымъ и Кетскій острогъ. Въ началѣ XVII в. русскіе утвердились на Енисеѣ; въ 1620 г. появились первые отряды на Ленѣ; въ 1632 г. былъ основанъ Якутскъ.

Повидимому, еще до похода Ермака была сдѣлана попытка составить „роспись государствамъ за Сибирью". Подъ этимъ названіемъ сохранился отчетъ о путешествіи въ 1567 г. казачьихъ атамановъ, Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева (второй, очевидно, былъ татариномъ), посланныхъ черезъ Сибирь въ Монголію и Китай; они проѣхали изъ Оби въ Енисей, по Енисею до Байкала, оттуда черезъ Монголію до Пекина, столицы Китая, гдѣ правилъ „царь Тайбунъ" (названіе китайской династіи Дайминъ). Ими были собраны свѣдѣнія и о тѣхъ странахъ, гдѣ они сами не были, причемъ эти свѣдѣнія не отличались, конечно, ни географическою, ни хронологическою точностью. По ихъ представленію, китайская стѣна тянулась „отъ Бухаръ до моря"; въ Средней Азіи ими упоминается „городъ Шааръ, а царь въ немъ Темиръ Желѣзный", т.-е Тамерланъ, дѣйствительно родившійся въ Шахрисябзѣ, но умершій уже въ 1405 г.

Независимо отъ этихъ вполнѣ естественныхъ ошибокъ, отчетъ Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева вызываетъ большія сомнѣнія. Текстъ его почти дословно совпадаетъ съ текстомъ отчета одного изъ посланцевъ, отправленныхъ въ Монголію и Китай въ XVII в. енисейскимъ воеводой. Первымъ изъ такихъ посланцевъ былъ Василій Тюменецъ, отправленный въ 1616 г.; за нимъ послѣдовали Иванъ Петлинъ и Андрей Мундовъ (1618—20 г.). Отчетъ Петлина повторяетъ почти дословно отчетъ Петрова и Ялычева; сравнивая эти отчеты, Карамзинъ пришелъ къ выводу, казавшемуся вполнѣ естественнымъ, что Петлинъ буквально списалъ

отчетъ своихъ предшественниковъ, и самъ не былъ ни въ Китаѣ, ни даже въ Монголіи. Однако, этотъ выводъ оказывается невѣрнымъ, такъ какъ разсказъ о Монголіи, находящійся въ обоихъ отчетахъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію страны въ началѣ XVII в. и никакъ не могъ быть написанъ въ 1567 г. Говорится о буддійскихъ храмахъ, упоминается титулъ главы буддійскаго духовенства въ Монголіи — „кутухта" (хутухта); полновластной правительницей страны въ то время была женщина — „Мачихатуна". Въ послѣднемъ случаѣ можетъ итти рѣчь только о царицѣ, носившей китайскій титулъ Сань-нянъ-цзы. Въ 1568—69 гг. монгольскій правитель Алтанъ-ханъ отнялъ ее у своего внука; съ 1587 г. она была женою хана Шу-ли-кэ, послѣ его смерти (1607 г.) самостоятельно правила страной, въ 1613 г. вышла замужъ за Бу-ши-ту, который былъ объявленъ ханомъ, и прожила еще нѣсколько лѣтъ. Во время путешествія Петрова и Ялычева такой полновластной царицы въ Монголіи не было. Повидимому, переписчики отчета Петрова и Ялычева включили въ этотъ отчетъ свѣдѣнія о Монголіи изъ отчета Петлина. Съ другой стороны возможно, что въ отчетъ Петлина переписчиками были внесены свѣдѣнія о Китаѣ изъ отчета Петрова и Ялычева, такъ какъ въ сибирскихъ архивныхъ дѣлахъ упоминалось только о путешествіи Петлина въ Монголію, причемъ лѣтописецъ, пользовавшійся „томскимъ архивнымъ письмомъ", прибавляетъ: „а что амстердамскій бургомистръ Витзенъ упоминаетъ въ своихъ изданіяхъ, что Петлинъ былъ въ Китаѣ, о томъ невѣдомо". Къ сожалѣнію, о путешествіи Петрова и Ялычева не сохранилось никакихъ оффиціальныхъ документовъ и никакихъ разсказовъ современниковъ; остается неизвѣстнымъ, какимъ образомъ имъ удалось проѣхать черезъ бассейнъ Оби и Енисея до покоренія Сибири русскими, притомъ именно въ тѣ годы, когда отношенія между Сибирскимъ царствомъ и представителями русской власти въ Пермскомъ краѣ (Строгоновыми) были особенно натянуты.

На отдаленномъ сѣверѣ Сибири въ 1644 г. было основано зимовье при устьѣ Колымы, впослѣдствіи городъ Нижне-Колымскъ. Отсюда въ 1648 г. казакъ Семенъ Дежневъ проѣхалъ моремъ до устья рѣки Анадыри, гдѣ прожилъ шесть лѣтъ. Дежневъ, такимъ образомъ, первый достигъ сѣверо-восточной оконечности Азіи, только въ новѣйшее время названной, по его имени, мысомъ Дежнева. Описаніе путешествія Дежнева только въ 1736 г. было найдено въ Якутскѣ академикомъ Миллеромъ; но слухи о томъ же путешествіи, повидимому, дошли до плѣннаго шведскаго офицера Страленберга, который на своей картѣ при устьѣ Колымы

сдѣлалъ отмѣтку, что отсюда русскіе „съ большимъ трудомъ и опасностью для жизни" отправляются „черезъ ледяныя глыбы въ страну Камчатку". Если бы плаваніе Дежнева сдѣлалось извѣстнымъ раньше, то вопросъ о проливѣ между Азіей и Америкой, разрѣшеніе котораго было возложено на Беринга (по его имени, какъ извѣстно, проливъ впослѣдствіи былъ названъ), могъ бы считаться разрѣшеннымъ еще въ XVII в.

Въ 1647 г. казаки изъ бассейна Лены достигли Великаго океана близъ устья Ульи (по свѣдѣніямъ Миллера первое появленіе казаковъ на Ульѣ относится еще къ 1639 г.); нѣсколько сѣвернѣе этого мѣста ими была построена крѣпость *Охотскъ*, въ 1654 г. сожженная тунгузами, но потомъ возстановленная. До присоединенія Амурскаго и Уссурійскаго края Охотскъ оставался главной русской гаванью на берегу Великаго океана.

Въ 1643 г. отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ Василія Пояркова, двинулся водой изъ Якутска внизъ по Ленѣ и вверхъ по Алдану и его притокамъ, перенесъ лодки „волокомъ" въ Зею, по Зеѣ достигъ Амура и проплылъ по этой рѣкѣ до устья, гдѣ перезимовалъ; обратный путь былъ совершенъ по Великому океану до устья Ульи, изъ Ульи волокомъ въ Маю, по Маѣ, Алдану и Ленѣ въ Якутскъ. Важнѣе по своимъ послѣдствіямъ было плаваніе Ерофея Павловича Хабарова (1649 г.), избравшаго другой путь: вверхъ по Олекмѣ и Тугирю, отсюда волокомъ въ Урку, принадлежащую къ системѣ Амура. Въ бассейнѣ Амура казаки нашли совершенно иныя условія, чѣмъ въ остальной части Сибири; Хабарову раньше разсказали что „на устьѣ рѣки Уры въ двухъ мѣстахъ серебряная руда, одна въ утесѣ, а другая въ водѣ; да на той же рѣкѣ Шилкѣ внизу мѣдная и свинцовая руда, а хлѣба всякаго много". Кромѣ возможности захватить хлѣбородный край, казаковъ привлекали также рыбныя богатства большой рѣки.

Попытка Хабарова утвердить на Амурѣ русскую власть сначала имѣла успѣхъ; мѣстный князь Лавкай подчинился русскимъ; но уже въ 1650 г. мѣстные дауры отвѣтили казакамъ, требовавшимъ отъ нихъ ясака: „Даемъ мы ясакъ богдойскому царю (китайскому императору), а вамъ какой ясакъ у насъ?". Впервые русскіе въ Сибири вступили въ область, на которую, кромѣ нихъ, заявляла свои права другая сильная держава, обладавшая огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ 1652 г. Хабарову уже пришлось имѣть дѣло съ „силой богдойской", т.-е. съ китайскимъ войскомъ, причемъ китайцы потерпѣли пораженіе. Завоеваніе Амура казалось достигнутымъ; въ 1653 г. изъ Москвы прибылъ для принятія края

подъ власть русскаго царя дворянинъ Зиновьевъ; Хабаровъ уѣхалъ; на Амурѣ былъ оставленъ Онуфрій Степановъ въ качествѣ „приказнаго человѣка великой рѣки Амура новой Даурской земли“.

Китайское правительство въ первые годы послѣ этого событія ограничилось тѣмъ, что предписало жителямъ (въ 1654 и 1656 гг.) покинуть занятую русскими область. Въ это самое время въ Пекинъ прибыло посольство царя Алексѣя Михайловича; во главѣ посольства находился боярскій сынъ Ѳедоръ Исаковичъ Байковъ. Послы выѣхали изъ Россіи въ 1654 г., проѣхали воднымъ путемъ вверхъ по Иртышу, оттуда сухимъ путемъ черезъ Монголію и въ 1656 г. достигли Пекина. Здѣсь они, однако, не были приняты императоромъ, такъ какъ отказались подчиниться требованіямъ китайскаго этикета; московское правительство всегда давало своимъ посламъ точныя указанія, какъ имъ надо вести себя, чтобы „царской чести не порушить“, и эти указанія были несовмѣстимы съ унизительными обрядами поклоненія, которыхъ требовали въ Пекинѣ отъ иноземныхъ пословъ. Байковъ и его товарищи должны были уѣхать, не повидавъ императора, и увезти обратно свои подарки. Изъ отчета Байкова можно заключить, что переговоровъ съ китайскими чиновниками о политическихъ дѣлахъ тоже не было, такъ какъ въ составѣ посольства не было ни людей, знавшихъ восточные языки, ни образованныхъ лицъ, которыя могли бы, какъ дѣлалось впослѣдствіи, объясняться по-латыни съ находившимися на китайской службѣ іезуитами и другими европейцами (къ Байкову китайцы для этой цѣли присылали „голландскихъ нѣмцевъ“). Однако, китайцы впослѣдствіи увѣряли Спаѳари, что съ Байковымъ были переговоры объ амурскихъ дѣлахъ и что Байковъ будто бы назвалъ казаковъ, завоевавшихъ Амуръ, ворами и разбойниками, до которыхъ русскому царю нѣтъ никакого дѣла и съ которыми китайское правительство можетъ расправиться по своему усмотрѣнію.

Во всякомъ случаѣ китайцы тотчасъ послѣ посольства Байкова двинули на Амуръ военную силу, которой удалось въ 1658 г. уничтожить русскихъ, причемъ погибъ и Онуфрій Степановъ, чѣмъ, однако, не были прерваны мирныя сношенія между обоими правительствами. Вскорѣ послѣ отъѣзда Байкова въ Пекинъ прибыли боярскій сынъ Иванъ Перфильевъ и „бухарецъ“ (выходецъ изъ Средней Азіи) Сеиткулъ Аблинъ, посланные изъ Сибири. Впослѣдствіи при ссылкахъ на это посольство и на отчетъ о немъ какъ русскіе, такъ и китайцы упоминали только объ Аблинѣ, а не о Перфильевѣ. Политическихъ результатовъ посольство не достигло, и привезенная имъ грамота была возвращена китайцами обратно, какъ непонятная для нихъ. Участники посольства, однако, могли вывезти изъ Китая нѣкоторые товары; между прочимъ, ими впервые были привезены въ Москву нѣсколько пудовъ чая.

Событія 1658 г. уничтожили всѣ результаты походовъ Пояркова и Хабарова; но въ это время русскіе уже подходили къ берегамъ Амура съ другой стороны, изъ бассейна Енисея. Енисейскіе воеводы издавна направляли своихъ посланцевъ въ Монголію; одинъ изъ западно-монгольскихъ владѣтелей, Алтанъ-ханъ, тѣснимый калмыками, перешелъ съ озера Упсы къ берегамъ Абакана, въ 1634 г. принялъ русское подданство и предложилъ свои услуги на случай военныхъ походовъ или на случай отправленія русскихъ посольствъ „на китайскія, тунгузскія и аргунскія земли“, но вскорѣ снова откочевалъ на верховья Енисея, за Кемчикъ; сношенія съ нимъ продолжались, но не имѣли для Россіи большого значенія. Въ 1640 г. экспедиція, снаряженная изъ Енисейска подъ начальствомъ Максима Перфильева, принесла извѣстіе о какомъ-то тунгузскомъ князѣ Ботогѣ, у котораго было много соболей и серебра; но только въ 50-ыхъ годахъ, послѣ упорной борьбы съ бурятами, русскія владѣнія были распространены по Ангарѣ до Байкала. Еще въ 1650 г. на берегу Байкала у мыса, который и теперь называется „Посольскимъ“, былъ убитъ бурятами русскій посолъ. Въ 1656—58 гг. енисейскій воевода Аѳанасій Пашковъ изъ бассейна Енисея проникъ въ бассейнъ Амура, причемъ лодки были перенесены „волокомъ“ изъ Хилока въ Ингоду. Въ бассейнѣ Амура Пашковымъ былъ построенъ Нерчинскъ, гдѣ долгое время сосредоточивались пограничныя сношенія съ Китаемъ. Въ Нерчинскъ въ 1666 г. прибылъ первый китайскій посланецъ; съ 1670 г. стали пріѣзжать и торговцы. Фактической границей русскихъ владѣній уже въ то время сдѣлалась рѣка Аргунь, остающаяся и теперь границей между Россіей и Китаемъ. Игнатій Миловановъ, посланный въ 1670 г. нерчинскимъ воеводой Даніиломъ Аршинскимъ, доносилъ, что за Аргунью „государевыхъ ясачныхъ людей нѣтъ“. Ниже мѣста сліянія Шилки и Аргуни у казаковъ была крѣпость *Албазинъ*, возстановленная Никифоромъ Черниговскимъ, бѣжавшимъ въ этотъ край послѣ того, какъ имъ въ 1665 г. былъ убитъ близъ Киренска илимскій воевода Обуховъ.

Примѣръ Никифора Черниговскаго показываетъ, что и во второй половинѣ XVII в., какъ при Ермакѣ, распространителями русскихъ владѣній въ Сибири иногда являлись люди, совершившіе

на родинѣ преступленіе и спасавшіеся отъ преслѣдованія. Самъ воевода Аѳанасій Пашковъ былъ лишенъ своей должности какъ мятежникъ, задумавшій основать въ Сибири самостоятельное царство.

Дѣйствіями казаковъ не только былъ присоединенъ къ Россіи обширный край, но были открыты для европейской науки новыя земли, о которыхъ не было никакихъ свѣдѣній ни въ античной, ни въ средневѣковой географіи. Картографическія работы, исполненныя въ Москвѣ по грубымъ чертежамъ казаковъ, большею частью не дошли до насъ (сохранились только объяснительныя записки къ нимъ), но тогда же обратили на себя вниманіе западно-европейской науки и сохранились въ западно-европейскихъ копіяхъ.

Первой изъ такихъ картографическихъ работъ былъ „Большой чертежъ“, законченный въ 1600 г., но заключавшій въ себѣ свѣдѣнія разныхъ эпохъ, начиная съ XV в. Самый чертежъ утраченъ; сохранилась только составленная въ 1627 г. „Книга, глаголемая Большой чертежъ“—объяснительная записка, изъ которой мы можемъ видѣть, какія географическія данныя были нанесены на карту. Свѣдѣнія, относившіяся къ западной Сибири, отличались сравнительной подробностью и точностью; о географіи Средней Азіи, даже о теченіи Аму-Дарьи и Зарявшана, имѣли только самое смутное представленіе, несмотря на рядъ посольствъ въ Бухару и Ургенчъ. Аральское море упоминается подъ названіемъ „Синяго“; говорится, что въ немъ „вода солона“, и тѣмъ не менѣе изъ него проводится „рѣка Арзасъ“ въ Хвалимское, т.-е. Каспійское море. Сыръ-Дарья, по представленію составителей чертежа, впадала въ „Синее море“, Аму-Дарья—въ Арзасъ.

Во второй половинѣ XVII в. географическій кругозоръ русскихъ, особенно благодаря завоеваніямъ въ Сибири, значительно расширился; явилась потребность въ новой картѣ; въ 1667 г. тобольскій воевода Петръ Ив. Годуновъ получилъ предписаніе „всю Сибирскую землю описати, грани земель и жилищъ, межи, рѣки и урочища и всему учинити чертежъ“. Карта тогда же была напечатана въ Москвѣ и въ 1672 г. вышла вторымъ изданіемъ; сохранилось, однако, только „описаніе“, впослѣдствіи изданное Спасскимъ во „Временникѣ Московскаго общества исторіи и древностей“ (1858 г.). Но въ Стокгольмскомъ архивѣ оказались копіи карты Годунова, сдѣланныя капитаномъ Пальмквистомъ, членомъ шведскихъ посольствъ Кронемана (1668—69) и Оксеншерна (1673—4); кромѣ того въ Германіи была напечатана копія Г. Шлессингомъ, прожившимъ въ Россіи (начиная

съ 1684 г.) около трехъ лѣтъ, подъ заглавіемъ: „Вновь открытая Сибирія съ картой этой страны“. Русскими свѣдѣніями о Сибири воспользовался голландецъ Николай Корнелиссонъ Витзенъ, прожившій въ Москвѣ нѣсколько лѣтъ (въ 60-хъ годахъ), впослѣдствіи, послѣ возвращенія на родину, сдѣлавшійся амстердамскимъ бургомистромъ и встрѣтившійся съ Петромъ Великимъ во время его заграничнаго путешествія. Витзеномъ была издана по русскимъ источникамъ въ 1687 г. „Новая карта сѣвера и востока Азіи и Европы“, въ 1692 г. книга „Сѣверная и Восточная Тартарія“, имѣвшая нѣсколько изданій и переведенная на нѣсколько языковъ. Изъ приложенной къ книгѣ карты видно, что свѣдѣнія о Средней Азіи, собранныя Витзеномъ въ Москвѣ, не представляли никакого прогресса по сравненію съ данными „Большого чертежа“.

Этими шведскими, нѣмецкими и голландскими копіями впослѣдствіи пришлось воспользоваться русскому ученому при собираніи „Матеріаловъ для исторіи русской картографіи“. Если западно-европейская наука уже въ XVII в. воспользовалась географическими открытіями русскихъ, то сопоставленіе этихъ свѣдѣній съ западно-европейскими свѣдѣніями о южныхъ частяхъ Азіи въ то время еще представляло непреодолимыя трудности. Еще не была исправлена ошибка Птолемея, на картѣ котораго азіатскій материкъ имѣлъ слишкомъ большое протяженіе къ востоку; съ другой стороны, авторы русскихъ чертежей впали въ противоположную ошибку, и указанное ими протяженіе Сибири съ запада на востокъ было меньше дѣйствительнаго.

О собранныхъ русскими картографическихъ матеріалахъ еще разъ упоминается при снаряженіи новаго русскаго посольства въ Китай. Главой посольства на этотъ разъ былъ Николай Гавриловичъ Спаѳари, ученый грекъ изъ Молдавіи, находившійся на русской службѣ. Въ Москвѣ въ то время уже знали, что переговоры въ Пекинѣ будутъ ведены съ учеными европейцами на латинскомъ языкѣ, и что поэтому во главѣ посольства долженъ стоять образованный человѣкъ. Посольство было отправлено въ 1675 г., въ томъ же году, когда состоялось отправленіе Касимова въ Индію. Для Спаѳари были истребованы всѣ чертежи Сибири и земель къ югу отъ нея „до китайскихъ высокихъ стѣнъ“; упоминаются даже чертежи болѣе южныхъ мѣстностей; такъ было два чертежа, сдѣланные тобольскимъ боярскимъ сыномъ Степаномъ Поляковымъ, одинъ Селенгинскому острогу, другой—„Енисейску и Селенгинскому и инымъ острогамъ и даурамъ и мугаламъ и китайскому и никанскому государствамъ“ (подъ „никанскимъ го-

сударствомъ" понимали южный Китай, покоренный маньчжурами нѣсколько позже, чѣмъ сѣверный). Московское правительство имѣло свѣдѣнія и о дѣятельности западно-европейскихъ миссіонеровъ и купцовъ въ восточной Азіи; въ инструкціи Спаѳари говорится о путешествіяхъ іезуитовъ изъ Индіи въ Китай черезъ Тибетъ, о событіяхъ въ Японіи и на островѣ Формозѣ (островъ съ 1624 до 1662 гг. принадлежалъ голландцамъ, потомъ былъ отнятъ у нихъ китайскимъ предводителемъ, независимымъ отъ пекинскаго правительства, и ко времени посольства Спаѳари еще не былъ покоренъ маньчжурами). Обо всемъ этомъ Спаѳари долженъ былъ подробно разузнать.

Посольство ѣхало водными путями вплоть до китайской границы: изъ Оби вверхъ по Кети, оттуда волокомъ въ Енисейскъ, вверхъ по Енисею и Ангарѣ до Байкала, изъ Байкала вверхъ по Селенгѣ и Удѣ, волокомъ въ Ингоду, черезъ Нерчинскъ внизъ по Шилкѣ и вверхъ по Аргуни. Отчетъ Спаѳари о путешествіи по западной Сибири иногда буквально воспроизводитъ текстъ „Книги, глаголемой Большой чертежъ". Въ бассейнѣ Амура Спаѳари въ своихъ предположеніяхъ выдвигалъ границу русскихъ владѣній нѣсколько дальше къ востоку, чѣмъ гдѣ она была проведена впослѣдствіи; естественной границей, „гдѣ предѣлъ межъ Сибирскаго государства и Китайскаго учинится", представлялся ему „Таргачинскій" хребетъ (Хинганъ). Во всякомъ случаѣ ему казалось несомнѣннымъ, что всѣ народы этой части Азіи должны будутъ подчиниться одной изъ двухъ державъ; встрѣтивъ на рѣчкѣ Ганѣ (правомъ притокѣ Аргуни) людей, еще не принадлежавшихъ ни къ русскимъ, ни къ китайскимъ подданнымъ, онъ убѣждалъ ихъ, что „невозможно имъ жить самовольно межъ рубежа Великаго Государя и Китайскаго хана".

Передовые китайскіе посты были имъ встрѣчены только на рѣкѣ Нонни, откуда посольство прослѣдовало въ Пекинъ. Несмотря на всѣ чертежи, географія сѣвернаго Китая въ то время была мало извѣстна; Спаѳари считалъ возможнымъ, что отъ Далай-Нора впослѣдствіи будетъ найденъ „водяной путь до Китая".

Переговоры со Спаѳари въ Пекинѣ, о которыхъ до насъ дошли какъ русскія, такъ и китайскія извѣстія, и на этотъ разъ не привели ни къ какимъ результатамъ. Кромѣ дѣйствій казаковъ на Амурѣ, китайское правительство видѣло нарушеніе добрососѣдскихъ отношеній въ принятіи русскими тунгузскаго князя Гантемира, китайскаго подданнаго, бѣжавшаго въ 1667 г.

въ Нерчинскъ, и требовало его выдачи. Вопросъ объ Амурѣ на этотъ разъ касался только Албазина и мѣстности по Зеѣ; мѣстности около устья рѣки тогда еще не придавали значенія ни русскіе, ни китайцы, и вопросъ о значеніи Амура для судоходства, поднятый въ XVIII в., тогда еще не существовалъ. Казаки впослѣдствіи обвиняли Спаѳари въ излишней уступчивости китайскимъ требованіямъ; онъ будто бы согласился признать китайскими подданными тунгузовъ, жившихъ по берегу Зеи, и далъ албазинскимъ казакамъ „указныя памяти, чтобы не ходили по Амуру и Зеѣ".

Уступки Спаѳари, если онѣ дѣйствительно были сдѣланы, не предотвратили военныхъ дѣйствій. Китайцы требовали очищенія Албазина; два раза (1684 и 1686 гг.) китайское войско осаждало эту крѣпость, захватило въ плѣнъ значительное число людей, которые были отведены въ Пекинъ, но окончательно вытѣснить казаковъ не удалось. Въ 1689 г. въ Нерчинскъ съѣхались для заключенія мира уполномоченные обѣихъ сторонъ, со стороны русскихъ окольничій Ѳедоръ Головинъ, со стороны китайцевъ іезуиты Жербильонъ и Перейра. Объ этихъ переговорахъ и о заключеніи трактата до сихъ поръ нѣтъ изслѣдованія, въ которомъ были бы использованы всѣ источники, русскіе и китайскіе. Въ отчетѣ Головина ходъ переговоровъ переданъ во всякомъ случаѣ неточно. Китайцамъ приписывается притязаніе, чтобы граница была установлена по Байкалу, такъ какъ страна къ востоку отъ этого озера принадлежала Китаю еще со времени Александра Македонскаго. Этого, конечно, не могли бы сказать ни китайцы, ни іезуиты (хотя Миллеръ считалъ возможнымъ, что китайцы узнали объ Александрѣ Македонскомъ отъ Жербильона); о дѣйствіяхъ Александра Македонскаго у Байкала говорится только въ русскихъ книжныхъ сказаніяхъ того времени, на основаніи которыхъ, очевидно, и было сочинено требованіе, приписанное китайскимъ уполномоченнымъ.

Въ полученной Головинымъ инструкціи предписывалось требовать установленія границы по Амуру до его устья; если этого не удастся достигнуть, согласиться на проведеніе границы по Зеѣ, во всякомъ случаѣ отстаивать Албазинъ. Китайцы настаивали на разрушеніи Азбазина и на отказѣ русскихъ отъ лѣваго берега Амура. Слухъ о приближеніи тридцатитысячнаго китайскаго войска заставилъ Головина уступить; изъ китайскихъ документовъ о заключеніи трактата видно, что такого войска въ дѣйствительности не существовало, и что слухъ былъ нарочно распущенъ съ цѣлью добиться отъ русскихъ необходимыхъ уступокъ, что и удалось. Границей между Россіей и Китаемъ была признана рѣка

Аргунь отъ сліянія съ Шилкой вверхъ „до самыхъ вершинъ", т. е. до Далай-Нора; въ дѣйствительности рѣка осталась границей Россіи только до того мѣста, гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ Абагайтуевскій караулъ. Ниже сліянія Шилки съ Аргунью границу составляла рѣка Амуръ до рѣки Горбицы, впадающей въ Амуръ нѣсколько ниже рѣчки Черной. Русскіе очистили Албазинъ и отказались отъ притязаній на берега Амура и его притоковъ ниже Горбицы. По берегу Великаго океана границей русскихъ владѣній признавалась Удская бухта; точное опредѣленіе границы между Горбицей и Удской бухтой признавалось излишнимъ въ виду безлюдности края. Не была установлена также граница между Монголіею и русскими владѣніями за Байкаломъ. Былъ опредѣленъ порядокъ торговыхъ сношеній между китайцами и русскими въ пограничныхъ пунктахъ.

Въ теченіе слѣдующихъ двухъ столѣтій послѣ Нерчинскаго трактата между русскими и китайцами не было никакихъ военныхъ дѣйствій; всѣ спорные вопросы рѣшались путемъ дипломатическихъ переговоровъ, хотя веденіе ихъ иногда было связано со значительными затрудненіями и приводило къ цѣли только послѣ ряда неудачныхъ попытокъ. Вопросъ о торговыхъ сношеніяхъ и послѣ 1689 г. продолжалъ вызывать споры; обѣ стороны обвиняли другъ друга въ неисполненіи договора. Для обсужденія торговыхъ интересовъ русскихъ подданныхъ хотѣли имѣть въ Пекинѣ постояннаго представителя Россіи; кромѣ того, подъ предлогомъ поддержанія въ православіи „албазинцевъ" и ихъ потомковъ, отъ китайцевъ требовали, чтобы они дали разрѣшеніе на пребываніе въ Китаѣ представителей русскаго духовенства; предполагалось, что дѣятельность этой духовной миссіи вызоветъ въ китайскомъ народѣ и въ самомъ богдыханѣ расположеніе къ православію и къ Россіи.

Первое посольство въ Китай при Петрѣ Великомъ было отправлено еще въ 1692 г.; посломъ былъ Эвертъ-Избрандъ Идесъ (по-русски Елизарій Елизаріевъ сынъ Избрантъ), голштинецъ, еще въ молодости пріѣхавшій въ Россію по торговымъ дѣламъ. Помимо вопроса о торговыхъ сношеніяхъ, посолъ долженъ былъ поднять вопросъ о постройкѣ въ Пекинѣ, для албазинцевъ, православной церкви на средства русскаго правительства. Посольство вернулось въ Россію въ 1695 г., не достигнувъ своей цѣли. Научнымъ результатомъ посольства были нѣкоторыя дополненія и поправки къ картѣ Витзена. Описаніе путешествія Избранда было издано въ 1704 г. въ Амстердамѣ на голландскомъ языкѣ, подъ редакціей Витзена; раньше о немъ было на-

печатано только краткое извлеченіе на нѣмецкомъ языкѣ, въ приложеніи къ книгѣ Менцеля (Mentzel) о китайской хронологіи (1696).

Вопросъ о духовной миссіи былъ поставленъ болѣе широко въ указѣ Петра отъ 18 іюня 1700 г.—*первомъ по времени распоряженіи русскаго правительства объ обученіи русскихъ людей восточнымъ языкамъ*. Предполагалось при замѣщеніи вакантной въ то время каѳедры сибирскаго митрополита (въ Тобольскѣ) отправить съ нимъ „добрыхъ и ученыхъ не престарѣлыхъ иноковъ дву или трехъ человѣкъ, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамотѣ научитись"; этимъ они потомъ должны были воспользоваться для изученія религіозныхъ ученій китайцевъ и монголовъ и для распространенія среди нихъ православія, чтобы такимъ образомъ содѣйствовать политическимъ и торговымъ интересамъ Россіи.

Ученые монахи и священники въ то время были только среди малороссійскаго духовенства, изъ среды котораго и пришлось избрать какъ митрополита, такъ и миссіонеровъ. Первымъ главой духовной миссіи былъ Иларіонъ Лежайскій, отправленный въ 1707 г. въ Монголію, въ 1714 г. въ Пекинъ, куда онъ прибылъ въ 1716 г.; уже въ слѣдующемъ году онъ умеръ, но его ученики остались въ Пекинѣ, чѣмъ фактически было положено начало духовной миссіи, хотя существованіе ея только десять лѣтъ спустя было обезпечено договоромъ.

Петръ Великій еще не имѣлъ намѣренія, какъ это было сдѣлано впослѣдствіи, возложить на духовную миссію и дипломатическое представительство; предполагалось имѣть въ Пекинѣ особаго политическаго агента изъ свѣтскихъ лицъ. Въ 1719 г. былъ отправленъ посломъ въ Китай капитанъ Измайловъ и съ нимъ поступившій на русскую службу шведъ Ланге, который долженъ былъ остаться въ Пекинѣ въ качествѣ постояннаго агента. Пространство между Тобольскомъ и Байкаломъ было пройдено посольствомъ зимой 1719—20 гг.; въ Илимскѣ въ то время было развѣтвленіе дорогъ на Якутскъ и на Иркутскъ (послѣдній былъ основанъ въ 1661 г.). Изъ Селенгинска послы проѣхали въ Пекинъ новой дорогой черезъ Монголію, незадолго передъ тѣмъ замѣнившей прежнюю болѣе удобную, но болѣе длинную дорогу отъ Нерчинска къ берегу Нонни. Какъ прежде на Амурѣ, такъ теперь въ Монголіи китайцы хотѣли создать нейтральную полосу между Китаемъ и Россіей; послы нашли пастбища на Орхонѣ покинутыми, такъ какъ монголамъ было запрещено подходить къ русской границѣ. Какъ на Амурѣ первоначально предполагалось

присоединить къ Россіи мѣстность между Аргунью и Хинганомъ, впослѣдствіи оставшуюся въ предѣлахъ Китая, такъ и въ Монголіи граница, по первоначальнымъ русскимъ предположеніямъ, должна была пройти по рѣкѣ Толѣ, т. е. значительно южнѣе, чѣмъ она была установлена впослѣдствіи.

Въ ноябрѣ 1720 г. посольство достигло Пекина и было принято императоромъ; вопросъ объ этикетѣ былъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что посолъ подчинился обычаямъ страны, причемъ китайское правительство обѣщало, что въ случаѣ отправленія въ Россію китайскаго посольства китайскій посолъ также подчинится всѣмъ обычаямъ, принятымъ при русскомъ дворѣ. Въ Пекинѣ близъ восточной стѣны въ то время уже существовала православная часовня для албазинцевъ. Въ мартѣ 1721 г. Измайловъ покинулъ Пекинъ, не добившись никакихъ результатовъ; Ланге пробылъ въ Пекинѣ до іюля 1722 г., когда долженъ былъ уѣхать по требованію китайскаго правительства. По полученной имъ инструкціи, онъ долженъ былъ пользоваться каждымъ случаемъ для полученія свѣдѣній какъ о самомъ Китаѣ, такъ и о сосѣднихъ съ нимъ странахъ; исполняя это предписаніе, онъ въ концѣ февраля 1722 г. вступилъ въ сношенія съ прибывшими въ Пекинъ представителями Кореи—государства, находившагося въ то время въ вассальной зависимости отъ Китая. Это было однимъ изъ обстоятельствъ, вызвавшихъ неудовольствіе китайцевъ и имѣвшихъ послѣдствіемъ вынужденный отъѣздъ русскаго агента.

Достигнуть разрѣшенія спорныхъ вопросовъ удалось графу Саввѣ Владиславичу Рагузинскому, который въ 1725 г. былъ отправленъ посломъ въ Китай и въ 1727 г. заключилъ съ Китаемъ Буринскій трактатъ, подтвержденный Кяхтинскимъ договоромъ 14 іюня 1728 г. По этому договору была опредѣлена граница между Китаемъ и Россіей отъ Абагайтуевскаго караула на Аргуни до перевала Шабинъ-дабага; съ тѣхъ поръ эта граница не подвергалась измѣненіямъ. Россія получила право имѣть въ Пекинѣ духовную миссію, на которую было возложено и дипломатическое представительство. Предполагалось, что миссія будетъ смѣняться каждыя десять лѣтъ (въ дѣйствительности нѣкоторыя миссіи пробыли въ Пекинѣ болѣе продолжительное время); свѣтскій приставъ провожалъ новую миссію въ Пекинъ, послѣ чего прежняя, въ сопровожденіи того же пристава, возвращалась въ Россію. Миссіи совершали путь въ Пекинъ и обратно по дорогѣ черезъ Монголію, открытую незадолго до посольства Измайлова; пограничный пунктъ на этой дорогѣ со стороны Россіи—Кяхта (противъ котораго съ китайской стороны находится селеніе

Маймаченъ)—былъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ по договору могли происходить торговыя сношенія между Россіей и Китаемъ.

Кяхтинскій договоръ, которымъ надолго были опредѣлены отношенія между обѣими державами, давалъ Россіи большія преимущества передъ западно-европейскими государствами. Россія сдѣлалась единственной державой, имѣвшей постоянныя торговыя сношенія съ Китаемъ и постоянное представительство въ Пекинѣ. Существованіе *„россійской духовной миссіи въ Пекинѣ“* создавало исключительно благопріятныя условія для русскихъ научныхъ работъ о Китаѣ, особенно послѣ эдиктовъ противъ іезуитовъ. Къ миссіи могли быть прикомандированы и свѣтскія лица для научныхъ работъ, въ томъ числѣ для изученія китайскаго языка и литературы. Если существованіе миссіи не было использовано русской наукой въ той степени, какъ можно было ожидать, то это объясняется низкимъ состояніемъ въ то время русской культуры, въ частности низкимъ уровнемъ образованія русскаго духовенства. Среди членовъ миссій пьянство было обычнымъ порокомъ; и въ другихъ отношеніяхъ образъ жизни большей части ихъ, вопреки надеждамъ Петра Великаго, не могъ увеличить уваженія китайцевъ къ русскимъ. Въ лучшемъ случаѣ члены миссіи, основательно изучившіе китайскій языкъ, являлись переводчиками китайскихъ сочиненій, но не изслѣдователями языка, литературы и исторіи Китая съ точки зрѣнія требованій европейской науки; ученость ихъ, по отзыву одного изъ русскихъ ученыхъ, была только ученостью китайскихъ мандариновъ. Несмотря на это, существованіе миссіи имѣло большое значеніе для русской науки. Когда, по мысли Петра Великаго, въ 1725 г. его преемницей была учреждена въ Петербургѣ академія наукъ, мы видимъ при академіи, въ качествѣ переводчиковъ съ китайскаго и маньчжурскаго языковъ, лицъ, научившихся этимъ языкамъ во время пребыванія въ Пекинѣ при миссіи; лицами изъ той же среды воспользовались въ XIX в., послѣ учрежденія каѳедръ языковъ Дальняго Востока, русскіе университеты. Мы видимъ нѣсколько примѣровъ, что лица, отправившіяся въ Пекинъ вмѣстѣ съ миссіей въ качествѣ врачей или астрономовъ, во время пребыванія въ Пекинѣ становились синологами и впослѣдствіи посвящали свою жизнь этой отрасли знанія.

Къ первымъ годамъ царствованія Петра Великаго относится завоеваніе Камчатки, съ которымъ была связана попытка Петра, отчасти осуществленная при его преемникахъ—ввести въ Россіи изученіе японскаго языка. Камчатка была завоевана русскими изъ Анадырскаго острога, куда былъ посланъ въ 1695 г. пятидесят-

никъ Владимиръ Атласовъ во главѣ небольшого отряда. Въ слѣдующемъ году на полуостровъ проникъ помощникъ Атласова Лука Морозко; въ 1697 г. самъ Атласовъ довершилъ завоеванie. Атласовъ въ 1701 г. прибылъ въ Москву, гдѣ представилъ подробный отчетъ о своихъ успѣхахъ; на обратномъ пути онъ на рѣкѣ Ленѣ разграбилъ нѣсколько русскихъ судовъ, за что временно подвергся опалѣ, но потомъ снова былъ назначенъ на прежнюю должность; въ 1711 г. онъ былъ убитъ собственными казаками.

На Камчатку часто выбрасывались бурей японскiя суда, плававшiя по Охотскому морю. Уже Лука Морозко нашелъ нѣсколько японскихъ рукописей; Атласовъ встрѣтилъ въ Камчаткѣ японца Денбея, потерпѣвшаго кораблекрушенie, и говоритъ о немъ, какъ о „толковомъ и учтивомъ парнѣ". О дальнѣйшей судьбѣ Денбея извѣстно только, что Атласовъ хотѣлъ его взять съ собой въ Якутскъ, но долженъ былъ оставить въ Анадырскѣ, такъ какъ у японца отъ непривычнаго бѣга на лыжахъ опухли ноги. Во время пребыванiя въ Москвѣ въ 1701 г. Атласовъ, очевидно, разсказалъ и о Денбеѣ; 16 апрѣля 1702 г., въ тотъ же день, какъ извѣстнымъ указомъ о вызовѣ иностранцевъ было положено начало насажденiю въ Россiи европейской культуры, послѣдовалъ царскiй указъ о томъ, чтобы прислать изъ сибирскаго приказа въ артиллерiйскiй „японскаго государства иноземца Денбея для обученiя русскому языку и грамотѣ, и какъ онъ Денбей русскому языку и грамотѣ изучится, и ему Денбею учить своему японскому языку и грамотѣ робятъ человѣкъ четырехъ или пяти". Насколько извѣстно, мысль Петра не была осуществлена при его жизни, хотя въ 1705 г. послѣдовалъ новый царскiй указъ, съ запросомъ о томъ, выполненъ ли указъ 1702 г., и хотя въ 1710 г. на берегъ Камчатки былъ выброшенъ другой японецъ, Санима, котораго въ 1714 г. привезли въ Петербургъ и разспросили о его родинѣ. Въ нѣкоторыхъ русскихъ научныхъ работахъ можно встрѣтить утвержденie, будто еще въ 1705 г. въ Петербургѣ была основана японская школа и будто въ этой школѣ преподавалъ Денбей, къ которому потомъ присоединился Санима; но о такой школѣ не говоритъ ни одинъ изъ источниковъ XVIII в.

Школа для изученiя японскаго языка была учреждена только въ 1736 г., при академiи наукъ. Въ 1729 г. около береговъ Камчатки снова потерпѣли крушенie два японскихъ судна; спасшiеся на берегъ японцы подверглись нападенiю со стороны пятидесятника Андрея Штинникова, причемъ были перебиты всѣ кромѣ двоихъ, Созы и Гонзы, обращенныхъ въ рабство; все имущество японцевъ было разграблено. За такой поступокъ Штинниковъ потомъ былъ заключенъ въ тюрьму и казненъ; японцевъ въ 1734 г. привезли въ Петербургъ, представили императрицѣ Аннѣ Iоанновнѣ и обратили въ православie; при крещенiи Соза получилъ имя Кузьмы Шульца, Гонза — имя Демьяна Поморцева. Было рѣшено воспользоваться японцами для обученiя русскихъ людей японскому языку; набрали солдатскихъ дѣтей и поручили японцамъ обучать ихъ; надзоръ за школой былъ ввѣренъ помощнику библiотекаря академiи наукъ, Андрею Богданову, подъ руководствомъ котораго японцы обучались русскому языку; Богдановъ долженъ былъ содержать японцевъ „во всякомъ страхѣ" и заботиться о томъ, чтобы они и ихъ ученики усердно исполняли свои обязанности. Шульцъ умеръ уже въ томъ же 1736 г., 43 лѣтъ; Поморцевъ—въ 1739 г., 21 года. Даровитый юноша, по отзывамъ современниковъ, хорошо объяснялся по-русски и успѣшно преподавалъ свой языкъ; въ библiотекѣ академiи сохранились рукописи учебниковъ, составленныхъ имъ подъ руководствомъ Богданова; этихъ книгъ три: „вокабулы и дружескiе разговоры", „грамматика" и хрестоматiя подъ заглавieмъ: „Orbis pictus или свѣтъ въ лицахъ". Японскiе тексты вездѣ написаны русскими буквами, причемъ въ предисловiи объяснено, что самъ Поморцевъ, покинувшiй свою родину 11 лѣтъ отъ роду, не зналъ японскихъ письменъ, которыя „трудностью подобны хинскимъ" (китайскимъ). Послѣ смерти обоихъ японцевъ художникомъ Конрадомъ Осперомъ, по распоряженiю академiи, были сдѣланы съ ихъ лицъ восковыя маски, хранящiяся теперь въ этнографическомъ музеѣ академiи.

Ранняя смерть Демьяна Поморцева нанесла школѣ непоправимый ударъ. Его ученики изъ солдатскихъ дѣтей должны были сами, безъ преподавателя, продолжать изученie японскаго языка и обучать ему другихъ; черезъ нѣсколько лѣтъ (1745 г.) въ школу снова были доставлены изъ Камчатки потерпѣвшie крушенie японцы, что потомъ повторялось еще нѣсколько разъ; большею частью это были простые рыбаки, отъ которыхъ трудно было ожидать успѣшной педагогической дѣятельности; такой исключительной личности, какъ молодой Поморцевъ, среди нихъ больше не было. Школа оставалась до 1753 г. въ Петербургѣ, потомъ продолжала существовать еще до 1816 г. въ Иркутскѣ; за все это время она не подготовила никакихъ знатоковъ японскаго языка и не оставила никакихъ слѣдовъ въ исторiи русскаго востоковѣдѣнiя.

О завоеванiи и изслѣдованiи Сибири и о посольствахъ въ Китай (кромѣ „Исторiи Россiи“ Соловьева и другихъ общеизвѣстныхъ пособiй) введенiе Ю. В. Арсеньева къ „Путешествiю чрезъ Сибирь отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая русскаго посланника Ник. Спаѳарiя въ 1675 г.“, Спб. 1882 (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. X, вып. 1); тамъ же ссылки на изданiя путешествiй. О Петлинѣ еще арх. Палладiй въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., VI, 305—308; о царицѣ Сань-нянъ-цзы Д. Покотиловъ, Исторiя восточныхъ монголовъ въ перiодъ династiи Минъ, Спб. 1893, стр. 206. О путешествiи Дежнева G. F. Müller, Sammlung russischer Geschichte, III, 5—20 (отдѣльныя части „Sammlung russ. Gesch.“ появились также въ русскомъ переводѣ въ „Ежемѣсячныхъ сочиненiяхъ къ пользѣ и увеселенiю служащихъ“ 1755—1764 гг.); тамъ же II, 293—448 о русскихъ на Амурѣ. Th. J. v. Strahlenberg, Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia, Stockholm 1730. Книга, глаголемая Большой Чертежъ, изд. Г. И. Спасскаго, Москва 1846. В. Кордтъ, Матерiалы для исторiи русской картографiи, Кiевъ 1899—1906. Свѣдѣнiя Витзена о Средней Азiи: Л. Бергъ, Аральское море, Спб. 1908, 37—40. О Спаѳари (кромѣ упомянутаго выше изданiя Арсеньева) П. Сырку въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 239 (1885), стр. 335—366 и въ Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., III, 183—196; А. О. Ивановскiй тамъ же II, 81—124, 195—220 (текстъ и переводъ маньчжурскаго отчета о переговорахъ); Акты историческiе, собранные и изданные Археографическою Комиссiею; Дополненiя къ нимъ (см. указатель къ 5-ти томамъ актовъ и къ 10-ти томамъ дополненiй). О нерчинскихъ переговорахъ Samml. russ. Gesch. I, 495—515; докладъ А. Е. Любимова въ вост. отд. Арх. Общ. 17 апр. 1908 г., ср. З. В. Отд. Арх. Общ., XIX, стр. XIII. Объ Измайловѣ и Ланге J. Bell d'Antermony, Voyages depuis St-Pétersbourg en Russie dans diverses contrées de l'Asie, Paris 1766. Ср. еще Н. Бантышъ-Каменскiй, Дипломатическое собранiе дѣлъ между Россiйскимъ и Кит. государствами съ 1619 по 1792-й годъ, изд. В. М. Флоринскимъ, Казань 1882. X. Трусевичъ, Посольскiя и торговыя сношенiя Россiи съ Китаемъ (до XIX в.), Москва 1882. Матерiалы для исторiи Россiйской духовной миссiи въ Пекинѣ, изд. подъ редакцiею Н. И. Веселовскаго, вып. I, Спб. 1905 г. Н. И. Веселовскiй, Свѣдѣнiя объ оффицiальномъ преподаванiи восточныхъ языковъ въ Россiи (Труды 3-го международнаго съѣзда орiентал., т. I, стр. 97 и слѣд.). Матерiалы для исторiи факультета Восточныхъ языковъ, т. IV, Спб. 1909 (о японцахъ и японской школѣ стр. 1—5, 14—19).

ГЛАВА XIV.

Съ царствованiя Петра Великаго начинается новая эпоха въ исторiи отношенiй Россiи не только къ Дальнему Востоку, но и къ мусульманскому мiру. Политическiя и коммерческiя задачи, унаслѣдованныя отъ XVII в., были поставлены при немъ съ большей опредѣленностью и широтой; кромѣ того съ именемъ Петра связаны первыя русскiя работы научнаго характера въ области изученiя Востока. На пути въ Персiю Петръ въ 1722 г. осмотрѣлъ развалины города *Булгара*, принялъ мѣры для ихъ охраны и велѣлъ своимъ переводчикамъ списать и перевести татарскiя и

армянскiя надписи. Во время персидскаго похода было составлено собранiе рукописей, которыя потомъ были привезены въ Петербургъ.

Страна къ востоку отъ Каспiйскаго моря, гдѣ политическiе и коммерческiе интересы Россiи успѣли опредѣлиться еще въ московскiй перiодъ, въ концѣ XVII в. была извѣстна русскимъ лучше, чѣмъ прежде. Въ 1696 г. тобольскому боярскому сыну Семену Емельяновичу Ремезову было приказано составить „Чертежную книгу Сибири“; Ремезовъ (извѣстный также составленiемъ тобольской лѣтописи) закончилъ свой трудъ въ 1701 г. Вошедшая въ книгу карта Средней Азiи, датированная 1697 г., представляетъ значительный шагъ впередъ къ сравненiю съ „Большимъ чертежомъ“ и съ картой Витзена; Аральское море впервые упомянуто подъ этимъ названiемъ и впервые изображено въ видѣ самостоятельнаго бассейна, не связаннаго съ Каспiемъ. Въ началѣ XVIII в. были добыты еще болѣе подробныя свѣдѣнiя о Каспiйскомъ и Аральскомъ моряхъ; эти свѣдѣнiя частью устно (во время пребыванiя въ Парижѣ въ 1717 г.), частью письменно были сообщены Петромъ Делилю, который воспользовался ими при одномъ изъ послѣднихъ изданiй своей знаменитой карты (1723 г.). Исправленiе данныхъ античной географiи о Каспiйскомъ морѣ и странахъ къ востоку отъ него было однимъ изъ первыхъ результатовъ русскихъ изслѣдованiй, принятыхъ западноевропейской наукой.

Отношенiя къ ханствамъ въ то время были иныя, чѣмъ прежде. Какъ въ Бухарскомъ ханствѣ послѣ Абдулъ-Азиза, такъ и въ Хивинскомъ послѣ Ануши начинается время внутреннихъ смутъ и частой смѣны хановъ; представители узбецкой родовой аристократiи вступаютъ въ борьбу съ престоломъ, что привело къ распаденiю Бухарскаго ханства и къ ослабленiю Хивинскаго. При Петрѣ русскiй царь уже не сносился съ ханами, какъ равный съ равнымъ; хивинскiй ханъ былъ признанъ русскимъ подданнымъ, и въ этомъ смыслѣ были составлены грамоты къ хану Шахъ-Нiязу (1700) и къ хану Арабъ-Мухаммеду (1703). Впослѣдствiи у Петра явилась мысль—воспользоваться борьбой между ханами и узбецкой аристократiей для дѣйствительнаго подчиненiя ханствъ русской власти. Предполагалось помѣстить, съ согласiя хановъ, въ Хивѣ и Бухарѣ русскiе военные отряды, которые содержались бы на счетъ хановъ и помогали бы имъ противъ ихъ враговъ. Такая мѣра укрѣпила бы власть хановъ надъ ихъ подданными, но въ то же время поставила бы хановъ въ полную зависимость отъ русскаго правительства.

Такой планъ былъ составленъ Петромъ Великимъ подъ вліяніемъ тѣхъ новыхъ извѣстій о Средней Азіи, которыя въ то время были получены въ Россіи. Въ 1713 г. туркменъ Ходжа-Нефесъ разсказалъ въ Астрахани, что Аму-Дарья впадала прежде въ Каспійское море и только незадолго передъ тѣмъ была отведена хивинцами въ Аральское изъ страха передъ русскими; то же самое подтвердилъ хивинскій посолъ Ашуръ-бекъ. При такихъ условіяхъ представлялось вполнѣ возможнымъ, путемъ возвращенія Аму-Дарьи въ ея прежнее русло, возстановить тотъ водный торговый путь между Индіей и Каспійскимъ моремъ, о которомъ писали античные географы. Сверхъ того сибирскій губернаторъ князь Матвѣй Гагаринъ около того же времени прислалъ донесеніе о существованіи въ Средней Азіи, близъ какого-то города „Еркети", на рѣкѣ „Дарьѣ", богатыхъ золотыхъ розсыпей. Впослѣдствіи было доказано, что имѣлся въ виду городъ Яркендъ въ Восточномъ Туркестанѣ; но въ то время о мѣстоположеніи города имѣли совершенно неправильное представленіе; изъ инструкціи, данной въ 1716 г. средне-азіатской экспедиціи, ясно видно, что „*Еркетъ*" (или Эркеть) помѣщали на Сыръ-Дарьѣ.

Такимъ образомъ, планъ мирнаго завоеванія Средней Азіи былъ связанъ съ надеждой возстановить водный путь въ Индію и пріобрѣсти золотыя розсыпи. Во главѣ предпріятія былъ поставленъ князь Александръ Бековичъ-Черкасскій, происходившій изъ кавказскихъ горцевъ и носившій мусульманское имя Девлетъ-Гирея. Экспедиція началась въ 1714 г.; на первый разъ Бековичъ ограничился изслѣдованіемъ восточнаго берега Каспійскаго моря отъ Тюпъ-Карагана (гавань на Мангышлакѣ, упоминающаяся еще въ XVII в.) до стараго русла Аму-Дарьи и убѣдился въ существованіи такого русла; въ 1715 г. экспедиція вернулась въ Астрахань. Въ 1716 г. Бековичъ получилъ въ свое распоряженіе болѣе значительныя силы; ему была дана подробная инструкція изъ 13 пунктовъ, какъ по вопросу о предложеніи военныхъ отрядовъ ханамъ, такъ и по вопросу объ устройствѣ крѣпостей на Каспійскомъ и Аральскомъ моряхъ, о разрушеніи плотинъ и возвращеніи рѣки въ старое русло. Съ берега Аральскаго моря предполагалось отправить „купчину" вверхъ по Сыръ-Дарьѣ до Эркети. Кромѣ того была дана особая инструкція, изъ пяти пунктовъ, поручику Кожину, которому было поручено отыскать и описать водный путь въ Индію. Въ распоряженіи Бековича было около 4000 человѣкъ регулярнаго войска.

Бековичъ въ 1716 г. снова проѣхалъ по Каспійскому морю

и построилъ крѣпости въ трехъ мѣстахъ; у Тюпъ-Карагана, у Александровскаго залива (Бехтиръ-лимана) и у Красныхъ Водъ, т.-е. у Балханской бухты (гдѣ нынѣ городъ Красноводскъ), около мѣста впаденія въ Каспійское море Узбоя—сухого русла Аму-Дарьи. Въ февралѣ 1717 г. онъ вернулся въ Астрахань и весною того же года предпринялъ походъ на Хиву, двигаясь, повидимому, вдоль западнаго берега Аральскаго моря (на это указываютъ развалины носящей его имя и, повидимому, построенной имъ крѣпости Девлетъ-Гирей). Отряду удалось достигнуть Хивы и вступить въ переговоры съ ханомъ. По свѣдѣніямъ, впослѣдствіи дошедшимъ до русскаго правительства, Бековичъ далъ себя обмануть; ханъ уговорилъ его раздѣлить свои силы на пять отдѣльныхъ отрядовъ, подъ предлогомъ, что трудно было бы доставить въ одно мѣсто провіантъ для всего войска; какъ только раздѣленіе войска состоялось, хивинцы, по приказанію хана, набросились на отдѣльные отряды и истребили ихъ; самъ Бековичъ былъ убитъ въ городѣ Порсу. Вскорѣ послѣ этого хивинцами были уничтожены также крѣпости, построенныя Бековичемъ на берегу Каспійскаго моря.

О походѣ „Девлетъ-Гирея" говорится и въ хивинской оффиціальной исторіи, причемъ хивинскій разсказъ вполнѣ подтверждаетъ извѣстія русскихъ источниковъ: по словамъ хивинцевъ, отрядъ удалось истребить „хитростью", безъ открытой битвы. О планѣ отвести воду Аму-Дарьи хивинскій разсказъ не упоминаетъ; по мнѣнію хивинскаго историка, отрядъ имѣлъ цѣлью завоевать Хивинское ханство ради золота, добывавшагося въ горахъ Шейхъ-Джели.

Несмотря на неудачный исходъ, предпріятіе Бековича не осталось безъ результатовъ для науки. Въ походѣ принимали участіе нѣкоторые изъ плѣнныхъ шведовъ и нѣмцевъ, которые впослѣдствіи были отпущены хивинцами; ихъ разсказами воспользовался плѣнный шведскій офицеръ Страленбергъ, долго жившій въ Сибири и послѣ своего возвращенія на родину издавшій книгу (на нѣмецкомъ языкѣ) о „Сѣверной и восточной частяхъ Европы и Азіи". Карта Страленберга заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя данныя о бассейнахъ Каспія и Арала, которыхъ нѣтъ на прежнихъ картахъ.

Остальные переговоры со средне-азіатскими ханствами при Петрѣ Великомъ также не привели ни къ какимъ результатамъ. Въ томъ же 1717 г. въ Россіи былъ бухарскій посолъ; когда онъ возвращался на родину, съ нимъ былъ отправленъ Флоріо Беневени, „секретарь оріентальной экспедиціи посольскаго приказа". Беневени проѣхалъ въ Бухару черезъ Кавказъ и Персію,

прожилъ нѣкоторое время въ Бухарѣ, потомъ въ Хивѣ, былъ принятъ ханами, но изъ обоихъ городовъ былъ вынужденъ спасаться бѣгствомъ; только въ 1725 г. онъ вернулся въ Россію. Имъ были собраны нѣкоторыя свѣдѣнія о рѣкѣ Аму-Дарьѣ и о богатствѣ одной изъ областей по верхнему теченію этой рѣки, Бадахшана; по словамъ Беневени, тамъ добывалось и золото. Хивинскій ханъ Ширъ-Гази въ разговорѣ съ Беневени старался оправдать свой поступокъ съ Бековичемъ поведеніемъ самого несчастнаго военачальника; Бековичъ, по словамъ хана (несомнѣнно, не имѣвшимъ никакого основанія), измѣнилъ русскому государю и хотѣлъ завоевать Хивинское ханство для себя.

Еще до возвращенія Беневени, въ 1720 г., въ Россію прибылъ посолъ хивинскаго хана Вейсъ-Мамбетъ; въ отмщеніе за гибель русскаго отряда его посадили въ крѣпость, гдѣ онъ въ слѣдующемъ году умеръ; только одинъ изъ участниковъ посольства былъ отпущенъ въ Хиву съ грамотой на имя хана. Впослѣдствіи отпущенные изъ Хивы русскіе плѣнные разсказывали, что ханъ, получивъ грамоту, растопталъ ее ногами.

Одновременно съ походомъ Бековича была сдѣлана попытка достигнуть „Эркети“ съ другой стороны, со стороны Сибири. Пограничнымъ пунктомъ русскихъ владѣній на Иртышѣ считалось Ямышево озеро, куда пріѣзжали съ разныхъ сторонъ промышленники для добыванія соли и гдѣ въ опредѣленное время года происходила ярмарка. Еще Спаѳари совѣтовалъ построить здѣсь крѣпость, но до XVIII в. это не было исполнено, и не было никакихъ внѣшнихъ признаковъ, что мѣстность дѣйствительно входитъ въ составъ Россіи. Къ западной Сибири примыкало на югѣ калмыцкое или чжунгарское государство, послѣднее изъ могущественныхъ государствъ, образованныхъ средне-азіатскими кочевниками; калмыки относили къ своимъ владѣніямъ берега Иртыша до Оми, впадающей въ Иртышъ значительно ниже Ямышева.

Подъ вліяніемъ слуховъ объ Эркети Петръ теперь рѣшилъ построить крѣпость въ Ямышевѣ и оттуда двинуть къ Эркети военный отрядъ. Исполненіе этой задачи было возложено на подполковника Ивана Бухгольца; ему было приказано взять въ Тобольскѣ 1500 человѣкъ, „съ онымъ войскомъ иттить въ новопостроенную крѣпость Ямышеву и, перезимовавъ, иттить къ калмыцкому городку Еркетю и оный городокъ достать и укрѣпить, и провѣдать на Дарьѣ рѣкѣ, какъ калмыки промышляютъ песочное золото“.

Бухгольцъ двинулся въ 1715 г. съ болѣе значительными

силами (по словамъ самого Бухгольца 2450 человѣвъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ до 4500), но походъ былъ столь же неудаченъ, какъ экспедиція Бековича. Калмыки утверждали, что крѣпость Ямышева построена на ихъ землѣ, и зимой 1715—16 гг. осадили ее. Послѣ долгаго сопротивленія и большихъ потерь Бухгольцъ былъ вынужденъ очистить крѣпость и отойти къ устью Оми, гдѣ построилъ крѣпость Омскъ; калмыки его не преслѣдовали. Съ Бухгольцемъ вернулось всего 700 человѣкъ, изъ чего можно заключить, что русскіе потеряли болѣе 1500, хотя по свѣдѣніямъ, впослѣдствіи собраннымъ Унковскимъ, потери были менѣе значительны—133 убитыхъ или умершихъ отъ ранъ и 419 плѣнныхъ, причемъ въ это число включены также офицеры и солдаты другого отряда, шедшаго на соединеніе съ Бухгольцемъ; отрядъ былъ окруженъ калмыками и долженъ былъ сдаться въ плѣнъ. Плѣнные были уведены въ Семирѣчье и Восточный Туркестанъ и освобождены только въ 1733 г. Въ числѣ ихъ былъ шведскій штыкъ-юнкеръ Іоаннъ-Густавъ Ренатъ, который вылилъ для калмыковъ шесть пушекъ и три мортиры и даже устроилъ въ ихъ странѣ типографію.

По свѣдѣніямъ, добытымъ черезъ Унковскаго, плѣнные русскаго происхожденія также содѣйствовали развитію промышленности въ Восточномъ Туркестанѣ; такъ, ими были устроены два кожевенныхъ завода. Ренату принадлежитъ интересная карта калмыцкаго государства, хранившаяся въ Стокгольмскомъ архивѣ и только въ 1881 г. изданная русскимъ географическимъ обществомъ.

Неудача Бухгольца не заставила Петра отказаться отъ своего плана, но было ясно, что до похода на Эркеть необходимо укрѣпить русскую власть на Иртышѣ; самому же Бухгольцу было приказано въ 1716 г. „иттить до Зайсанъ-Норъ-озера и на ономъ озерѣ построить городъ немалой“. Исполненіе этого приказанія казалось Бухгольцу совершенно невозможнымъ, и походъ не состоялся; но въ слѣдующіе годы русскими на Иртышѣ были достигнуты значительные успѣхи. Офицеры Мстигоревъ и Ступинъ проникли значительно дальше Ямышева; Ступинъ въ 1718 г. основалъ *Семипалатинскъ*; въ 1719 г. майоръ Иванъ Лихаревъ съ небольшимъ отрядомъ (всего 440 человѣкъ) достигъ Зайсана и даже проплылъ оттуда еще нѣкоторое разстояніе по Черному Иртышу. Дѣйствія Лихарева все еще были связаны съ исканіемъ дорогъ въ Эркеть; ему было поручено построить крѣпость на Зайсанѣ и провѣдать „о пути отъ Зайсанъ-озера къ Эркетю, какъ далеко и возможно ли дойти; также, нѣтъ ли вершинъ ка-

кихъ рѣкъ, которыя подались къ Зайсану, и впали въ Дарью-рѣку или въ Аральское море“. Порученіе построить крѣпость на Зайсанѣ осталось невыполненнымъ, но на обратномъ пути Лихаревъ выстроилъ на Иртышѣ выше Семипалатинска крѣпость *Устькаменногорскъ*, послѣднюю изъ русскихъ крѣпостей на Иртышѣ. Такъ возникла „Иртышская линія“ укрѣпленій, долгое время остававшаяся границей Сибири со стороны Средней Азіи.

Калмыки не могли препятствовать этимъ успѣхамъ русскихъ; ихъ государство подвергалось въ то время болѣе существенной опасности со стороны войскъ китайскаго императора Канси. Затрудненіями калмыковъ въ борьбѣ съ китайцами воспользовался казацкій старшина Иванъ Чередовъ, посланный къ калмыцкому владѣтелю Цэванъ-Рабтану, и уговорилъ этого владѣтеля признать себя русскимъ подданнымъ, чтобы получить отъ русскихъ военную помощь противъ китайцевъ. Съ такимъ порученіемъ былъ отправленъ въ Россію калмыцкій посолъ Борокурганъ, принятый сначала въ Тобольскѣ, потомъ въ Петербургѣ. Предложенія, сдѣланныя посломъ отъ имени своего государя, вполнѣ соотвѣтствовали планамъ Петра Великаго: калмыки предлагали русскимъ отправить изъ Семипалатинска войско въ 20000 человѣкъ и построить крѣпость „выше озера, гдѣ сошлись два Иртыша“, т.-е. на Верхнемъ Иртышѣ, у мѣста слiянія Чернаго Иртыша съ Синимъ. Для окончательнаго разрѣшенія вопроса къ калмыкамъ было отправлено новое русское посольство, во главѣ котораго былъ капитанъ Иванъ Унковскій (1722—24); цѣль посольства, кромѣ переговоровъ съ Цэванъ-Рабтаномъ, заключалась въ осмотрѣ „тѣхъ мѣстъ, гдѣ удобно крѣпостямъ быть, а особливо, чтобъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можетъ найдена быть руда и коммуникація съ Сибирью, особливо жъ водянымъ путемъ“. Унковскій проѣхалъ съ берега Иртыша на Или и оттуда до рѣчекъ Тюпъ и Джаргаланъ, впадающихъ съ юго-востока въ озеро Иссыкъ-куль. Отчетъ его содержитъ подробное описаніе его маршрута; всему краю, по которому онъ проѣхалъ, онъ составилъ чертежъ, на который были нанесены также разспросныя свѣдѣнія о городахъ Восточнаго Туркестана. Политическія условія ко времени посольства Унковскаго успѣли измѣниться; императоръ Канси умеръ въ 1722 г., и опасность для калмыцкаго государства со стороны Китая временно была устранена; въ помощи русскихъ калмыки болѣе не нуждались и не желали ни появленія русскихъ отрядовъ, ни постройки русскихъ крѣпостей. Поэтому Унковскій на вопросъ о городахъ получилъ отъ Цэванъ-Рабтана отвѣтъ: „Нынѣ городы мнѣ не надобны“. Калмыки даже жаловались на дѣйствія русскихъ на Иртышѣ и возобновляли свои притязанія на берега Иртыша вплоть до Оми.

Вмѣстѣ съ Унковскимъ прибылъ въ Россію въ 1724 г. новый калмыцкій посолъ Дорчжи; изъ переговоровъ съ нимъ выяснилось, что ему „о подданствѣ не приказано просить“, а только о согласіи. Въ такомъ смыслѣ и была составлена отвѣтная грамота; въ ней уже не было упоминанія о подданствѣ, и только выраженіе „мы васъ въ нашей И. В. высокой милости содержать не оставимъ“ показывало, что калмыцкій „контайша“ (такъ былъ передѣланъ русскими титулъ калмыцкихъ владѣтелей—хунъ-тайчжи) не признается равнымъ русскому государю.

Рядъ предпріятій, вызванныхъ слухами объ „Эркети“, закончился посольствомъ плацъ-маіора Угримова (1732—33). Ему удалось добиться полнаго освобожденія всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ во время несчастнаго похода Бухгольца, и выяснить вопросъ о золотыхъ розсыпяхъ. Оказалось, что золото добывалось въ Восточномъ Туркестанѣ, притомъ не столько около главнаго города страны, Яркенда, сколько около города Керіи, гдѣ и теперь существуютъ золотые пріиски. Съ тѣхъ поръ, какъ было опредѣлено географическое положеніе рудниковъ, мысль о военномъ походѣ съ цѣлью завладѣнія ими болѣе не возникала; когда четверть вѣка спустя калмыцкое государство было завоевано китайцами, это совершилось безъ всякихъ препятствій со стороны Россіи.

Послѣднимъ изъ предпріятій въ Азіи, мысль о которыхъ принадлежала Петру Великому и которыя были осуществлены послѣ его смерти, было изслѣдованіе сѣверныхъ и восточныхъ береговъ материка; главнымъ изъ географическихъ вопросовъ, требовавшихъ разрѣшенія, былъ вопросъ о проливѣ между Азіей и Америкой. До Петра у русскихъ, если не считать плаванія казаковъ изъ Колымы въ Анадырь и съ устья Амура къ устью Ульи, не было судовъ на Великомъ океанѣ; въ 1716 г. шведскими плѣнными, по порученію Петра, были построены суда въ Охотскѣ. Въ 1725 г. былъ составленъ планъ экспедиціи, впослѣдствіи получившей названіе „первой камчатской“, для разрѣшенія вопроса о проливѣ; руководство экспедиціей было поручено датчанину Витусу Берингу, состоявшему на русской службѣ съ 1704 г.; изъ русскихъ моряковъ въ ней принимали участіе Чириковъ, Шпангбергъ и Чаплинъ. Берингъ только въ 1728 г. началъ свое плаваніе изъ Охотска и въ 1730 г. вернулся обратно, причемъ имъ былъ открытъ островъ Св. Лаврентія. Достигнуть берега Америки ему на этотъ разъ не удалось, но онъ прослѣдилъ

берегъ Азіи до его сѣверо-восточной оконечности и убѣдился въ томъ, что отсюда береговая линія направляется на западъ, въ чемъ видѣлъ достаточное доказательство, что материки Азіи и Америки отдѣлены одинъ отъ другого моремъ.

Нѣсколько раньше, въ 1716 г., былъ заключенъ контрактъ съ д-ромъ Мессершмидтомъ, обязавшимся составить подробное описаніе Сибири не только въ естественно-историческомъ, но также въ этнографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ. Мессершмидтъ отправился въ Сибирь въ 1720 и вернулся въ Россію въ 1727 г.; представленный имъ дневникъ (на нѣмецкомъ языкѣ) остался въ рукописи; только въ 1888 г. изъ него были напечатаны (въ русскомъ переводѣ) нѣкоторыя извлеченія В. В. Радловымъ.

Мысль Петра Великаго объ описаніи Сибири и изученіи отдаленнаго сѣвера легла въ основу обширной экспедиціи, планъ которой былъ составленъ однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ Петра, сенатскимъ оберъ-секретаремъ Кирилловымъ. Эта „великая сѣверная экспедиція", называемая также „первой академической" и „второй камчатской", по обширности выполненныхъ ею задачъ и до настоящаго времени не имѣетъ себѣ равной среди научныхъ экспедицій, когда-либо снаряженныхъ какимъ-либо правительствомъ. Райономъ работъ экспедиціи были берега Европы и Азіи отъ Архангельска до Японіи; кромѣ того былъ совершенъ рядъ поѣздокъ въ Сибирь сухимъ путемъ для изученія страны во всѣхъ отношеніяхъ. Достигнутые экспедиціей результаты были куплены тяжкими жертвами. Члены экспедиціи должны были выполнять возложенныя на нихъ порученія, соединенныя съ тяжелыми лишеніями, не ожидая ни наградъ, ни какихъ-либо выгодъ; нѣкоторые изъ нихъ поплатились жизнью. На населеніе мѣстностей, гдѣ происходили работы, возлагались такія обременительныя натуральныя повинности, что цѣлыя народности были доведены ими до состоянія нищеты.

Для изслѣдованія береговъ Сибири было совершено нѣсколько экспедицій. Одна изъ нихъ изслѣдовала береговую полосу отъ Архангельска до устья Оби, причемъ для путешествія туда и обратно потребовалось пять лѣтъ (1734 — 1739); другая направилась отъ устья Оби къ устью Енисея (послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ въ 1737 г. удалось пройти это пространство), третья — отъ устья Енисея на полуостровъ Таймыръ; двѣ экспедиціи были отправлены съ устьевъ Лены, одна на западъ, къ сѣверной оконечности Азіи, другая на востокъ, къ Шелагскому мысу. Сѣверная оконечность материка была достигнута въ

1742 г. на саняхъ штурманомъ Челюскинымъ, который назвалъ этотъ мысъ сѣверо-восточнымъ; достиженіе этой цѣли было связано съ такими трудностями, что впослѣдствіи высказывалось сомнѣніе въ достовѣрности отчета Челюскина; только въ 1878 г. экспедиція Норденшельда, которой впервые удалось достигнуть того же мѣста морскимъ путемъ, доказала полную правдивость этого отчета, послѣ чего мысъ получилъ новое названіе по имени русскаго изслѣдователя.

Во главѣ всѣхъ морскихъ работъ экспедиціи находился Берингъ, взявшій на себя лично выполненіе главной задачи — изслѣдованіе пролива между Европой и Азіей. Въ 1740 г. онъ покинулъ Охотскъ съ кораблями „Петръ" и „Павелъ" и приплылъ къ Камчаткѣ, гдѣ открылъ превосходную гавань, получившую отъ его кораблей названіе Петропавловска. Въ 1741 г. онъ изъ Петропавловска отправился дальше, окончательно выяснилъ существованіе пролива, носящаго теперь его имя, и достигъ берега Америки. На обратномъ пути ему пришлось зимовать на Беринговомъ островѣ, причемъ отъ цынги погибла большая часть экипажа; самъ Берингъ умеръ въ концѣ 1741 г. Для изслѣдованія полярной природы эта зимовка имѣла большое значеніе благодаря участію адъюнкта Стеллера, сохранявшаго бодрость даже при этой тяжелой обстановкѣ; произведенныя имъ наблюденія представляли большую цѣну; между прочимъ имъ описанъ видъ полярнаго животнаго („морская корова"), теперь уже не встрѣчающійся.

Наконецъ, въ 1739 г. была отправлена экспедиція изъ Камчатки къ берегамъ Японіи, подъ начальствомъ капитана Шпангберга (участника первой камчатской экспедиціи) и лейтенанта Вальтона. Имъ удалось достигнуть цѣли; несмотря на законъ, запрещавшій сношенія съ иностранцами, русскіе вездѣ были хорошо приняты населеніемъ, но не могли объясняться съ нимъ и не знали названій тѣхъ мѣстъ, куда приставали; свѣдѣнія объ этомъ мы находимъ только въ японскихъ источникахъ. Результаты экспедиціи Шпангберга и Вальтона настолько противорѣчили географическимъ представленіямъ того времени, что было признано необходимымъ совершить ту же поѣздку вторично; на этотъ разъ были отправлены изъ Петербурга для участія въ экспедиціи солдатскія дѣти Шенаныкинъ и Феневъ, ученики Демьяна Поморцева. Съ ними Шпангбергъ и Вальтонъ отправились вторично въ 1742 г., но на этотъ разъ ихъ суда вслѣдствіе бурь и тумановъ не могли проникнуть дальше Курильскихъ острововъ.

Общее руководство изслѣдованіями на сушѣ было возложено на натуралиста Іоанна-Георга Гмелина; кромѣ того Делиль-де-ля-Круаеръ (сынъ знаменитаго французскаго географа Делиля) завѣдывалъ астрономическими работами, Герхардъ-Фридрихъ Миллеръ, пробывшій въ Сибири десять лѣтъ (1733—1743)— собираніемъ историческаго матеріала. Гмелинъ въ 1745 г., недовольный дѣйствіями секретаря академіи Шумахера, покинулъ Россію; собранный имъ ботаническій матеріалъ впослѣдствіи былъ изданъ Палласомъ подъ заглавіемъ Flora Sibiriae; самъ Гмелинъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Геттингенѣ описаніе своего путешествія.

Астрономическія наблюденія произвелъ вмѣсто Делиля, умершаго въ 1741 г. на Камчаткѣ, его ученикъ Красильниковъ. Изъ отдѣльныхъ областей Сибири подробнѣе всего была изучена Камчатка; этой области былъ посвященъ трудъ Стеллера, изданный въ 1774 г. на нѣмецкомъ языкѣ (самъ Стеллеръ умеръ отъ горячки на обратномъ пути въ Тюмени), и трудъ его помощника студента Крашенинникова „Описаніе земли Камчатки", напечатанный въ 1755 г. Миллеръ, труды котораго являются главнымъ источникомъ по исторіи дѣятельности академіи наукъ въ первыя десятилѣтія ея существованія и по исторіи сѣверной Сибири, еще въ бассейнѣ Волги собралъ свѣдѣнія объ инородцахъ края, главнымъ образомъ о ихъ бытѣ и языкахъ; въ Сибири имъ были изслѣдованы мѣстные архивы и собранъ историческій матеріалъ. На русскомъ языкѣ была напечатана только первая часть составленнаго Миллеромъ „Описанія Сибирскаго царства и всѣхъ происшедшихъ въ немъ дѣлъ" (1750); сочиненіе было найдено слишкомъ обширнымъ, чтобы быть напечатаннымъ полностью. Составленіе, на основаніи собраннаго Миллеромъ матеріала, болѣе краткой „Сибирской исторіи" принялъ на себя проф. Фишеръ, сочиненіе котораго вышло въ 1768 г. на нѣмецкомъ, въ 1774 г. на русскомъ языкѣ. Трудъ Миллера теперь является первоисточникомъ по исторіи Сибири, такъ какъ архивные документы, по которымъ онъ былъ составленъ, большею частью утрачены; къ сожалѣнію разсказъ какъ въ подлинномъ трудѣ Миллера, такъ и въ обработкѣ Фишера доведенъ только до начала 60-хъ годовъ XVII в. Въ руки Фишера, также совершившаго путешествіе въ Сибирь (1739—1747), кромѣ историческаго матеріала, собраннаго Миллеромъ, перешелъ и лингвистическій матеріалъ, собранный еще при Петрѣ Великомъ Татищевымъ, завѣдывавшимъ уральскими горными заводами. Татищевъ разослалъ по сибирскимъ воеводствамъ списокъ русскихъ словъ, съ предписаніемъ доставить пе-

реводъ этихъ словъ на языки инородческаго населенія соотвѣтствующихъ мѣстностей. Получивъ рукопись этого труда, Фишеръ впослѣдствіи передалъ ее историку Шлецеру, который послѣ отъѣзда изъ Россіи увезъ ее съ собой и подарилъ библіотекѣ Геттингенскаго университета, гдѣ она находится и до сихъ поръ.

Результатомъ топографическихъ и астрономическихъ работъ, произведенныхъ экспедиціей, былъ академическій атласъ Россіи съ ея азіатскими владѣніями, изданный въ 1745 г. Руководителемъ работъ по составленію атласа былъ приглашенный на русскую службу географъ Делиль (одинъ изъ сыновей знаменитаго французскаго географа). Карта сѣвернаго берега Сибири до Шелахскаго мыса, впервые установленная экспедиціей, не подвергалась впослѣдствіи почти никакимъ измѣненіямъ; только экспедиціей Норденшельда (1878—79) было внесены нѣкоторыя поправки. Географическія свѣдѣнія о сѣверо-восточной части Сибири и о нѣкоторыхъ областяхъ внутри страны отличались меньшею точностью, отчасти вслѣдствіе излишняго недовѣрія академиковъ, особенно Миллера, къ картѣ, составленной казачьимъ полковникомъ Шестаковымъ, убитымъ въ 1730 г. въ стычкѣ съ инородцами. Въ этомъ отношеніи академическая карта уступала картѣ Делиля (другой сынъ знаменитаго Делиля, оставшійся во Франціи), воспользовавшагося картой Шестакова.

И. Березинъ, Булгаръ на Волгѣ, Казань 1853. П. Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. I, Спб. 1862. О картахъ Л. Бергъ, Аральское море, Спб. 1908, стр. 40 — 45. Письма и бумаги Имп. Петра Великаго, Спб. 1887—9, т. I, стр. 372—373; т. II, стр. 190—191 и 496. G. F. Müller, Sammlung russischer Geschichte, IV, 183—274 (о „Еркети", Бековичѣ и иртышскихъ походахъ), VII, 156 и слѣд. (о Бековичѣ); III, 112—304 (о двухъ камчатскихъ экспедиціяхъ). Н. И. Веселовскій, Очеркъ историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго, Спб. 1877. А. И. Макшеевъ, Историческій обзоръ Туркестана и поступательнаго движенія въ него русскихъ, Спб. 1890. М. А. Терентьевъ, Исторія завоеванія Средней Азіи, т. I. Спб. 1906. Инструкціи Бековичу и Кожину въ Полн. Собр. Зак. №№ 2993 и 2994 (14 февр. 1716 г.). Хивинскій разсказъ о походѣ Бековича въ рукописи Аз. музея Акад. Наукъ 590оа, л. 74б—75а — сочин. Муниса (Ширъ-Мухаммеда) „Фирдаус-ал-икбаль". А. Н. Поповъ, Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ Великомъ (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. кн. IX (1853), стр. 237 — 424). Письмо Бухгольца кн. Меншикову въ „Исторіи Россіи" Соловьева, кн. IV, стр. 931—934. Carte de la Dzoungarie dressée par le Suédois Renat pendant sa captivité chez les Kalmouks de 1716—1733, éd. de la Soc. Impér. Russe de Géographie, St.-Pét. 1881. Посольство къ зюнгарскому хунъ-тайчжи Цэванъ-Рабтану кап. отъ артилл. Ив. Унковскаго и путевой журналъ его за 1722—1724 годы. Документы, изд. съ предисл. и примѣч. Н. И. Веселовскаго. Спб. 1887 (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по отдѣл. этногр., т. X, вып. 2). В. Радловъ, Сибирскія древности, Спб.

1888. A. E. Freih. von Nordenskiöld, Die Umsegelung Asiens und Europas. Lpz. 1882, I, 309; II, 174 — 194. Японскія извѣстія о плаваніи русскихъ: Д. Позднѣевъ, Матеріалы по исторіи сѣверной Японіи и ея отношеній къ материку Азіи и Россіи, Іокохама 1909, т. II, ч. II, стр. 18—20. П. Пекарскій, Исторія Имп. Академіи Наукъ, Спб. 1870, т. I (біографическія свѣдѣнія о Миллерѣ и Фишерѣ). Свѣдѣнія о черемисахъ, чувашахъ и вотякахъ (въ спискѣ словъ кромѣ того слова татарскія, мордовскія, пермяцкія и зырянскія) въ Samml. russ. Gesch. III, 305—412; вторично издано въ 1791 г. подъ заглавіемъ „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ". „Sibirische Geschichte" Миллера въ Samml. russ. Geschichte VI, 109—565 и VIII, 1—458 (съ нѣкоторыми сокращеніями противъ русскаго текста). О судьбѣ матеріаловъ Фишера также Th. Benfey, Geschichte der Sprachwissenschaft, München 1869, S. 265. К. Свенске, Матеріалы для исторіи составленія атласа Россійской Имперіи, изд. Имп. Акад. Наукъ въ 1745 г., Спб. 1866 (прилож. къ IX тому Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 2). Отзывъ Миллера о картѣ Шестакова въ Samml. russ. Geschichte III, 49 f.

ГЛАВА XV.

Съ именемъ того же сенатскаго оберъ-прокурора Кириллова, которому принадлежалъ планъ великой сѣверной экспедиціи, связана попытка утвердить русскую власть въ Средней Азіи съ помощью такъ называемыхъ „киргизъ-кайсацкихъ ордъ".

Названіе „киргизъ" собственно принадлежитъ народу, извѣстному теперь у русскихъ подъ названіемъ „кара-киргизовъ", „дикокаменныхъ киргизовъ" или „бурутовъ" (послѣднее названіе было заимствовано у калмыковъ). Эти киргизы жили въ средніе вѣка по верхнему теченію Енисея, гдѣ еще русскіе застали въ XVII в. остатки этого народа; бо́льшая часть его постепенно (первое извѣстіе о такомъ движеніи относится еще къ X в.) переселилась на юго-западъ, въ нынѣшнюю Семирѣченскую область и прилегающія къ ней земли, гдѣ они живутъ до настоящаго времени. Въ XVI в. эти киргизы тѣсно сблизились съ частью узбецкаго народа, отдѣлившейся отъ своихъ хановъ и оставшейся въ степи въ то время, когда ханы съ остальными узбеками предприняли завоевательное движеніе противъ культурныхъ областей бассейна Аральскаго моря. Узбекамъ, оставшимся въ степи, было присвоено названіе „казаковъ". Турецкое слово „казакъ" значитъ „гусь", въ переносномъ смыслѣ „человѣкъ, вольный какъ птица", и примѣнялось къ человѣку, отдѣлившемуся отъ своего государства, племени или рода и принужденному вести жизнь искателя приключеній. „Казакомъ" становился ханъ, потерпѣвшій

пораженіе въ борьбѣ за свой престолъ и спасшійся бѣгствомъ съ горстью преданныхъ ему людей; „казаками" были и подданные, недовольные своимъ ханомъ и ушедшіе изъ подъ его власти, чтобы на свой страхъ искать счастія въ другомъ мѣстѣ. Тотъ же турецкій терминъ присвоила себѣ русская „вольница", не захотѣвшая примириться съ порядками московской Руси и покинувшая свою родину.

Узбецкіе казаки уже въ началѣ XVI в. были могущественнымъ народомъ, имѣвшимъ своихъ хановъ и нерѣдко одерживавшимъ побѣды надъ своими соплеменниками, владѣвшими Самаркандомъ и Бухарой. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ произошло распаденіе этого народа на три орды: большую, среднюю и малую (или старшую, среднюю и младшую), изъ которыхъ каждая имѣла своего хана. Кочевья этихъ ордъ располагались въ порядкѣ съ востока на западъ (большая занимала самую восточную часть степи, малая — самую западную); орды получили свое названіе не по числу принадлежавшихъ къ нимъ кочевниковъ (малая орда была самой многочисленной), но по старшинству входившихъ въ ихъ составъ родовъ. Къ казакамъ всѣхъ трехъ ордъ русскіе неправильно отнесли не принадлежавшее имъ названіе киргизовъ (сами казаки и до сихъ поръ никогда себя такъ не называютъ) и въ отличіе отъ настоящихъ киргизовъ назвали ихъ „киргизъ-кайсаками", причемъ слово „кайсакъ" является только искаженіемъ слова „казакъ".

Въ началѣ XVIII в. казаки всѣхъ трехъ ордъ, подобно настоящимъ киргизамъ, подвергались нападеніямъ калмыковъ и по временамъ бывали вынуждены признать надъ собой власть калмыцкихъ владѣтелей. Притѣсненія со стороны калмыковъ заставили киргизъ-кайсаковъ искать помощи у русскихъ; въ 1717 г. всѣ три хана Тявка, Каипъ и Абуль-Хайръ признали себя подданными Петра Великаго (ханъ Тявка еще въ 1694 г. принималъ у себя въ городѣ Туркестанѣ русскихъ посланцевъ, казаковъ Ѳед. Скибина и Матв. Трошина, отправленныхъ изъ Тобольска), но это подданство оставалось столь же номинальнымъ, какъ подданство хивинскаго хана или нѣсколько лѣтъ спустя подданство самого калмыцкаго владѣтеля Цэванъ-Рабтана. Но въ 1730 г. ближайшій сосѣдъ Россіи, ханъ малой орды Абуль-Хайръ вторично предложилъ свое подданство. Его посланцы были приняты въ Уфѣ и Петербургѣ; предложеніе казалось очень заманчивымъ, и для принятія присяги отъ новыхъ подданныхъ былъ отправленъ въ степь татаринъ мурза Тевкелевъ. Тевкелевъ пробылъ въ степи два года (1731—33), причемъ доходилъ вмѣстѣ

съ Абуль-Хайромъ до устья Сыръ-Дарьи. Выполнить возложенное на него порученіе оказалось не такъ легко, какъ можно было ожидать. Абуль-Хайру, какъ и другимъ средне-азіатскимъ владѣтелямъ, подданство казалось только выгодной сдѣлкой, благодаря которой слабѣйшій становился подъ покровительство сильнѣйшаго и въ то же время не принималъ на себя никакихъ обязанностей. Предлагая русскимъ свое подданство, онъ имѣлъ въ виду только личныя цѣли; съ помощью русскихъ онъ надѣялся укрѣпить и упрочить свою власть, можетъ быть даже стать во главѣ всего киргизскаго народа. Власть степного хана надъ своими подданными не соотвѣтствовала русскому представленію о правителѣ, имѣющемъ право заключить договоръ отъ имени своего народа; предводитель кочевого народа не имѣетъ иной власти, кромѣ той, которую даютъ ему его личныя качества, и въ этомъ отношеніи обаяніе Абуль-Хайра не стояло высоко. Тевкелеву пришлось убѣдиться, что народъ вовсе не считалъ для себя обязательными обѣщанія Абуль-Хайра; пришлось вести переговоры о подданствѣ не только съ ханомъ, но и съ народомъ. При этихъ переговорахъ Тевкелевъ обнаружилъ большое дипломатическое искусство и въ концѣ концовъ достигъ цѣли. Не только младшая орда, во главѣ которой находился Абуль-Хайръ, но и часть средней, съ ханомъ Шемякой, согласились принести присягу. Абуль-Хайръ отправилъ съ Тевкелевымъ новое посольство, во главѣ котораго находился его сынъ Эръ-Али; ханъ желалъ, чтобы русскіе для укрѣпленія его власти построили два города: одинъ къ сѣверу отъ степи, на рѣкѣ Ори, притокѣ Урала (тогда называвшагося Яикомъ), другой къ югу отъ нея, при устьѣ Сыръ-Дарьи.

Въ Петербургѣ въ это время, подъ вліяніемъ ослабленія Турціи и средне-азіатскихъ ханствъ, составлялись обширные завоевательные проекты. Профессоръ арабскаго языка Керъ, состоявшій въ то время при академіи наукъ, въ 1733 г. подалъ проектъ учрежденія особой восточной академіи, въ которомъ ссылается на составленные имъ раньше планы завоеванія Турціи и завоеванія Средней Азіи; при этомъ имъ была высказана надежда, отчасти оправдавшаяся въ XIX в., что при завоеваніи Самарканда и Бухары будетъ найдено много восточныхъ рукописей. Успѣхъ Тевкелева возбудилъ самыя широкія надежды; на необходимости принять подданство Абуль-Хайра и исполнить всѣ его желанія особенно настаивалъ Кирилловъ; онъ доказывалъ, что въ противномъ случаѣ „не токмо новые многіе народы, пришедшіе въ подданство и еще желающіе подданства, со многими городами, яко Ташкентъ и Аралъ, можемъ потерять, но и нынѣшній случай къ подобранію разсыпанныхъ бухарскихъ и самаркандскихъ провинцій и богатаго мѣста Бодокшана упустимъ“. Изъ послѣднихъ словъ видно, что и въ Средней Азіи, какъ прежде въ Маньчжуріи и въ Монголіи, составлявшіеся въ то время проекты присоединяли къ Россіи области, которыя и теперь остаются внѣ предѣловъ Россійской имперіи: „богатое мѣсто Бодокшанъ“, т.-е. область Бадахшанъ входитъ въ настоящее время въ составъ независимаго отъ Россіи Авганистана.

Записка Кириллова была одобрена правительствомъ, и ему самому, въ качествѣ начальника „Оренбургской экспедиціи“ (въ первые годы экспедиція называлась только „извѣстной“ и уже потомъ ей было присвоено названіе „Оренбургской“), было поручено привести въ исполненіе свои планы (1734). Ближайшая цѣль, кромѣ основанія городовъ къ сѣверу и къ югу отъ степи, состояла въ томъ, чтобы „на Аральскомъ морѣ россійскій флагъ объявить“; вновь былъ поднятъ вопросъ о торговомъ пути черезъ средне-азіатскія ханства въ Индію.

Изъ всѣхъ проектовъ Кириллова осуществилось только устройство линіи укрѣпленій вдоль сѣверо-западной границы „киргизъ-кайсацкихъ степей“. Въ 1735 г. Кирилловымъ былъ построенъ на рѣкѣ Ори городъ *Оренбургъ* въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Красногорская станица. Мѣсто оказалось выбраннымъ неудачно; въ 1739 г. городъ былъ перенесенъ на новое мѣсто, гдѣ теперь Орскъ, въ 1742 г.—на третье мѣсто, гдѣ онъ находится въ настоящее время. Въ этотъ третій Оренбургъ были перенесены изъ Уфы правительственныя учрежденія; въ 1744 г. была образована *Оренбургская губернія*, въ составъ которой вошла и нынѣшняя Уфимская. До завоеванія Туркестана и учрежденія Туркестанскаго генералъ-губернаторства Оренбургъ оставался центромъ управленія киргизскими степями и всѣхъ торговыхъ и дипломатическихъ сношеній со Средней Азіей; въ этомъ отношеніи къ нему перешла роль, до тѣхъ поръ принадлежавшая Астрахани. Кромѣ Оренбурга и Орска былъ основанъ на Уралѣ и въ прилегающей къ нему мѣстности рядъ другихъ укрѣпленій или станицъ; несмотря на номинальное подданство киргизовъ, Оренбургская линія вмѣстѣ съ Иртышской долгое время оставалась фактической границей Россіи. Линіей русскихъ укрѣпленій были отдѣлены другъ отъ друга два народа, одинаково считавшіеся русскими подданными, но враждовавшіе между собой, башкиры и киргизы. Борьба между этими народами продолжалась и послѣ устройства Оренбургской губерніи; оренбургскимъ властямъ даже было предписано, въ зависимости отъ обстоятельствъ,

усмирять одинъ народъ при помощи другого, чтобы щадить русскую кровь. Въ 50-хъ годахъ, при первомъ оренбургскомъ губернаторѣ Неплюевѣ, среди башкиръ руками киргизовъ былъ произведенъ страшный погромъ, отъ котораго башкирскій народъ уже не могъ оправиться.

Проектъ утвержденія русской власти въ самихъ степяхъ и въ особенности къ югу отъ нихъ въ XVIII в. не былъ выполненъ; не удалось даже построить городъ у низовьвъ Сырь-Дарьи. Кирилловъ умеръ въ 1737 г.; его преемникъ Татищевъ отправилъ на Сырь-Дарью съ развѣдочной цѣлью поручика Гладышева, геодезиста Муравина и переводчика Назарова. Когда они прибыли къ низовьямъ Сырь-Дарьи, то оказалось, что Абуль-Хайръ, котораго они надѣялись тамъ найти, отправился въ Хиву, гдѣ его избрали ханомъ. Гладышевъ и Муравинъ послѣдовали за нимъ и въ 1741 г. прибыли въ Хивинское ханство, которое въ это время подверглось нашествію персидскаго шаха Надира. Русскіе посланцы извѣстили шаха, что Абуль-Хайръ русскій подданный и что поэтому управляемое имъ ханство находится подъ покровительствомъ Россіи; Надиръ выразилъ согласіе заключить договоръ съ Абуль-Хайромъ, если тотъ явится къ нему, но въ это время Абуль-Хайръ покинулъ своихъ хивинскихъ подданныхъ и спасся бѣгствомъ въ свои родныя степи. Хивинское ханство было занято войсками шаха, который оставилъ здѣсь своего намѣстника; но тотчасъ послѣ удаленія Надира хивинцы вернули себѣ независимость и призвали на престолъ сына Абуль-Хайра, Нуръ-Али. Отъ этого хана русскіе посланцы также потребовали присяги, какъ отъ русскаго подданнаго, и прислали ему присяжный листъ, но Нуръ-Али отказался принять его (1742).

Киргизы по прежнему нападали на караваны, направлявшіеся въ Россію или изъ Россіи въ ханства (такъ въ 1739—40 гг. въ Ташкентѣ былъ караванъ подъ начальствомъ поручика Миллера). Абуль-Хайръ умеръ въ 1748 г.; ему наслѣдовалъ, съ помощью русскихъ, его сынъ Нуръ-Али, уже нѣсколькими годами раньше изгнанный изъ Хивы; вмѣсто него въ Хивѣ сдѣлался ханомъ Каипъ, сынъ соперника Абуль-Хайра, султана Батыря. Соперничество между Нуръ-Али и Батыремъ еще болѣе затрудняло движеніе каравановъ; вновь высказанная въ 1752 г. надежда на распространеніе русской торговли до Индіи оставалась столь же неосуществимой, какъ прежде. Не удалось даже обезопасить торговыя сношенія съ Хивинскимъ ханствомъ, ближайшимъ къ Россіи; въ 1753 г. хивинскій караванъ, отправленный въ Россію, былъ разграбленъ киргизами изъ числа подданныхъ Нуръ-Али, и послѣдній откровенно признался, что это было сдѣлано по его приказанію за то, что караванъ шелъ не по его владѣніямъ, а по владѣніямъ его соперника Батыря. Тѣмъ не менѣе Неплюевъ въ томъ же 1753 г. отправилъ въ Хиву черезъ владѣнія Нуръ-Али купеческій караванъ, съ переводчиками Гуляевымъ и Чучаловымъ; во главѣ каравана находился самарскій купецъ Даніилъ Рукавкинъ, представившій послѣ своего возвращенія краткое описаніе ханства. Караванъ былъ на долгое время задержанъ въ Хивѣ притѣсненіями хана.

Русское правительство причисляло къ своимъ подданнымъ не только малую орду, но и двѣ другихъ, хотя киргизы въ то же время поддерживали сношенія съ калмыцкимъ государствомъ. Насколько различны были понятія о подданствѣ у киргизовъ и у русскихъ, показываетъ фактъ, что средняя орда уже при Екатеринѣ II (1775—6) вновь предложила Россіи свое подданство, на что отъ имени императрицы послѣдовалъ отвѣтъ, что въ этомъ нѣтъ никакой надобности, такъ какъ всѣ три киргизъ-кайсацкія орды давно уже состоятъ въ подданствѣ Россіи. Столь же мало послѣдствій имѣли предложенія со стороны прикаспійскихъ туркменъ объ устройствѣ русскихъ крѣпостей на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Еще въ 1744 г. туркменскіе послы предложили „строить крѣпость для торга“ на Мангышлакскомъ полуостровѣ; впослѣдствіи намѣчались другія мѣстности, устье Эмбы и даже Огурчинскіе острова, расположенные недалеко отъ стараго русла Аму-Дарьи; но ни одно изъ этихъ предположеній не было осуществлено.

Политическое положеніе сдѣлалось еще болѣе запутаннымъ, когда калмыцкое государство было разгромлено и завоевано китайцами, причемъ среди калмыцкаго народа было произведено страшное избіеніе (1756—58). Тогда же возникъ рядъ китайскихъ пикетовъ, расположенныхъ теперь между принадлежащей Китаю Чжунгаріей и русскими владѣніями (Семипалатинской областью и сѣверной частью Семирѣченской). На обширное степное пространство между русскими и китайскими пограничными укрѣпленіями заявляли притязаніе обѣ стороны. Начальникъ китайскихъ пикетовъ носилъ титулъ „главнокомандующаго поколѣніями заграничныхъ хановъ“; въ степь отправлялись китайскіе посланцы, иногда и военные отряды, и требовали подданства и дани не только отъ кара-киргизовъ, но и отъ трехъ киргизъ-кайсацкихъ ордъ. Русское правительство, считавшее киргизъ-кайсаковъ своими подданными, обвиняло китайцевъ въ томъ, что они, „нарушая миръ, учинили на наши сибирскія

границы наступленіе". Русское правительство, однако, не отвѣтило на это „наступленіе" военными дѣйствіями, хотя только въ XIX в. пограничный споръ былъ разрѣшенъ въ пользу Россіи. Въ XVIII в. киргизы исполняли требованія русскаго правительства только тогда, когда имъ это было выгодно. Когда въ 1771 г. значительная часть калмыковъ, жившихъ въ южно-русскихъ степяхъ, рѣшила покинуть Россію и уйти въ китайскіе предѣлы, киргизы охотно приняли участіе въ преслѣдованіи бѣглецовъ, нанесли имъ страшный уронъ и захватили значительную добычу. Во время Пугачевскаго бунта киргизы оставались нейтральными.

Въ теченіе всего этого періода въ Оренбургѣ, какъ центрѣ управленія обширнымъ краемъ, сосредоточивались свѣдѣнія какъ о самомъ краѣ, такъ и о сосѣднихъ областяхъ Средней Азіи. Уже въ 1744 г. была основана въ Оренбургѣ татарско-калмыцкая школа, для приготовленія переводчиковъ этихъ языковъ. Изъ попытокъ обработать собранный въ Оренбургѣ географическій и историческій матеріалъ особенно замѣчательны труды Рычковыхъ, отца (Петра Ив.) и сына (Николая Петровича); первому принадлежитъ составленіе „Исторіи оренбургской" (1759), „Топографіи оренбургской" (1762) и „Опыта Казанской исторіи" (1767).

Свѣдѣнія о средне-азіатскихъ ханствахъ получались частью отъ приходившихъ въ Оренбургъ средне-азіатскихъ торговцевъ, частью отъ русскихъ людей, захваченныхъ въ плѣнъ киргизами и проданныхъ въ рабство. Подобные случаи бывали и по Оренбургской линіи, причемъ захвату въ плѣнъ подвергались не только русскіе поселенцы, но и русскіе солдаты. Изъ числа такихъ невольныхъ путешествій особенно замѣчательно путешествіе унтеръ-офицера Филиппа Ефремова (1774—82). Около Оренбургской линіи онъ во время Пугачевщины былъ захваченъ въ плѣнъ сначала яицкими казаками, потомъ киргизами, которые увезли его въ Бухару, гдѣ онъ благодаря своимъ познаніямъ въ военномъ дѣлѣ пріобрѣлъ нѣкоторое значеніе при дворѣ мѣстнаго правителя (аталыка) Даніяръ-бека; по порученію аталыка онъ ѣздилъ въ Хиву и Мервъ, потомъ, покинувъ бухарскую службу, бѣжалъ въ Коканд, изъ Коканда проѣхалъ черезъ Кашгаръ, Яркендъ и Тибетъ въ Индію, откуда черезъ Англію вернулся въ Россію. Благодаря знанію восточныхъ языковъ и своему оффиціальному положенію при бухарскомъ дворѣ онъ могъ собрать цѣнныя свѣдѣнія и, вернувшись на родину, издалъ книгу о своемъ „Странствованіи въ Бухаріи, Хивѣ, Персіи и Индіи". Книга настолько заинтересовала современниковъ, что выдержала три изданія (1786, 1794 и 1811).

Оффиціальныхъ посольствъ изъ Оренбурга въ средне-азіатскія ханства въ XVIII в. не было, если не считать отправленія торговыхъ каравановъ и путешествія глазного врача Бланкеннагеля (1793), посланнаго въ Хиву по просьбѣ правителя Хивинскаго ханства для исцѣленія глазъ ослѣпшаго отца правителя. По прибытіи въ Хиву Бланкеннагель нашелъ больного неизлѣчимымъ, за что въ Хивѣ подвергся большой опасности и только съ трудомъ спасъ свою жизнь. Отчетъ о его путешествіи только въ половинѣ XIX в. былъ извлеченъ изъ оренбургскаго архива.

Одновременно съ дѣйствіями въ Средней Азіи продолжались также работы по изученію Сибири, особенно ея сѣверной части, и прилегающихъ къ ней государствъ. Къ этому періоду относится первое извѣстное путешествіе изъ предѣловъ Россіи въ священную столицу Тибета—Лхассу. Съ XVII в. Россія имѣла въ числѣ своихъ подданныхъ приверженцевъ ламаизма (тибетской формы буддизма)—калмыковъ и бурятъ, хотя среди послѣднихъ ламаизмъ окончательно утвердился только въ царствованіе Екатерины II, при содѣйствіи русскаго правительства. Столица Тибета для всѣхъ представителей этой религіи является мѣстомъ паломничества; одинъ изъ бурятскихъ паломниковъ, Заевъ, совершившій паломничество въ 1741 г., впослѣдствіи признанный главой буддійскаго духовенства среди бурятъ и въ 1767 г. бывшій въ числѣ депутатовъ коммиссіи для изданія законовъ, составилъ описаніе своего путешествія на бурятскомъ и тибетскомъ языкахъ. Важность изученія Тибета въ то время еще не сознавалась ни правительствомъ, ни обществомъ, и потому путешествіе Заева прошло незамѣченнымъ.

Главное вниманіе попрежнему было обращено на Сибирь. Изъ политическихъ вопросовъ, связанныхъ съ Сибирью, еще въ 50-хъ годахъ былъ поднятъ вопросъ о судоходствѣ по Амуру. При заключеніи Нерчинскаго трактата значеніе Амура, какъ судоходной рѣки, еще не сознавалось; теперь, когда выяснилась необходимость связать русскія владѣнія на Великомъ океанѣ болѣе удобнымъ путемъ съ остальной частью Сибири, русское правительство, не возбуждая вопроса объ измѣненіи установленныхъ трактатомъ границъ, хотѣло только заключить съ китайцами договоръ объ открытіи Амура для плаванія русскихъ судовъ. Китайцы упорно отказывались отъ заключенія такого договора, и въ 1764 г. русское правительство рѣшило отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ направленіи.

Около этого времени были возобновлены работы по изученію

русскихъ владѣній въ Азіи. Внѣшнимъ поводомъ для этого было астрономическое явленіе—прохожденіе Венеры передъ солнцемъ,— ради котораго были отправлены ученыя экспедиціи въ нѣкоторые города Сибири. Явленіе происходило въ 1761 и 1769 г.; въ первый разъ его наблюдалъ въ Тобольскѣ французскій астрономъ Клодъ Шаппъ д'Отерошъ, написавшій книгу о Россіи, вызвавшую рѣзкій отвѣтъ императрицы Екатерины („Антидотъ"); во второй разъ ради его наблюденія была снаряжена такъ называемая „вторая академическая экспедиція". Въ виду связанныхъ съ экспедиціей значительныхъ расходовъ было рѣшено не ограничиться изученіемъ астрономическаго явленія, продолжающагося нѣсколько минутъ, но собрать матеріалъ для всесторонняго изученія природы края и его естественныхъ богатствъ. Лингвистическія и историческія работы, подобныя тѣмъ, какія были произведены членами первой академической экспедиціи, при этомъ не имѣлись въ виду; можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что регламентъ 1745 г. придалъ академіи наукъ характеръ учрежденія, посвященнаго исключительно естественнымъ и физико-математическимъ наукамъ. Въ экспедиціи принимали участіе только натуралисты, но нѣкоторые изъ нихъ, помимо работъ по своей спеціальности, добровольно собрали также матеріалъ для изученія языковъ, быта и исторіи сибирскихъ инородцевъ.

Главой экспедиціи считался Самуилъ Гмелинъ, племянникъ Іоанна-Георга Гмелина, въ 1774 г. взятый въ плѣнъ въ Дагестанѣ и умершій въ плѣну. Результатомъ его шестилѣтняго путешествія (1768—1774) была книга на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: „Путешествіе по Россіи для изслѣдованія трехъ царствъ естества". Въ тѣ же годы совершилъ свое путешествіе ботаникъ Петръ-Симонъ Палласъ; крайнимъ пунктомъ, достигнутымъ имъ, было мѣсто Акша на Ононѣ; кромѣ Сибири онъ посѣтилъ также Среднюю Азію и въ Оренбургѣ пользовался цѣннымъ содѣйствіемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей, напр. Рычковыхъ. Въ исторіи изученія природы Россіи геніальныя теоріи Палласа имѣютъ большое значеніе; такъ имъ впервые былъ выясненъ характеръ Арало-Каспійской равнины, какъ высохшаго дна обширнаго внутренняго моря. Кромѣ того Палласъ изъ всѣхъ членовъ экспедиціи посвятилъ больше всего вниманія собиранію этнографическаго и историческаго матеріала; кромѣ описанія своего „Путешествія по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи" (на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ) онъ издалъ (на нѣмецкомъ языкѣ) „Собраніе историческихъ извѣстій о монгольскихъ народностяхъ". Въ своихъ историческихъ теоріяхъ онъ,

какъ и слѣдовало ожидать, былъ менѣе счастливъ; такъ сходство уйгурскаго письма съ сирійскимъ казалось ему чисто случайнымъ, историческія извѣстія о миссіонерской дѣятельности сирійцевъ въ Средней Азіи—недостовѣрными.

Изъ другихъ участниковъ экспедиціи можно назвать Лепехина (посѣтившаго восточную часть европейской Россіи и западную Сибирь 1767—1771; онъ первый издалъ сдѣланный при Петрѣ переводъ надписей города Булгара на Волгѣ) и Гильденштедта, совершившаго трехлѣтнее путешествіе (1770—73) по южной Россіи, Кавказу и Грузіи и собравшаго также матеріалъ для изученія Кавказа въ лингвистическомъ отношеніи.

Въ связи съ русскими путешествіями въ Азію можно упомянуть о двухъ путешествіяхъ на Востокъ, совершенныхъ въ концѣ XVIII в. изъ предѣловъ Кавказа, именно о путешествіяхъ армянскихъ приказчиковъ братьевъ Атанасовыхъ (1790) и грузинскаго дворянина Рафаила Данибегова (1795—1813). Кавказъ въ то время не входилъ въ составъ Россіи, но путешественники вернулись на родину черезъ русскія владѣнія, и въ Россіи были обнародованы свѣдѣнія о ихъ путешествіяхъ. Маршрутъ въ обоихъ случаяхъ былъ приблизительно одинъ и тотъ же: черезъ Персію въ Индію, оттуда черезъ западную часть Тибета и Восточный Туркестанъ на Иртышскую линію, въ Семипалатинскъ. Разсказъ братьевъ Атанасовыхъ былъ записанъ съ ихъ словъ въ Семипалатинскѣ и впослѣдствіи (1818) напечатанъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" Спасскаго; описаніе путешествія Данибегова было составлено имъ самимъ на грузинскомъ языкѣ и имъ же въ 1815 г. издано въ Москвѣ въ русскомъ переводѣ.

Независимо отъ работъ второй академической экспедиціи были возобновлены съ 1760 г. работы по изученію отдаленнаго сѣвера. Уже въ 60-хъ годахъ были открыты и присоединены къ Россіи Алеутскіе острова; въ 1770 г. Ляховъ открылъ часть архипелага Ново-Сибирскихъ острововъ, именно острова Ближній (Ляховъ), Малый и Котельный (главный островъ архипелага, Новая Сибирь, былъ открытъ только въ 1806 г.). Въ 80-хъ годахъ Григорій Шелеховъ, мѣщанинъ города Рыльска (въ Орловской губерніи), изслѣдовалъ берегъ полуострова Аляски и прилегающіе къ нему острова; здѣсь имъ были устроены русскіе промыслы, и весь край былъ объявленъ присоединеннымъ къ Россіи; въ 1799 г. для эксплуатаціи его была учреждена „Россійско-Американская компанія".

Работами первой академической экспедиціи было установлено очертаніе сѣвернаго берега Сибири до Шелахскаго мыса; въ

дополненіе къ этому въ 1785 г. была снаряжена такъ называемая „секретная“ экспедиція для изслѣдованія пространства между Шелахскимъ мысомъ и Беринговымъ проливомъ, хотя эта полоса берега отчасти уже была изслѣдована во время плаванія Кука (1778). Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ англійскій капитанъ Биллингсъ, поступившій на русскую службу по предложенію русскаго посла въ Англіи графа Воронцова. Биллингсъ сдѣлалъ двѣ попытки (1787 и 1791 гг.) проникнуть черезъ Беринговъ проливъ къ Шелахскому мысу, но оба раза льды заставили его вернуться обратно, не достигнувъ цѣли. Свѣдѣнія объ этихъ путешествіяхъ были напечатаны русскимъ помощникомъ Биллингса лейтенантомъ Сарычевымъ (впослѣдствіи адмираломъ) въ двухъ книгахъ; въ первой изъ нихъ приводятся также данныя о языкѣ населенія.

Послѣ основанія русскихъ промысловъ на берегу Америки вопросъ о развитіи русской торговли на Великомъ океанѣ имѣлъ для Россіи еще большее значеніе, чѣмъ прежде; въ связи съ этимъ находился также вопросъ объ установленіи торговыхъ сношеній съ Японіей. Сама императрица Екатерина не придавала этому вопросу большого значенія и находила, что ввозъ японскихъ товаровъ не принесетъ Россіи никакихъ существенныхъ выгодъ; тѣмъ не менѣе она дала согласіе на представленный ей проектъ: вернуть въ Японію нѣсколько рыбаковъ-японцевъ, выброшенныхъ на берегъ Камчатки, и воспользоваться этимъ для установленія дружественныхъ отношеній къ ихъ родинѣ. Проектъ принадлежалъ академику Эрику Лаксману, съ 1781 г. жившему въ Сибири и въ 1790 г. получившему отъ одного изъ японцевъ, жившихъ въ Иркутскѣ, карту Японіи; выполненіе проекта было поручено его сыну Адаму. Посольство Адама Лаксмана (1792—3) не имѣло существенныхъ результатовъ; сношенія съ японцами затруднялись отсутствіемъ лицъ, знавшихъ японскій языкъ; съ Лаксманомъ былъ одинъ изъ воспитанниковъ японской школы, Туголуковъ, но его японскій языкъ оказался для японцевъ непонятнымъ. Лично Лаксманъ произвелъ на японцевъ хорошее впечатлѣніе и былъ принятъ ими вѣжливо; отъ переговоровъ о торговлѣ японцы отказались подъ предлогомъ, что по японскимъ законамъ единственной гаванью, гдѣ разрѣшены сношенія съ иностранцами, является Нагасаки (Лаксманъ прибылъ въ гавань Немуро, на островѣ Іесо); русскимъ даже дали разрѣшительное свидѣтельство для посѣщенія этого порта.

Научные результаты, достигнутые въ XVIII в. русскими учеными экспедиціями, оказались возможными только благодаря

участію въ этихъ экспедиціяхъ иностранныхъ ученыхъ, находившихся на русской службѣ. Къ поступленію на русскую службу этихъ ученыхъ, помимо матеріальныхъ выгодъ, могла побуждать также важность научныхъ вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ русскихъ владѣній въ Азіи и сопредѣльныхъ съ ними странъ. Важность открытія Россіи для науки сознавали уже современники Петра Великаго, какъ Витзенъ и философъ Лейбницъ; помимо ожидавшихся географическихъ и естественно-историческихъ открытій, вниманіе ученыхъ было привлечено разноплеменнымъ составомъ населенія имперіи; было ясно, что изученіе этихъ многочисленныхъ народностей доставитъ богатый матеріалъ для наукъ о человѣкѣ, въ особенности для языкознанія. Методы и задачи этой послѣдней науки въ то время и въ западной Европѣ еще не были установлены; при разсмотрѣніи вопроса о родствѣ между собой различныхъ языковъ и о происхожденіи человѣческой рѣчи вообще ограничивались простымъ сопоставленіемъ словъ, заимствованныхъ изъ возможно большаго числа языковъ, причемъ обращали вниманіе только на сходство звукового состава, не стараясь объяснить, какъ произошло это сходство и по какимъ законамъ совершаются переходы и перемѣщенія звуковъ. Среди сборниковъ лингвистическаго матеріала, составленныхъ по этой системѣ, одно изъ главныхъ мѣстъ принадлежитъ сборнику, составленному въ Россіи при личномъ участіи Екатерины II и потому получившему заглавіе: „Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею Высочайшей особы“. Изданіе словаря было поручено Палласу; въ этомъ первомъ изданіи, вышедшемъ въ 1786 или въ 1787 г., помѣщены слова 200 языковъ (51 европейскаго и 149 азіатскихъ); въ дополненномъ и переработанномъ изданіи Ѳ. И. Янковича де-Миріево къ числу этихъ языковъ присоединены еще нѣсколько другихъ. Матеріалъ въ изданіи Янковича расположенъ по „азбучному порядку“, т.-е. соединены вмѣстѣ заимствованныя изъ различныхъ языковъ слова, сходныя по звуковому составу, хотя бы совершенно различныя по значенію; при распредѣленіи матеріала не обращено никакого вниманія ни на общій характеръ отдѣльныхъ языковъ, ни даже на географическое сосѣдство народовъ. Изъ ученыхъ оріенталистовъ въ составленіи словаря принималъ участіе Бакмейстеръ, помощникъ библіотекаря академіи наукъ. Вообще число оріенталистовъ, находившихся на русской службѣ во второй половинѣ XVIII в., было крайне незначительно. Въ академіи наукъ гуманитарныя науки, какъ мы видѣли, послѣ регламента 1745 г. утратили всякое значеніе; вопросъ о выс-

шемъ образованіи въ XVIII в. еще не былъ разрѣшенъ, несмотря на представленіе ряда проектовъ, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ, какъ въ трехъ проектахъ Ломоносова (1754—5, 1759 и 1764 гг.), была предусмотрѣна и каѳедра восточныхъ языковъ. Учрежденный въ 1755 г. Московскій университетъ, гдѣ въ составъ „философскаго" факультета входили только четыре каѳедры (философіи, физики, исторіи и краснорѣчія), не могъ имѣть значенія для успѣха гуманитарныхъ наукъ. Восточные языки въ царствованіе Екатерины преподавались только въ практическихъ школахъ, имѣвшихъ цѣлью подготовленіе переводчиковъ. Кромѣ нѣкоторыхъ учебниковъ, предназначенныхъ для тѣхъ же школъ, нѣкоторыхъ переводовъ, принадлежавшихъ членамъ пекинской миссіи, и нѣсколькихъ небольшихъ списковъ словъ на разныхъ восточныхъ языкахъ въ Россіи въ то время не было никакой литературы по востоковѣдѣнію.

Объ исторіи киргизовъ и казаковъ В. Бартольдъ, Очеркъ исторіи Семирѣчья (Пам. кн. Семирѣч. областн. статист. комитета на 1898 г., т. II, стр. 74 и слѣд.), стр. 92, 153—170 (отд. оттискъ стр. 19, 80—97). О сношеніяхъ киргизъ-казаковъ съ русскими А. И. Левшинъ, Описаніе Киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, Спб. 1832, ч. II. В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, Историч. извѣстія о Киргизъ-кайсакахъ и сношеніяхъ Россіи со Среднею Азіею со времени кончины Абуль-Хайръ Хана (1748—1765), Уфа 1853 (изъ „Оренб. Губ. Вѣдомостей"). В. Н. Витебскій, И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г., Казань 1889—97. О посольствѣ къ Тявкѣ: Дополненія къ актамъ историческимъ, изд. Археограф. Комм., X, 375 и слѣд. О проектѣ Кера П. С. Савельевъ, Предположенія объ учрежденіи восточной академіи въ С.-Петербургѣ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1856, № 2). Дневникъ Гладышева и Муравина въ Географ. Извѣстіяхъ, издав. Имп. Р. Геогр. Общ., 1850, стр. 519—599. Отчетъ Рукавкина изданъ Ст. В. Руссовымъ въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ XXXIV (1839), 373—385. П. Пекарскій, Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, Спб. 1867. Отзывъ о книгѣ Ефремова у И. В. Мушкетова, Туркестанъ, Спб. 1886, стр. 73—74; тамъ же (стр. 74 и слѣд.) о второй академической экспедиціи, въ особенности о заслугахъ Палласа. „Описаніе Хивы" Бланкеннагеля издано Григорьевымъ въ Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ. XXII (1858), 87—116. А. Позднѣевъ, Къ исторіи развитія буддизма въ Забайкальскомъ краѣ (Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ. I, 169—188). О Заяевѣ еще С. Ѳ. Ольденбургъ въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 356 (1904), отд. II, стр. 142. Регламентъ академіи 1745 г.: Полн. Собр. Зак. № 9425. J. S. Pallas, Sammlung historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften, St.-P. 1776; о несторіанахъ и алфавитѣ II, 362. И. И. Лепехинъ, Дневныя записки путешествія по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства въ 1767—71 гг., Спб. 1771—80. J. A. Güldenstädt, Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebirge, St.-P. 1787—1791. Р. Данибеговъ, Путешествіе въ Индію, перев. съ грузинскаго, Москва 1815. О Ляховѣ и другихъ Nordenskiöld, Die Umsegelung etc., I, 379 f.; II, 197 f. „Странствованія" Г. Шелехова изданы В. Сопиковымъ въ Спб. 1792—93. Г. Сарычевъ,

Путешествіе по сѣверо-восточной части Сибири и т. д., съ 1785—1793 гг., Спб. 1802. Его же Путешествіе фл. капитана Биллингса чрезъ Чукотскую землю въ 1791 г., Спб. 1811. О посольствѣ Лаксмана Д. Позднѣевъ, Матеріалы по исторіи сѣв. Японіи, т. II, ч. II, стр. 38—88. О Туголуковѣ еще Труды 3-го междун. съѣзда оріентал., т. I, стр. 163. О работахъ и проектахъ второй половины XVIII в. Матер. для исторіи фак. Вост. яз., IV, 20—22; тамъ же ссылки на источники. С. К. Буличъ, Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи, т. I, Спб. 1904.

ГЛАВА XVI.

Въ XIX в. изученіе Востока сдѣлало въ Россіи, можетъ быть, еще болѣе значительные успѣхи, чѣмъ въ западной Европѣ. За это время совершенно измѣнились условія научной работы. Въ академіи наукъ уже съ первыхъ лѣтъ XIX в. гуманитарнымъ наукамъ, въ томъ числѣ и востоковѣдѣнію, было отведено болѣе значительное мѣсто, чѣмъ прежде, хотя только въ 1830 г. академіи былъ данъ новый уставъ, по которому къ числу спеціальностей, представленныхъ въ академіи, должны были принадлежать и восточные языки. Вопросъ объ организаціи высшаго образованія былъ разрѣшенъ первымъ университетскимъ уставомъ 1804 г.; по этому уставу въ числѣ каѳедръ историко-филологическаго факультета должна была быть каѳедра восточныхъ языковъ, подъ которыми тогда въ Россіи, какъ и на западѣ, понимали языки библіи и мусульманскихъ народовъ; но вскорѣ послѣ этого предметомъ университетскаго преподаванія сдѣлались и языки Дальняго Востока. Центромъ университетскаго преподаванія востоковѣдѣнія сдѣлался во время попечительства М. Н. Мусина-Пушкина (1826—1845) Казанскій университетъ. По университетскому уставу 1835 г. во всѣхъ русскихъ университетахъ, кромѣ преподованія мусульманскихъ языковъ, должно было быть введено преподаваніе языковъ монгольскаго и калмыцкаго; это требованіе устава не удалось осуществить на дѣлѣ, но въ Казани при Мусинѣ-Пушкинѣ, кромѣ упомянутыхъ языковъ, преподавались еще языки китайскій, армянскій и санскритскій. Университетское преподаваніе востоковѣдѣнія получило еще большее развитіе въ С.-Петербургѣ, гдѣ въ 1854 г. былъ учрежденъ факультетъ восточныхъ языковъ.

Успѣхамъ изученія Востока, кромѣ академіи наукъ и университетовъ, способствовало образованіе, при содѣйствіи правительства, ряда научныхъ обществъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ Имп. русское географическое общество (въ С.-Петербургѣ) и Импера-

торское общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи (въ Москвѣ), имѣли отдѣлы въ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи и этимъ способствовали организаціи мѣстныхъ научныхъ силъ.

Однимъ изъ научныхъ вопросовъ, унаслѣдованныхъ XIX в. отъ предшествующаго столѣтія, былъ вопросъ объ отношеніи японскаго архипелага къ берегамъ Азіи; съ этимъ вопросомъ былъ связанъ и экономическій вопросъ объ установленіи торговыхъ сношеній съ японцами, имѣвшій особенное значеніе для россійско-американской компаніи. Изученіе береговъ Японіи было одной изъ главныхъ цѣлей перваго кругосвѣтнаго плаванія, предпринятаго изъ Россіи (1803—1806). Начальникомъ этой экспедиціи былъ назначенъ капитанъ (впослѣдствіи адмиралъ) Крузенштернъ; для дипломатическихъ переговоровъ съ японцами въ экспедиціи принималъ участіе камергеръ Резановъ, зять Шелехова и преемникъ его по должности директора россійско-американской компаніи. Экспедиція Крузенштерна выполнила свою научную задачу и впервые выяснила расположеніе острововъ японскаго архипелага; но попытки вступить въ сношенія съ японцами не имѣли успѣха, хотя русскіе прибыли для этой цѣли въ Нагасаки,—гавань, указанную самими японцами, и воспользовались свидѣтельствомъ, даннымъ Лаксману. Повидимому, на отказъ японцевъ отъ сношеній съ русскими оказали нѣкоторое вліяніе голландцы, которымъ было выгодно сохранить свою монополію; кромѣ того Резановъ не получилъ должной поддержки отъ Крузенштерна, съ которымъ у него были личныя недоразумѣнія (подобно Екатеринѣ II, Крузенштернъ находилъ, что для России вопросъ объ установленіи торговыхъ сношеній съ Японіей не имѣетъ большого значенія). Резановъ былъ такъ раздраженъ упорствомъ японцевъ, что приказалъ двумъ офцерамъ, Хвостову и Давыдову, произвести набѣгъ на берега Японіи и разграбить нѣкоторыя прибрежныя селенія, чѣмъ, конечно, вызвалъ среди японцевъ еще большее раздраженіе противъ русскихъ. Поступокъ Резанова угрожалъ ему тяжкой отвѣтственностью, которую онъ пытался возложить на офицеровъ; на обратномъ пути черезъ Сибирь онъ умеръ въ Красноярскѣ. Хвостовъ и Давыдовъ, счастливо избѣжавшіе мести японцевъ, впослѣдствіи погибли въ Петербургѣ, переправляясь ночью черезъ Неву во время разводки мостовъ.

Слѣдующая экспедиція въ Японію, отправленная въ 1811 г., имѣла еще болѣе неудачный исходъ; начальникъ экспедиціи Головнинъ былъ взятъ въ плѣнъ японцами и только въ 1813 г. освобожденъ своимъ помощникомъ, капитаномъ Рикордомъ. Какъ

Головнинымъ, такъ и Рикордомъ были изданы записки о своихъ плаваніяхъ; записки Головнина о „приключеніяхъ въ плѣну у японцевъ“, кромѣ того, заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о странѣ и народѣ и нѣкоторый матеріалъ для изученія японскаго языка.

Слѣдующее русское кругосвѣтное плаваніе, совершенное въ 1826—29 гг., подъ начальствомъ Литке, не коснулось береговъ Японіи и было посвящено только изученію береговъ Маньчжуріи и Камчатки и острововъ Берингова пролива. Только кругосвѣтная экспедиція адмирала Путятина, отправленная въ 1853 г. (плаваніе экспедиціи, какъ извѣстно, описано Гончаровымъ, принимавшимъ въ ней участіе), заставила японское правительство заключить торговый договоръ съ Россіей. Экспедиція достигла Нагасаки въ то время, когда японское правительство было вынуждено отказаться отъ своей прежней политики и заключить договоры съ американскими Соединенными Штатами и нѣсколькими европейскими государствами; такой же договоръ, хотя и не безъ затрудненій, удалось заключить адм. Путятину (въ январѣ 1855 г.).

Россійско-американской компаніи не пришлось извлечь выгодъ изъ этого договора; въ 1865 г. дѣйствія компаніи прекратились, въ 1867 г. Россія продала свои американскія владѣнія Соединеннымъ Штатамъ. Вообще сношенія съ Японіей не имѣли тѣхъ результатовъ, которыхъ можно было ожидать при географической близости японскихъ острововъ къ Россіи, особенно послѣ присоединенія къ Россіи Амура и Уссурійскаго края. Несмотря на то, что Россія имѣла въ Японіи своихъ дипломатическихъ представителей и консуловъ наравнѣ съ другими государствами, не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ въ Хакодате, только одна Россія учредила консульство, число русскихъ трудовъ о Японіи и японцахъ, о ихъ языкѣ, литературѣ и исторіи остается крайне незначительнымъ; въ этомъ отношеніи русская научная литература не могла бы выдержать никакого сравненія съ англійской. Важность изученія японскаго языка такъ мало сознавалась русскимъ правительствомъ, что ходатайство факультета восточныхъ языковъ объ учрежденіи каѳедры японской словесности, впервые возбужденное въ 1871 г., было удовлетворено только въ 1898 г., послѣ цѣлаго ряда отказовъ.

Кромѣ морскихъ экспедицій къ берегамъ Сибири, мы въ XIX в. видимъ довольно значительное число путешествій съ научною цѣлью изъ европейской Россіи въ Сибирь сухимъ путемъ. Экспедиціи первой половины XIX в. большею частью были снаряжены академіей наукъ или при ея участіи; такъ въ 1830 г.

астрономъ Фусъ, сопровождавшій русскую миссію въ Пекинъ, на пути до Кяхты опредѣлилъ рядъ астрономическихъ пунктовъ въ Сибири. Академіей же была снаряжена большая экспедиція для изслѣдованія крайняго сѣвера и востока Сибири, во главѣ которой стоялъ профессоръ Кіевскаго университета Миддендорфъ, впослѣдствіи академикъ.

По своимъ научнымъ результатамъ экспедиція Миддендорфа (1842—45) до сихъ поръ занимаетъ первое мѣсто среди ученыхъ путешествій въ Сибирь, совершенныхъ въ XIX в. Помимо изученія края въ естественно-историческомъ отношеніи, Миддендорфомъ было обращено вниманіе и на изученіе ея населенія; не будучи лингвистомъ по спеціальности, онъ собралъ значительный матеріалъ для изученія языка и народной словесности якутовъ и тунгузовъ. Матеріаломъ Миддендорфа воспользовался для своего труда о якутскомъ языкѣ академикъ Бетлингкъ (1851); но значительная часть этого матеріала и до сихъ поръ остается неиспользованной.

Результаты путешествія Миддендорфа оказали вліяніе и на политическія дѣйствія русскаго правительства. Миддендорфомъ снова было обращено вниманіе на важность присоединенія къ Россіи Амурскаго края и на отсутствіе какихъ-либо фактическихъ доказательствъ, что край входитъ въ составъ Китайской имперіи. Вопросъ о возвращеніи Россіи Амура былъ поднятъ русскимъ правительствомъ еще въ первые годы XIX в.; такова была одна изъ цѣлей отправленія въ Китай, во главѣ русскаго посольства, графа Головкина (1805); но посольство въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, потерпѣло полную неудачу. Столь же неудачны были послѣдующія попытки. Послѣ экспедиціи Миддендорфа сдѣлалось яснымъ, что край могъ быть занятъ русскими безъ всякаго столкновенія съ Китаемъ, такъ какъ въ немъ не было ни китайскихъ гарнизоновъ, ни органовъ китайскаго управленія. Такимъ путемъ и было совершено присоединеніе Амура. Въ 1849 г. въ Татарскій проливъ и оттуда въ устье Амура вошелъ русскій корабль подъ начальствомъ Невельскаго (впослѣдствіи адмирала); встрѣтивъ тамъ только дикарей-гиляковъ, оказавшихъ русскимъ полное содѣйствіе, Невельскій рѣшился водрузить здѣсь русскій флагъ. Невельскій дѣйствовалъ такимъ образомъ безъ какихъ-либо оффиціальныхъ полномочій; но когда въ Петербургѣ былъ поднятъ вопросъ о послѣдствіяхъ этого поступка, императоръ Николай объявилъ, что тамъ, гдѣ разъ былъ поднятъ русскій флагъ, онъ уже не можетъ быть спущенъ. Въ 1851 г. на низовьяхъ Амура были основаны военные посты

Николаевскій и Маріинскій; въ 1854 г. генералъ-губернаторъ восточной Сибири Муравьевъ (впослѣдствіи графъ) воспользовался пребываніемъ у береговъ Сибири эскадры адмирала Путятина, чтобы совершить плаваніе по Амуру отъ Шилкинскаго завода до Маріинска и этимъ фактически присоединить весь край къ Россіи, хотя только въ 1858 г. этотъ фактъ былъ подтвержденъ заключеніемъ договора съ Китаемъ (Айгунскаго трактата). Тотчасъ послѣ фактическаго присоединенія края, еще до юридическаго разрѣшенія вопроса, академія наукъ командировала туда для научныхъ изслѣдованій своего члена Шренка (1854—56).

Граница между Россіей и Китаемъ со стороны Маньчжуріи окончательно была опредѣлена Пекинскимъ договоромъ 1860 г. Кромѣ лѣваго берега Амура, къ Россіи отошелъ и такъ называемый Уссурійскій край, область между рѣкой Уссури, правымъ притокомъ Амура, и берегомъ океана. Вмѣстѣ съ этимъ краемъ Россія пріобрѣла одну изъ лучшихъ гаваней на берегу Великаго океана, гдѣ въ 1860 г. былъ основанъ Владивостокъ (объявленъ городомъ въ 1880 г.); кромѣ того въ этотъ край намѣревались направить переселенческое движеніе изъ европейской Россіи. Послѣ первыхъ неудачныхъ опытовъ колонизаціи генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири была снаряжена экспедиція для подробнаго изученія края (1867—69), причемъ эта задача была возложена на Пржевальскаго, впослѣдствіи прославившагося своими путешествіями въ западный Китай. Результатомъ этой экспедиціи было превосходное описаніе Уссурійскаго края.

Изъ путешествій въ Сибирь, предпринимавшихся для лингвистическихъ изслѣдованій, наиболѣе замѣчательно путешествіе финляндскаго ученаго Кастрена (1845—49). Предметомъ его особаго вниманія были нарѣчія остяковъ и другихъ финскихъ народностей Сибири; кромѣ чисто-научныхъ интересовъ, имъ руководила естественная симпатія къ менѣе счастливымъ соплеменникамъ своего народа. Въ то же время, однако, его лингвистическія занятія имѣли въ виду и болѣе широкія задачи. Кастрену принадлежитъ теорія (еще и теперь не вполнѣ оставленная) объ „урало-алтайской“ семьѣ языковъ, раздѣляющейся на пять группъ: самоѣдскую, финскую, турецкую, монгольскую и тунгузскую. Кромѣ матеріала по финскимъ нарѣчіямъ, имъ былъ собранъ также матеріалъ для изученія самоѣдовъ и турецкихъ народностей Сибири; помимо чисто-лингвистическаго матеріала, онъ записывалъ также произведенія народной словесности, напр. эпическія сказанія такъ называемыхъ минусинскихъ татаръ. Наконецъ, имъ былъ выясненъ

характеръ нарѣчія небольшого народа, извѣстнаго подъ именемъ „енисейскихъ остяковъ“; оказалось, что этотъ народъ говоритъ на совершенно особомъ языкѣ, не находящемся ни въ какомъ родствѣ съ урало-алтайскими нарѣчіями.

Кастренъ производилъ свои изслѣдованія независимо отъ русскихъ ученыхъ учрежденій; но изданіе привезенныхъ имъ матеріаловъ составляетъ заслугу академіи наукъ, возложившей эту задачу на одного изъ своихъ членовъ, Шифнера. И впослѣдствіи, когда ученыя экпедиціи большею частью снаряжались не академіей, а географическимъ обществомъ, академія часто брала на себя изданіе добытаго этими экспедиціями лингвистическаго матеріала. Для изученія финскихъ нарѣчій работы русскихъ изслѣдователей не имѣли большого значенія; этой отраслью языкознанія въ Россіи внѣ Финляндіи занимались мало (есть нѣсколько трудовъ на русскомъ языкѣ о нарѣчіяхъ пріуральскихъ финскихъ народностей). Даже учрежденіе каѳедры финскихъ нарѣчій при Казанскомъ университетѣ мало отразилось на успѣхахъ науки, и каѳедра часто оставалась вакантной. Финляндскіе ученые по примѣру Кастрена считали изученіе финскаго племени своимъ національнымъ долгомъ, причемъ распространяли свои изслѣдованія и на другія группы урало-алтайской семьи. Въ томъ же направленіи работали оріенталисты, принадлежавшіе къ другому культурному финскому народу, венгерскому. Венгерскими учеными для этой цѣли былъ предпринятъ рядъ изслѣдованій въ предѣлахъ Россіи, при содѣйствіи русской академіи наукъ; къ числу такихъ изслѣдователей принадлежалъ уже одинъ изъ современниковъ Кастрена, Регули.

Особое мѣсто среди русскихъ трудовъ по изученію Сибири занимаетъ трудъ П. А. Чихачева о восточномъ Алтаѣ (1845). Чихачевъ былъ командированъ въ 1842 г. горнымъ вѣдомствомъ для изслѣдованія минеральныхъ богатствъ Алтая; результатомъ его путешествія былъ трудъ на французскомъ языкѣ, во многомъ дополнявшій и исправлявшій вышедшій двумя годами раньше, на томъ же языкѣ, трудъ Гумбольдта о Средней Азіи. Книга Чихачева объ Алтаѣ, какъ и вся дѣятельность этого ученаго, гораздо тѣснѣе связана съ западно-европейской, чѣмъ съ русской научной литературой; послѣдующіе труды Чихачева, къ которымъ намъ еще придется вернуться, были изданы тоже на французскомъ языкѣ; по завѣщанію (онъ умеръ въ 1890 г.) онъ оставилъ значительный капиталъ (100,000 фр.) французской академіи наукъ.

Въ дѣятельности основаннаго въ 1845 г. русскаго географическаго общества работы по изученію Сибири занимаютъ одно изъ главныхъ мѣстъ. Еще въ 50-хъ годахъ обществомъ была организована экспедиція въ Сибирь подъ руководствомъ астронома Шварца; экспедиція произвела рядъ астрономическихъ наблюденій и собрала значительный матеріалъ для изученія орографіи и гидрографіи какъ самой Сибири, такъ и нѣкоторыхъ мѣстностей Монголіи (по верхнему Енисею). Послѣ этого по порученію общества былъ произведенъ цѣлый рядъ изслѣдованій на всемъ пространствѣ Сибири, отъ Урала до Камчатки и до Берингова пролива, со включеніемъ острововъ Сѣвернаго океана, причемъ эти изслѣдованія, кромѣ различныхъ отраслей географической науки въ тѣсномъ смыслѣ, касались также изученія края въ этнографическомъ, лингвистическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Въ 1851 г. былъ открытъ въ Иркутскѣ сибирскій отдѣлъ общества; впослѣдствіи вмѣсто него были учреждены нѣсколько другихъ, для изученія отдѣльныхъ частей страны; изъ нихъ теперь существуютъ отдѣлъ Западной Сибири, съ подъ-отдѣлами алтайскимъ (въ Барнаулѣ) и семипалатинскимъ, отдѣлъ Восточной Сибири, съ Красноярскимъ подъ-отдѣломъ и Троицкосавско-Кяхтинскимъ отдѣленіемъ, отдѣлъ Пріамурскій въ Хабаровскѣ съ отдѣленіемъ во Владивостокѣ, носящимъ названіе „Общества изученія Амурскаго края“. Образованіе отдѣловъ, получающихъ отъ центральнаго общества поддержку въ финансовомъ отношеніи и посылающихъ ему отчеты о своей дѣятельности, способствовало организаціи мѣстныхъ научныхъ силъ, выясненію научныхъ задачъ, которыя могли быть ими выполнены, и созданію необходимыхъ условій для плодотворной научной работы, въ томъ числѣ учрежденію мѣстныхъ библіотекъ и музеевъ. Среди послѣднихъ особенно выдается музей, основанный въ 1877 г. Н. М. Мартьяновымъ въ городѣ Минусинскѣ, уѣздъ котораго изъ всѣхъ мѣстностей Сибири представляетъ, можетъ быть, наибольшій интересъ въ археологическомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, въ Сибири, какъ и въ другихъ частяхъ Россійской имперіи, кромѣ столицъ и немногихъ университетскихъ городовъ, было слишкомъ мало культурныхъ силъ, чтобы устроить на прочныхъ основаніяхъ жизнь мѣстныхъ ученыхъ обществъ и въ особенности жизнь мѣстныхъ библіотекъ и музеевъ. Отдѣлы географическаго общества иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не присылали въ Петербургъ отчетовъ и ничѣмъ не проявляли своего существованія; музеи приходили въ упадокъ тотчасъ послѣ смерти или отъѣзда своихъ основателей; не находилось лицъ, которыя могли бы позаботиться о сохранности существующихъ коллекцій, не говоря уже о даль-

нѣйшемъ обогащеніи музея. Значительная часть мѣстныхъ научныхъ дѣятелей вышла изъ среды невольныхъ жителей края — политическихъ ссыльныхъ, трудомъ которыхъ въ широкой степени воспользовались академія наукъ, географическое общество и его отдѣлы. Существующія въ Сибири высшія учебныя заведенія — университетъ въ Томскѣ и восточный институтъ во Владивостокѣ — возникли только въ концѣ XIX в.; степень вліянія, которое они могутъ оказать на успѣхи изученія Сибири, еще не успѣла выясниться; кромѣ того дѣятельность восточнаго института, по характеру возложенныхъ на него задачъ, направлена почти исключительно на изученіе областей, входящихъ въ составъ китайскихъ и японскихъ владѣній.

Объ организаціи преподаванія востоковѣдѣнія Н. Веселовскій, Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи (Труды 3-го междун. съѣзда оріентал., т. I, стр. 99—256 и 605—606). Матеріалы для исторіи фак. вост. яз., т. I, II и IV., Спб. 1905 — 1909. — П. П. Семеновъ, Исторія полувѣковой дѣятельности Имп. Р. Геогр. Общ. 1845 — 1895 гг., Спб. 1896. Объ экспедиціи Крузенштерна и Резанова Д. Позднѣевъ, Матеріалы по исторіи сѣв. Японіи, т. II, ч. II, стр. 90 – 236. И. Крузенштернъ, Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803—1806 гг., Спб. 1809—1812. В. М. Головнинъ, Записки о приключеніяхъ въ плѣну у японцевъ, Спб. 1816. П. Рикордъ, Записки о плаваніи къ японскимъ берегамъ, Спб. 1816. A. v. Middendorff, Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens, St.-P. 1848 — 75 (есть русскій переводъ). Эд. Пекарскій, Миддендорфъ и его якутскіе тексты (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XVIII, 044—060). L. Schrenck, Reisen und Forschungen im Amur-Gebiet, St.-P. 1858—1895 (часть вышла и въ русскомъ переводѣ). Н. М. Пржевальскій, Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ, Спб. 1870. Заглавія русскихъ трудовъ объ уральскихъ финнахъ см. въ Энциклоп. слов. Брокгауза и Эфрона подъ словами „Зыряне“ и „Пермяки“. M. A. Castrén, Nordische Reisen, St.-P. 1853—56. О Регули и его дѣятельности въ Россіи см. автобіографію (Nachrichten über Leben und Schriften) K. E. v. Baer, St.-P. 1865, S. 651—658. P. Tchihatcheff, Voyage scientifique dans l'Altaï Oriental, St.-P. 1845. По вопросу о музеяхъ ср. состояніе Семипалатинскаго областного музея при пріемѣ его Семипалатинскимъ подъотдѣломъ И. Р. Геогр. Общества: обнаружилось, что „въ сущности никакого музея нѣтъ, а есть остатки нѣкогда бывшаго музея“ (Отчетъ о дѣятельности Семипал. Подъотдѣла Зап.-Спб. Отдѣла Имп. Р. Геогр. Общ. за 1902 г., стр 27). Перечень трудовъ о Сибири: В. И. Межовъ, Сибирская библіографія, изд. И. М. Сибиряковъ, Спб. 1891—2.

ГЛАВА XVII.

Съ изученіемъ Сибири было тѣсно связано изученіе Средней Азіи, особенно киргизскихъ степей. Иртышская линія, наравнѣ съ Оренбургской, была исходнымъ пунктомъ цѣлаго ряда посольствъ, научныхъ экспедицій и военныхъ походовъ для изслѣдованія степей и для подчиненія ихъ русской власти. Въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ Спасскаго, издававшемся въ 1818 — 1824 гг., были обнародованы нѣкоторыя свѣдѣнія о прежнихъ путешествіяхъ въ эти страны.

Въ первой половинѣ XIX в. вниманіе правительства было обращено преимущественно на западную часть степей; дѣйствіями оренбургскихъ властей постепенно было достигнуто большее подчиненіе киргизовъ русской власти, чѣмъ прежде. Ханская власть постепенно была уничтожена, и въ 1822 г. было выработано новое положеніе объ управленіи киргизами. Послѣ уничтоженія ханской власти правительство стремилось къ уничтоженію привилегій такъ называемой „бѣлой кости“ или султановъ и къ сліянію ихъ съ народной массой. При этомъ киргизскому народу было даровано нѣкоторое самоуправленіе, но выборы должны были происходить исключительно по территоріальнымъ единицамъ, независимо отъ родовыхъ дѣленій, къ которымъ привыкъ народъ. При организаціи управленія киргизами было рѣшено не признавать родовыхъ дѣленій и замѣнить ихъ территоріальными, чтобы тѣмъ самымъ содѣйствовать разложенію родового строя; таковъ былъ основной принципъ русской политики по отношенію къ киргизамъ, впослѣдствіи также по отношенію къ другимъ кочевникамъ, принявшимъ русское подданство; но искусственныя территоріальныя дѣленія совершенно не соотвѣтствовали условіямъ дѣйствительной жизни; народу при такихъ условіяхъ было трудно сознательно осуществлять свои права, и открывался широкій просторъ выборнымъ интригамъ.

Подчиненіе киргизовъ русской власти было необходимымъ условіемъ для движенія черезъ степи русскихъ каравановъ и научныхъ экспедицій. Караванъ Гавердовскаго, отправленный въ 1803 г. въ Бухару, еще долженъ былъ вернуться обратно, не достигнувъ цѣли; результатомъ его было только описаніе части степей. Въ 1825 г. состоялась большая экспедиція, подъ начальствомъ полковника Берга, для изслѣдованія возвышенности Устъ-Уртъ, между Аральскимъ и Каспійскимъ морями. Сопровождав-

шій экспедицію военный отрядъ былъ такъ многочисленъ, что хивинцы смотрѣли на эту экспедицію, какъ на военный походъ противъ Хивы. Дѣйствительный походъ, предпринятый изъ Оренбурга зимой 1839—40 гг. Перовскимъ, окончился неудачно; отрядъ вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ долженъ былъ вернуться обратно съ большими потерями. Въ 1842—46 гг. степи были подробно изслѣдованы въ топографическомъ отношеніи (съ опредѣленіемъ астрономическихъ пунктовъ) Леммомъ. Результатомъ всѣхъ предшествующихъ изслѣдованій была книга Левшина „Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей" (1832 г., 3 части) и небольшой трудъ Ягмина „Киргизъ-Кайсацкія степи и ихъ жители" (1845).

Только въ 1847 г. была осуществлена задача, намѣченная еще въ 1734 г. Кирилловымъ — построить укрѣпленіе на низовьяхъ Сыръ-Дарьи и въ связи съ этимъ „на Аральскомъ морѣ россійскій флагъ объявить". Въ этомъ году на Сыръ-Дарьѣ было построено *Раимское укрѣпленіе* (теперь не существующее), въ 60 верстахъ отъ моря; туда же были доставлены изъ Оренбурга въ разобранномъ видѣ суда „Николай" и „Константинъ". Въ связи съ этимъ капитанъ Бутаковъ и прапорщикъ Поспѣловъ произвели первое подробное изслѣдованіе Аральскаго моря (1848—50), благодаря которому не только русская, но и западноевропейская наука получила первыя достовѣрныя и подробныя свѣдѣнія объ этомъ бассейнѣ. Къ 40-мъ годамъ относятся также работы Иванина по описанію Каспійскаго моря; продолжателями его были Ивашинцевъ (1856) и Пущинъ (1874). Благодаря всѣмъ этимъ работамъ, Каспійское море изъ всѣхъ русскихъ морей теперь считается наиболѣе подробно изслѣдованнымъ.

Въ томъ же году (1847), когда Оренбургская линія, вслѣдствіе основанія укрѣпленія на Сыръ-Дарьѣ, утратила свое прежнее значеніе пограничной черты, Иртышская линія также была выдвинута впередъ основаніемъ крѣпости *Копалъ* въ нынѣшней Семирѣченской области, въ басейнѣ озера Балхаша. Въ связи съ движеніемъ русскихъ отрядовъ съ Иртыша въ Семирѣчье находились попытки заключить договоръ съ китайскими властями въ Кульджѣ относительно пограничной торговли. Еще въ 1811 г. съ этою цѣлью былъ отправленъ на рѣку Или изъ Семипалатинска переводчикъ Путимцевъ; въ 1851 г. въ Кульджу ѣздили Ковалевскій и инженеръ Влангали, причемъ на этотъ разъ результатомъ переговоровъ было заключеніе Кульджинскаго трактата, которымъ былъ разрѣшенъ вопросъ о пограничныхъ торговыхъ сношеніяхъ между русскими и китайцами въ этой мѣстности.

За основаніемъ перваго русскаго укрѣпленія на Сыръ-Дарьѣ послѣдовали военныя дѣйствія противъ Кокандскаго ханства. Средне-азіатскія ханства въ XIX в. уже не находились больше въ томъ состояніи, которымъ былъ вызванъ проектъ Кириллова о „подобраніи бухарскихъ и самаркандскихъ разсыпанныхъ провинцій". Въ Бухарѣ и Хивѣ возникли новыя династіи, которымъ вновь удалось установить здѣсь болѣе прочную государственную власть; въ то же время на крайнемъ востокѣ узбецкихъ владѣній, въ Ферганской долинѣ, мѣстные узбецкіе князья (беки) приняли ханскій титулъ и положили начало новому ханству, столицей котораго сдѣлался городъ Кокандъ. Первымъ изъ кокандскихъ бековъ, принявшимъ ханскій титулъ, былъ Алимъ-ханъ, которому удалось, кромѣ Ферганской долины, подчинить своей власти Ташкентъ и почти все теченіе Сыръ-Дарьи до Аральскаго моря; въ то же время кокандцами былъ основанъ рядъ поселковъ и укрѣпленій вдоль сѣвернаго склона Александровскаго хребта, между рѣками Таласъ и Чу; начальниками этихъ крѣпостей взимались подати также съ кочевого населенія сосѣднихъ степей, кара-киргизовъ и киргизъ-кайсаковъ. Такимъ образомъ, русскіе при дальнѣйшемъ движеніи какъ на Сыръ-Дарьѣ, такъ и въ Семирѣчьѣ должны были прійти въ столкновеніе съ кокандцами. Примирить русскія и кокандскія притязанія на киргизскія степи было невозможно; русское правительство должно было сдѣлать выборъ между двумя рѣшеніями: или совершенно отказаться отъ власти надъ степями, или вытѣснить оттуда кокандцевъ. Присоединеніе къ Россіи культурныхъ областей бассейна Аральскаго моря первоначально не имѣлось въ виду. Еще въ нотѣ, посланной въ 1864 г. всѣмъ великимъ державамъ, министръ князь Горчаковъ говорилъ только объ установленіи прочной и безопасной государственной границы, какъ о единственной цѣли военныхъ дѣйствій; для этой цѣли признавалось необходимымъ подчинить Россіи кочевниковъ, съ которыми не могло быть никакого прочнаго соглашенія, и расширить предѣлы русскихъ владѣній до ближайшихъ культурныхъ государствъ, съ которыми казалось возможнымъ установить добрососѣдскія отношенія. Въ дѣйствительности результатъ событій былъ иной, что объясняется отчасти личнымъ честолюбіемъ нѣкоторыхъ русскихъ генераловъ, дѣйствовавшихъ вопреки полученнымъ ими инструкціямъ, отчасти происходившими въ Кокандскомъ ханствѣ политическими раздорами, при которыхъ присоединеніе края къ Россіи казалось единственнымъ возможнымъ исходомъ. Раздоры, какъ и въ другихъ ханствахъ, были вызваны борьбой между престоломъ и узбецкой аристократіей, на сторонѣ которой было

также духовенство. Противъ аристократіи ханы пользовались частью народными массами, частью вооруженными отрядами изъ другихъ кочевниковъ и изъ горцевъ; при такихъ условіяхъ борьба между враждебными другъ другу элементами населенія иногда принимала, особенно въ Кокандскомъ ханствѣ, такой характеръ, что сами ханы были только подставными лицами въ рукахъ предводителей враждующихъ партій. Помимо внутреннихъ раздоровъ, Кокандское ханство подвергалось нашествіямъ со стороны войскъ бухарскаго эмира, пользовавшагося этими междуусобіями для своихъ цѣлей. Кромѣ политическихъ смутъ, облегчавшихъ дѣйствія русскихъ войскъ, на сторонѣ послѣднихъ были, конечно, всѣ преимущества военной дисциплины и лучшаго вооруженія. Ни въ открытомъ полѣ, ни за своими глинобитными стѣнами средне-азіатцы не могли оказать русскимъ сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія; даже малочисленные отряды могли одерживать верхъ надъ большими скопищами съ ничтожными потерями для себя.

Наиболѣе дорого обошелся русскимъ первый успѣхъ—взятіе крѣпости Акъ-Мечеть на Сыръ-Дарьѣ (1853 г.). Къ этой крѣпости, которая, по утвержденію русскихъ, была выстроена кокандцами на русской землѣ, русскія войска, подъ начальствомъ Бларамберга, безуспѣшно приступали еще въ 1852 г.; только въ 1853 г. крѣпость была взята Перовскимъ и по его имени получила новое названіе (фортъ Перовскій, нынѣ городъ Перовскъ). Еще не зная своего врага, русскіе подвергли крѣпость правильной осадѣ и вслѣдствіе этого понесли сравнительно большія потери; впослѣдствіи, когда вошло въ обыкновеніе послѣ первой бреши итти на приступъ, взятіе крѣпостей обходилось гораздо дешевле.

Одновременно съ взятіемъ Акъ-Мечети, русскія войска въ Семирѣчьѣ перешли черезъ рѣку Или; въ 1854 г. было основано укрѣпленіе Вѣрное (нынѣ городъ Вѣрный). Этими дѣйствіями былъ опредѣленъ дальнѣйшій ходъ завоеваній. Было признано необходимымъ, вмѣсто прежнихъ линій Оренбургской и Иртышской, образовать сплошную линію укрѣпленій къ югу отъ степей, отъ Сыръ-Дарьи до Или, для чего было необходимо соединеніе оренбургскаго отряда съ сибирскимъ. Въ 1860 г. началось движеніе съ обѣихъ сторонъ; въ Семирѣчьѣ кокандцы были разбиты при Узунъ-агачѣ; еще раньше пали кокандскія укрѣпленія въ долинѣ рѣки Чу; на Сыръ-Дарьѣ послѣ нѣсколькихъ небольшихъ укрѣпленій начальникомъ оренбургскаго отряда Веревкинымъ въ 1864 г. былъ взятъ городъ Туркестанъ; въ то же время Черняевъ, начальникъ сибирскаго отряда, взялъ Аулие-ата;

оба отряда сошлись у города Чимкента, который былъ взятъ въ томъ же году, послѣ чего Черняевъ сдѣлался начальникомъ всѣхъ военныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ Средней Азіи.

Взятіемъ Чимкента была достигнута цѣль, указанная въ циркулярѣ князя Горчакова, но русскія войска на этомъ не остановились. Черняевъ еще въ томъ же году сдѣлалъ неудачную попытку овладѣть большимъ городомъ Ташкентомъ, которую въ слѣдующемъ году возобновилъ съ полнымъ успѣхомъ. Въ 1866 г. война съ Кокандскимъ ханствомъ считалась оконченной, хотя въ это время русскіе овладѣли городомъ Ходжентомъ, входившимъ въ составъ этого ханства. Кокандскій ханъ сохранилъ изъ всѣхъ своихъ владѣній только Ферганскую долину; фактически онъ и этой областью продолжалъ править только въ качествѣ русскаго вассала, хотя даже въ договорѣ 1868 г. о зависимости ханства отъ Россіи не упоминалось.

Въ томъ же 1866 г. Черняева смѣнилъ Романовскій. Еще до его назначенія начались военныя дѣйствія противъ Бухарскаго ханства. Во время войны съ Кокандомъ Черняевъ старался извлечь выгоду изъ враждебныхъ отношеній между кокандскимъ ханомъ и бухарскимъ эмиромъ и предложилъ эмиру занять южную часть ханства въ то время, какъ русскіе займутъ сѣверную. Эмиръ, которому незадолго передъ тѣмъ удалось на короткое время овладѣть Кокандомъ, считалъ своею собственностью все ханство; даже въ Ташкентѣ въ то время, когда онъ былъ взятъ русскими, начальствовалъ бухарскій бекъ. Послѣ взятія Ташкента русскія владѣнія непосредственно соприкасались со владѣніями эмира, которому принадлежалъ городъ Джизакъ; было необходимо разрѣшить вопросъ о границѣ и о торговыхъ сношеніяхъ между обоими государствами; но вслѣдствіе притязаній эмира эти вопросы не могли быть разрѣшены безъ вооруженной борьбы. Вопросъ о томъ, какіе города относятся къ Бухарскому и какіе къ Кокандскому ханству, былъ неясенъ для самихъ русскихъ; этимъ объясняется, что разрывъ съ эмиромъ прежде всего вызвалъ взятіе русскими Ходжента, принадлежавшаго кокандскому хану, съ которымъ незадолго передъ тѣмъ были возстановлены мирныя отношенія, хотя окончательное заключеніе мирнаго договора послѣдовало только въ 1868 г. Въ 1866 г. Романовскому, однако, удалось разбить бухарскія войска и взять принадлежавшіе эмиру города Джизакъ и Ура-тюбе.

Въ 1867 г. изъ завоеванныхъ средне-азіатскихъ областей было образовано особое генералъ-губернаторство, одинаково независимое отъ Оренбурга и отъ Сибири, съ главнымъ городомъ Ташкентомъ. Первымъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ

К. П. фонъ-Кауфманъ, управлявшій краемъ въ теченіе 15 лѣтъ (1867—1882). Прежде всего ему предстояло окончить войну съ Бухарой, что и было достигнуто въ 1868 г.; эмиръ долженъ былъ заплатить контрибуцію и уступить Россіи часть своихъ владѣній по верхнему теченію Заряфшана, съ городомъ Самаркандомъ. Послѣ 1868 г. границы Россіи со стороны Бухары не подвергались измѣненіямъ. Часть мѣстности, уступленной эмиромъ, пришлось занять съ оружіемъ въ рукахъ, именно горную область въ верховьяхъ Заряфшна, гдѣ населеніе фактически было совершенно независимо отъ Бухары; русскія войска дѣйствовали и противъ нѣкоторыхъ другихъ бековъ, не признававшихъ власти эмира, но завоеванные ими города были присоединены къ бухарскимъ владѣніямъ. Та же судьба постигла впослѣдствіи области въ верховьяхъ Аму-Дарьи (Дарвазъ, Рошанъ и Шугнанъ), отторгнутыя отъ Авганистана по памирскому разграниченію, состоявшемуся въ 1895 г. послѣ переговоровъ между Россіей и Англіей. Зависимость ханства отъ Россіи была обезпечена присутствіемъ въ Бухарѣ русскаго политическаго агента, впослѣдствіи также проведеніемъ желѣзной дороги черезъ предѣлы ханства, устройствомъ русской таможенной линіи на Аму-Дарьѣ вдоль его южной границы (съ Авганистаномъ), основаніемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой линіи (переправа Керки, развалины города Термеза, постъ въ Шугнанѣ) укрѣпленій съ русскими гарнизонами и устройствомъ пароходнаго сообщенія вверхъ по рѣкѣ до Термеза.

Одновременно съ военными дѣйствіями противъ ханствъ происходило занятіе русскими восточнаго берега Каспійскаго моря, отдѣленнаго отъ ханствъ степнымъ пространствомъ. Въ эту мѣстность русскіе отряды посылались частью изъ Астрахани, частью изъ Кавказа; послѣ утвержденія здѣсь русской власти Закаспійская область долго оставалась подъ управленіемъ кавказскихъ властей и только впослѣдствіи была соединена въ административномъ отношеніи съ Туркестанскимъ краемъ.

Еще въ 1839 г. было основано на берегу Мангышлакскаго полуострова Ново-Петровское укрѣпленіе, переименованное въ 1859 г. въ фортъ Александровскій; въ 1869 г. основаніемъ Красноводска былъ выполненъ планъ Петра Великаго—построить укрѣпленіе на берегу Балханскаго залива, около стараго устья Аму-Дарьи. Жившіе здѣсь туркмены фактически были совершенно независимы какъ отъ хивинскаго, такъ и отъ персидскаго правительства; тѣмъ не менѣе правительство персидскаго шаха считало основаніе Красноводска нарушеніемъ своихъ правъ.

Благодаря этимъ событіямъ, генералъ-губернаторъ Кауфманъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ 1839 г. Перовскій, могъ предпринять движеніе противъ Хивинскаго ханства, владѣтель котораго по-прежнему отказывался освободить русскихъ плѣнныхъ и продолжалъ посылать отряды въ киргизскія степи, въ мѣстности, считавшіяся присоединенными къ Россіи. Хивинцы утверждали, что границу между ханствомъ и Россіей составляетъ рѣка Сыръ-Дарья; русскіе считали своими владѣніями какъ правый, такъ и лѣвый берегъ рѣки. Еще труднѣе было бы опредѣлить границу въ мѣстности между Аральскимъ и Каспійскимъ морями.

Въ 1873 г. противъ Хивинскаго ханства были отправлены русскіе отряды съ трехъ сторонъ: изъ Ташкента (во главѣ этого отряда находился самъ Кауфманъ), изъ Мангышлака и изъ Красноводска. Изъ этихъ отрядовъ два первыхъ (третій не могъ преодолѣть трудностей похода черезъ песчаныя степи и былъ вынужденъ вернуться обратно) достигли цѣли и послѣ ничтожнаго сопротивленія заняли ханство. При заключеніи мира хивинскій ханъ долженъ былъ признать свою зависимость отъ Россіи въ болѣе категорической формѣ, чѣмъ ханы бухарскій и кокандскій; по первому пункту договора ханъ призналъ себя „покорнымъ слугою Императора Всероссійскаго". Часть ханства къ востоку отъ Аму-Дарьи была непосредственно присоединена къ русскимъ владѣніямъ; здѣсь былъ основанъ городъ Петро-Александровскъ, гдѣ были сосредоточены сношенія между ханствомъ и русскими властями, безъ учрежденія агентства въ самой Хивѣ.

Такимъ образомъ, ханства Бухарское и Хивинское сохранили свое существованіе, хотя и были приведены въ полную зависимость отъ Россіи. Въ Кокандскомъ ханствѣ въ 1875 г. снова произошли смуты, связанныя съ возстаніемъ противъ русскихъ; послѣ усмиренія возстанія и занятія городовъ ханства русскими войсками существованію ханства въ 1876 г. былъ положенъ конецъ, и въ Ферганской области было введено русское управленіе.

Съ присоединеніемъ Семирѣчья Россія пріобрѣла край, на который въ XVIII в. изъявляло притязаніе китайское правительство. Для обезпеченія новыхъ пріобрѣтеній было необходимо заключить договоръ съ Китаемъ и опредѣлить границу между Россіей и Китайской имперіей, что и было достигнуто Чугучакскимъ договоромъ 1864 г. Около того же времени въ Илійскомъ краѣ, какъ и въ Восточномъ Туркестанѣ, произошло кровопролитное возстаніе мусульманскаго населенія противъ китайцевъ; господство китайцевъ было уничтожено, и возникли новыя мусульманскія государства. Одно изъ нихъ, Кульджинское султанство,

въ 1871 г. вслѣдствіе пограничныхъ недоразумѣній было занято русскими войсками, причемъ русское правительство объявило, что не оспариваетъ правъ китайскаго правительства на эту область и вернетъ ее Китаю, какъ только послѣдній будетъ въ состояніи поддерживать здѣсь порядокъ. Кульджинскій край оставался подъ русскимъ управленіемъ до 1882 г.; въ это время китайцамъ удалось покончить съ мусульманскимъ возстаніемъ въ Восточномъ Туркестанѣ; китайскія войска подошли къ границамъ занятой русскими области, и китайское правительство требовало выполненія обѣщанія, даннаго въ 1871 г. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній былъ заключенъ С.-Петербургскій трактатъ (въ 1881 году), по которому Кульджа была возвращена Китаю и вновь была установлена граница между обоими государствами, причемъ къ Россіи отошла только небольшая часть бывшаго Кульджинскаго султанства; возвращеніе Китаю остальной части края состоялось въ 1882 г.

Послѣ завоеванія кокандскихъ крѣпостей въ Семирѣчьѣ и по Сыръ-Дарьѣ изученіе русскими киргизскихъ степей уже не встрѣчало препятствій. Уже въ 1865 г. былъ изданъ обширный статистическій трудъ Мейера „Киргизская степь"; къ концу 60-хъ годовъ относится также путешествіе турколога Вас. Вас. Радлова, впослѣдствіи академика, которымъ былъ собранъ обширный матеріалъ по народной литературѣ киргизъ-кайсаковъ, кара-киргизовъ и другихъ турецкихъ народовъ, представленный черезъ академика Шифнера академіи наукъ и изданный ею въ подлинникѣ и нѣмецкомъ переводѣ. На этомъ матеріалѣ и на лингвистическихъ изслѣдованіяхъ В. В. Радлова основаны почти всѣ дальнѣйшіе успѣхи турκологіи, какъ науки; въ то же время отчетъ о путешествіи Радлова, также напечатанный на нѣмецкомъ языкѣ, значительно обогатилъ наши свѣдѣнія по этнографіи средне-азіатскихъ турковъ. Изъ всѣхъ народовъ турецкаго происхожденія особенное вниманіе изслѣдователей обращали на себя, по своей многочисленности и по обширности занимаемой ими территоріи, киргизъ-кайсаки; объ этомъ народѣ на русскомъ языкѣ существуетъ обширная литература, разсѣянная по различнымъ періодическимъ изданіямъ. Оренбургъ, послѣ образованія генералъ-губернаторствъ Туркестанскаго и Степного (учрежденнаго въ 1882 г.), утратилъ свое прежнее административное значеніе, но благодаря дѣятельности Оренбургской ученой архивной коммиссіи и издаваемымъ ею „Трудамъ" въ немъ отчасти и теперь сосредоточены работы по изученію киргизскихъ степей, въ особенности ихъ прошлаго, о которомъ въ оренбургскомъ архивѣ хранится, повидимому, еще много неизданнаго матеріала.

Кромѣ вопросовъ этнографическихъ и лингвистическихъ русскими изслѣдователями былъ разрѣшенъ также одинъ изъ вопросовъ физической географіи Средней Азіи, который до тѣхъ поръ былъ для западно-европейскихъ ученыхъ только предметомъ догадокъ и предположеній, именно вопросъ о характерѣ средне-азіатскихъ горныхъ системъ, въ особенности главной изъ нихъ, извѣстной подъ китайскимъ названіемъ Тянь-шань („Небесныя горы"). Благодаря цѣлому ряду астрономическихъ, геологическихъ, топографическихъ и друг. работъ характеръ хребтовъ Тянь-шаня былъ вполнѣ выясненъ, причемъ была доказана несостоятельность гипотезы Гумбольдта о вулканическомъ характерѣ этой системы. Изслѣдованіе Тянь-шаня признается одной изъ важнѣйшихъ заслугъ русской науки въ дѣлѣ изученія земного шара. Представители русской науки, особенно дѣятели географическаго общества, придавали этой задачѣ такое значеніе, что экспедиціи съ этой цѣлью предпринимались, съ опасностью для жизни изслѣдователей, тотчасъ послѣ первыхъ успѣховъ русскаго оружія, задолго до окончательнаго замиренія края. Уже въ 1856—7 гг. П. П. Семеновъ первый черезъ Семирѣчье достигъ Тянь-шаня. Въ 1859 г. капитанъ Голубевъ совершилъ путешествіе вокругъ озера Иссыкъ-куль. Въ 1861 г. артиллерійскимъ офицеромъ Венюковымъ было составлено описаніе новыхъ пріобрѣтеній Россіи, подъ заглавіемъ „Очерки Заилійскаго края". Изученію Тянь-шаня и Памирской возвышенности, гдѣ нынѣ сходятся границы владѣній русскихъ, китайскихъ и англо-индійскихъ, болѣе всего способствовали труды Сѣверцова; главныя его путешествія относятся къ 1864—67 гг., но его первыя экскурсіи были совершены гораздо раньше; еще въ 1858 г. онъ во время одной изъ такихъ экскурсій былъ взятъ въ плѣнъ кокандцами и пробылъ въ плѣну около мѣсяца.

Послѣ образованія Туркестанскаго генералъ-губернаторства путешествіе для изслѣдованія Тянь-шаня совершилъ въ 1869 г. баронъ Каульбарсъ. Въ томъ же году начались изслѣдованія Федченко. Послѣ изученія верховьевъ Зарявшана, онъ въ 1871 г. перенесъ свои работы въ предѣлы Кокандскаго ханства; имъ впервые была изслѣдована мѣстность между Ферганской долиной и Памирской вызвышенностью, причемъ были открыты снѣжные хребты Алайскій и Заалайскій и расположенная между ними Алайская долина. Федченко погибъ въ 1874 г. при восхожденіи на одинъ изъ швейцарскихъ ледниковъ, не успѣвъ обработать своихъ трудовъ, которые были изданы уже послѣ его смерти.

Работы по изученію края встрѣчали со стороны генералъ-губернатора Кауфмана полное содѣйствіе, иногда даже пред-

принимались по его инициативѣ. На этой сторонѣ дѣятельности Кауфмана намъ придется подробнѣе остановиться въ слѣдующей главѣ; мы увидимъ, какъ велики были и въ этомъ отношении заслуги перваго туркестанскаго генералъ-губернатора, за которымъ вообще упрочилась слава „устроителя Туркестанскаго края“, хотя нѣкоторые изъ вопросовъ, имѣвшихъ для края жизненное значенiе, были разрѣшены только послѣ него. Къ числу такихъ вопросовъ прежде всего принадлежалъ вопросъ о путяхъ сообщенiя между Туркестаномъ и коренными русскими областями. При жизни Кауфмана единственной дорогой, соединявшей Туркестанъ съ европейской Россiей, оставался оренбургскiй почтовый трактъ. Въ слѣдующiе годы, уже при генералъ-губернаторѣ Черняевѣ (1882—1884), возникъ споръ о томъ, вести ли желѣзную дорогу въ Туркестанъ отъ Оренбурга или отъ берега Каспiйскаго моря, именно отъ Балханской бухты. Вопросъ былъ разрѣшенъ въ пользу второго направленiя, отчасти въ связи съ возобновленiемъ стараго проекта снова направить рѣку Аму-Дарью въ Каспiйское море; горячимъ сторонникомъ этого проекта, впослѣдствiи признаннаго несостоятельнымъ, былъ и Черняевъ.

Проведенiе желѣзной дороги было возможно только послѣ окончательнаго покоренiя туркменъ, занимавшихъ страну между Каспiйскимъ моремъ и берегомъ Аму-Дарьи и до начала 80-хъ годовъ сохранявшихъ свою независимость. Война съ туркменами, начавшаяся въ 1879 г., остается до настоящаго времени послѣднимъ значительнымъ военнымъ предпрiятiемъ Россiи въ Средней Азiи. Кочевники-туркмены еще въ меньшей степени, чѣмъ узбеки, обладали государственной организацiей и были еще хуже вооружены; артиллерiи у нихъ не было совсѣмъ; въ ихъ странѣ не было ни городовъ, ни постоянныхъ крѣпостей; были только временныя укрѣпленiя, служившiя оплотомъ при нашествiи врага и покидавшiяся населенiемъ, когда опасность была устранена. Тѣмъ не менѣе русскiя войска въ странѣ туркменъ встрѣтили гораздо болѣе упорное сопротивленiе, чѣмъ въ остальной части Средней Азiи. Первый походъ (1879 г.) окончился совершенной неудачей; въ слѣдующемъ году противъ туркменъ былъ отправленъ лучшiй изъ русскихъ генераловъ, Скобелевъ, и ему въ 1881 г. послѣ правильной осады, со значительными потерями, удалось взять главное туркменское укрѣпленiе, Гёкъ-тепе. Во время осады былъ случай потери русскимъ отрядомъ, при неожиданной вылазкѣ туркменъ, знамени и двухъ пушекъ, чего не случалось съ русскими войсками ни при одномъ изъ другихъ средне-азiатскихъ походовъ. Для туркменъ паденiе Гёкъ-тепе было соединено

со страшными потерями, совершенно сломившими ихъ сопротивленiе; присоединенiе остальной части туркменскихъ земель, закончившееся въ 1884 г. присягою мервскихъ туркменъ, было достигнуто безъ военныхъ дѣйствiй. Туркменскiя земли граничили съ Персiей и съ Авганистаномъ, причемъ граница ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не была точно опредѣлена. Установленiе государственной границы Россiи съ Персiей было достигнуто путемъ непосредственныхъ переговоровъ между обоими государствами; установленiе границы съ Авганистаномъ, находящимся въ сферѣ англiйскаго влiянiя, было связано съ большими затрудненiями. Въ 1885 г. насильственное вытѣсненiе авганскаго отряда русскими изъ спорной территорiи едва не было причиной войны между Россiей и Англiей; но потомъ удалось достигнуть соглашенiя, и граница была установлена англо-русской разграничительной коммиссiей.

Только послѣ этихъ событiй могъ быть осуществленъ проектъ желѣзной дороги между берегомъ Каспiйскаго моря и культурными областями Аральскаго бассейна. Первый участокъ этой желѣзной дороги, до Кызылъ-Арвата, былъ законченъ еще въ 1881 г., но только въ 1887 г. дорога была доведена черезъ Мервъ до Самарканда, причемъ впослѣдствiи была выстроена вѣтвь отъ Мерва къ авганской границѣ. Въ послѣднiе годы XIX в. дорога отъ Самарканда была продолжена до Ташкента и Андижана. Къ этому времени успѣла выясниться нецѣлесообразность направленiя, избраннаго въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, вслѣдствiе котораго желѣзнодорожное сообщенiе между европейской Россiей и Туркестаномъ прерывалось переѣздомъ черезъ Каспiйское море. Въ началѣ XX в. Ташкентъ былъ соединенъ желѣзной дорогой съ Оренбургомъ, чѣмъ было установлено непрерывное желѣзнодорожное сообщенiе отъ Петербурга до авганской границы.

О русскихъ работахъ по изученiю киргизскихъ степей, Аральскаго и Каспiйскаго морей ср. И. В. Мушкетовъ, Туркестанъ, Спб. 1886; также Л. Бергъ, Аральское море, Спб. 1908. Объ исторiи Кокандскаго ханства В. П. Наливкинъ, Краткая исторiя Кокандскаго ханства, Казань 1885; ср. отзывы Н. И. Веселовскаго (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. I, 227—228) и бар. В. Р. Розена (ibid. IV, 126—128); также статьи въ Зап. Вост. Отд. XI, 87—114 и статьи Н. Г. Маллицкаго „Нѣсколько страницъ изъ исторiи Ташкента за послѣднее столѣтiе“ (Протоколы Турк. кружка люб. арх. III, 158—177) и „Къ исторiи Ташкента подъ кокандскимъ владычествомъ“ (ibid. V, 126—137). Нота Горчакова въ англiйскомъ переводѣ въ книгѣ Fr. H. Skrine and E. D. Ross, The heart of Asia, Lond. 1899, p. 417—423. О русскихъ и кокандскихъ притязанiяхъ еще W. Radloff, Aus Sibirien, 2-te Ausg., Lpz. 1883, II, 417 f.

О ходѣ завоеваній книги Макшеева и Терентьева (заглавія см. выше, стр. 189); также Н. Весселовскій, Киргизскій разсказъ о русскихъ завоеваніяхъ въ Туркестанскомъ краѣ, Спб. 1894. О событіяхъ въ Кульджинскомъ краѣ W. Radloff, Aus Sibirien, II, 286—415; Воспоминанія илійскаго сибинца о дунганско-таранчинскомъ возстаніи въ 1864—1871 годахъ въ Илійскомъ краѣ, перев. А. Дьякова (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XVIII, 233—282; тамъ же на стр. 236 библіографическія замѣчанія В. Л. Котвича). О краѣ подъ русскимъ управленіемъ Н. Пантусовъ, Свѣдѣнія о Кульджинскомъ районѣ за 1871—77 гг., Казань 1881. Библіографическій обзоръ трудовъ В. В. Радлова до 1906 г. (К. Г. Залемана) въ юбилейномъ изданіи: „Ко дню семидесятилѣтія Вас. Вас. Радлова“, Спб. 1907. Къ литературѣ о киргизахъ см. П. Мелиоранскій, Краткая грамматика казакъ-киргизскаго языка. Ч. I, Спб. 1894, стр. 5—6.

ГЛАВА XVIII.

Изученіе русскими средне-азіатскихъ ханствъ достигло значительныхъ успѣховъ уже въ первой половинѣ XIX в., еще до подчиненія ханствъ русской власти. Путешествія въ Бухару и въ Хиву въ то время совершались обыкновенно изъ Оренбурга, путешествія въ Кокандское ханство—изъ пунктовъ Иртышской линіи. Результаты этихъ путешествій могли быть использованы для науки въ большей степени, чѣмъ прежде, отчасти благодаря дѣятельности профессоровъ-оріенталистовъ, представителей учрежденныхъ въ началѣ XIX в. университетскихъ каѳедръ восточныхъ языковъ.

Въ 1820 г. въ Бухару было отправлено посольство Негри; путешествіе изъ Оренбурга въ Бухару было описано двумя участниками посольства, офицеромъ генеральнаго штаба Мейендорфомъ (секретаремъ посольства) на французскомъ языкѣ и натуралистомъ Эверсманомъ на нѣмецкомъ; послѣдній, кромѣ свѣдѣній о странѣ, сообщилъ также списокъ словъ авганскаго языка. Трудъ Мейендорфа былъ напечатанъ въ Парижѣ, трудъ Эверсмана — въ Берлинѣ. Негри получилъ въ подарокъ отъ эмира рукопись историческаго сочиненія (Тарихи Мукимъ-Хани), которое было издано и переведено на французскій языкъ профессоромъ Сенковскимъ и долгое время оставалось для европейцевъ единственнымъ источникомъ для исторіи Бухарскаго ханства; ненадежность этого источника теперь доказана, но матеріалъ для его провѣрки и теперь еще не приведенъ въ извѣстность въ достаточной степени.

Въ 1834 г. учитель татарскаго языка въ оренбургскомъ

училищѣ, баронъ Демезонъ, впослѣдствіи директоръ учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, совершилъ путешествіе изъ Оренбурга въ Бухару, переодѣтый татарскимъ муллой. Для науки этотъ смѣлый подвигъ, хотя и совершенный ученымъ оріенталистомъ, имѣлъ столь же мало результатовъ, какъ тридцать лѣтъ спустя такой же подвигъ венгерскаго оріенталиста Вамбери.

Слѣдующее путешествіе было совершено при иныхъ условіяхъ; на этотъ разъ русскіе люди могли отправиться въ Бухарское ханство совершенно открыто, по приглашенію самого эмира, нуждавшагося въ горныхъ инженерахъ для разработки естественныхъ богатствъ его страны. Первое путешествіе, вызванное просьбой эмира, именно путешествіе Ковалевскаго и Гернгросса (1839 г.), не достигло цѣли; болѣе успѣшно было путешествіе инженеровъ Бутенева и Богословскаго, которыхъ сопровождали молодой оріенталистъ-автодидактъ Ханыковъ, воспитанникъ Царскосельскаго лицея, и натуралистъ Леманъ (1841—42 гг.). Главнымъ результатомъ путешествія была книга Ханыкова „Описаніе Бухарскаго ханства“ (1843). Въ книгѣ даются подробныя свѣдѣнія о странѣ, о населеніи, въ особенности объ административномъ устройствѣ, подробно описываются, съ приложеніемъ плановъ, города Бухара и Самаркандъ и т. п. Съ тѣхъ поръ многіе русскіе изслѣдователи имѣли возможность посѣтить Бухарское ханство при еще болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ Ханыковъ; тѣмъ не менѣе его книга остается и до сихъ поръ лучшимъ описаніемъ ханства, за исключеніемъ восточныхъ областей, присоединенныхъ къ бухарскимъ владѣніямъ только послѣ русскаго завоеванія и тогда же впервые посѣщенныхъ русскими. Исключительныя достоинства книги Ханыкова возбуждаютъ еще больше удивленія, если вспомнить, что автору во время пребыванія въ Бухарѣ было 19 лѣтъ, во время изданія книги—21 годъ. Ханыковымъ было пріобрѣтено также значительное количество рукописей, впослѣдствіи переданныхъ въ Имп. публичную библіотеку.

Записки Лемана о томъ же путешествіи, на нѣмецкомъ языкѣ, послѣ его смерти (онъ умеръ въ 1842 г, на обратномъ пути изъ Бухары) были переданы академіи наукъ и изданы по ея распоряженію, причемъ издатель (Helmersen) воспользовался также книгой Ханыкова. Кромѣ части страны, описанной Ханыковымъ, Леманъ впервые посѣтилъ и описалъ мѣстность по верховьямъ Зарявшана; изъ археологическихъ памятниковъ имъ между прочимъ описанъ караванъ-сарай Рабати-Меликъ (въ степи между

культурными полосами Самарканда и Бухары), построенный, какъ было доказано впослѣдствіи, во второй половинѣ XI в.

Нѣкоторое значеніе для науки имѣло посольство въ Бухару Игнатьева (1858—59); при посольствѣ находился командированный академіей наукъ оріенталистъ Лерхъ, пріобрѣвшій нѣкоторое число рукописей для азіатскаго музея академіи и монетъ для эрмитажа и археологическаго общества. Еще болѣе значительное количество рукописей перешло въ собственность русскаго правительства во время военныхъ дѣйствій 1868—69 гг.; эти рукописи были переданы въ Имп. публичную библіотеку, гдѣ составили такъ называемую „коллекцію Кауфмана". Между прочимъ, въ Самаркандѣ былъ пріобрѣтенъ одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ Корана; какъ и нѣкоторые другіе древніе списки, эта рукопись выдается за экземпляръ Корана, находившійся въ рукахъ халифа Османа, когда къ нему ворвались убійцы, и сохранившій слѣды крови халифа. Богатое собраніе рукописей было добыто при взятіи города Шахрисябза.

Событія 1868 г. сдѣлали Бухарское ханство вполнѣ доступнымъ для русскихъ изслѣдователей. Начиная съ 70-хъ годовъ былъ совершенъ рядъ поѣздокъ въ восточную часть ханства, особенно въ горныя области по верховьямъ Аму-Дарьи, прилегающія къ памирской возвышенности. Въ географическомъ отношеніи край былъ изслѣдованъ довольно подробно. Еще въ 30-хъ годахъ край былъ извѣстенъ русскимъ лучше, чѣмъ западнымъ европейцамъ; Бэрнсъ только на русскихъ картахъ нашелъ правильно обозначеннымъ теченіе Зарявшана, который на западно-европейскихъ картахъ изображался какъ притокъ Аму-Дарьи. Болѣе подробны были свѣдѣнія Вуда и друг.; наиболѣе подробной и точной англійской картой Средней Азіи до русскаго завоеванія была карта Уокера (Walker); русскими изслѣдователями и эта карта была во многихъ отношеніяхъ исправлена и дополнена. Нѣкоторыми путешественниками сверхъ того былъ собранъ этнографическій и лингвистическій матеріалъ; какъ по особенностямъ своего быта, такъ и по языку населеніе нѣкоторыхъ горныхъ областей существенно отличается отъ остальныхъ жителей ханства. Въ 1898 и 1901 гг. эти области посѣтили гр. А. А. Бобринской и оріенталистъ (воспитанникъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ) А. А. Семеновъ; гр. Бобринскому принадлежитъ также статья объ остаткахъ нѣкогда могущественной секты исмаилитовъ, сохранившихся въ тѣхъ же областяхъ.

Для изученія Бухарскаго ханства въ другихъ отношеніяхъ

со времени подчиненія его русской власти сдѣлано меньше, чѣмъ можно было ожидать. Книга Ханыкова до сихъ поръ не замѣнена другимъ, столь же подробнымъ и всестороннимъ описаніемъ ханства въ его нынѣшнемъ состояніи. Нѣтъ также обзора исторіи ханства, составленнаго по первоисточникамъ; большею частью эти источники даже не изданы, и время узбецкаго владычества остается однимъ изъ самыхъ темныхъ періодовъ въ исторіи Средней Азіи. Въ предѣлахъ ханства не было ни археологическихъ, ни историко-географическихъ изслѣдованій; не выяснена даже топографія средневѣковой Бухары, хотя условія для такого изслѣдованія какъ нельзя болѣе благопріятны, такъ какъ Бухара, въ отличіе отъ большей части другихъ среднеазіатскихъ городовъ, всегда находилась на томъ же мѣстѣ, какъ теперь, и о топографіи города до насъ дошли такія подробныя письменныя извѣстія, какъ ни объ одномъ изъ другихъ городовъ края.

Путешествія изъ Оренбурга въ Хиву, несмотря на бо̀льшую близость разстоянія, были связаны еще съ бо̀льшими затрудненіями, чѣмъ путешествія въ Бухару; отношеніе хивинскаго правительства къ Россіи было еще болѣе враждебно; до завоеванія русскими Средней Азіи Хива оставалась главнымъ рынкомъ, на которомъ продавались въ рабство русскіе плѣнные; требованіе освободить этихъ плѣнныхъ, предъявлявшееся всѣми русскими посольствами, здѣсь встрѣчало наибольшія затрудненія.

Посольство, отправленное изъ Оренбурга въ Хиву въ 1818—19 гг., не достигло мѣста назначенія; но въ 1819 г. въ Хиву удалось проникнуть русскому посольству съ другой стороны, изъ Кавказа. Капитанъ Николай Муравьевъ (впослѣдствіи Муравьевъ-Карскій) совершилъ путешествіе въ Хиву по порученію главноначальствующаго на Кавказѣ Ермолова; послѣ Бековича онъ первый высадился около Балханской бухты, мѣста впаденія Узбоя (стараго русла Аму-Дарьи) и оттуда черезъ кочевья туркменъ достигъ Хивы, гдѣ сначала встрѣтилъ неблагопріятный пріемъ, даже былъ подвергнутъ заключенію, но потомъ все-таки былъ принятъ ханомъ и возвратился къ Ермолову въ сопровожденіи хивинскихъ пословъ. Результатомъ этого путешествія была книга о Хивинскомъ ханствѣ, тотчасъ же переведенная на французскій и нѣмецкій языки и долгое время остававшаяся для европейскихъ читателей почти единственнымъ источникомъ свѣдѣній объ этомъ узбецкомъ владѣніи.

Послѣ похода Перовскаго (1839) отношенія ханства къ Россіи на короткое время сдѣлались нѣсколько болѣе дружествен-

ными; несмотря на неудачу похода хивинцы поняли угрожавшую имъ опасность, тѣмъ болѣе, что въ Оренбургѣ тотчасъ послѣ возвращенія Перовскаго начались приготовленія къ новому походу. Русскіе послы Никифоровъ (1841) и Данилевскій (1842) были приняты ханомъ лучше, чѣмъ ихъ предшественники; второму даже удалось заключить договоръ съ ханствомъ относительно торговыхъ сношеній (русскіе плѣнные были освобождены еще раньше). Данилевскимъ было составлено описаніе ханства, изданное только въ 1851 г. географическимъ обществомъ. Другое описаніе ханства, на нѣмецкомъ языкѣ, составилъ одинъ изъ спутниковъ Данилевскаго, натуралистъ Базинеръ.

Договоръ, заключенный Данилевскимъ, не былъ выполненъ; отношенія вновь приняли прежній характеръ; въ Хиву снова стали доставляться русскіе плѣнные. Вопросъ о Хивѣ, какъ мы видѣли, былъ разрѣшенъ только походомъ 1873 г. Участниками этого похода были произведены также работы (топографическія и другія) для изученія ханства и для исправленія его карты; въ этихъ работахъ принималъ дѣятельное участіе воспитанникъ факультета восточныхъ языковъ А. Л. Кунъ, статьи котораго, кромѣ свѣдѣній о современномъ состояніи страны, заключаютъ въ себѣ также свѣдѣнія о памятникахъ древности. Кромѣ того имъ же былъ переданъ въ азіатскій музей академіи наукъ рядъ рукописей, доставшихся русскимъ во время похода, въ томъ числѣ полный экземпляръ оффиціальной исторіи ханства, составленной въ XIX в. нѣсколькими авторами и доведенной до 1872 г.

Какъ приготовленія къ походу, такъ и результаты его вызвали довольно обширную литературу, въ томъ числѣ и нѣкоторые труды оріенталистовъ; сводъ свѣдѣній объ исторіи ханства составили въ 1873 г. на нѣмецкомъ языкѣ Лерхъ, въ 1877 г. на русскомъ языкѣ Н. И. Веселовскій. Тѣмъ не менѣе для изученія Хивинскаго ханства при русскомъ владычествѣ сдѣлано столь же мало, какъ для изученія Бухарскаго. Полнаго описанія ханства также не существуетъ; находящійся въ азіатскомъ музеѣ академіи экземпляръ оффиціальной исторіи ханства остается неизданнымъ и еще никѣмъ не былъ использованъ. Какъ въ туркестанскихъ, такъ и въ столичныхъ изданіяхъ о Хивинскомъ ханствѣ послѣ 70-хъ годовъ были напечатаны только отдѣльныя статьи.

Путешествія въ Ташкентъ и Кокандъ совершались, какъ мы видѣли, преимущественно изъ пограничныхъ городовъ Сибири. Въ самомъ концѣ XVIII в. ташкентскій владѣтель, какъ сорокъ лѣтъ спустя бухарскій эмиръ, обратился къ русскимъ властямъ съ просьбой прислать знатоковъ горнаго дѣла; изъ Семипала-

тинска въ 1800 г. были посланы въ Ташкентъ горные чиновники Бурнашевъ и Поспѣловъ (Бурнашевъ еще въ 1794 г. ѣздилъ въ Бухару), съ порученіемъ „удовлетворить настояніе тамошняго владѣтеля, въ разсужденіи открытыхъ близъ Ташкента рудныхъ пріисковъ“. Бурнашевъ и Поспѣловъ между прочимъ сообщили нѣкоторыя свѣдѣнія о происходившихъ въ то время войнахъ между владѣтелями Ташкента и Коканда; нѣсколько лѣтъ спустя Алимъ-хану кокандскому (онъ первый изъ узбецкихъ владѣтелей Ферганы принялъ ханскій титулъ) удалось завоевать Ташкентъ. Въ 1813—14 г. въ Кокандъ ѣздилъ изъ Петропавловска переводчикъ Филиппъ Назаровъ; результатомъ этого путешествія были „Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ средней части Азіи“. Въ 1830 г. хорунжій Потанинъ сопровождалъ кокандское посольство, возвращавшееся изъ Россіи на родину, и тоже составилъ описаніе ханства. Въ концѣ 40-хъ годовъ, передъ началомъ военныхъ дѣйствій, были собраны свѣдѣнія о ханствѣ отъ находившихся въ Оренбургѣ кокандскихъ купцовъ, и на основаніи этихъ свѣдѣній была составлена особая записка. Послѣ присоединенія ханства къ русскимъ владѣніямъ Ферганская область, какъ и другія области Средней Азіи, была предметомъ ряда изслѣдованій. Изученію края въ географическомъ отношеніи болѣе всего способствовали упомянутые выше труды Федченко; изъ трудовъ, посвященныхъ изученію быта населенія, выдаются „Очерки Ферганской долины“ академика Миддендорфа, посѣтившаго область въ 1878 г. по предложенію П. П. Семенова, когда Кауфманомъ былъ поднятъ вопросъ объ изученіи области въ сельскохозяйственномъ и экономическомъ отношеніяхъ, и въ особенности „Очеркъ быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы“ супруговъ Наливкиныхъ, прожившихъ нѣсколько лѣтъ въ кышлакѣ (селеніи) Нанай (Наманганскаго уѣзда), причемъ ихъ жизнь по внѣшней обстановкѣ ничѣмъ не отличалась отъ жизни туземцевъ. В. П. Наливкину принадлежитъ также составленіе „Краткой исторіи Кокандскаго ханства“ по первоисточникамъ; книга имѣла такой успѣхъ, что впослѣдствіи была переведена на французскій языкъ, но не исключаетъ необходимости дальнѣйшихъ изслѣдованій по исторіи ханства, тѣмъ болѣе, что ссылки автора на свои источники не всегда ясны, и его трудъ далеко не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ исторической науки. Кромѣ произведеній туземныхъ историковъ онъ пользовался и оффиціальными документами, причемъ нѣкоторые изъ документовъ, отнесенныхъ имъ къ первымъ вѣкамъ хиджры, въ дѣйствительности относятся къ періоду узбец-

каго владычества. Изъ его источниковъ до сихъ поръ изданъ только одинъ, притомъ далеко не самый цѣнный; другіе до настоящаго времени остаются въ рукописи. Такимъ образомъ, для изученія Кокандскаго ханства и его прошлаго также сдѣлано до сихъ поръ гораздо меньше, чѣмъ еще остается сдѣлать.

Образованіе Туркестанскаго генералъ-губернаторства на нѣкоторое время, благодаря Кауфману, вызвало въ краѣ оживленную научную дѣятельность. Главной цѣлью работъ было изученіе края въ географическомъ, естественно-историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ; но были также приняты мѣры для изученія быта населенія и его прошлаго. Изданный при Кауфманѣ „Туркестанскій альбомъ" заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, отдѣлы этнографическій и археологическій; учрежденный въ Ташкентѣ музей—нѣкоторый матеріалъ по археологіи края; для „Туркестанской публичной библіотеки", также основанной при Кауфманѣ, въ то время старались пріобрѣсти по возможности всѣ сочиненія, касавшіяся Туркестана, въ томъ числѣ и изданныя въ Европѣ произведенія восточныхъ историковъ и географовъ. При библіотекѣ находится также собраніе восточныхъ рукописей, пріобрѣтенныхъ въ Туркестанѣ. Подъ руководствомъ Межова, извѣстнаго автора „Сибирской библіографіи", было положено начало „Туркестанскому сборнику", въ которомъ предполагали соединить всѣ статьи о Туркестанѣ, появлявшіяся въ различныхъ періодическихъ органахъ. Значительное количество статей по изученію края было помѣщено въ оффиціальной газетѣ „Туркестанскія Вѣдомости", основанной въ 1870 г. Была сдѣлана первая попытка организаціи мѣстныхъ научныхъ силъ, посредствомъ учрежденія Туркестанскаго отдѣла Имп. общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Возникшая въ Петербургѣ мысль о привлеченіи на службу въ Туркестанскомъ краѣ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ факультета восточныхъ языковъ, встрѣтила со стороны Кауфмана полное сочувствіе.

Послѣ смерти Кауфмана условія совершенно измѣнились, и дѣло изученія края не получило такого развитія, какъ можно было ожидать. При первомъ преемникѣ Кауфмана, Черняевѣ, даже было принято рѣшеніе уничтожить Туркестанскую публичную библіотеку; при слѣдующемъ генералъ-губернаторѣ это рѣшеніе было отмѣнено, и библіотека была возстановлена, но больше уже не принималось мѣръ для того, чтобы библіотека заключала въ себѣ всѣ изданія, касающіяся Средней Азіи, въ томъ числѣ и изданія оріенталистовъ. Въ этомъ отношеніи библіотека получила существенное приращеніе только въ началѣ XX в. благодаря подарку вел. князя Николая Константиновича, пожертвовавшаго ей свою частную библіотеку, въ которой съ большой полнотой были собраны произведенія англійской литературы о Средней Азіи. Отдѣлъ рукописей также остается до сихъ поръ въ томъ же видѣ, какъ при Кауфманѣ, кромѣ случайнаго пріобрѣтенія—конфискованной въ 1898 г. библіотеки минтюбинскаго ишана, руководителя андижанскаго возстанія. Еще болѣе печальной была участь музея, не только не обогатившагося новыми пріобрѣтеніями, но даже утратившаго часть своего прежняго имущества. Составленіе Туркестанскаго сборника было прервано послѣ 1887 г. и возобновлено только въ 1907 г.

Несмотря на все это, работы по изученію края, конечно, продолжались, и даже были достигнуты нѣкоторые успѣхи въ дѣлѣ организаціи этихъ работъ. Въ это время были образованы мѣстные статистическіе комитеты, въ которыхъ сосредоточивались работы по изученію края не только въ статистическомъ, но также въ географическомъ, этнографическомъ и историческомъ отношеніяхъ. Сыръ-Дарьинскій статистическій комитетъ приступилъ къ печатанію своихъ трудовъ уже съ 80-хъ годовъ, самаркандскій и ферганскій — съ 90-хъ. Туркестанскій отдѣлъ общества любителей естествознанія фактически прекратилъ свою дѣятельность съ 1893 г., но вмѣсто него возникли другіе ученыя общества: въ 1895 г. Туркестанскій кружокъ любителей археологіи, въ 1897 г. Туркестанскій отдѣлъ Имп. русскаго географическаго общества, причемъ тѣмъ и другимъ обществомъ были основаны періодическіе органы для изданія своихъ трудовъ. Въ городѣ Самаркандѣ, гдѣ сохранилось больше всего памятниковъ прошлой жизни Туркестана, благодаря мѣстному статистическому комитету учрежденъ въ 1896 г. второй въ Туркестанскомъ краѣ музей; такой же музей возникъ въ 1898 г. въ Асхабадѣ. Кромѣ развитія газетнаго дѣла, были попытки, хотя и не имѣвшія большого успѣха, издавать ежемѣсячные журналы, въ которыхъ могли бы быть помѣщены болѣе значительныя по объему научно-популярныя статьи по изученію края. Наконецъ, въ Туркестанскій край по-прежнему снаряжались научныя экспедиціи изъ европейской Россіи, какъ для разрѣшенія физико-географическихъ вопросовъ (напр. для изученія ледниковъ), такъ и для изученія памятниковъ прошлаго. Особенный интересъ для археологовъ представляетъ городъ Самаркандъ; въ самомъ городѣ сохранились, хотя и сильно пострадавшіе отъ времени, архитектурные памятники эпохи Тимура и Тимуридовъ; къ сѣверу отъ города

расположено городище Афрасіабъ, нынѣ совершенно пустынное и лишенное орошенія; городище соотвѣтствуетъ Самарканду домусульманскаго періода, окончательно покинутому жителями только послѣ монгольскаго нашествія. Такимъ образомъ, раскопки на мѣстѣ стараго города здѣсь могутъ производиться безъ нарушенія чьихъ либо имущественныхъ правъ, вслѣдствіе чего въ Самаркандѣ условія столь же благопріятны для археологическихъ изслѣдованій, какъ въ Бухарѣ для историко-топографическихъ. Необходимость воспользоваться такими благопріятными условіями въ томъ и другомъ случаѣ еще слишкомъ мало сознается. Южная часть Афрасіаба еще до русскаго завоеванія была обращена въ кладбище, и при русскомъ владычествѣ не было принято мѣръ для устройства кладбища въ другомъ мѣстѣ, дальше отъ города; остальной части городища угрожала нѣкоторое время опасность быть обращенной въ свалочное мѣсто. Какъ для раскопокъ на Афрасіабѣ, такъ и для изученія самаркандскихъ архитектурныхъ памятниковъ было снаряжено нѣсколько экспедицій Имп. археологической коммиссіей, въ послѣдніе годы также Русскимъ комитетомъ для изученія Средней и Восточной Азіи; тѣмъ не менѣе до настоящаго времени исполнена только небольшая часть работъ, необходимыхъ для выполненія этихъ научныхъ задачъ.

Завоеваніе Туркменіи и послѣдующія событія также не прошли безслѣдно для науки. Наиболѣе подробное описаніе военныхъ дѣйствій было составлено Гродековымъ; рядъ статей о новыхъ русскихъ пріобрѣтеніяхъ напечаталъ инженеръ Лессаръ въ „Извѣстіяхъ“ русскаго географическаго общества. Для поднятія культуры края русское завоеваніе въ этомъ случаѣ имѣло еще больше значенія, чѣмъ въ остальной части Средней Азіи. Всѣ города, существовавшіе здѣсь въ древности и въ средніе вѣка, задолго до русскаго завоеванія были обращены въ развалины; вмѣсто нихъ были только аулы кочевниковъ-туркменъ; существующіе теперь города Асхабадъ, Мервъ и Кызылъ-Арватъ возникли уже при русскихъ. Для изученія памятниковъ прошлаго края проф. Жуковскимъ, по порученію Имп. археологической коммиссіи, были совершены двѣ поѣздки (въ 1890 и 1896 гг.); результатомъ первой поѣздки былъ капитальный трудъ о развалинахъ стараго Мерва, заключающій въ себѣ, кромѣ описанія самихъ развалинъ, изслѣдованіе о прошломъ города, составленное по первоисточникамъ, какого нѣтъ до сихъ поръ ни въ одной изъ европейскихъ литературъ ни для одного изъ городовъ Средней Азіи или Персіи.

Поднятые въ концѣ 70-хъ годовъ вопросы о направленіи желѣзной дороги и о старомъ руслѣ Аму-Дарьи требовали цѣлаго ряда изслѣдованій, касавшихся не только физико-географическихъ условій, но и историческаго прошлаго страны. Первыя работы по изученію такъ называемыхъ старыхъ руселъ рѣки были произведены еще въ связи съ хивинскимъ походомъ 1873 г. барономъ Каульбарсомъ, продолжавшимъ свои изслѣдованія въ слѣдующіе годы; результаты этихъ изслѣдованій съ наибольшей полнотой изложены имъ въ статьѣ, напечатанной въ „Запискахъ географическаго общества“ по общей географіи 1887 г.; Каульбарсъ старался доказать, что теченіе Аму-Дарьи постепенно отклонялось съ запада на востокъ подъ вліяніемъ работы самой рѣки, а не подъ вліяніемъ плотинъ или другихъ человѣческихъ сооруженій. Для изученія Аму-Дарьи и ея такъ называемаго стараго русла, Узбоя, былъ снаряженъ еще рядъ другихъ экспедицій, какъ аму-дарьинская экспедиція 1874 г., снаряженная Имп. географическимъ обществомъ, подъ руководствомъ генерала Столѣтова; „Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изслѣдованія рѣки Аму-Дарьи“ 1879 г., подъ руководствомъ вел. князя Николая Константиновича; экспедиціи Обручева, Коншина, Глуховского и другихъ. Объ Узбоѣ, кромѣ мнѣнія Каульбарса, были высказаны и другія мнѣнія; нѣкоторые, какъ Обручевъ, поддерживали прежнее мнѣніе объ Узбоѣ, какъ о рѣчномъ руслѣ, изъ котораго вода была отведена посредствомъ сооруженія плотинъ; другіе, какъ Коншинъ и проф. Мушкетовъ, доказывали, что Узбой является только морскимъ проливомъ, образовавшимся во время отдѣленія отъ Каспійскаго моря Арало-Сарыкамышскаго бассейна (котловина Сары-Камышъ, къ юго-зап. отъ Аральскаго моря, въ настоящее время совершенно суха, кромѣ двухъ небольшихъ озеръ, сохранившихся на днѣ ея ниже уровня Каспія), и никогда не былъ рѣчнымъ русломъ. Было также высказано мнѣніе (проф. Богдановичемъ, ген. Комаровымъ и другими), что русло Узбоя было образовано дождевыми потоками и столь же ошибочно считается прежнимъ русломъ Аму-Дарьи, какъ образовавшіяся такимъ же путемъ „вади“ въ тропической Африкѣ — руслами Нила. Данныя, относящіяся къ этому вопросу, собраны въ книгѣ Л. С. Берга объ Аральскомъ морѣ, которое было имъ изслѣдовано по порученію Туркестанскаго отдѣла географическаго общества. Эти данныя едва ли позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что съ XIII до XVI вв. часть водъ Аму-Дарьи направлялась въ Сары-Камышскую котловину и оттуда по Узбою въ Каспійское море, такъ что Узбой, каковы бы ни были причины его перво-

начальнаго образованія, въ теченіе нѣкотораго времени былъ
русломъ Аму-Дарьи.

Литература о Средней Азіи разсмотрѣна въ книгѣ И. В. Мушкетова,
Туркестанъ, Спб. 1886; тамъ-же заглавія сочиненій. J. Senkowski, Supplément
à l'histoire générale des Huns, des Turks et des Mogols, St.-P. 1824. О времени
постройки Рабати-Меликъ см. В. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монголь-
скаго нашествія, II, 259 и 336. Некрологъ Лерха въ Журн. Мин. Нар. Просв.
ч. 236 (1884), отд. III, стр. 57—66. Краткое описаніе коллекціи Кауфмана
(П. И. Лерха и В. Д. Смирнова) въ отчетѣ Имп. Публ. библ. 1871 г.,
стр. 14—22; 1874 г., стр. 72—92; 1876 г., стр. 100—168; 1877 г., стр. 49—79.
О самаркандскомъ Коранѣ см. статью А. Шебунина въ Зап. Вост. Отд. Арх.
Общ. VI, 69—133. Гр. А. А. Бобринской, Горцы верховьевъ Пянджа, Москва
1908. Гр. А. А. Бобринской, Секта Исмаилья въ русскихъ и бухарскихъ
предѣлахъ Средней Азіи, Москва 1902 (изъ Этнограф. Обозр. 1902 г., № 2,
стр. 1—20). А. А. Семеновъ, Этнограф. очерки Зарафшанскихъ горъ, Кара-
тегина и Дарваза, Москва 1903 (рец. А. Максимова въ Этногр. Обозр. 1903 г.,
№ 3, стр. 180—182). Изъ новѣйшихъ обще-доступныхъ описаній Бухары: Д. Н.
Логофетъ, Бухарское ханство подъ русскимъ протекторатомъ, Спб. 1911. —
Мухаммадъ Наршахи. Исторія Бухары, перев. съ персидскаго Н. Лыкошинъ,
Ташкентъ 1897 г. Записки Мирзы-Шемса-Бухари о нѣкоторыхъ событіяхъ въ
Бухарѣ, Хокандѣ и Кашгарѣ изд. В. В. Григорьевымъ, Казань 1861. Дани-
левскій, Описаніе Хивинскаго ханства, въ Зап. И. Р. Геогр. Общ. кн. V
(1851), стр. 62—139. Я. В. Ханыковъ, Пояснительная записка къ картѣ Араль-
скаго моря и Хивинскаго ханства, съ ихъ окрестностями (ibid., стр. 268—358).
Статьи А. А. Куна въ Матеріалахъ для статист. Туркест. края, вып. IV. О руко-
писяхъ статья его же въ Изв. И. Р. Геогр. Общ., т. X, отд. II, стр. 57; также
Mélanges Asiatiques X, 278 и В. Бартольдъ, Событія передъ хивинскимъ
походомъ 1873 г. по разсказу хивинскаго историка (Сборникъ въ память К. П.
фонъ-Кауфмана). P. Lerch, Khiva oder Kharezm. Seine historischen und
geographischen Verhältnisse, St.-P. 1873. Н. И. Веселовскій, Очеркъ историко-
географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ отъ древнѣйшихъ временъ до
настоящаго, Спб. 1877. Обозрѣніе Коканскаго ханства въ нынѣшнемъ его
состояніи (анон., Зап. Геогр. Общ., кн. III, 1849, стр. 176—216). В. Налив-
кинъ и М. Наливкина, Очеркъ быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія
Ферганы, Казань 1886; рец. Н. И. Веселовскаго въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ.,
I, 319—320. Объ „Исторіи" см. выше стр. 221; также Зап. Вост. Отд., XV, 272;
о грамотахъ Карасанскаго мазара тамъ-же, стр. 275. Таарихъ Шахрохи,
сочин. Моллы Ніязи Мухаммедъ бенъ Ашуръ Мухаммедъ, хокандца, изд.
Н. Н. Пантусовымъ, Казань 1885. Л. Ө. Костенко, Туркестанскій край.
Опытъ военно-статист. обозрѣнія Туркест. военнаго округа, Спб. 1880. О
„Туркестанскомъ альбомѣ" въ Отчетѣ Имп. Публ. библ. 1883 г., прилож.,
стр. 47—51. О „Туркестанскомъ Сборникѣ" Зап. Вост. Отд. I, 38 и XVIII,
0191—0193. О „Туркест. Вѣдомостяхъ" ibid. IX, 243—262. Е. Каль, Персидскія,
арабскія и тюркскія рукописи Туркестанской Публичной библіотеки, Ташкентъ
1889; рец. бар. В. Р. Розена въ Зап. Вост. Отд. V, 123—124. Главныя періо-
дическія изданія (кромѣ того комитетами издавались и отдѣльныя сочиненія)
статистическихъ комитетовъ: Труды Сыръ-Дарьинскаго Обл. Стат. Ком. въ
1887—88 гг., Ташкентъ 1888 (рец. въ Зап. Вост. Отд. IV, 121—122); Сборникъ
матер. для статист. Сыръ-Дарьинской обл. (т. I въ 1891 г., т. XII въ 1905 г.);

Справочная книжка Самаркандской обл. (вып. I въ 1893 г., вып. IX въ 1907 г.); Матеріалы для статистики Ферганской области (вып. I въ 1897 г.); Ежегодникъ Ферганской обл. (т. I въ 1902 г., рец. въ Зап. Вост. Отд. XV, 045—046). Протоколы Турк. кружка люб. арх. (см. рецензіи въ Зап. Вост. Отд. XII, 027—028; XIII, 0113—0115; XX, 067—073). Извѣстія Турк. отдѣла Имп. Р. Геогр. Общ. (рец. ibid. XIII, 0115—0117). В. Жуковскій, Древности Закасп. края. Развалины Стараго Мерва, Спб. 1894 (Матеріалы по археол. Россіи, изд. Имп. Арх Коммиссіею, № 16); къ этому статьи въ Зап. Вост. Отд. IX, 300—303; XI, 327—333; XIX, 115—138. О работахъ 1896 г. Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи за 1896 г., Спб. 1898, стр. 104—105. Л. Бергъ, Аральское море, Спб. 1908 (Изв. Турк. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ., т. V); тамъ-же подробныя свѣдѣнія о литературѣ предмета, кромѣ мнѣнія А. В. Комарова, приведеннаго въ Зап. Вост. Отд. XIV, стр. XI—XII.

ГЛАВА XIX.

Для изученія областей Дальняго Востока, входящихъ въ составъ Китайской имперіи, русскими учеными въ XIX в. также былъ предпринятъ рядъ изслѣдованій, увѣнчавшихся полнымъ успѣхомъ.

Со времени Кяхтинскаго договора особенное значеніе для Россіи имѣла Монголія; на монгольской границѣ происходили торговыя сношенія между русскими и китайцами; черезъ Монголію совершали путь въ Китай члены пекинской духовной миссіи въ сопровожденіи приставовъ; послѣдними иногда составлялись описанія этихъ путешествій, въ которыхъ сообщались свѣдѣнія и о Монголіи. Изъ такихъ трудовъ можно назвать трудъ Тимковскаго, совершившаго путешествіе въ 1820 и 1821 гг., и трудъ Ковалевскаго (миссія 1849 г.), причемъ послѣдній иногда повторялъ, безъ указанія источника, свѣдѣнія своихъ предшественниковъ. Переводные труды членовъ миссіи касались иногда и Монголіи; такъ въ числѣ трудовъ о. Іакинѳа Бичурина, посвященныхъ различнымъ областямъ Китайской имперіи, находятся также „Записки о Монголіи" (описаніе путешествія черезъ Монголію, статистическія свѣдѣнія о странѣ, очеркъ ея исторіи, переводъ уложенія, на основаніи котораго страна управляется при маньчжурахъ). Для пограничныхъ сношеній требовались знатоки не только китайскаго, но и монгольскаго языковъ, вслѣдствіе чего знавшіе эти языки принимались на службу въ качествѣ переводчиковъ. Когда было рѣшено ввести преподаваніе монгольскаго языка въ университетахъ, одинъ изъ мѣстныхъ знатоковъ языка, Игумновъ,

сдѣлался учителемъ будущихъ профессоровъ монгольской словесности. Монгольскій языкъ изучался русскими также при сношеніяхъ съ астраханскими калмыками; такимъ путемъ пріобрѣлъ свои первыя познанія въ этомъ языкѣ Я. И. Шмидтъ, избранный въ 1829 г. академикомъ и издавшій въ 1831 г. въ Петербургѣ на нѣмецкомъ языкѣ первую монгольскую грамматику.

Рѣшеніе учредить каѳедру монгольскаго языка въ Казанскомъ университетѣ было принято въ 1828 г., по мысли попечителя Мусина-Пушкина. Въ качествѣ кандидатовъ для занятія каѳедры были намѣчены Ос. Мих. Ковалевскій и Ал. Вас. Поповъ; оба впослѣдствіи, послѣ возвращеніи изъ Забайкалья и сдачи экзамена при академіи наукъ, были назначены профессорами и продолжительное время преподавали свой предметъ въ Казани, Поповъ сверхъ того еще нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, послѣ учрежденія факультета восточныхъ языковъ. Дѣятельность Ковалевскаго, сдѣлавшагося оріенталистомъ противъ своего желанія (до 1824 г. онъ былъ преподавателемъ латинскаго языка въ Виленской гимназіи, за участіе въ тайномъ обществѣ былъ уволенъ и командированъ въ Казань для изученія восточныхъ языковъ), имѣла значительное вліяніе на дальнѣйшіе успѣхи востоковѣдѣнія; синологъ В. П. Васильевъ считалъ его своимъ главнымъ учителемъ; изданный Ковалевскимъ „Монголо-русско-французскій словарь“ (1844—6 гг.) не устарѣлъ и до настоящаго времени. По уставу 1835 г. предполагалось ввести преподаваніе монгольскаго языка во всѣхъ русскихъ университетахъ, но это предположеніе не осуществилось; монгольскій языкъ по-прежнему преподавался только въ Казани, притомъ кромѣ университета еще въ одной изъ гимназій. Съ 1855 г. преподаваніе этого языка въ Казани было прекращено; каѳедра была перенесена въ Петербургъ, гдѣ представителемъ ея сдѣлался оріенталистъ казанской школы Голстунскій, преемникомъ котораго былъ его ученикъ Позднѣевъ.

Во второй половинѣ XIX в., когда области Китайской имперіи вновь сдѣлались доступными для европейскихъ путешественниковъ, Имп. русское географическое общество снарядило въ Монголію нѣсколько экспедицій. Кромѣ экспедицій, для которыхъ изученіе Монголіи было главной задачей, свѣдѣнія о Монголіи и монголахъ были собраны также многими путешественниками, направлявшимися въ Китай или Тибетъ. Изученію страны болѣе всего способствовали первое путешествіе Пржевальскаго (1870—73), результатомъ котораго была книга о „Монголіи и Тангутѣ“, и два путешествія Потанина (1876—77 и 1879—80), результатомъ которыхъ былъ четырехтомный трудъ „Очерки сѣверо-западной Монголіи“, заключающій въ себѣ, кромѣ описанія путешествія, богатый матеріалъ по археологіи и этнографіи страны, въ особенности по народной литературѣ. Однимъ изъ участниковъ перваго путешествія Потанина былъ монголистъ Позднѣевъ, оставшійся въ Монголіи до 1879 г. и пріобрѣвшій большое число монгольскихъ рукописей для библіотеки С-Петербургскаго университета. Проф. Позднѣевымъ впослѣдствіи была совершена еще другая экспедиція въ Монголію (1892—3), на средства министерства иностранныхъ дѣлъ; результатомъ этого путешествія долженъ былъ быть капитальный трудъ о Монголіи и монголахъ въ семи томахъ, изъ которыхъ до настоящаго времени вышли въ свѣтъ только два.

Въ 1889 г. въ Монголіи было сдѣлано русскимъ изслѣдователемъ Ядринцевымъ важное археологическое открытіе. На берегу рѣки Орхонъ были открыты памятники, поставленные въ 733 и 735 гг. китайскими мастерами турецкому хану Могиляну и его брату Кюль-тегину, съ надписями на двухъ языкахъ, китайскомъ и турецкомъ, причемъ во второмъ случаѣ письмена оказались тѣми же самыми, какъ въ надписяхъ, открытыхъ еще въ XVIII в. въ долинѣ верхняго Енисея и остававшихся неразобранными. Теперь изслѣдователи, вмѣсто краткихъ енисейскихъ надписей, получили въ свое распоряженіе гораздо болѣе обширный матеріалъ (главная надпись на памятникѣ Кюль-тегина заключаетъ въ себѣ 40 строкъ), притомъ изъ китайской надписи было извѣстно, къ какимъ лицамъ и событіямъ надписи относятся, что давало надежду открыть ключъ къ чтенію письменъ, хотя содержаніе китайскаго и турецкаго текстовъ, какъ потомъ оказалось, не было тожественнымъ. Для полученія точныхъ снимковъ и копій съ надписей были снаряжены двѣ экспедиціи: одна изъ Финляндіи, другая изъ С.-Петербурга, отъ академіи наукъ, подъ руководствомъ академика Радлова. Послѣдней экспедиціи, получившей названіе „Орхонской“ (1891 г.), кромѣ приготовленія эстампажей съ надписей, открытыхъ Ядринцевымъ (самъ Ядринцевъ тоже принималъ участіе въ экспедиціи), удалось открыть нѣсколько новыхъ надписей, частью еще болѣе древнихъ; кромѣ того ею впервые были подробно описаны развалины Каракорума, столицы монгольскихъ хановъ XIII в., и открыты нѣкоторыя надписи въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ. Благодаря атласамъ, обнародованнымъ обѣими экспедиціями (финляндской и академической), датскому ученому Томсену удалось въ 1893 г. найти ключъ къ чтенію енисейскихъ и орхон-

скихъ письменъ. Такимъ образомъ европейская наука получила доступъ къ изученію древнѣйшихъ памятниковъ турецкаго языка; кромѣ того впервые былъ найденъ новый, туземный источникъ для исторіи кочевыхъ государствъ, о которыхъ раньше черпали свѣдѣнія только изъ китайскихъ лѣтописей. Орхонскія надписи вызвали обширную литературу, преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ; изъ русскихъ ученыхъ въ дѣлѣ разбора надписей, кромѣ академика Радлова, принялъ участіе проф. Меліоранскій.

Изученіемъ Китая, китайской и маньчжурской литературы занимались въ Россіи въ первой половинѣ XIX в. исключительно члены пекинской духовной миссіи и лица причисленныя къ ней. Наибольшія заслуги въ этомъ отношеніи принадлежатъ о. Іакинѳу Бичурину, находившемуся во главѣ 9-ой миссіи (1806—1821 гг.); имъ былъ переведенъ съ китайскаго цѣлый рядъ трудовъ, преимущественно географическаго и историческаго содержанія. Какъ было упомянуто выше, пекинская миссія, кромѣ своихъ религіозныхъ задачъ, служила также цѣлямъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и послѣднее въ большей степени, чѣмъ главы духовенства, умѣло цѣнить важность познаній, пріобрѣтенныхъ бывшими членами миссій во время пребыванія въ Пекинѣ. Многіе изъ такихъ лицъ, въ томъ числѣ и о. Іакинѳъ Бичуринъ, послѣ возвращенія изъ Китая нашли приложеніе своимъ познаніямъ только благодаря учрежденному въ 1819 г. азіатскому департаменту министерства.

Впослѣдствіи, когда возникла мысль о введеніи въ Россіи преподаванія китайскаго и маньчжурскаго языковъ, услугами бывшихъ членовъ миссіи въ широкой степени воспользовалось и министерство народнаго просвѣщенія. Проектъ распространить университетское преподаваніе восточныхъ языковъ на языки Дальняго Востока впервые былъ представленъ въ 1811 г. Харьковскимъ университетомъ, но тогда не получилъ осуществленія; предполагалось учредить должность адъюнкта „татарско-маньчжурскаго“ языка, причемъ указывалось на возможность ознакомиться посредствомъ маньчжурскихъ переводовъ съ произведеніями китайской исторической литературы; очевидно, изученіе подлинныхъ произведеній китайской литературы признавалось невозможнымъ, хотя на русскій языкъ еще въ XVIII в. были переведены нѣкоторыя китайскія сочиненія. Каѳедра китайскаго языка впервые была учреждена въ 1837 г. въ Казанскомъ университетѣ; первымъ представителемъ ея былъ архимандритъ Даніилъ Сивилловъ, членъ 10-й пекинской миссіи, отъ котораго университетъ нѣсколько раньше пріобрѣлъ библіотеку китайскихъ со-

чиненій (въ составъ ея, какъ мы видѣли, входила и библіотека прежней іезуитской миссіи). Этимъ не ограничилось значеніе миссіи для развитія университетскаго преподаванія восточныхъ языковъ. Преемникъ о. Даніила, Войцеховскій, преподававшій въ Казани, кромѣ китайскаго, также маньчжурскій языкъ, научился этимъ языкамъ въ Пекинѣ, въ должности врача при миссіи; преемникъ Войцеховскаго, Вас. Павл. Васильевъ, въ молодости пробылъ десять лѣтъ (1840—50) въ Пекинѣ вмѣстѣ съ духовной миссіей, къ которой онъ былъ причисленъ по желанію попечителя Мусина-Пушкина для изученія тибетскаго и китайскаго языковъ. Впослѣдствіи въ Петербургскомъ университетѣ преподавали бывшіе члены миссіи Скачковъ, Пещуровъ (магистръ астрономіи, причисленный къ миссіи для астрономическихъ наблюденій) и Захаровъ, бывшій первымъ и до настоящаго времени единственнымъ въ Россіи профессоромъ маньчжурскаго языка.

Послѣ Пекинскаго договора 1860 г. уже не было основанія возлагать дипломатическія обязанности на духовную миссію, и послѣдняя послѣ учрежденія свѣтской миссіи (1861 г.) лишилась своего прежняго значенія и существуетъ теперь только какъ пережитокъ прошлаго. Въ исторіи научной дѣятельности пекинской миссіи именно этотъ періодъ можно признать самымъ блестящимъ; во главѣ миссіи стоялъ (1849—1859 и вторично съ 1864 г.) о. Палладій Каѳаровъ († 1878), одинъ изъ лучшихъ синологовъ, авторъ извѣстнаго словаря, впослѣдствіи дополненнаго и изданнаго П. С. Поповымъ. Кромѣ словаря, о. Палладію принадлежитъ рядъ цѣнныхъ статей историческаго (особенно о распространеніи въ Китаѣ религій христіанской и мусульманской) и историко-географическаго характера (объясненія къ путешествію Марко Поло, „Дорожныя замѣтки на пути отъ Пекина до Благовѣщенска черезъ Маньчжурію“ и „Дорожныя замѣтки на пути по Монголіи“). При о. Палладіи члены миссіи въ первый и въ послѣдній разъ за время ея существованія начали издавать свои „труды“ (изданіе было начато въ 1852 г., прекратилось на 4-мъ томѣ, вышедшемъ въ 1866 г.).

Послѣ договоровъ, заключенныхъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, кяхтинская торговля утратила свое прежнее монопольное значеніе; для русской торговли были открыты и другіе пути въ китайскія владѣнія. Изученіе новыхъ торговыхъ путей было цѣлью нѣсколькихъ экспедицій, изъ которыхъ по обширности своихъ задачъ выдается экспедиція Сосновскаго, Матусовскаго и Пясецкаго (1874—5) для изслѣдованія пути отъ города Хань-коу

на Янъ-цзы-цзянѣ, главнаго центра чайной торговли, до Зайсанскаго поста. Однимъ изъ участниковъ этой экспедиціи, Матусовскимъ, впослѣдствіи было составлено географическое описаніе Китайской имперіи, лучшее на русскомъ языкѣ. Къ 70-мъ годамъ относятся также два путешествія Пѣвцова; въ первое путешествіе (1876) онъ прошелъ съ караваномъ изъ Зайсанскаго поста въ Гученъ и обратно; въ 1878—9 гг. онъ сопровождалъ другой караванъ, отправленный русскими купцами изъ города Кобдо (въ западной Монголіи) на юго-востокъ черезъ пустыню Гоби; достигнувъ города Куку-хото, экспедиція вернулась въ Россію черезъ восточную Монголію. Результатомъ перваго путешествія былъ трудъ Пѣвцова „Путевые очерки Чжунгаріи“, напечатанный въ „Запискахъ Зап.-Сиб. отд. Геогр. Общ.“ (1879); второе путешествіе описано Пѣвцовымъ въ трудѣ „Очеркъ путешествія по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ Внутренняго Китая“ (1883).

Начиная съ 70-хъ годовъ, было нѣсколько экспедицій въ Китайскую имперію, снаряженныхъ русскимъ географическимъ обществомъ; главная цѣль ихъ была изучить, въ физико-географическомъ отношеніи, мало изслѣдованныя области Восточнаго Туркестана, Тибета и часть собственнаго Китая, населенную главнымъ образомъ тибетцами, хотя въ политическомъ отношеніи не входящую въ составъ Тибета. Таковы третье путешествіе Потанина (1884—6), результатомъ котораго была книга о „Тангутско-тибетской окраинѣ Китая“, путешествія братьевъ Грумъ-Гржимайло (1889—90), Обручева (1893—4), три путешествія Пржевальскаго (1876—8, 1879—80, 1883—5) и путешествія его преемниковъ, Пѣвцова (1889—90), Роборовскаго (1893—5) и Козлова (1899—1901 и 1907—1909). Всѣ эти путешествія коснулись только сѣверной, почти безлюдной части Тибета; нѣкоторые изъ путешественниковъ, какъ Пржевальскій, пытались проникнуть въ центральный Тибетъ и даже въ главный городъ страны, Лхассу, но были вынуждены вернуться обратно, не достигнувъ цѣли. Во время второй экспедиціи П. К. Козлова было подробно изслѣдованы развалины небольшого города Хара-хото (у низовьевъ рѣки Эцзинъ-голъ, въ южной части Монголіи, прилегающей къ китайской провинціи Гань-су), причемъ было найдено богатое собраніе памятниковъ китайской, тибетской и тангутской письменности; этими находками впервые былъ доставленъ матеріалъ для дешифровки такъ называемаго тангутскаго письма, примѣнявшагося въ государствѣ династіи Си-ся, уничтоженной монголами.

О Тибетѣ на русскомъ языкѣ еще въ первой половинѣ XIX в. было два переводныхъ сочиненія, именно переведенныя съ китайскаго о. Іакинѳомъ Бичуринымъ „Описаніе Тибета“ и „Исторія Тибета и Хухунора“. Въ концѣ XVIII в. (1792—1795) ново-патрасскій митрополитъ Хрисанѳъ, переселившійся изъ Турціи въ Индію, оттуда (изъ Бенгаліи) черезъ Тибетъ и Среднюю Азію проѣхалъ въ Сибирь, причемъ будто бы посѣтилъ и Лхассу; но описаніе его путешествія настолько неясно и сбивчиво, что становится сомнительнымъ, былъ ли онъ вообще когда-либо въ столицѣ Тибета (между прочимъ онъ увѣряетъ, что въ Лхассѣ не менѣе $1^1/_2$ милліона жителей, что у далай-ламы до 300.000 пѣхоты и конницы и 2000 слоновъ). Въ новѣйшее время Лхасса и вся прилегающая къ ней мѣстность были безусловно закрыты для европейцевъ, въ томъ числѣ и для русскихъ. Подобно тому, какъ англичане для изученія этой мѣстности прибѣгли къ услугамъ „пандитовъ“, такъ и русскіе могли получать свѣдѣнія о Лхассѣ отъ паломниковъ-буддистовъ изъ русскихъ подданныхъ, калмыковъ и бурятъ. Изъ путешествій калмыцкихъ паломниковъ наиболѣе важно путешествіе База-бакши (1891—94), описаніе котораго было переведено на русскій языкъ проф. Позднѣевымъ. Еще больше значенія имѣло путешествіе Цыбикова (1899—1902), по происхожденію бурята, воспитанника факультета восточныхъ языковъ, нынѣ и. д. профессора восточнаго института во Владивостокѣ. Цыбикову удалось проникнуть въ Лхассу и прожить тамъ нѣкоторое время; благодаря полученной имъ спеціальной подготовкѣ, его наблюденія могли охватить всѣ стороны мѣстной жизни и въ этомъ отношеніи выгодно отличаются отъ наблюденій участниковъ англійской военной экспедиціи 1903—4 гг. Есть полное основаніе надѣяться, что этимъ не ограничится участіе русскихъ подданныхъ-буддистовъ, получившихъ европейское образованіе, въ дѣлѣ изученія Тибета и въ особенности тибетской культуры. Цѣнныя въ научномъ отношеніи результаты имѣло путешествіе Барадійна (1905—7), также происходящаго изъ бурятъ, нынѣ и. д. лектора С.-Петербургскаго университета, который послѣ нѣсколькихъ лѣтъ спеціальной подготовки былъ командированъ въ Тибетъ „Русскимъ комитетомъ для изученія Средней и Восточной Азіи“, хотя онъ на первый разъ посѣтилъ только монастыри, расположенные къ сѣверу отъ границъ собственнаго Тибета.

Изъ русскихъ трудовъ о Тибетѣ необходимо еще упомянуть о компилятивномъ трудѣ проф. Кюнера „Описаніе Тибета“; о Тибетѣ, въ особенности объ исторіи его изученія европейцами,

въ этомъ трудѣ собраны свѣдѣнія, которыхъ нельзя найти въ такой полнотѣ ни въ одномъ изъ западно-европейскихъ сочиненій.

Въ Восточный Туркестанъ въ XIX в. было отправлено нѣсколько экспедицій и посольствъ изъ Сибири и Средней Азіи. Еще въ 20-хъ годахъ въ города Иртышской линіи проникли свѣдѣнія о происходившемъ тогда возстаніи противъ китайцевъ; свѣдѣнія объ этомъ возстаніи, сохранившіяся въ архивѣ города Семипалатинска, впослѣдствіи были изданы Семипалатинскимъ статистическимъ комитетомъ. Еще больше значенія имѣло возстаніе 50-хъ годовъ, когда Восточный Туркестанъ на короткое время совершенно отдѣлился отъ Китая. Для полученія свѣдѣній объ этихъ событіяхъ и о самой странѣ изъ Сибири былъ командированъ состоявшій на русской службѣ киргизъ Чоканъ Валихановъ, которому и удалось проѣхать по странѣ подъ видомъ торговца (1858 — 9). Какъ составленное имъ описаніе страны, такъ и другія работы даровитаго киргизскаго султана возбудили большія надежды, но вскорѣ послѣ этого Валихановъ отказался отъ условій культурной жизни и вернулся въ свой родной аулъ, гдѣ и умеръ.

Китайцы въ 1858 г. возстановили свою власть, но вскорѣ были изгнаны новымъ возстаніемъ (1863 — 5); образовалось мусульманское государство, просуществовавшее до 1878 г. Отъ первоначальныхъ руководителей возстанія, ходжей (терминъ, обозначающій потомковъ пророка; въ Восточномъ Туркестанѣ изъ ходжей вышла династія, въ концѣ XVII в. захватившая въ свои руки и свѣтскую власть), господство перешло къ кокандскому выходцу Я'кубъ-беку. Русскія владѣнія въ Семирѣчьѣ граничили непосредственно съ владѣніями Я'кубъ-бека; было необходимо установить границу между обоими государствами и заключить договоръ о торговыхъ сношеніяхъ. Съ этою цѣлью къ Я'кубъ-беку были отправлены Рейнталь (1868 и вторично 1875) и Каульбарсъ (1872), которому и удалось добиться заключенія торговаго договора. Послѣ присоединенія къ Россіи Кокандскаго ханства (1876) сдѣлалось необходимымъ опредѣлить границу съ государствомъ Я'кубъ-бека и со стороны Ферганской долины. При китайскомъ владычествѣ граница оставалась совершенно неопредѣленной, и китайцы даже позволяли сборщикамъ кокандскаго хана собирать подати въ городахъ Восточнаго Туркестана; Я'кубъ-бекъ, напротивъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ всю горную полосу; одно изъ его передовыхъ укрѣпленій находилось даже въ мѣстности, географически принадлежащей не къ Восточному Туркестану, а къ бассейну Сыръ-Дарьи. Для разрѣшенія

вопроса о границѣ былъ отправленъ изъ Ташкента капитанъ (впослѣдствіи военный министръ) Куропаткинъ (1876 — 7); пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Я'кубъ-бека въ борьбѣ съ китайцами, ему удалось добиться отъ этого владѣтеля значительныхъ уступокъ; но вслѣдствіе смерти Я'кубъ-бека и завоеванія его государства китайцами эти уступки не имѣли практическаго значенія, и граница съ Китаемъ, установленная на основаніи С.-Петербургскаго трактата 1881 г., была гораздо менѣе выгодна для Россіи.

Еще до посольства Куропаткина на русскомъ языкѣ появилась книга о Восточномъ Туркестанѣ, представлявшая сводъ свѣдѣній объ этой странѣ. При переводѣ на русскій языкъ, по постановленію географическаго общества, „Землевѣдѣнія" Риттера отдѣлъ о Восточномъ Туркестанѣ былъ порученъ проф. Григорьеву, который въ 1869 г. издалъ переводъ текста Риттера со своими критическими примѣчаніями, въ 1873 г. — особый дополнительный выпускъ, заключающій въ себѣ историко-географическій обзоръ Восточнаго Туркестана съ древнѣйшихъ временъ до 1872 г. Многіе изъ взглядовъ, высказанныхъ въ этой книгѣ, уже не соотвѣтствуютъ современному состоянію науки, но какъ сводъ историческихъ данныхъ о Восточномъ Туркестанѣ, трудъ проф. Григорьева сохраняетъ свое значеніе и теперь; до сихъ поръ ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ нѣтъ труда о Восточномъ Туркестанѣ, который по точности и полнотѣ собранныхъ въ немъ свѣдѣній могъ бы сравниться съ этой книгой. Тѣмъ не менѣе историческія свѣдѣнія, приведенныя въ книгѣ Куропаткина о „Кашгаріи", заимствованы не изъ книги Григорьева, но изъ гораздо менѣе удовлетворительной въ научномъ отношеніи англійской книги Белью.

Послѣ возстановленія въ Восточномъ Туркестанѣ китайскаго владычества и опредѣленія границы съ Россіей изъ Туркестана было еще нѣсколько путешествій въ эту страну, какъ путешествіе д-ра Зеланда (1886 г.) изъ Семирѣчья и путешествіе подполковника Корнилова (1899—1900) изъ Ташкента. Послѣднимъ было составлено цѣнное описаніе края, изданное туркестанскимъ военно-топографическимъ отдѣломъ.

Въ концѣ XIX в. въ Восточномъ Туркестанѣ были сдѣланы тѣ археологическія открытія, о которыхъ мы упоминали въ X главѣ; успѣху науки въ этомъ отношеніи много способствовала дѣятельность русскаго генеральнаго консула Петровскаго, которымъ было составлено единственное по своему научному значенію собраніе древностей края, въ настоящее время пере-

данное частью въ Имп. Эрмитажъ, частью въ музей Имп. русскаго археологическаго общества. Изъ русскихъ путешественниковъ нѣкоторыя свѣдѣнія о памятникахъ древности сообщили братья Грумъ-Гржимайло; спеціально для изученія края въ археологическомъ отношеніи были совершены путешествія Клеменца (1898), Березовскаго (1906—7) и академика Ольденбурга (1909—10)—первое на средства академіи наукъ, второе и третье на средства русскаго комитета для изученія Средней и Восточной Азіи.

Менѣе значительно было участіе русскихъ путешественниковъ и ученыхъ въ дѣлѣ изученія Индіи. Столь же случайно, какъ въ XV в. Аѳанасій Никитинъ, проникъ въ Индію въ концѣ XVIII в. другой русскій путешественникъ, музыкантъ Герасимъ Лебедевъ, прибывшій въ Англію въ свитѣ русскаго посольства и оттуда изъ страсти къ путешествіямъ отправившійся въ Индію, гдѣ пробылъ 12 лѣтъ (1785—1797). Продолжая заниматься своимъ искусствомъ, онъ въ то же время изучалъ санскритскій языкъ и въ особенности современныя индійскія нарѣчія, главнымъ образомъ бенгальское. Изъ Индіи онъ вернулся сначала въ Англію, гдѣ въ 1801 г. издалъ на англійскомъ языкѣ грамматику индійскихъ нарѣчій, въ томъ числѣ и санскрита, потомъ въ С.-Петербургъ, гдѣ, по повелѣнію императора Александра I, устроилъ типографію съ санскритскимъ шрифтомъ и въ 1805 г. напечаталъ: „Безпристрастное созерцаніе системъ Восточной Индіи Брамгеновъ". Еще меньше значенія для науки имѣли два путешествія въ Индію художника-любителя кн. Салтыкова (1841—3 и 1844—6), издавшаго въ Парижѣ описаніе своихъ путешествій и собраніе сдѣланныхъ имъ рисунковъ.

Увлеченіе индійской культурой, проявляющееся въ западной Европѣ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вв., не миновало и Россіи, какъ показываетъ проектъ учрежденія азіатской академіи, представленный въ 1810 г. с.-петербургскимъ попечителемъ Уваровымъ (впослѣдствіи министромъ и графомъ), и рѣчь, произнесенная имъ же въ 1818 г. при открытіи преподаванія восточныхъ языковъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ (преобразованномъ въ 1819 г. въ С.-Петербургскій университетъ). Тѣмъ не менѣе изученіе санскритскаго языка не сдѣлало въ Россіи особенныхъ успѣховъ; долгое время представителями этой спеціальности въ университетахъ и въ академіи оставались иностранные ученые, приглашенные на русскую службу. Однимъ изъ первыхъ русскихъ санскритистовъ былъ проф. Петровъ, начавшій въ 1841 г. преподаваніе санскритскаго языка въ Казанскомъ

университетѣ, впослѣдствіи, съ 1852 до 1875 гг., занимавшій каѳедру въ Москвѣ.

Европейская наука въ началѣ XIX в. интересовалась произведеніями санскритской литературы главнымъ образомъ какъ древнѣйшими памятниками языка и культуры индо-европейцевъ. Впослѣдствіи выяснилось сверхъ того значеніе санскритовѣдѣнія для изученія одной изъ міровыхъ религій—буддизма. Въ работахъ по изученію буддизма, среди которыхъ выдающееся мѣсто принадлежитъ трудамъ русскихъ синологовъ и монголистовъ, приняли участіе и русскіе санскритисты; проф. Минаевымъ, въ противоположность господствующему въ западной Европѣ мнѣнію о древности палійскаго канона (собранія священныхъ текстовъ, принятаго цейлонскими буддистами), была высказана самостоятельная теорія о большей древности сѣвернаго буддизма. Проф. Минаевъ былъ первымъ изъ русскихъ ученыхъ, совершившимъ съ научною цѣлью путешествіе въ Индію, которую ему удалось посѣтить три раза (1874—6, 1879 и 1885); результатомъ этихъ путешествій, кромѣ ряда спеціальныхъ статей, отчасти напечатанныхъ только послѣ смерти автора, было популярное сочиненіе: „Очерки Цейлона и Индіи, изъ путевыхъ замѣтокъ русскаго" (1878) и двѣ статьи въ „Вѣстникѣ Европы" 1875 и 1887 гг. Впослѣдствіи путешествіе въ Индію съ научною цѣлью совершили русскіе санскритисты бар. фонъ-Сталь-Гольштейнъ (1903—4) и проф. Щербатской (1909—10).

Еще меньше сдѣлано въ Россіи для изученія Авганистана и авганцевъ, несмотря на то, что въ С.-Петербургскомъ университетѣ нѣкоторое время (1855—57) читались лекціи по авганскому языку академикомъ Дорномъ, еще раньше (въ 1847 г.) издавшимъ въ С.-Петербургѣ, хотя и подъ англійскимъ заглавіемъ, первую авганскую хрестоматію. Два раза русское правительство или лица, дѣйствовавшія отъ его имени, пытались включить Авганистанъ въ сферу русскаго вліянія; результатъ въ обоихъ случаяхъ былъ одинъ и тотъ же: разрывъ между Авганистаномъ и англо-индійскимъ правительствомъ и вступленіе въ страну англо-индійскихъ войскъ, причемъ авганскій эмиръ не получалъ со стороны Россіи той помощи, на которую разсчитывалъ. Въ первый разъ (1837 — 39 гг.) въ Авганистанѣ дѣйствовалъ, по порученію русскаго посла въ Персіи гр. Симонича, ссыльный полякъ Витковичъ, еще раньше, въ 1835 г., совершившій путешествіе въ Бухару. Пребываніе Витковича въ Авганистанѣ не доставило Россіи никакихъ свѣдѣній объ этой странѣ; вернувшись въ 1839 г. въ С.-Петербургъ, Витковичъ

по причинамъ, до сихъ поръ не выясненнымъ, покончилъ съ собой, предварительно уничтоживъ свой дневникъ.

Во второй разъ въ Авганистанъ было отправлено, отъ имени туркестанскаго генералъ-губернатора, русское посольство, во главѣ котораго находился генералъ Столѣтовъ (1878—9). Англія въ то время угрожала Россіи войной изъ-за Санъ-Стефанскаго договора, которымъ закончились военныя дѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ. Посольство въ Авганистанъ имѣло цѣлью воспользоваться недоразумѣніями между англо-индійскимъ правительствомъ и эмиромъ Ширъ-Али, чтобы создать для Англіи затрудненія на сѣверо-западной границѣ Индіи. Результатомъ пребыванія въ Авганистанѣ посольства Столѣтова былъ двухтомный трудъ участника посольства, д-ра Яворскаго: „Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству“ (1882—3). Тогда же (въ 1878 г.) были совершены изъ Туркестана поѣздки полковниковъ Гродекова (впослѣдствіи туркестанскаго генералъ-губернатора) черезъ сѣверо-западную часть Авганистана до стѣнъ Герата и Матвѣева въ Бадахшанъ; свѣдѣнія объ этихъ поѣздкахъ были напечатаны въ секретномъ военномъ изданіи; въ общедоступныя сочиненія вошли только краткія извлеченія изъ отчетовъ обоихъ офицеровъ.

Дѣйствія англо-русской разграничительной коммиссіи 1885—6 гг., о которой было упомянуто въ XVII гл., ничѣмъ не отразились на русской литературѣ объ Авганистанѣ. Нѣкоторыми изъ англійскихъ членовъ коммиссіи впослѣдствіи были напечатаны труды, заключающіе въ себѣ, кромѣ отчета о переговорахъ, свѣдѣнія о странѣ, гдѣ происходили работы коммиссіи, въ томъ числѣ и о памятникахъ древности; съ русской стороны не было произведено никакихъ научныхъ изслѣдованій или наблюденій. Изъ новѣйшихъ русскихъ изслѣдователей Авганистаномъ и авганцами занимался Н. А. Аристовъ, работавшій, однако, исключительно по англійскимъ источникамъ.

З. Матусовскій, Географическое обозрѣніе Китайской имперіи съ картою на четырехъ листахъ и пятью приложеніями въ текстѣ, Спб. 1888 (тамъ-же много свѣдѣній о литературѣ предмета). Е. Тимковскій, Путешествіе въ Китай черезъ Монголію въ 1820 и 1821 гг., Спб. 1824. Е. Ковалевскій, Путешествіе въ Китай, Спб. 1853. I. J. Schmidt, Grammatik der mongolischen Sprache, St.-P. 1831. О каѳедрѣ монгольскаго языка въ Казани и С.-Петербургѣ Матер. для исторіи фак. Вост. яз. IV, 30—31, 59 и 186. А Позднѣевъ, Монголія и монголы, Спб. 1896—8 (въ предисловіи біографія автора и перечень его трудовъ). О значеніи открытія Ядринцева статья бар. Розена въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. VIII, 323—325; тамъ-же (стр. 328—337) переводъ статьи Томсена. О Каракорумѣ и результатахъ экспедиціи В. В. Радлова въ Сборн.

трудовъ Орхонской экспедиціи, I, II и V (Спб. 1892—1901); русскій переводъ надписей тамъ-же, IV (1897) и въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XII, 1—144. „Дорожныя замѣтки“ о. Палладія помѣщены въ Зап. Геогр. Общ. по общей географіи, т. IV (1871) и т. XXII (1892); ср. рец. бар. Розена въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., VII, 360—361. Комментарій архим. Палладія Каѳарова на путеш. Марко Поло по сѣв. Китаю, съ предисл. Н. И. Веселовскаго, Спб. 1902 (оттискъ изъ Изв. Имп. Р. Геогр. Общ. XXXVIII, 1—46). Арх. Палладій, Китайская литература магометанъ (Труды Вост. Отд. Арх. Общ., ч. XVIII, стр. 163—496); кромѣ того статьи въ „Восточномъ Сборникѣ“ (Спб. 1877) и въ „Трудахъ членовъ Россійской Духовной миссіи въ Пекинѣ“. Г. Е. Грумъ-Гржимайло, Описаніе путешествія въ Западный Китай, Спб. 1896—1907. Путешествія Пржевальскаго (кромѣ перваго): 1) Отъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобъ-Норъ, Спб. 1878; 2) Третье путешествіе въ Центральной Азіи. Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки, Спб. 1883; 3) Четвертое путеш. въ Центр. Азіи. Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-Норъ по бассейну Тарима, Спб. 1888. Труды Тибетской экспед. 1889—90 гг. подъ начальствомъ М. В. Пѣвцова, Спб. 1892—6. Труды экспед. И. Р. Геогр. Общ. по центр. Азіи, совершенной въ 1893—95 гг. подъ начальствомъ В. И. Роборовскаго, Спб. 1899. Монголія и Камъ. Труды экспедиціи, совершенной въ 1899—1901 г. подъ руководствомъ П. К. Козлова, Спб. 1906—1908. О результатахъ второй экспедиціи П. К. Козлова Изв. И. Р. Геогр. Общ. XLIV, 171—181, 299—316, 453—466; XLV, 121—195, 407—432; также Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XIX, стр. XLVIII и Изв. Имп. Акад. Наукъ 1909, стр 1221 и слѣд. Ср. также выше стр. 210 (объ исторіи географ. общ.). О митроп. Хрисанѳѣ статья Д. Ѳ. Кобеко въ Сборн. общ. для пос. нужд. литер. и ученымъ, Спб. 1884, стр. 385—398; о его разсказѣ отзывъ С. Ѳ. Ольденбурга въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 356, отд. II, стр. 138. А. Позднѣевъ, Сказаніе о хожденіи въ Тибетскую страну мало-дöрбöтскаго База-Бакши, Спб. 1897. Г. Ц. Цыбиковъ, О центральномъ Тибетѣ (Изв. И. Р. Геогр. Общ. XXXIX. 187—218). Б. Б. Барадійнъ, Путешествіе въ Лавранъ (ibid. XLIV, 183—232). Сочиненія Ч. Ч. Валиханова, изд. подъ ред. Н. И. Веселовскаго, Спб. 1904 (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. XXIX). А. Н. Куропаткинъ, Кашгарія, Спб. 1879. Землевѣдѣніе К. Риттера. Восточный или Китайскій Туркестанъ, перев. В. В. Григорьева; вып. I—переводъ и примѣчанія, Спб. 1869; вып. II, дополненія, Спб. 1873. Н. Зеландъ, Кашгарія и перевалы Тяньшаня, Омскъ 1888. Корниловъ, Кашгарія или Восточный Туркестанъ, Ташкентъ 1903; рец. въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XV, 0131—0137. Некрологъ Н. Ѳ. Петровскаго ibid. XX, 01—08 (С. Ѳ. Ольденбурга). Nachrichten über die von der Kais. Akad. der Wiss. ausgerüstete Exped. nach Turfan, Heft I (D. Klementz, Turfan und seine Alterthümer), St.-P. 1899; рец. С. Ѳ. Ольденбурга въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XIII, 065—068. О Лебедевѣ С. К. Буличъ, Очеркъ исторіи языкозн. въ Россіи, т. I, стр. 501, 504—505, 618—625.— Pr. A. Soltykoff, Voyages dans l'Inde et en Perse, Paris 1853. Soltykoff et Troyer, Habitants de l'Inde, dessinés et lithographiés à deux teintes, Paris 1853 (послѣдняя книга мнѣ не была доступна). О рѣчи Уварова см. выше стр. 36. Біографія Петрова составлена проф. С. К. Буличемъ для Энциклоп. Слов. Брокгауза и Эфрона, XXIII, 464 и слѣд. И. П. Минаевъ, Буддизмъ. Изслѣдованія и матеріалы, Спб. 1887. Біографія Минаева (С. К. Булича) въ Біограф. Слов. проф. Спб. унив., т. II, Спб. 1898, стр. 49—55; ср. также С. Ѳ. Ольденбургъ, Памяти И. П. Минаева (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. X, 67—77). Бар. А. фонъ-

Сталь-Гольштейнъ, Путевыя впечатлѣнія изъ Индіи (Изв. И. Р. Геогр. Общ. XL, 557—583). Объ Авганистанѣ и трудахъ Аристова см. выше стр. 130. О. Витковичѣ еще М. Терентьевъ, Исторія завоеванія Средней Азіи, Спб. 1906, I, 109 и слѣд.; о Столѣтовѣ, Гродековѣ и Матвѣевѣ ibid., II, 466—513; маршрутъ Гродекова у Л. Костенко, Туркест. край, II, 168—178. Маршрутъ Витковича (со словъ его проводника) приведенъ И. Ф. Бларамбергомъ въ Зап. Русск. Геогр. Общ. кн. VII, стр. 335—346.

ГЛАВА XX.

Русская литература о Передней Азіи далеко не отличается тѣмъ богатствомъ, какъ можно было бы ожидать по географическому положенію Россіи и по составу ея населенія. Что на русскомъ языкѣ мало работъ объ Индіи и Авганистанѣ, отчасти объясняется скудостью матеріала, находящагося въ распоряженіи русскихъ изслѣдователей по сравненію съ западно-европейскими, особенно съ англійскими; но бѣдность русской литературы о Персіи и другихъ мусульманскихъ странахъ можетъ быть объяснена только отсталостью русской науки. Столь же характерно, что въ Россіи, гдѣ мусульмане составляютъ такую значительную часть населенія, до сихъ поръ не появилось ни одного труда объ исламѣ, который въ свое время представлялъ бы шагъ впередъ въ наукѣ.

Какъ уже было упомянуто, подъ „восточными языками", преподаваніе которыхъ было введено въ русскихъ университетахъ уставомъ 1804 г., первоначально понимались языки библейскаго и мусульманскаго Востока. Кромѣ лекцій профессоровъ, приглашенныхъ изъ-за границы, успѣхамъ изученія въ Россіи языковъ арабскаго, персидскаго и турецкаго содѣйствовала продолжительная преподавательская дѣятельность Болдырева въ Москвѣ (1811—1837), Сенковскаго въ С.-Петербургѣ (1822—1847), Announced Каземъ-Бека въ Казани (1826—1845) и въ С.-Петербургѣ (1845—1870). Болдыревъ былъ авторомъ учебныхъ пособій по арабскому и персидскому языкамъ, употреблявшихся въ русскихъ университетахъ до послѣднихъ десятилѣтій XIX в. Сенковскій и Каземъ-Бекъ своими лекціями создали русское востоковѣдѣніе; почти всѣ русскіе оріенталисты слѣдующихъ поколѣній были учениками одного изъ этихъ двухъ ученыхъ или учениками ихъ учениковъ. Кромѣ того русская наука обязана Сенковскому такимъ неоцѣнимымъ пріобрѣтеніемъ, какъ ардебильское собраніе персидскихъ рукописей, нынѣ находящееся въ С.-Петербургѣ, въ

Имп. публичной библіотекѣ. Ардебильская библіотека обязана своимъ происхожденіемъ шаху Аббасу Великому (въ началѣ XVII в.); послѣ взятія города Ардебиля русскими войсками (въ началѣ 1828 г.) Сенковскимъ было обращено вниманіе на цѣнность библіотеки, и по его настоянію она была перевезена въ С.-Петербургъ.

Несмотря на существованіе въ Персіи русской дипломатической миссіи и нѣсколькихъ консульствъ, несмотря на такое обиліе матеріала въ самомъ Петербургѣ, въ русской литературѣ долгое время не было ни изслѣдованій о прошломъ Персіи, ни очерковъ современнаго состоянія страны. Нѣкоторую литературу о Персіи вызвали событія конца тридцатыхъ годовъ; одновременно съ дѣятельностью Витковича въ Авганистанѣ, въ Персіи подъ русскимъ вліяніемъ также возникло враждебное движеніе противъ Англіи и былъ предпринятъ походъ на Гератъ (1837), въ то время принадлежавшій особому владѣтелю, независимому отъ авганскаго эмира. Переходъ Герата въ руки персовъ, къ которому стремились русскіе, не соотвѣтствовалъ желаніямъ англо-индійскаго правительства, считавшаго Гератъ ключемъ къ Индіи. Англійскій офицеръ Эльдредъ Поттинджеръ руководилъ обороной противъ персидскаго войска, при которомъ находились русскіе офицеры и русскій уполномоченный графъ Симоничъ; кромѣ того въ Персидскомъ заливѣ появилась англійская эскадра, и шахъ былъ вынужденъ отозвать свое войско отъ Герата (1838). Изъ русскихъ, бывшихъ въ то время въ Персіи, статьи объ этой странѣ и о своемъ пребываніи въ ней напечатали Дюгамель, преемникъ Симонича, Муравьевъ, ѣздившій въ 1839 г. въ Тегеранъ съ депешами къ Дюгамелю и въ 1840 г. посѣтившій Исфаханъ и Хамаданъ, откуда онъ черезъ Тебризъ вернулся въ Россію, и Бларамбергъ, участвовавшій въ гератскомъ походѣ.

Въ 1840—1 гг. нѣкоторыя области Персіи посѣтилъ секретарь русской миссіи, баронъ Боде; результатомъ этой поѣздки былъ двухтомный трудъ на англійскомъ языкѣ о путешествіи въ Луристанъ и Аравистанъ (между прочимъ въ мало извѣстную страну бахтіаровъ) и нѣсколько статей въ „Запискахъ" русскаго географическаго общества и въ журналѣ „Библіотека для чтенія". Баронъ Боде интересовался преимущественно памятниками ахеменидскаго періода и письменными извѣстіями о той же эпохѣ; имъ же было составлено собраніе археологическихъ предметовъ.

Въ концѣ 40-хъ и въ 50-хъ годахъ въ жизни Персіи вновь произошли событія, въ которыхъ приняли участіе русскіе. Въ 1849—52 гг. дѣйствовала международная коммиссія по устано-

вленію границы между Турціей и Персіей; однимъ изъ русскихъ членовъ коммиссіи, Чириковымъ, былъ составленъ „путевой журналъ", изданный въ 1875 г. его спутникомъ Гамазовымъ, впослѣдствіи занимавшимъ должность директора учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ 50-хъ годахъ, во время Крымской кампаніи, персидское правительство склонялось въ пользу Россіи, хотя и не принимало участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Враждебное отношеніе къ Англіи выразилось въ новомъ походѣ на Гератъ, который на этотъ разъ былъ отнятъ персами у авганцевъ (1856 г.); англичане отвѣтили на этотъ походъ военными дѣйствіями со стороны Персидскаго залива, и по договору 1857 г. персы были вынуждены очистить Гератъ и исполнить всѣ требованія англичанъ. Въ слѣдующемъ 1858 г. была снаряжена русская научная экспедиція въ Хорасанъ и сосѣднія области; во главѣ экспедиціи стоялъ оріенталистъ Ханыковъ (авторъ извѣстной книги о Бухарѣ); результаты эксцедиціи были обнародованы на французскомъ языкѣ, на средства парижскаго географическаго общества. Изъ позднѣйшихъ трудовъ о Персіи представителей русской дипломатіи можно привести работы Ходько (на французскомъ языкѣ) и статью о Сеистанѣ Миллера (1906 г.), бывшаго въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ русскимъ консуломъ въ этой пограничной области Персіи.

Нѣкоторыя поѣздки по Персіи были совершены по порученію министерства финансовъ (напр., поѣздка М. Л. Томары въ 1893—4 гг., результатомъ которой была „первая попытка у насъ изученія Персіи въ экономическомъ отношеніи"), военнаго вѣдомства (напр., поѣздка кап. Туманскаго въ 1894 г. отъ Каспійскаго моря къ Ормузскому проливу и обратно), академіи наукъ (первое путешествіе Заруднаго 1896 г.) и географическаго общества (путешествія Заруднаго 1898 и 1900—1 гг., по восточной пограничной полосѣ Персіи до города Чахбара на берегу Индійскаго океана). Въ 1900 г. на частныя средства (В. А. Саханскимъ) была организована экспедиція черезъ Персію къ Персидскому заливу и Индійскому океану.

Путешествія въ Персію съ чисто-научною цѣлью, совершенныя по порученію академіи наукъ и университетовъ, не были многочисленны. Въ 1842—45 гг. Казанскимъ университетомъ были командированы въ Персію, для приготовленія къ занятію каѳедры, магистры Диттель и Березинъ. Первый умеръ въ 1848 г. отъ холеры, не успѣвъ использовать добытый имъ матеріалъ (краткій очеркъ его путешествія былъ напечатанъ въ „Библіот. для чтенія" 1849 г.); Березинымъ (впослѣдствіи про-

фессоромъ С.-Петербургскаго университета) было издано „Путешествіе по Востоку" въ двухъ томахъ, причемъ первый томъ посвященъ Дагестану и Закавказью, второй сѣверной Персіи. Интересному содержанію книги Березина не вполнѣ соотвѣтствуетъ форма изложенія; книга была предназначена для широкаго круга читателей и потому написана тѣмъ слогомъ, котораго въ то время считали необходимымъ придерживаться авторы популярно-научныхъ сочиненій о Востокѣ (также писалъ Сенковскій).

Къ 1860—61 гг. относится путешествіе академика Дорна и магистра (впослѣдствіи доцента) Мельгунова въ прикаспійскія области Персіи; результатомъ этого путешествія были труды, остающіеся и до сихъ поръ наиболѣе полнымъ сводомъ историческаго и лингвистическаго матеріала, относящагося къ этимъ областямъ. Трехлѣтнее пребываніе въ Персіи магистра (впослѣдствіи профессора) Жуковскаго (1883—6) обогатило науку цѣннымъ матеріаломъ для изученія персидскихъ нарѣчій, персидской народной литературы и религіозныхъ вѣрованій народа. Основаніе въ Персіи секты бабидовъ вызвало въ Россіи цѣлый рядъ трудовъ, много способствовавшихъ выясненію этого религіознаго движенія. Еще въ 60-хъ годахъ появилось изслѣдованіе о бабидахъ проф. Каземъ-Бека, тогда же переведенное на французскій языкъ; впослѣдствіи изученіе секты было облегчено основаніемъ бабидской общины въ предѣлахъ Россіи, въ Асхабадѣ, гдѣ и произвелъ свои изслѣдованія о бабидахъ Туманскій, впослѣдствіи издавшій, кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей, одну изъ священныхъ книгъ бабидовъ „Китаб-и Акдесъ" съ приложеніемъ русскаго перевода. Рядъ другихъ статей и изданій, касающихся бабизма, принадлежатъ бар. Розену и проф. Жуковскому; первымъ было также описано довольно значительное количество бабидскихъ рукописей.

Число восточныхъ рукописей, находящихся въ Петербургѣ, настолько значительно, что Петербургу въ этомъ отношеніи принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди европейскихъ городовъ. Кромѣ Имп. публичной библіотеки, азіатскаго музея академіи наукъ и университета, богатымъ собраніемъ восточныхъ рукописей владѣетъ учебное отдѣленіе восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, основанное въ 1823 г. для приготовленія молодыхъ людей къ дипломатической службѣ на Ближнемъ Востокѣ. Предполагалось, что въ этомъ учебномъ заведеніи будущіе дипломаты, подъ руководствомъ преподавателей, проживших долгое время на Востокѣ, получатъ возможность усвоить необходимыя для ихъ службы практическія свѣдѣнія, въ дополненіе къ теоре-

тическимъ познаніямъ по востоковѣдѣнію, полученнымъ въ университетѣ или въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ дѣйствительности преподаваніе въ учебномъ отдѣленіи часто поручалось оріенталистамъ-теоретикамъ, иногда тѣмъ же самымъ, которые занимали каѳедры въ университетѣ. Вопросъ о томъ, насколько учебнымъ отдѣленіемъ достигается цѣль, намѣченная при его учрежденіи, еще съ 50-хъ годовъ вызывалъ споры между представителями министерствъ иностранныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; столь же спорной представлялась цѣлесообразность мѣры, принятой въ 1890 г., когда на учебное отдѣленіе была возложена новая задача: обучать восточнымъ языкамъ офицеровъ, для потребностей военнаго вѣдомства. Независимо отъ вопроса, насколько учебное отдѣленіе выполняло свои педагогическія задачи, нельзя отрицать, что образованіе при учебномъ отдѣленіи богатаго собранія восточныхъ рукописей составляетъ большую заслугу передъ русскимъ востоковѣдѣніемъ, тѣмъ болѣе, что это собраніе остается до настоящаго времени единственнымъ въ Россіи, для котораго существуетъ такъ называемый „catalogue raisonné“ (описаніе рукописей съ подробными данными о ихъ содержаніи). Арабскія и персидскія рукописи учебнаго отдѣленія описаны бар. Розеномъ, турецкія—проф. Смирновымъ. Для другихъ собраній, кромѣ нѣкоторыхъ устарѣлыхъ каталоговъ (академика Дорна, проф. Готвальда и другихъ), имѣются только краткіе списки рукописей и краткія свѣдѣнія о новыхъ пріобрѣтеніяхъ. Изъ рукописей на языкахъ Передней Азіи персидскія рукописи представлены въ Петербургѣ въ наибольшемъ числѣ.

Попытки составить сводъ свѣдѣній о Персіи на русскомъ языкѣ не было. Переводъ соотвѣтствующихъ главъ „Землевѣдѣнія“ Риттера взялъ на себя Ханыковъ, но изданная имъ въ 1874 г. книга „Иранъ“ заключаетъ въ себѣ переводъ (съ дополненіями) только небольшой части отдѣла о Персіи. Географическое общество приняло мѣры къ составленію перевода остальныхъ главъ, но этотъ трудъ не былъ выпущенъ въ свѣтъ, хотя мысль объ изданіи этой части давно устарѣвшаго труда Риттера была окончательно оставлена только въ 1908 г.

Еще меньше было на русскомъ языкѣ трудовъ, посвященныхъ областямъ Азіатской Турціи. Лучшее на русскомъ языкѣ описаніе Малой Азіи вышло въ свѣтъ еще въ тридцатыхъ годахъ. Къ этому періоду относится самый крупный успѣхъ русской дипломатіи въ исторіи сношеній съ Турціей: въ 1833 г. въ Хункяръ-Искелеси (на берегу Босфора) между Россіей и Турціей былъ заключенъ оборонительный союзъ на 8 лѣтъ, и

Турція обязалась закрыть Дарданеллы для судовъ иностранныхъ державъ. Русское войско въ это время находилось на азіатскомъ берегу Босфора для защиты султана отъ войскъ мятежнаго египетскаго паши Мехмедъ-Али. При такихъ условіяхъ русскіе офицеры могли безпрепятственно изучать малоазіатскій полуостровъ; однимъ изъ этихъ офицеровъ, капитаномъ Вронченко, впослѣдствіи было издано, въ двухъ томахъ, „Обозрѣніе Малой Азіи, въ нынѣшнемъ ея состояніи“ (1839—40).

Впослѣдствіи въ Малой Азіи въ теченіе 16 лѣтъ (1847—63) совершилъ рядъ путешествій Чихачевъ (авторъ извѣстной книги объ Алтаѣ). Обширный трудъ Чихачева о Малой Азіи, посвященный преимущественно геологическому описанію страны (1853 — 69), былъ изданъ на французскомъ языкѣ и, какъ и другія произведенія этого ученаго, не можетъ быть причисленъ къ русской научной литературѣ. Въ 1886 г. въ Малой Азіи былъ извѣстный русскій путешественникъ д-ръ Елисѣевъ, посѣтившій во время своихъ странствій цѣлый рядъ областей Азіи и Африки. Участіе русскихъ ученыхъ въ дѣлѣ археологическаго изученія Малой Азіи не было значительнымъ; нѣкоторыя работы произведены по почину Русскаго Археологическаго института, учрежденнаго въ Константинополѣ въ 1895 г. Матеріалъ по изученію турецкихъ нарѣчій собирали въ Малой Азіи Максимовъ (въ 60-хъ годахъ), Писаревъ и Мартиновичъ. Другія путешествія русскихъ оріенталистовъ въ Константинополь и сосѣднія съ нимъ области Малой Азіи имѣли цѣлью главнымъ образомъ изученіе и пріобрѣтеніе турецкихъ рукописей.

Предметомъ университетскаго преподаванія османскій языкъ впервые сдѣлался въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ преподавался Сенковскимъ вмѣстѣ съ арабскимъ и персидскимъ, въ качествѣ самостоятельнаго предмета — ученикомъ Сенковскаго, Мухлинскимъ, первымъ представителемъ каѳедры турецкаго языка.

Путешествія въ Палестину были связаны преимущественно съ изученіемъ святыхъ мѣстъ; особенно выдаются путешествія А. Н. Муравьева (1830) и Норова (1835); кромѣ того книгу о Сиріи и Палестины издалъ въ 1842 г. Базили, бывшій въ теченіе 15 лѣтъ консуломъ въ Яффѣ и задавшійся цѣлью описать положеніе страны подъ турецкимъ владычествомъ. Изученію Палестины много способствовала дѣятельность „Православнаго Палестинскаго общества“, основаннаго въ 1882 г. Еще до учрежденія общества его будущій предсѣдатель Хитрово (скончавшійся въ 1903 г.) издалъ (для 3-го международнаго съѣзда

оріенталистовъ) библіографическій обзоръ оригинальныхъ и переводныхъ трудовъ о Святой землѣ на русскомъ языкѣ. По почину общества уже въ 1883 г. были произведены въ Іерусалимѣ археологическія работы арх. Антониномъ и мѣстнымъ ученымъ К. Шикомъ; въ 1891 г. была спаряжена въ Сирію и Палестину археологическая экспедиція, въ составѣ акад. Н. П. Кондакова и А. А. Олесникова, въ 1898 г. на средства общества въ тѣхъ же странахъ производилъ археологическія изслѣдованія Ѳ. И. Успенскій. Въ научныхъ работахъ общества принимали дѣятельное участіе и нѣкоторые оріенталисты (Марръ, Мѣдниковъ, Цагарели, Коковцовъ и друг.); проф. Мѣдниковымъ по порученію общества были собраны и разработаны извѣстія арабскихъ источниковъ о Палестинѣ со времени арабскаго завоеванія до крестовыхъ походовъ. Общество съ 1886 г. издавало свои „Сообщенія“, съ 1904 г. обращенныя въ четырехмѣсячникъ. Въ 1900 г. при обществѣ были организованы „собесѣдованія по научнымъ вопросамъ, касающимся Палестины, Сиріи и сопредѣльныхъ съ ними странъ“ — одна изъ немногихъ попытокъ образованія въ Россіи общества оріенталистовъ со спеціальными научными задачами. Собесѣдованія прекратились уже въ 1902 г. Еще меньше успѣха имѣла попытка организовать (въ 1907 г.) при историческомъ обществѣ, существующемъ при С.-Петербургскомъ университетѣ, подъ-секцію для изученія семитической культуры.

Норовъ, авторъ книги о Палестинѣ, былъ также въ Египтѣ и Нубіи (1834—35) и описалъ свое путешествіе въ эти страны, какъ введеніе къ путешествію въ Палестину. Въ 1846—8 гг. нѣкоторыя страны Востока (Египетъ, Сирію, Палестину, Алжирію и Тунисъ) посѣтилъ по распоряженію правительства, для изученія вопроса о чумѣ, д-ръ Рафаловичъ, описавшій свое путешествіе въ Египетъ; въ Александріи онъ научился арабскому языку и вообще старался собрать свѣдѣнія о современномъ состояніи страны въ противоположность большинству путешественниковъ, обращавшихъ вниманіе почти исключительно на памятники древности. Путешествія русскихъ оріенталистовъ (Сенковскій, Гиргасъ и друг.) въ Сирію и Египетъ большею частью были только поѣздками начинающихъ ученыхъ, изучавшихъ арабскій языкъ для приготовленія къ занятію каѳедры. Русскихъ путешествій на арабскій полуостровъ не было (если не считать нѣкоторыхъ мѣстностей Каменистой Аравіи, посѣщенныхъ Елисѣевымъ); не было также русскихъ путешествій въ Месопотамію, которыя представляли бы интересъ въ научномъ отношеніи. Вообще русскіе семитологи (кромѣ арабистовъ) только въ рѣдкихъ

случаяхъ имѣли возможность знакомить представителей западноевропейской науки съ новымъ матеріаломъ.

Больше вниманія было обращено русскими учеными на Синайскій полуостровъ съ его многочисленными надписями и древнимъ монастыремъ, обладающимъ богатыми собраніями рукописей. Для изученія монастыря и надписей особенное значеніе имѣли путешествія архимандрита (впослѣдствіи епископа) Порфирія (съ 1845 г.). Впослѣдствіи синайскій монастырь посѣтили съ тою же цѣлью оріенталисты Цагарели, Марръ, Васильевъ и кн. Джаваховъ; поѣздка проф. Марра (1902 г.) кромѣ того имѣла цѣлью изученіе грузинскихъ рукописей въ Іерусалимѣ.

Изученіе христіанскаго Востока вообще составляетъ одну изъ главныхъ задачъ, которыя, по географическому положенію и историческимъ преданіямъ Россіи, преимущественно должны быть выполнены русскими учеными, особенно русскими арабистами. Изъ ученыхъ трудовъ русскихъ арабистовъ, относящихся къ этой области, выдаются труды бар. Розена, которому принадлежатъ также большія заслуги по выполненію двухъ другихъ задачъ, лежащихъ на представителяхъ этой спеціальности въ Россіи: по описанію арабскихъ рукописей, входящихъ въ составъ русскихъ библіотекъ, и по изслѣдованію извѣстій арабскихъ писателей о русскомъ народѣ. Изъ русскихъ работъ по исторіи христіанскаго Востока выдаются работы В. В. Болотова († 1900).

Въ дѣлѣ изученія древняго Востока русскіе ученые до сихъ поръ принимали мало участія; экспедицій съ этою цѣлью изъ Россіи отправлено не было. Изъ отдѣльныхъ представителей этой спеціальности въ Россіи можно назвать ассиріолога Никольскаго, египтологовъ Лемма, Голенищева и Тураева. Голенищевымъ было составлено цѣнное собраніе египетскихъ древностей, нынѣ находящееся въ московскомъ историческомъ музеѣ. Въ изученіи древностей Египта въ послѣднее время приняли участіе и представители классической филологіи, какъ проф. Ростовцевъ.

Событія XIX в. усилили въ Россіи интересъ къ кавказовѣдѣнію, по которому еще въ XVIII в. былъ собранъ нѣкоторый матеріалъ Гильденштедтомъ и Гмелиномъ. Въ 1801 г. была присоединена Грузія; по договорамъ съ Персіей въ Гюлистанѣ (1813) и Туркменчаѣ (1828) русскія владѣнія были расширены до Аракса и Арарата. Для управленія вновь присоединенными областями требовались люди, знающіе языки армянскій и грузинскій; въ то же время облегчалась возможность изучить эти языки и ихъ литературы съ чисто-научною цѣлью. Европейскіе ученые въ началѣ XIX в. интересовались главнымъ образомъ армянской

исторической литературой, въ которой надѣялись найти новый матеріалъ по исторіи Передней Азіи. Языки кавказскихъ народностей, не имѣвшихъ литературы, представляли большой интересъ для лингвистовъ по загадочности своего происхожденія и по своему своеобразному строю. Всѣ эти причины вызвали еще въ 1807—8 гг. ученое путешествіе на Кавказъ оріенталиста Клапрота, въ то время бывшаго членомъ русской академіи наукъ. Клапротъ принялъ дѣятельное участіе въ составленіи упомянутаго выше проекта „азіатской академіи", представленнаго въ 1810 г. Уваровымъ; ему принадлежитъ включенный въ проектъ перечень важнѣйшихъ научныхъ задачъ по различнымъ отраслямъ востоковѣдѣнія, въ томъ числѣ и по изученію кавказскихъ языковъ.

За исключеніемъ исторіи Грузіи митрополита Евгенія, составленной главнымъ образомъ по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ находившихся въ то время (послѣ 1801 г.) въ С.-Петербургѣ „грузинскихъ посланниковъ и депутатовъ", „Новѣйшихъ географическихъ и историческихъ извѣстій о Кавказѣ" Броневскаго (1823), „Грузіи и Арменіи" А. Н. Муравьева (1848) и нѣкоторыхъ другихъ трудовъ, работы по кавказовѣдѣнію въ Россіи и въ теченіе слѣдующихъ десятилѣтій производились главнымъ образомъ иностранными учеными. Успѣхамъ въ Россіи грузиновѣдѣнія, отчасти и арменовѣдѣнія болѣе всего содѣйствовала дѣятельность французскаго оріенталиста Броссе. Броссе, избранный въ академію въ 1836 г., прибылъ въ Россію въ 1837 г. и впослѣдствіи (1847—8) совершилъ ученое путешествіе на Кавказъ. Труды Броссе (онъ умеръ въ 1880 г.) положили начало изученію грузинской литературы и исторіи не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Въ Россіи подъ его вліяніемъ было введено преподаваніе армянскаго и грузинскаго языковъ (въ 40-хъ годахъ, въ С.-Петербургскомъ университетѣ); его дѣятельность оказала вліяніе и на ходъ научныхъ работъ въ самой Грузіи, хотя Броссе еще не имѣлъ возможности отнестись критически къ тому построенію грузинской исторіи, которое въ послѣднія столѣтія существованія Грузіи было выработано въ грузинскихъ интеллигентныхъ кругахъ и, какъ потомъ было доказано, мало соотвѣтствовало дѣйствительности.

Научному изученію кавказскихъ языковъ, не имѣющихъ литературы, положили начало труды бар. Услара, собранные въ одно цѣлое и сдѣлавшіеся доступными для болѣе обширнаго круга читателей только много лѣтъ послѣ смерти изслѣдователя († 1875). Западно-европейской наукѣ результаты работъ Услара сдѣлались извѣстными раньше, благодаря статьямъ академика

Шифнера, на нѣмецкомъ языкѣ. Когда на Кавказѣ возникли научныя общества и научныя изданія, въ этихъ изданіяхъ сталъ помѣщаться и лингвистическій матеріалъ; научныя учрежденія имперіи удѣляли этой отрасли кавказовѣдѣнія мало вниманія. Для самого Услара изученіе кавказскихъ языковъ должно было быть только средствомъ для изученія исторіи страны (въ 1858 г. онъ получилъ Высочайшее повелѣніе составить исторію Кавказа).

Преподавателями языковъ армянскаго и грузинскаго въ университетахъ, со времени учрежденія каѳедръ этихъ языковъ, всегда были природные армяне и грузины. Таковъ же былъ первоначально характеръ спеціальнаго учебнаго заведенія—Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ,—въ которомъ впослѣдствіи было введено преподаваніе и другихъ языковъ Ближняго Востока. Ученымъ армянскаго и грузинскаго происхожденія русская наука была обязана какъ распространеніемъ въ Россіи научныхъ взглядовъ, выработанныхъ въ армянскихъ и грузинскихъ кругахъ, такъ и впослѣдствіи исправленіемъ этихъ взглядовъ на основаніи методовъ европейской науки. Ими же были опредѣлены новыя научныя задачи грузиновѣдѣнія и арменовѣдѣнія. Выясненію прошлаго какъ Арменіи, такъ и Грузіи много способствовало изученіе развалинъ города Ани, столицы армянскихъ царей X—XI в., сохранившей свое значеніе и послѣ паденія царства Багратидовъ, до XIV в. Территорія развалинъ со времени Туркменчайскаго договора находилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ русской границы, со времени войны 1877—8 гг. входитъ въ составъ русскихъ владѣній; поэтому они могли быть посѣщены изъ Россіи безъ особенныхъ затрудненій и посѣщались учеными различныхъ національностей, но только раскопками проф. Марра (съ 1892 г.) былъ выясненъ дѣйствительный характеръ исторіи города въ связи съ общимъ ходомъ политической и культурной исторіи Передней Азіи.

Изученіе Кавказа въ естественно-историческомъ отношеніи было цѣлью нѣсколькихъ экспедицій, снаряженныхъ академіей наукъ и географическимъ обществомъ. Особенно важны труды академика Абиха, имѣвшіе значеніе и для археологіи края; имъ былъ составленъ планъ развалинъ Ани (1844 г.), которымъ пользовались еще при новѣйшихъ раскопкахъ. Географическимъ обществомъ съ первыхъ лѣтъ его дѣятельности (въ 1851 г.) былъ образованъ на Кавказѣ особый отдѣлъ. Много данныхъ по географіи, этнографіи, статистикѣ и исторіи края имѣются въ сборникахъ на русскомъ языкѣ, изданныхъ въ Тифлисѣ, въ особенности въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и

племенъ Кавказа“, издаваемомъ управленіемъ кавказскаго учебнаго округа. Музей города Тифлиса принадлежитъ къ лучшимъ русскимъ провинціальнымъ музеямъ; съ музеемъ связана и библіотека, заключающая въ себѣ, между прочимъ, небольшое собраніе восточныхъ рукописей. Изученіе края и его населенія составляетъ также цѣль нѣсколькихъ мѣстныхъ обществъ, издающихъ свои труды на мѣстныхъ языкахъ; среди нихъ выдается грузинское общество распространенія грамотности въ Тифлисѣ. Послѣ Тифлиса важнѣйшимъ просвѣтительнымъ центромъ на Кавказѣ является монастырь *Эчміадзинъ*, мѣстопребываніе католикоса всѣхъ армянъ. Среди мусульманскаго населенія Кавказа интересъ къ своему прошлому до сихъ поръ развитъ въ гораздо меньшей степени; русская и европейская наука также удѣляла до сихъ поръ кавказскимъ мусульманамъ гораздо меньше вниманія, чѣмъ армянамъ и грузинамъ, хотя наиболѣе распространенное среди кавказскихъ мусульманъ нарѣчіе (такъ называемое адербиджанское) долгое время преподавалось въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Центры исторической жизни кавказскихъ мусульманъ, именно города Дербентъ, Гянджа (нынѣ Елисаветполь), Баку и др. до сихъ поръ не подвергались подробному изученію, и не было принято достаточныхъ мѣръ для того, чтобы спасти отъ разрушенія сохранившіеся въ этихъ городахъ архитектурные памятники прежнихъ вѣковъ.

Обзоръ русскихъ трудовъ по изученію Востока показываетъ, что русской наукой въ этомъ отношеніи достигнуты, особенно въ XIX в., значительные успѣхи, но что эти успѣхи большею частью все-таки далеко не соотвѣтствуютъ тѣмъ ожиданіямъ, на которыя, казалось бы, даютъ право географическое положеніе Россіи, составъ ея населенія и трудъ длиннаго ряда поколѣній со времени Петра Великаго. Несмотря на достигнутые успѣхи, состояніе русскаго востоковѣдѣнія, какъ и русской науки вообще, все-таки является краснорѣчивымъ доказательствомъ общей отсталости русской культуры.

О дѣятельности Болдырева, Сенковскаго и Каземъ-Бека см. Матеріалы для исторіи факультета Восточныхъ языковъ, т. IV, Спб. 1909. Краткій очеркъ сношеній Россіи съ Персіей въ XIX в.: П. А. Риттихъ, Политико-статистическій очеркъ Персіи, Спб. 1896, стр. 222—280. Статья Дюгамеля (автобіографія) въ Русскомъ Архивѣ 1885 г., кн. II, стр. 82—126, 222—247. Н. М[уравьевъ], Письма русскаго изъ Персіи, Спб. 1844; рецензія въ Библіот. для Чтенія, т. 63, отд. VI, стр. 26—30. И. Ф. Бларамбергъ, Статистическое обозрѣніе Персіи. составленное въ 1841 г. (Зап. И. Р. Геогр. Общ. кн. VII, 1853). C. A. de Bode, Travels in Luristan and Arabistan, Lond. 1845 (мнѣ недоступно). К. Боде, Путевыя замѣтки (Библ. для Чтенія, т. 123,

отд. III, стр. 1—54); К. Боде, Путешествіе въ Луристанъ и Аравистанъ (ibid. т. 125, отд. III и IV, стр. 117—166; т. 126, отд. III и IV, стр. 29—80). Путевой журналъ Е. И. Чирикова, русскаго коммиссара-посредника по турецко-персидскому разграниченію 1849—52 гг., изд. подъ редакціею М. А. Гамазова (Зап. Кавк. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ., кн. IX, 1875). N. de Khanikoff, Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale, Paris 1861 (Recueil de voyages et de mémoires, publ. par la Soc. de géogr., t. VII); N. de Khanikoff, Mémoire sur l'ethnographie de la Perse, Paris 1866 (ibid. t. VIII). А. Я. Миллеръ, Прошлое и настоящее Сеистана („Живая Старина“ 1906 г., отд. II, стр. 237—248, 297—308). М. А. Томара, Экономическое положеніе Персіи, Спб. 1895 (отзывъ А. Г. Туманскаго въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., т. X, 299—300). А. Г. Туманскій, Отъ Каспійскаго моря къ Хормузскому проливу и обратно, Спб. 1896 (Сборн. матер. по Азіи, изд. военно-ученаго комитета главнаго штаба, вып. 65). Н. Зарудный, Нѣсколько словъ о поѣздкѣ въ Персію въ 1896 г. (Изв. И. Р. Геогр. Общ. XXXIV, 209—216); Н. Зарудный, Экскурсія по восточной Персіи (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по общей геогр., т. XXXVI). Его же, Предварительный краткій отчетъ о поѣздкѣ въ Персію въ 1900—1901 г. (Изв. Геогр. Общ. XXXVIII, 127 — 170). И. Березинъ, Путешествіе по востоку, Казань 1849—52. Описаніе путешествія Дорна въ Mélanges asiatiques IV, 429—500. Статьи Дорна въ Mém. de l'Acad. 1840—47 подъ общимъ заглавіемъ: „Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen“; его же „Auszüge aus morgenländischen Schriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und angränzende Länder“, Mél. Asiat. VI и VII. Заглавія другихъ трудовъ о прикаспійскихъ областяхъ и о ихъ нарѣчіяхъ см. въ Grundr. der iran. Philologie, Bd. I, 2-te Abt., S. 344—346, въ „Краткой грамматикѣ новоперсидскаго языка“ К. Г. Залемана и В. А. Жуковскаго, Спб. 1890, стр. 99 и въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XVI, 0138 и 0254. В. А. Жуковскій, Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій, ч. I, Спб. 1888. В. А. Жуковскій, Образцы персидскаго народнаго творчества, Спб. 1902. В. А. Жуковскій, Секта „Людей истины“ въ Персіи (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. II, 1—24). Мирза Каземъ-Бекъ, Бабъ и Бабиды, Спб. 1865 (франц. переводъ въ Journ. Asiat. 1866 г.). А. Г. Туманскій, Китабе Акдесъ. „Священнѣйшая книга“ современныхъ Бабидовъ, Спб. 1899 (Зап. Имп. Акад. Наукъ по ист.-фил. отд., VIII серія, т. III, № 6). О работахъ по бабизму бар. Розена и его учениковъ ср. Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XVIII, прилож., стр. 11—12. О спорахъ по вопросу объ учебномъ отдѣленіи см. Матеріалы для исторіи фак. Вост. яз., т. I и II. Collections scientifiques de l'institut des langues orientales du ministère des affaires étrangères, I (1877), III (1886) и VIII (1897). B. Dorn, Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibl. Impér. Publ. de St.-Pétersbourg, St.-P. 1852. I. Готвальдъ, Описаніе арабскихъ рукописей, принадлежавшихъ библ. Имп. Каз. Унив., Казань 1854—55 (Ученыя Зап. Имп. Каз. Унив.). Иранъ К. Риттера, ч. I, перев. и дополн. Н. В. Ханыковъ, Спб. 1874. О переводѣ остальной части Отчетъ Имп. Р. Геогр. Общ. за 1908 годъ, стр. 47. P. Tchihatcheff, Asie Mineure, St.-P. 1853—1869. О путешествіяхъ Елисѣева см. Исторію Имп. Р. Геогр. Общ., стр. 947—950, 1195—1197. Русскій Археологическій институтъ съ 1896 г. издаетъ свои „Извѣстія“; о работахъ въ Малой Азіи ср. напр., т. I, Отчетъ, стр. 25—29; т. II. Отчетъ, стр. 11—20 и статьи, стр. 77—184. В. Максимовъ, Опытъ изслѣдованія тюркскихъ діалектовъ въ Худавендгярѣ и Караманіи, Спб. 1867.

В. Писаревъ, Нѣсколько словъ о требизондскомъ діалектѣ (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XIII, 173—201). Краткій отчетъ о командировкѣ Мартиновича въ Изв. Русск. Комит. для изуч. Средней и Восточной Азіи, №.7, стр. 52—53. А. Муравьевъ, Путешествіе по святымъ мѣстамъ въ 1830 г., Спб. 1832. А. Норовъ, Путешествія. Изд. 2-ое, Спб. 1853—54. К. Базили, Сирія и Палестина подъ турецкимъ правительствомъ, Одесса 1862. В. Н. Хитрово, Библіографическій указатель русскихъ книгъ и статей о святыхъ мѣстахъ Востока, преимущ. палестинскихъ и синайскихъ (Палестина и Синай, ч. I, вып. I). Н. А. Мѣдниковъ, Палестина отъ завоеванія ея арабами до крестовыхъ походовъ по арабскимъ источникамъ, Спб. 1897—1902. Импер. Православное Палестинское Общество и его дѣятельность (1882—1907). Истор. записка, составленная проф. А. А. Дмитріевскимъ, Спб. 1907. О „собесѣдованіяхъ" см. Сообщ. Имп. Правосл. Палест. Общ. XII (1901) и XIII (1902). А. Рафаловичъ, Путешествіе по Нижнему Египту и внутреннимъ областямъ Дельты, Спб. 1850. О положеніи русскихъ семитологовъ замѣчаніе П. К. Коковцова въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XVI, стр. X. Порфирій, Первое путешествіе въ Синайскій монастырь въ 1845 г., Спб. 1856. Порфирій, Путешествіе по Египту... въ 1850 г., Спб. 1856. А. Цагарели, Преосвященный Порфирій о грузинскихъ древностяхъ (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. I, 8—18). Описаніе рукописей и книгъ изъ собранія преосв. Порфирія въ Отчетѣ Импер. Публ. библ. за 1883 г., стр. 11—189. А. Цагарели, Памятники грузинской старины въ святой землѣ и на Синаѣ, Спб. 1888 (Правосл. Палест. Сборникъ, вып. 11). Н. Марръ, Предварительный отчетъ о работахъ на Синаѣ, веденныхъ въ сотрудничествѣ съ И. А. Джаваховымъ, и въ Іерусалимѣ, въ поѣздку 1902 г. (изъ Сообщ. Имп. Правосл. Палест. Общ. т. XIV, ч. II, 1903); также Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XVI, стр. IV—VII. А. А. Васильевъ, Поѣздка на Синай въ 1902 г., Спб. 1904 (изъ Сообщ. Имп. Правосл. Палест. Общ. т. XV, вып. 3). Главный трудъ бар. Розена: Императоръ Василій Болгаробойца, Спб. 1883; о его значеніи и результатахъ Зап. Вост. Отд., т. XVIII, прилож., стр. 19—24; тамъ же, стр. 39—47 списокъ трудовъ бар. Розена. Некрологъ В. В. Болотова и перечень его трудовъ въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., XIII, 041—045. О дѣятельности М. В. Никольскаго Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XI, 334. Перечисленіе главныхъ трудовъ проф. Тураева см. въ Энциклоп. Слов. Брокгауза и Эфрона XXXIV, 84. М. И. Ростовцевъ, Поѣздка въ Египетъ, Спб. 1908. J. Klaproth, Reise in den Kaukasus und nach Georgien, Halle 1812—14; дополненное французское изданіе: Voyage au mont Caucase et en Géorgie, Paris 1823. Projet d'une Académie Asiatique, St.-P. 1810. Митроп. Евгеній, Историческое изображеніе Грузіи, Спб. 1802. Bibliographie analytique des ouvrages de Mons. M.-F. Brosset, St.-P, 1887; рец. бар. Розена въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. II, 317—321. Н. Марръ, Къ столѣтію дня рожденія М. И. Броссе (ibid. XIV, 073—078). Бар. П. К. Усларъ, Этнографія Кавказа. Языкознаніе, Тифлисъ 1887—1892. Тридцатилѣтіе спеціальныхъ классовъ Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ (1872—1902), Москва 1903. Н. Я. Марръ, Къ вопросу о задачахъ армековѣдѣнія (Журн. Мин. Нар. Просв., іюль 1899 г.); его же, Возникновеніе и расцвѣтъ древне-грузинской свѣтской литературы (ibid., дек. 1899 г.). Библіографію работъ объ Ани см. въ статьяхъ В. Бартольда „Ani" (Enzyklop. des Islam) и „Ани" (2-ое изд. Энциклоп. Слов. Брокгауза и Эфрона); см. также „Списокъ печатныхъ работъ, появившихся въ свѣтъ въ связи съ археологическимъ изслѣдованіемъ Ани и его окрестностей" (на обложкѣ № 5 „Анійской серіи", Спб. 1911). Краткія свѣдѣнія объ отдѣльныхъ памятникахъ города можно

найти въ № 4 той же серіи (I. Орбели, Краткій путеводитель по городищу Ани, Спб. 1910). А. Берже, Краткій каталогъ Тифлисской публ. библ., Тифлисъ 1861. О кавказскомъ сборникѣ и указателѣ къ 20-ти первымъ выпускамъ рец бар. Розена въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. IX, 292—295. Ссылки на литературу объ Эчміадзинѣ въ Bibliogr. anal. des ouvrages de Brosset (см. указатель подъ словами „Bibliothèques" и „Edchmiadzin"). Библіографія трудовъ о Дагестанѣ въ трудахъ Е. И. Козубскаго: 1) Памятн. книжка Дагестанской области, Темиръ-Ханъ-Шура 1895; 2) Дагестанскій Сборникъ, вып. I (ibid. 1902) и II (ibid. 1904); 3) Исторія города Дербента, ibid. 1906.

Для русской литературы по *археологіи* Передней Азіи и Кавказа ср. также соотвѣтствующіе отдѣлы изданія К. А. Иностранцева и Я. И. Смирнова „Матеріалы для библіографіи мусульманской археологіи изъ бумагъ бар. В. Г. Тизенгаузена", Спб. 1906 (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XVI).

ДОПОЛНЕНІЯ и ПОПРАВКИ.

Къ стр. 13 и 26. Чит. „Птолемей" вм. „Птоломей".

Къ стр. 24. Не только въ началѣ XIX в., но уже во второй половинѣ XVIII в. въ наукѣ господствовало мнѣніе, что индійская культура—древнѣйшая культура земного шара и что индійцы были учителями халдеевъ и египтянъ. Такой взглядъ между прочимъ высказываетъ въ своемъ историческомъ трудѣ (см. о немъ стр. 198) Палласъ (въ началѣ 2-го тома). Ланглесъ, французскій переводчикъ книги Тунберга (см. заглавіе этой книги на стр. 99), полагалъ, что законы Моисея заимствованы отъ египтянъ и что сами египтяне заимствовали ихъ отъ индійцевъ (Voyages au Japon, III, 279).

Къ стр. 57. Чит. *Фо-го-цзи* вм. *Фо-го-дзы*.

Къ стр. 76, 2-ая строка сверху. Чит. „Зап. Вост." вм. „Зап.-Вост.".

Къ стр. 90. Заглавіе книги Amati „Historia del regno di Voxu del Giapone" (Roma 1615).

Къ стр. 91 (внизу). Библіографическій перечень трудовъ о Японіи, вышедшихъ до 1859 г.: L. Pagès, Bibliographie Japonaise ou catalogue des ouvrages relatifs au Japon qui ont été publiés depuis le XV siècle jusqu'à nos jours, Paris 1859; перепечатано въ упомянутой на стр. 129 книгѣ Fr. v. Wenckstern.

Къ стр. 120 и слѣд. Появленіе въ печати перваго санскритскаго текста относится къ 1792 г. (E. Horrwitz, A short history of Ind. Literature, Lond. 1907, p. 188). Можно было бы упомянуть еще о томъ значеніи, которое для изученія Индіи, какъ и для изученія Китая, имѣли труды миссіонеровъ. Уже въ XVII в. были случаи изученія европейцами санскритскаго языка для миссіонерскихъ цѣлей (Th. Benfey, Geschichte der Sprachwissenschaft, S. 334 f.).

Къ стр. 129. Очеркъ исторіи изученія санскритскаго языка и индійской культуры даетъ также H. Oldenberg въ первой главѣ своей книги „Aus Indien und Iran", Berl. 1899. Между прочимъ въ этой главѣ можно найти оцѣнку дѣятельности не упомянутаго въ настоящей книгѣ Кольбрука (Colebrooke, 1765—1837), которой, по словамъ Бенфея (Geschichte der Sprachwissenschaft, S. 348), первый далъ твердое основаніе санскритской филологіи, какъ наукѣ. Тамъ же упоминается книга Лассена (Indische Alterthumskunde, 1843—62), представляющая первую попытку дать сводъ свѣдѣній объ Индіи, добытыхъ европейской наукой (ср. Benfey, op. cit., S. 416).

Болѣе подробный перечень изданій, гдѣ помѣщены отчеты объ „археологической съемкѣ" Индіи, можно найти въ „Матеріалахъ для библіографіи мусульманской археологіи изъ бумагъ бар. В. Г. Тизенгаузена, изд. К. А. Иностранцевъ и Я. И. Смирновъ" (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XVI, 0143).

Къ стр. 131. Изслѣдованіе древностей Персіи было предпринято въ связи съ экспедиціей, снаряженной въ 1874 г. въ Исфаханъ для наблюденія прохожденія Венеры передъ солнцемъ. Прикомандированный къ экспедиціи иранистъ Андреасъ могъ прибыть въ Персію только въ 1876 г. Работы въ Персеполѣ были произведены въ 1878 г., передъ возвращеніемъ въ Европу. Книга Штольце заключаетъ въ себѣ только атласъ и краткія объясненія къ нему проф. Нельдеке.

Къ стр. 143 и 144. Ср. также свѣдѣнія о литературѣ по археологіи Передней Азіи, помѣщенныя въ „Матеріалахъ для библіографіи мусульманской археологіи изъ бумагъ бар. В. Г. Тизенгаузена" (Зап. Вост. Отд. Имп. Р. Арх. Общ., XVI, 0126—0139), особ. стр. 0134, гдѣ приведено заглавіе большого сочиненія Ch. Texier о Малой Азіи (оставшагося мнѣ недоступнымъ) и перечислены тѣ мѣста его, которыя относятся къ археологіи страны.

Къ стр. 189. Карта Сибири и Средней Азіи изъ атласа Ремезова помѣщена также въ трудѣ Миддендорфа „Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири", I, 37; тамъ же приведены свѣдѣнія о работѣ Ремезова, которую Миддендорфъ ошибочно отожествлялъ съ картой Годунова.

Къ стр, 206. По словамъ Миддендорфа (Путешествіе, I, 164 и слѣд.) полковникъ Ладыженскій въ 1832 г. совершилъ плаваніе по Амуру до Албазина и составилъ проектъ военнаго занятія Амурскаго края; этотъ проектъ былъ въ рукахъ у Миддендорфа.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

ИЗДАНІЯ
ФАКУЛЬТЕТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Восточныя замѣтки. Сборникъ статей и изслѣдованій профессоровъ и преподавателей Факультета Восточныхъ языковъ. 1895. (Посвященъ Спеціальной Школѣ Живыхъ Восточныхъ Языковъ въ Парижѣ ко дню ея столѣтняго юбилея 1795—1895).

№ 1. **В. А. Жуковскій.** *Тайны единенія съ Богомъ въ подвигахъ старца Абу-Са'ида.* Толкованіе на четверостишія Абу-Са'ида. Персидскіе тексты. 1899.

№ 2. **В. А. Жуковскій.** *Жизнь и рѣчи старца Абу-Са'ида Мейхенейскаго.* Персидскій текстъ. 1899.

№ 3. *Арабъ-филологъ о турецкомъ языкѣ.* Арабскій текстъ издалъ и снабдилъ переводомъ и введеніемъ **П. М. Меліоранскій.** 1900.

№ 4. **В. Бартольдъ.** *Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія.* Часть I. Тексты. 1898. Часть II. Изслѣдованіе. 1900.

№ 5. *Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи.*

Книга I. Ефремъ Сиринъ. *A. О дняхъ празднованія Рождества. B. Объ основаніи первыхъ церквей въ Іерусалимѣ.* Армянскій текстъ съ сирійскими отрывками въ армянской транскрипціи XII—XIII вѣковъ. Изслѣдовалъ, издалъ и перевелъ **Н. Марръ.** 1900.

Книга II. Іосифъ Аримаѳейскій, *Сказаніе о построеніи первой церкви въ городѣ Лиддѣ.* Грузинскій текстъ по рукописямъ X—XI вѣковъ (съ двумя палеографическими таблицами). Изслѣдов., изд. и перевелъ **Н. Марръ.** 1900.

Книга III. Ипполитъ, *Толкованіе Пѣсни пѣсней.* Грузинскій текстъ по рукописи X вѣка, переводъ съ армянскаго (съ одною палеографическою таблицею). Изслѣдовалъ, перевелъ и издалъ **Н. Марръ.** 1901.

Книга IV. *Древне-грузинскіе одописцы.* (XII в.). I. *Пѣвецъ Давида Строителя*, II. *Пѣвецъ Тамары.* Грузинскій текстъ, изслѣдов., изд. и словаремъ снабдилъ **Н. Марръ.** 1902.

Книга V. **Н. Марръ.** *Критика и мелкія статьи.* 1903.

Книга VI. *Физіологъ.* Армяно-грузинскій изводъ. Грузинскій и армянскій тексты, изслѣдовалъ, издалъ и перевелъ **Н. Марръ.** 1904.

Книга VII. Георгій Мерчулъ. *Житіе св. Григорія Хандзтійскаго.* Грузинскій текстъ. Введеніе, изданіе, переводъ **Н. Марра** съ *Дневникомъ поѣздки въ Шавшію и Кларджію* (65 рисунк.). 1911.

Книга VIII. *Государственный строй древней Грузіи и древней Арменіи.* Томъ I. Изслѣдованіе **И. Джавахова.** 1905.

Книга IX. Антіохъ Стратигъ, *Плѣненіе Іерусалима Персами въ 614-омъ году.* Грузинскій текстъ изслѣдовалъ, издалъ, перевелъ и арабское извлеченіе приложилъ **Н. Марръ.** 1907—1909.

Книга X. **Н. Марръ.** *О раскопкахъ и работахъ въ Ани лѣтомъ 1906 г.* (Предварительный отчетъ). Съ 1 въ краскахъ, 13 фототипическими и 3 цинкографическими таблицами и съ 18 рисунками въ текстѣ. 1907.

Книга XI. *Арменія въ эпоху Юстиніана.* Политическое состояніе на основѣ нахарарскаго строя. **Н. Адонцъ.** 1908.

Книга XII. **Н. Марръ.** *Вступительныя и заключительныя строфы Витязя въ барсовой кожѣ* Шоты изъ Руства. Грузинскій текстъ, русскій переводъ и поясненія съ этюдомъ «Культъ женщины и рыцарство въ поэмѣ». 1910.

№ 6. *Арабская хрестоматія для 1-го курса.* Составили **В. Ѳ. Гиргасъ** и **баронъ В. Розенъ.** 3-е изданіе 1900.

№ 7. *Монгольская хрестоматія для первоначальнаго преподаванія,* составленная **А. Позднѣевымъ,** съ предисловіемъ проф. **Н. И. Веселовскаго.** 1900.

№ 8. *Сказки попугая. Споръ чашки съ кальяномъ.* Выбралъ и словаремъ снабдилъ **В. А. Жуковскій.** Изданіе второе. 1901.

№ 9. **В. Бартольдъ.** *Историко-географическій обзоръ Ирана.* 1903.

№ 10. *Образцы персидскаго народнаго творчества.* Пѣсни пѣвцовъ-музыкантовъ, пѣсни свадебныя, пѣсни колыбельныя, загадки, образцы разнаго содержанія. Собралъ и перевелъ **В. А. Жуковскій.** (Съ 10 рисунками и портретомъ). 1902.

№ 11. **Н. Марръ.** *Грамматика древне-армянскаго языка.* Этимологія. 1903.

№ 12. *Китайскіе тексты разговорнаго языка,* выбранные **П. Поповымъ.** I и II. 1903.

№ 13. *Государственный строй Китая и органы управленія.* **П. С. Попова.** 1903. *Дополненіе* къ «Государственному строю Китая». **П. С. Попова.** 1909.

№ 14. *Теорія познанія и логика по ученію позднѣйшихъ буддистовъ.* Изслѣдованіе **Ѳ. И. Щербатского.** Часть I. *Учебникъ логики Дармакирти съ толкованіемъ на него Дармоттары.* 1903. Часть II. *Ученіе о воспріятіи и умозаключеніи.* 1909.

№ 15. *Образцы произведеній Османской литературы,* въ извлеченіяхъ и отрывкахъ. Выбралъ и издалъ **В. Д. Смирновъ.** 1903.

№ 16. *Калмыцкія загадки и пословицы,* издалъ **В. Котвичъ.** 1905.

№ 17. *Первоначальный учебникъ китайскаго разговорнаго языка,* съ указаніемъ интонаціи и ударенія, составленъ **Куэ-Фаномъ.** 1904.

№ 18. **П. С. Поповъ.** *Китайскій философъ Мэнъ-цзы.* Переводъ съ китайскаго, снабженный примѣчаніями. 1904.

№ 19. **А. Д. Рудневъ.** *Лекціи по грамматикѣ монгольскаго письменнаго языка,* читанныя въ 1903—1904 академическомъ году. Выпускъ I. (Съ картой и рисункомъ на одномъ листѣ). 1905.

№ 20. *Парадигмы глагольныхъ формъ арабскаго классическаго языка,* составилъ профессоръ С.-Петербургскаго Университета **Н. А. Мѣдниковъ.** 1904.

№ 21. *Самарія,* сочиненіе Абу-Тахиръ-ходжи. Таджицкій текстъ, приготовленный къ печати **Н. И. Веселовскимъ.** Съ предисловіемъ и приложеніемъ рисунковъ. 1904.

№ 22. *Избранные китайскіе тексты.* Прив.-доц. **П. С. Попова.** 1905.

№ 23. *Японскій алфавитъ съ приложеніемъ складовъ и примѣровъ.* **Іосибуми Куроно.** (Печатается).

№ 24. *Ши-сань-лань-у-суй-чао-тянь.* Повѣсть. Пекинское нарѣчіе. Текстъ и примѣчанія приватъ-доцента **А. И. Иванова.** 1907.

№ 25. *Образцы современной арабской письменности.* Издалъ и словаремъ снабдилъ лекторъ Имп. СПБ. Унив. **А. Ѳ. Хащабъ.** 1908.

№ 26. *Образцы монгольской народной литературы.* Выпускъ I. *Халхаское нарѣчіе* (тексты въ транскрипціи). Редактировали **Ц. Ж. Жамцарано** и **А. Д. Рудневъ.** 1908.

№ 27. Мухаммедъ Салихъ. *Шейбани-намэ.* Джагатайскій текстъ. Посмертное изданіе проф. **П. М. Меліоранскаго.** Подъ наблюденіемъ и съ предисловіемъ прив.-доц. **А. Н. Самойловича.** 1908.

№ 28. *Грамматика японскаго разговорнаго языка.* Теоретическая часть. Переводъ съ англійскаго Handbook of Colloquial japanese by B. H. Chamberlain. Прив.-доц. С.-Петербургскаго Университета **В. Костылевъ.** 1908.

№ 29. *Вань-ань-ши и его реформы.* XI в. Приватъ-доцента **А. И. Иванова.** 1909.

№ 30. **А. Д. Рудневъ.** *Матеріалы по говорамъ Восточной Монголіи* (съ нотами и рисунками въ текстѣ). 1911.

№ 31. *Упрощенная грамматика японскаго языка* (новый письменный стиль) Б. Х. Чамберлэна. Переводъ прив.-доц. Спб. Унив. **В. Костылева.** 1908.

№ 32. Печатается.

№ 33. **П. С. Поповъ.** *Изреченія Конфуція, учениковъ его и другихъ лицъ.* Переводъ съ китайскаго съ примѣчаніями. 1910.

№ 34. Печатается.

№ 35. *Практическое введеніе въ изученіе японской письменности. (Moji no Shirube).* Б. Х. Чамберлэнъ. (Второе пересмотрѣнное изданіе). Издалъ и словаремъ снабдилъ **Г. И. Доля.** Часть 1-ая, текстъ. 1910.

№ 36. **П. С. Поповъ.** *Конституція и земскія учрежденія въ Китаѣ.* 1910.

№ 37. *Грамматика арабскаго языка.* Часть I. Этимологія классическаго языка. Составилъ лекторъ арабскаго языка въ Имп. Спб. Унив. **А. Ѳ. Хащабъ.** 1910.

№ 38. **В. Бартольдъ.** *Исторія изученія Востока въ Европѣ и въ Россіи.* 1911.